

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ФГБОУ ВПО
«МГУ им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

3/2011
(№ 76)

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии

Теоретические проблемы регионологии

- 9 **И. З. Гарафиев.** Роль инновационного человеческого капитала в процессах регионализации и глобализации

Проблемы федерализма

- 16 **В. А. Литвинов.** Дуалистический и кооперативный федерализм
- 24 **И. Н. Минеева.** Соотношение федерализма и регионализма в культурной государственной политике постсоветского периода

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 32 **С. М. Вдовин, Н. Д. Гуськова, Е. А. Неретина.** Концептуальные подходы к устойчивому развитию социально-экономических систем
- 40 **М. Н. Казакова.** Региональная безопасность в системе национальной безопасности России
- 47 **Е. А. Чернов.** Ресурсный потенциал региональных групп интересов: основные тенденции формирования и использования
- 54 **А. Н. Силин, В. А. Юдашкин.** Инновационные технологии социально-экономической интеграции Тюменской области как фактор повышения уровня и качества жизни населения
- 64 **Е. Г. Карпова.** Управление инновациями с применением теории игр
- 71 **А. Л. Салагаев, С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева.** Общественное мнение о перспективах и возможностях инновационного развития Республики Татарстан
- 79 **И. В. Петров.** Сравнение стратегий вывода из кризиса моногородов государственного значения (на примере автоградов Поволжья Тольятти и Набережные Челны)
- 90 **А. В. Пузаков.** Специфика механизма финансирования деволюционных регионов Великобритании: формула Барнетта

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

Экономика региона

- 97 **С. А. Щанкин, А. Ф. Кузнецов.** Экономические институты формирования инновационной системы России
- 108 **С. В. Булярский, А. О. Сеницын.** Промышленные кластеры в Ульяновской области
- 114 **О. В. Смолянова.** Индикативный анализ бюджетно-налоговой безопасности муниципальных образований региона
- 121 **И. Б. Юленкова.** Методология формирования системы финансового обеспечения развития предпринимательства в условиях перехода к экономике инноваций
- 129 **Е. В. Заварцева.** Оценка контекстуальных переменных системы управления проектами промышленных предприятий региона
- 138 **Н. А. Дубровина, А. П. Радченко.** Механизмы управления технологическим потенциалом предприятий машиностроения
- 150 **О. И. Аверина, А. А. Амелкина.** Рейтинговая оценка хозяйствующих субъектов региона
- 157 **А. С. Афанасьева.** Проблемы развития отечественного АПК: региональный аспект
- 164 **О. И. Еремина.** Управление рисками в аграрном секторе региона

Региональные проблемы науки и образования

- 170 **С. В. Полутин, А. В. Седлецкий.** Развитие инновационной структуры общества: региональный аспект
- 181 **В. Ю. Столбов, М. Б. Гитман, Н. У. Венсковский, С. И. Пахомов.** Критериальная модель оценки качества системы подготовки аспирантов с учетом сформированности их профессиональных компетенций
- 187 **А. В. Осташков, Ю. Р. Канеева.** Повышение результативности дополнительного профессионального образования государственных служащих региона
- 197 **Т. Н. Клочкова.** Оценка преподавателями региональных академий непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих
- 204 **И. А. Потапова.** Форма организации учебного процесса как фактор качества образования: региональный аспект
- 209 **И. Н. Крутова.** Финансирование образования в странах финно-угорского региона: опыт Финляндии

Социология региона

- 216 **Е. В. Еремина.** Региональная идентичность в контексте социологического анализа
- 223 **Л. З. Фатхуллина.** Проблемы и перспективы повышения качества жизни населения в сельской местности региона
- 232 **Д. В. Окунев.** Мотивационная программа в системе формирования устойчивых социально-трудовых отношений в организациях региона
- 240 **Р. Р. Горчакова.** Формирование имиджа современного руководителя
- 246 **В. П. Букин, Ю. В. Мананникова, О. П. Морозова.** Трансформация института семьи в представлениях молодежи провинции
- 254 **У. А. Винник.** Региональная реклама: проблемы внедрения инноваций
- 261 **Н. В. Никишова.** Формы реализации демографической функции права
- 269 **Л. А. Васильева.** Медиа: отражение ретрансляции криминальной символики на Дальнем Востоке

Социальное развитие региона

- 278 **М. В. Аверьянова.** Проблемы и перспективы развития страхового рынка региона
- 284 **В. И. Добрынина, А. С. Ляховец.** Современное жилищное строительство и его особенности в Москве и Подмосковье
- 292 **К. Ю. Лашманкина.** Приоритетные направления модернизации регионального туристского комплекса

Народы России: возрождение и развитие

- 298 **Н. Н. Говрякова, С. А. Ржанова.** Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов
- 305 **Э. В. Персиянова.** Евреи Оренбуржья: история заселения, проблемы этнокультурного развития

Философия в регионе

- 314 **Л. Ф. Айязтова.** Модернизационные процессы в российском региональном социуме: сущность и динамика
- 323 **Т. С. Шикина.** Динамика институционализации диалога

Региональная история и историография

- 331 **В. И. Цыганкова.** Неземледельческие занятия крестьян Спасского уезда Тамбовской губернии в последней четверти XIX в.

Провинциальная культура

- 339 **Т. В. Аксенова, Е. А. Кириллова.** Жилище в обрядовой жизни русского населения Республики Мордовия
- 347 **В. М. Привалова.** Реализация культурного ритуала в материале орнамента

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНОЛОГИИ

2011 г. является знаковым, символичным для научного сообщества России, связанного с регионологией. В этом году исполняется 80 лет со дня рождения основателя этого научного направления Александра Ивановича Сухарева (1931—2010 гг.), 30 лет научному направлению регионологии и 20 лет Научно-исследовательскому институту регионологии.

В 1981 г. на проходившей в г. Саранске Всероссийской научной конференции «Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем „город — село“ в республиках и областях нечерноземной зоны РСФСР» А. И. Сухарев сформулировал концепцию формирования интегрального научного направления — регионологии, которая призвана объединить усилия многих научных направлений, особенно региональной экономики и экономической географии, региональной социологии и теории регионального управления. Эта идея была поддержана участниками конференции. Так началась работа по созданию базовой структуры научного направления, и в 1982 г. в Мордовском государственном университете была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория комплексного социального и экономического развития регионов нечерноземной зоны РСФСР (регионологии), научным руководителем которой стал А. И. Сухарев. В соответствии с концепцией регионологии в структуре лаборатории было 5 секторов: общих проблем регионологии, региональной экологии, региональной экономики, региональной социологии и регионального управления.

На следующей Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы комплексного развития регионов и преодоления социально-экономических различий между ними», проходившей в 1983 г. в г. Саранске на базе лаборатории, работа строилась уже в соответствии с концепцией регионологии и концентрировалась на 5 направлениях: теоретических и методологических проблемах регионологии; региональной экологии; региональной экономике; региональной социологии; региональном управлении.

А. И. Сухарев выступил с основным докладом «Регионология — актуальное научное направление». Он подчеркнул,

что «регионология — это не механическая сумма базовых направлений региональных исследований, а интегральное их обобщение, результатом которого является разработка относительно самостоятельной системы законов и категорий. ...Понятие региона в регионологии имеет отличие от его определения в других региональных научных областях. Спецификой ее (регионологии) является выделение таких свойств, как целостность, комплексность». Кроме того, в докладе была сформулирована концепция совершенствования управления комплексным развитием регионов. Эти идеи нашли поддержку у участников конференции, а ее опубликованные материалы вызвали большой интерес у ученых страны.

Следует отметить, что идея регионологии не была случайной и возникла не на пустом месте. У нее были, как и у любого нового научного направления, свои социальные и теоретические предпосылки. Социальными предпосылками были существенные различия в уровнях социально-экономического развития российских регионов, а также явный дисбаланс в сочетании отраслевого и территориального управления.

Проблема региональных различий была актуальной для России и раньше. Она еще долго будет оставаться таковой. В советское время много делалось для преодоления этих различий на макроуровне: вкладывались значительные средства в развитие Сибири, Средней Азии и Закавказья. Но при этом существовали значительные различия в уровнях жизни между российскими регионами, особенно промышленными и сельскохозяйственными. Весьма глубокие (социально болезненные) различия были между городами и сельскими поселениями, условия жизни в которых явно не соответствовали стандартам развитых стран.

Причины этого во многом были связаны с системой государственного управления, в котором доминировали отраслевые органы управления, в том числе и в распределении средств на социальное развитие территорий. В этих условиях становилась очевидной необходимость повышения роли территориальных органов власти в обеспечении комплексного развития подведомственных территорий.

Что касается теоретических предпосылок регионологии, то те, кто в тот период работал с А. И. Сухаревым по

реализации его идей, знают, какой объем теоретической работы этому предшествовал. В этом контексте следует отметить теоретическое наследие Н. П. Огарева, имя которого Мордовский государственный университет получил по инициативе А. И. Сухарева.

Н. П. Огарев чаще всего упоминается в качестве соратника А. И. Герцена и сторонника концепции общинного социализма. Между тем Огарев был одним из первых российских исследователей территориальной организации российского государства, высказавших ряд идей по поводу губернского деления и обосновавших оптимальную политико-территориальную модель для России.

Эта модель предполагала, что Россия должна быть федерацией, союзом самоуправляемых территорий «частью по географическим и промышленным условиям, частью по племенам». Другими словами, Н. П. Огарев первым в истории отечественной политической мысли предсказал и теоретически обосновал ныне существующую модель Российской Федерации, принципы ее региональной организации.

Эти идеи Н. П. Огарева, как и остальное его теоретическое наследие, по инициативе А. И. Сухарева стали объектом самого пристального внимания и изучения в Мордовском государственном университете. Помимо этого, тщательно анализу подверглись новейшие научные исследования территориальной организации общества. Традиционно эти проблемы изучались в социально-экономической географии, причем уже в 80-х гг. XX в. в рамках этой науки исследовались не только проблемы размещения, но и функционирования территориальных социально-экономических систем.

Наряду с этим происходила «географизация» негеографических наук, которые все больше занимались изучением соответствующих их предмету аспектов территориальной организации общества. Так, в рамках экономической науки развивалась региональная экономика, объектами изучения которой стали рациональное размещение производительных сил и экономическое развитие в регионах страны. В социологии все более активно исследовались проблемы социального развития регионов и территориальных общностей. Проблемы регионального управления активно исследовались в экономической и юридической науках.

Особый интерес при разработке регионологии представляла созданная ранее в США «региональная наука»

(в 1970-е гг. в Пенсильванском университете был создан факультет региональной науки). Ее основоположником был У. Айзард. В книге «Методы регионального анализа: введение в науку о регионах» он отмечал, что эта наука должна сделать акцент на взаимодействии политических, социальных и экономических факторов при изучении регионов. Однако анализ этой науки показал, что она носит по преимуществу экономический характер, когда регион рассматривался с точки зрения размещения экономических систем, а проблемы управления в ней изучались с позиций анализа этих систем с применением математических методов.

В регионологии базовым стал (и со временем это становилось все более очевидным) социологический подход, при котором регион рассматривался в основном с точки зрения регионального социума (сообщества людей), обеспечения условий (экономических, экологических, социальных, политических) для его гармоничного развития.

За прошедшие 30 лет развитие регионологии в Мордовском государственном университете прошло большой путь. 20 лет назад в 1991 г. на базе выше упомянутой проблемной лаборатории был создан Научно-исследовательский институт регионологии во главе с А. И. Сухаревым, годом позже стал издаваться журнал «Регионология». Именно эти две неразрывно связанные структуры стали основой для развития регионологии. В 2002 г. на базе НИИ регионологии был создан Центр социально-экономического мониторинга. За прошедший период ими были проведены многочисленные исследования, результаты которых нашли отражение в научных публикациях, докторских и кандидатских диссертациях. Журнал «Регионология» стал признанным центром научной мысли России, авторитетным изданием, где публикуются труды ученых России.

Регионология как комплексное научное направление оказало заметное влияние и на развитие ее составных частей. В первую очередь это относится к социологической науке, которая сегодня в Мордовском государственном университете представлена тремя кафедрами: социологии, социальной работы, методологии науки и прикладной социологии. В 2010 г. в вузе был создан научно-образовательный центр социальной модернизации региона под руководством доктора социологических наук С. В. Полутина.

Регионоведение оказало существенное влияние на развитие политологии в Мордовском государственном университете: главными направлениями кафедры политологии, созданной в 1991 г., стали политическая регионоведение и геополитика, т. е. исследования территориальных аспектов политики, начало которым было положено еще в проблемной лаборатории регионоведения под руководством А. И. Сухарева. В 2000-е гг. это направление развивалось на кафедре страноведения, а после ее реорганизации — на кафедре всеобщей истории и мирового политического процесса, где в 2008 г. был создан научно-образовательный центр «Политический анализ территориальных систем» под руководством доктора политических наук И. В. Бахлова.

Спустя 30 лет с тех пор, как благодаря А. И. Сухареву возникла идея регионоведения, можно сказать, что она состоялась и теоретически, и институционально.

Представляется логичным, чтобы Научно-исследовательский институт регионоведения Национально-исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева носил имя своего создателя и первого руководителя — Александра Ивановича Сухарева.

Д. В. Доленко,
доктор политических наук, профессор
(г. Саранск, сентябрь 2011 г.)

И. З. ГАРАФИЕВ

РОЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПРОЦЕССАХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: глобализация, регионализация, инновационный человеческий капитал, инновационное развитие

Key words: globalisation, regionalisation, innovative human capital, innovative development

Конец XX — начало XXI в. — период, который характеризуется параллельным развитием процессов глобализации¹ и регионализации, отражающим усиление влияния регионов на внутрисубъектные и общемировые процессы. Причем регионализация становится характерной не только для государств с федеративной формой устройства, но и для унитарных государств, континентов и частей света. В литературе не раз подчеркивалась взаимозависимость глобализации и регионализации². И. Кононов считает их двумя сторонами одного процесса постиндустриального перехода, в рамках которого глобализация затруднила институциональную регуляцию общественной жизни на уровне национальных государств, и эта регуляция начала перемещаться на региональный уровень³.

Наглядным примером регионализации является Европейский союз, где естественное развитие процесса регионализации привело к выработке концепции «Европы регионов». 4 декабря 1996 г. более 300 европейских регионов с различной территорией, политико-административным устройством, представляющих интересы свыше 400 млн своих граждан, приняли Декларацию о регионализме в Европе, в которой записано, что понятие «регион» «представляет собой выражение отличительной политической самобытности, которая может

ГАРАФИЕВ Ильшат Зуфарович, доцент кафедры государственного муниципального управления и социологии Казанского государственного технологического университета, кандидат исторических наук.

принимать самые различные политические формы, он обладает финансовой автономией и достаточными собственными ресурсами для полной реализации своих полномочий, имеет возможность деятельности на международном уровне»⁴. По мнению М. Портера, «в новых условиях глобализации регион становится ключевой единицей, т. к. именно в локализованных территориях создается значительная доля добавленной стоимости всех стран, и региональные условия во многом определяют конкурентоспособность производимых товаров»⁵.

Усиление влияния регионов, считает Э. Куклински, привело к возникновению новых векторов регионального развития. Все менее актуальным становится материальный подход, «когда строительство новых физических объектов... признавалось самым важным вкладом в развитие данного региона. Сейчас концепция регионального развития, ориентированная на знания и инновации, доминирует не только в научной, но также и в практической сферах во все возрастающем числе стран. В рамках второго похода регионы можно в принципе рассматривать как острова инноваций и духа предпринимательства в более широком контексте пространственной сети»⁶. Кроме того, постепенно к регионам переходит роль акторов международных отношений, в частности, посредством заключения рамочных международных договоров о сотрудничестве. Появляется такое понятие, как «международный маркетинг региона», т. е. создание имиджа региона, инвестиционно привлекательного климата, а также ориентация на потребности целевых групп покупателей услуг территории⁷. У. Виберг утверждает, что региональное управление приобретает характер предпринимательства, а выиграть в глобальной конкуренции могут только территориальные сообщества, создавшие наилучшие условия для развития человеческого капитала⁸.

В российской практике одной из наиболее распространенных концепций региона наряду с концепциями регион-квазигосударство, регион-рынок, регион-социум является анализ региона как квазикорпорации. В этом качестве регион представляет собой крупный субъект собственности (региональной и муниципальной) и экономической деятельности, а регионы становятся участниками конкурентной борьбы на рынках товаров, услуг, капитала (например, защита торговой марки местных продуктов, соревнование за более высокий

региональный инвестиционный рейтинг и т. п.) Регион как экономический субъект взаимодействует с национальными и транснациональными корпорациями. Размещение штаб-квартир и филиалов корпораций, их механизмы ценообразования, распределение рабочих мест и заказов, уплата налогов и т. д. оказывают влияние на экономическое положение регионов. В не меньшей степени, чем корпорации, регионы обладают способностью саморазвития⁹.

Группа американских авторов, ставивших своей целью изучить факторы успехов и провалов муниципалитетов таких метрополитенов, как Лос-Анджелес, Сан-Хосе, Шарлотт и Бостон, пришли к выводу, что в глобальной экономике преуспевают регионы, а не страны. С их точки зрения, именно глобализация позволила оформиться регионализму как форме накопления социального капитала¹⁰.

В современных рыночных условиях регион стал субъектом экономического развития и играет новую роль в экономическом пространстве. В национальном пространстве субъектность региона связана с осуществлением социальной функции государства, которая заключается в обеспечении условий воспроизводства населения и бизнеса. В глобальном пространстве роль региона состоит в формировании своей конкурентоспособности, нацеленной на привлечение в регион инвестиций, инноваций, рабочей силы и других факторов производства. Открытость экономики и глобальная конкуренция определяют необходимость создания регионом условий для обеспечения конкурентоспособности региональных производителей путем инновационного развития. Вследствие этого регион должен реализовывать проактивное поведение в нестабильном и неопределенном макроокружении, разрабатывать и внедрять стратегические цели и стратегии своего развития.

Большинство исследований проблемы взаимовлияния процессов регионализации, инновационного развития и человеческого капитала относятся к трудам экономистов. Наша задача состоит в показе взаимосвязи, взаимообусловленности этих трех понятий в рамках социологии. Отечественная традиция социологического исследования региональной реальности уходит своими корнями в советскую регионалистику 1970—1980-х гг. По свидетельству В. Г. Городяненко, во второй половине 1970-х гг. процесс регионального социаль-

ного планирования вызвал соответствующие социологические исследования, нашедшие отражение в научных публикациях¹¹; возникло направление социологической регионалистики, или социологии регионов, объектом изучения которой стал регион, а предметом — социально-территориальная общность. В советской регионалистике доминировал экономоцентрический подход, который, по мнению А. Г. Гранберга, «соответствовал требованиям расширяющейся экономики на стадии индустриализации с преобладанием экстенсивных факторов роста»¹².

Изучение региона было слабо отдифференцировано от социологии города и социологии села, что способствовало выработке понятия «территориальная общность», под которым понималась «совокупность людей, характеризующаяся общностью отношения к определенной хозяйственно освоенной территории, системе экономических, социальных, политических и других связей, выделяющих ее в качестве относительно самостоятельной единицы пространственной организации жизнедеятельности населения»¹³. Одним из первых в советском социологическом сообществе определение региона предложил Н. А. Аитов. «С точки зрения социологии, регион — это социально-территориальная общность, характеризующаяся локализацией единых для страны общественных отношений. Эта общность предполагает определенное экономическое единство региона, складывающееся на базе общесоюзного разделения труда»¹⁴.

В дальнейшем было предложено различать экономическое и социологическое понимание региона, с тем чтобы избежать ловушек экономоцентризма. В качестве его признаков во втором смысле этого термина чаще всего назывались специфические природные условия, сложившаяся специализация производства, определенный уровень развития производительных сил, специфика социальной структуры, исторически закрепившийся образ жизни населения¹⁵. Социология рассматривает регион как социум, для которого характерны черты общества в целом, но который имеет свои особенности. Наглядным в этом смысле можно считать определение О. М. Барбакова. Регион, по его мнению, есть «целостная социальная система, обладающая всеми характеристиками социума»¹⁶.

Изучение регионального общества происходит через понятие «социально-территориальная общность», которое также применимо к городу и селу. Под территориальной общностью Т. И. Заславская и Р. В. Рывкин предложили понимать «относительно самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, включающую, во-первых, соответствующую группу населения, во-вторых, используемую этой группой часть жизненного пространства с ее природными ресурсами, производственными предприятиями, жилым фондом, социально-бытовой инфраструктурой»¹⁷.

Таким образом, современная социология выделила регион из других форм пространственной организации общественной жизни, описала отдельные его подсистемы. Вместе с тем в исследовательской практике внимание скорее обращается на региональные особенности общенациональных процессов.

Иная традиция изучения регионов представлена в работах И. П. Рязанцева и Т. Ю. Завалишина, которые предлагают рассматривать социально-территориальную (региональную) общность в качестве «единого (коллективного) социального субъекта (актора), включенного в интеррегиональные социально-экономические, социально-политические и социокультурные интеракции и обеспечивающего, благодаря этому, решение своих специфических внутререгиональных проблем»¹⁸.

Такой подход позволяет привлечь к изучению региона, представляющего собой коллективный социальный субъект, теорию человеческого капитала. Человеческий капитал, по мнению Г. Беккера, есть имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций, позволяющий индивиду выступать в качестве экономической единицы, субъекта профессиональной и хозяйственной деятельности. Важное теоретическое значение имело различие между специальным и общим человеческим капиталом, предложенное Беккером. Специальная подготовка наделяет работников знаниями и навыками, представляющими интерес лишь для той фирмы, где они были получены; специальная подготовка оплачивается фирмами, и им же достается от нее доход¹⁹.

В рамках инновационного развития региона таким специальным человеческим капиталом является инновационный человеческий капитал. Понятие «инновационный человеческий капитал» было введено в научный оборот Н. И. Лапиным и

развито С. И. Агабековым. Соглашаясь с ними относительно необходимости введения этого понятия, мы, однако, не согласны с их определением инновационного человеческого капитала (ИЧК), под которым, по их мнению, понимаются «специалисты в области технических и естественных наук, маркетинговых и управленческих технологий, людей, обладающих предпринимательскими способностями. Ядро ИЧК — это все те, кто обладает сертифицированными знаниями для создания нового продукта и технологиями доведения его до потребителя»²⁰. На наш взгляд, инновационный человеческий капитал следует изучать как интегральную характеристику людей, обладающих ресурсами (а не только сертифицированными знаниями) для осуществления инновационной деятельности и осуществляющих ее в настоящее время.

Понимание региона как социального субъекта позволяет определить его инновационный человеческий капитал как совокупность различных форм капитала, принципиально не отчуждаемых от него: капитал здоровья, культурный, интеллектуальный, социальный, административный, политический, символический капиталы. Инновационный человеческий капитал принадлежит региону как участнику глобальной сети интеракций, но носителем инновационного человеческого капитала является конкретный человек, проживающий в регионе.

Инновационный человеческий капитал позволяет региону в рамках процессов глобализации и регионализации увеличить свою конкурентоспособность благодаря тому, что жители региона имеют необходимые ресурсы для овладения специфической информацией, знаниями и технологиями, которые могут быть реализованы в рамках различных инновационных проектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Проблемы теоретической социологии. Вып. 4. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. URL: <http://www.soc.pu.ru/persons/ivanov/evolution.shtml> (дата обращения: 14.01.2011).

² См.: Глобализация и Россия (круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 9. С. 6; Глобализация и регионализация как тенденции современного мирового развития // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2003. Вып. 5. Сер.: Экономика. С. 25—27.

³ См.: Кононов И. Социология и проблемы пространственной организации общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 60.

⁴ Цит. по: Столяров М. Регионализм в Европе и в Российской Федерации // Международная жизнь. 1997. № 9. С. 101.

⁵ Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М.: Издат. дом «Вильямс», 2005. С. 28.

⁶ Куклински Э. Региональное развитие — начало поворотного этапа // Региональное развитие и сотрудничество. 1997. № 10. С. 3.

⁷ См.: Герасименко О.Н., Юнчева М.А. К вопросу исследования привлекательности территории // Современные аспекты экономики. СПб.: СПбУЭФ, 2005. С. 51—60; Смирнов В.В. Теоретические аспекты анализа конкурентоспособности региона: предпосылки, методики, оценки // Региональная экономика. 2008. № 5. С. 22—34; Kotler Ph., Jatusripitar S., Maesincee S. The Marketing of Nations: A-strategies Approach to Building National Wealth Text. N. Y.: Thee Press, 1997. P. 45.

⁸ См.: Wiberg U. Towards a New Microo and Macroregional Fragmentation in Sweden // Development Issues in Marginal Region. New Delhi, 1996. P. 97—103.

⁹ См.: Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / под ред. А.Г. Гранберга. М.: ГУ ВШЭ, 2001. С. 83.

¹⁰ См.: Pastor M.Jr., Dreier P., Grigsby III J.E., Lopez-Garza M. Regions That Work. How Cities and Suburbs Can Grow Together. Minneapolis, 2000. P. 5, 181.

¹¹ См.: Городяненко В.Г. Социология: источниковедение и историография знания. Днепропетровск, 2003. С. 183.

¹² Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М., 2001. С. 77.

¹³ Рабочая книга социолога. М., 1983. С. 74.

¹⁴ Аитов Н.А. Социальное развитие регионов. М., 1985. С. 15.

¹⁵ См.: Староверов В.И. Регион // Социология: слов.-справ. М., 1990. Т. 1. С. 116—117.

¹⁶ Барбаков О.М. Регион как объект управления // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 98.

¹⁷ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. С. 301.

¹⁸ Рязанцев И.П., Завалишин Т.Ю. Теоретические основания социологии региона // Социология. 2007. № 2. С. 31.

¹⁹ См.: Becker G. Human Capital (2nd ed.). Chicago, 1975. P. 94—144.

²⁰ Агабеков С.И. Инновационный человеческий капитал и эволюция социально-инновационной структуры России: автореф. ... дис. канд. социол. наук. М., 2003. С. 5—6.

Поступила 28.02.11.

В. А. ЛИТВИНОВ

ДУАЛИСТИЧЕСКИЙ И КООПЕРАТИВНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ

Ключевые слова: федерация, государство, дуалистический, кооперативный, субъект, совместная компетенция, сотрудничество, суверенитет

Key words: federation, state, dualistic, co-operative, entity, joint competence, co-operation, sovereignty

В современном мире насчитывается около 200 государств, большинство которых является многонациональным. Федеративная форма закреплена в конституциях 25 государств, занимающих 50 % территории и включающих в себя 1/3 населения планеты¹. Появление федерализма в истории человечества обуславливалось естественным стремлением народов к организации единого сообщества и политикой более могущественных государств по включению в свой состав других народов и государств с сохранением их относительной самостоятельности.

Создатели конституционно-правового федерализма усматривали в нем более демократическую форму государственного устройства, обеспечивающего совместное решение вопросов жизнедеятельности создавших единые государства территориальных образований, поддержание мира членами федерации и преодоление конфликтов между ними и центральной властью, а также гарантирующего права и свободы человека и гражданина. Идеи и принципы федерализма оказали позитивное влияние на развитие политико-правовой мысли во многих странах, в результате чего начались интенсивные поиски демократического преобразования их государственного устройства. Конституционно-правовое федеративное государство впервые образовалось в США в 1787 г., затем оно появилось в Мексике (1824 г.), Бразилии

ЛИТВИНОВ Вадим Александрович, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Омского государственного университета.

(1889 г.), Австралии (1901 г.), Швейцарии (1848 г.), России (1918 г.) и других странах.

Понятие «федерация» происходит от лат. *federate* — «объединение, союз»². По мнению других исследователей, его надо выводить из однокоренного латинского *foedus* — «договор» или *fides* — «верность»³. Лингвистическое толкование рассматриваемого понятия часто служит основанием для определения федерации как союзного государства, основанного на договоре ряда государств⁴.

Среди федеративных государств есть как высокоразвитые страны, так и государства со скромными индустриальными достижениями. Есть федерации огромные по своей территории и совсем небольшие. Федеративные государства отличаются друг от друга не только уровнем экономического развития и закрепляемой территорией. Существует множество моделей федерализма с точки зрения особенностей их воплощения в федеративных государствах.

Важным критерием, отражающим особенности федерализма с точки зрения типа связей, является характер и степень взаимосвязанности и взаимозависимости субъектов федеративных отношений в системе разделения государственной власти. С учетом этого критерия выделяются два типа федерализма: дуалистический и кооперативный. Дуалистический федерализм характеризуется строгой фиксированностью в конституции разделения функций и полномочий между федеральной властью и властями субъектов федерации. Суть дуалистического федерализма состоит в разделении власти в федеративном государстве таким образом, чтобы оба уровня управления не зависели друг от друга и обладали самостоятельным статусом, установленным в конституции.

Концепция дуалистического федерализма предполагает двойственность суверенитета в федерации: суверенитет федеративного образования и суверенитет его субъектов⁵, что не соответствует реальному положению вещей. По этой причине дуалистический федерализм невозможно воплотить в «чистом виде». Кроме того, мы считаем необходимым добавить следующее. Суверенитет является одной из обязательных качественных характеристик независимого государства. Поэтому субъекты федерации не могут обладать суверенитетом, ибо в противном случае их союз был бы

конфедерацией. Если государство входит в состав другого государства, то потеря, а не просто ограничение суверенитета, неизбежна. Суверенитет — не просто независимость государства, которая всегда относительна. Суверенитет предполагает их неподчиненность друг другу. Поэтому субъекты федерации, даже обладающие широкими полномочиями, не являются суверенными образованиями⁶. Таким образом, модель дуалистического федерализма в «чистом виде» вряд ли сможет полноценно функционировать. Если оба уровня власти будут «совершенно независимыми друг от друга», то рано или поздно федерация перестанет существовать.

После Второй мировой войны наибольшее распространение получила концепция кооперативного федерализма. Она требовала партнерства двух властей (федерального центра и субъектов федерации), в связи с чем в конституциях стала особо выделяться сфера совместного ведения федерации и ее субъектов. Такая система отношений между центром и субъектами предполагает сотрудничество и солидарную ответственность при осуществлении определенных государственных функций.

Теория кооперативного федерализма впервые вошла в политико-правовую жизнь в 30-е гг. XX в. в англосаксонских странах. Она стала доминировать в США в качестве основы внутригосударственных отношений в связи с проведением Ф. Рузвельтом «Нового курса», смысл программы которого заключался в признании необходимости кооперации⁷. Важнейшей тенденцией в этот период развития федерализма в США стало объединение усилий федерации и штатов для решения комплексных социально-экономических проблем⁸.

Суть американского кооперативного федерализма заключается в особенностях политической и судебной-правовой систем США, в основе которых лежат кооперация, совместность и конкуренция. Как отмечает Д. Элазар, «определяемое „кооперативный“» в выражении кооперативный федерализм не означает, что отношения строятся исключительно на мире и дружбе... Не во всех ситуациях власти работают друг с другом охотно и в дружеском духе, так как зачастую они преследуют различные и даже противоположные цели. Однако „кооперативный“ означает обязательность фактического поведения — „работать и взаимодействовать вместе“⁹.

Корни кооперативного федерализма лежат в казенентальной идее создания общества на основе договора и соглашений о взаимоотношениях (договорная природа государства). Кооперативный федерализм подразумевает децентрализованную федерацию, где взаимоотношения строятся на матричной системе, исключающей иерархию. В федеративных отношениях доминирует принцип разделенной и солидарной власти и ответственности, при которой функции, когда-то признаваемые исключительными для каждой из сторон, становятся совместными. Наконец, кооперация сторон базируется на переговорных (согласительных) процедурах, соблюдение которых обязательно в случае возникающих разногласий. Действует принцип «максимум согласия — минимум принуждения»¹⁰.

Новое развитие кооперативный федерализм получил в европейских моделях. Несмотря на то что о германском кооперативном федерализме заявили в политических и научных дискуссиях достаточно поздно (в 1960-х гг.), оформился он конституционно с принятием Основного закона ФРГ 1949 г.

Под термином «кооперативный федерализм» немецкие юристы обозначают сложившийся в Германии особый механизм взаимодействия союза и земель, основанный на координации деятельности¹¹. Он функционирует в форме постоянных конференций премьер-министров и соответствующих министров земель и федерации, проводимых не реже одного раза в год, в ходе которых вырабатываются совместные постановления, программы и иные акты, нацеленные на решение наиболее сложных и актуальных проблем¹². Особенностью германского кооперативного федерализма является введение неизвестного американскому праву понятия конкурирующей (совместной) компетенции властей федерации и земель. Как считает К. Хессе, кооперативный федерализм в Германии есть общая формула более совершенного сотрудничества между федерацией, землями и общинами, которая задается институтом конкурирующей (совместной) компетенции. Осуществляемое на основе четкой концепции и координации сотрудничество может содействовать необходимому в современном социальном государстве единообразному и эффективному выполнению государственных задач, не приводя к централизации¹³. Кроме того,

федеративное государственное устройство ФРГ в качестве неписанного принципа конституционного права включает также требование «доброго поведения» со стороны земель к федерации (этот принцип еще называется «верностью федерации»). Согласно этому принципу, конституция требует от федерации и земель не только внешней корректности в выполнении их государственно-правовых обязанностей, но и постоянного поиска и налаживания добрых, дружеских отношений с федерацией¹⁴.

Наличие предметов совместного ведения требует более высокого уровня организации федеративных связей. Механизм разделения и реализации государственной власти на этом уровне — это не только конституционно фиксированное размежевание. Речь идет об особой системе власти, основанной на сотрудничестве координации деятельности и солидарной ответственности. Следует заметить, что в 2006 г. в ФРГ была проведена реформа федерализма, в результате которой был введен новый правовой принцип в компетенции земель — «право на отклонение»¹⁵. В соответствии с этим принципом земли дополнительно получили право в области защиты окружающей среды и образования, благодаря которым они самостоятельно решают, могут ли земельные законы «отклоняться» от федерального законодательства или, наоборот, будут соответствовать им.

Мировая практика конституционного развития последних десятилетий все чаще идет по пути установления предметов совместного ведения федерации и ее субъектов либо совместной компетенции их органов государственной власти¹⁶. Эта тенденция в наибольшей степени отвечает природе федеративных отношений. Она предполагает развитие партнерства между федерацией и ее субъектами и все большее их сотрудничество в будущем.

Кооперативный федерализм вырабатывает механизм согласования позиций центра и субъектов при решении вопросов разделения государственной власти по вертикали и при осуществлении ими своих полномочий, что приводит к развитию сотрудничества в различных сферах деятельности. «Федеративное государство, — отмечает И. Пернталер, — это не только разграничение компетенции и полномочий между общефедеральными органами и членами федерации, но и кооперация усилий и интеграция в ведении общего-

государственных дел. Для реализации этих целей создается ряд учреждений, которые организованы федерацией, но по функциям их можно квалифицировать как „общие органы“, так как они в одинаковой мере обслуживают как федерацию, так и земли»¹⁷.

Развитие кооперативного федерализма выводит на новый уровень и роль межрегиональных связей между субъектами федерации. Например, в ФРГ это проявляется в особой системе «самокоординации» отношений между землями. Формы такой самокоординации достаточно разнообразны: государственные договоры, административные соглашения, совместные решения конференции отраслевых министерств земель, ежегодные съезды государствоведов ФРГ и т. п. По подсчетам государствоведов Германии, практика «самокоординации» в ФРГ за период 1949—1960 гг. вылилась в заключение 339 всевозможных межземельных государственных договоров и административных соглашений. Создано и действует более 80 межземельных организаций, координирующих выполнение землями различных задач, возложенных на них федерацией¹⁸. В США также одобряется сотрудничество между субъектами федерации. К 2002 г. количество договоров, которые регулируют отношения между штатами в области транспорта, охраны окружающей среды, здоровья и т. д., приблизилось к двумстам¹⁹.

По мнению многих ученых, именно теория кооперативного федерализма в настоящее время имеет наиболее сильное влияние в зарубежных федерациях²⁰. Кооперативный федерализм интенсивно развивается в США, Германии, Австрии, Швейцарии, Бразилии и других федеративных государствах. В каждой стране он имеет свои особенности, закрепляемые в конституциях этих государств.

Кооперативный федерализм имеет особое значение в современных условиях, так как позволяет в цивилизованных формах предупреждать и снимать политические, национальные, религиозные конфликты, а также конфликты, связанные с региональной идеологией (разные взгляды на проведение реформ, стратегию и тактику их осуществления). Таким образом, доктрина кооперативного федерализма опирается не только на конституционные нормы, но и на политические реалии. В этом отношении его можно было бы образно назвать моделью перманентного движения к цивилизованному снятию конфликтов и мирного сосуществования²¹.

В то же время следует заметить, что реализация кооперативного федерализма должна осуществляться продуманно. В противном случае вследствие «взаимопроникновения» по предметам ведения и компетенции между федерацией и субъектами может возникнуть отрицательный эффект дублирования деятельности по одним и тем же вопросам государственной жизни и бездействия по другим вопросам (в надежде друг на друга в решении этих вопросов). В качестве подобного негативного примера можно привести ту же Германию. Некоторые исследователи считают, что в плане развития федеративных отношений ФРГ в начале XXI в. зашла в тупик. «В увлечении „кооперативным федерализмом“ уровни власти стали слишком зависимы друг от друга, что, в конечном счете, почти парализовало систему „конституционной регенерации“: с одной стороны, для расширения компетенции субъектов федерации необходимо волеизъявление федерального парламента, а с другой — практически любая законодательная инициатива может быть заблокирована федеральным органом земельного представительства — Бундесратом»²².

Таким образом, неконтролируемое «увлечение» кооперативным федерализмом может дать негативные последствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001. С. 6.
- ² См.: Маимен А. Федерализм и национальное государство // Полит. исслед. 1992. № 4. С. 168.
- ³ См.: Лепешкин А.И. Советский федерализм: теория и практика. М.: Наука, 1997. С. 6.
- ⁴ См.: Словарь иностранных языков. 14-е изд. М., 1987. С. 52.
- ⁵ См.: Фадеева Т.М. Европейский федерализм: современные тенденции / РАН ИНИОН. Центр соц. науч. инф. исслед. Отд. ист. наук; отв. ред. А.А. Твердохлеб. М., 2000. С. 7.
- ⁶ См.: Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 50.
- ⁷ См.: Чиркин В.Е., Васильева Т.А., Глинич-Золотарева М.В., Лебедев А.Н., Шульженко Ю.Л. Глобализация и федерализм // Государство и право. 2007. № 7. С. 6.
- ⁸ См.: Сидоров О.А. Утверждение кооперативного федерализма в США (судебно-правовой аспект) // Регионоведение. 2006. № 4. С. 17.
- ⁹ Элазар Д. Сравнительный федерализм // Полит. исслед. 1995. № 5. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ См.: Государственное право Германии. М., 1994. С. 83; Вальтер Р. Проблемы федерализма в Федеративной Республике Германия // Современный немецкий конституционализм. М., 1994. С. 16.

¹² См.: Ледях И.А. Федерализм и демократия. На форуме юристов. Из выступления Г. Винер // Государство и право. 1992. № 4. С. 144.

¹³ См.: Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 123.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ См.: Бурнаков С.С. Реформа немецкого федерализма в начале XXI века // Федерализм. 2007. № 1. С. 211.

¹⁶ См.: Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М., 1995. С. 16.

¹⁷ Перитал П. Проблемы федеративных отношений в Австрии // Государственное право. 1994. № 3. С. 123.

¹⁸ См.: Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма. М., 1988. С. 203.

¹⁹ См.: Ахмадеев А.А., Никитина Т.А. Из зарубежного опыта федерализма // Экономика и управление. 2002. № 3. С. 19.

²⁰ См.: Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ // Советское государство и право. 1994. № 8—9. С. 152; Чиркин В.Е., Васильева Т.А., Глинич-Золотарева М.В., Лебедев А.Н., Шульженко Ю.Л. Глобализация и федерализм ... С. 5.

²¹ См.: Конохова И.А. Современный российский федерализм и мировой опыт: итоги становления и перспективы развития. М., 2004. С. 50.

²² Лексин И.В. Федеративное устройство современной Германии: проблемы и направления преобразований // Рос. юрид. журн. 2009. № 5. С. 122.

Поступила 02.06.11.

И. Н. МИНЕЕВА

СООТНОШЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА И РЕГИОНАЛИЗМА В КУЛЬТУРНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: федерализм, регионализм, субъект, регион, культура, культурная политика

Key words: federalism, regionalism, entity, region, culture, cultural policy

Современная Россия переживает сложную фазу развития, связанную с переосмыслением этапов ее истории. В большей степени это касается отдаленных периодов ее развития. Именно в них исследователи пытаются обнаружить причины многих актуальных сегодня проблем, выявить ошибочные тенденции, осмыслить достоинства и, если можно, реанимировать. Это невозможно сделать без тщательной проработки проблем культурной государственной политики. Приходит понимание того, что именно культура во многом определяет облик государственности. Следовательно, опираясь на изучение тенденций развития культурной политики постсоветского периода в России и ее регионах, необходимо формировать современную, научно обоснованную доктрину государственной культурной политики России.

В условиях российского федеративного государства отдельного внимания заслуживает проблема государственной региональной культурной политики. В связи с децентрализацией системы управления культурой в последние годы именно на региональном уровне сложилась стратегия развития культуры с учетом социально-экономических особенностей территорий, их культурного потенциала, интересов и запросов различных категорий населения.

В конкретно-практическом смысле регион как субъект РФ представляет собой территориальную единицу политико-

---

МИНЕЕВА Ирина Николаевна, аспирант отдела теории и истории культуры НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

административной, экономической и социально-культурной структуры страны. Его правовой статус определен Конституцией РФ, а более конкретно — законодательством субъекта РФ. Он ограничен рамками определенной территории и характеризуется своеобразием природных условий, этноконфессиональным составом населения, его бытовыми традициями, специализацией производства и обмена товаров и услуг, количеством и структурой рабочих мест, социальной инфраструктурой, качеством жизни разных слоев населения, организацией политико-административного управления.

Весьма размытыми, на наш взгляд, являются социальный и культурный статусы региона. С середины 1990-х гг. федеральные власти дали регионам значительные социальные и культурные функции, но при этом изымались источники средств, позволяющие их осуществлять. Это привело к увеличению дисбаланса социокультурных функций и экономических возможностей регионов. Возникли некоторые противоположные тенденции: в последние годы увеличился объем средств, направляемых из федерального бюджета в менее развитые регионы. Более того, с 2006 г. значительные средства направляются в регионы на реализацию приоритетных национальных проектов. Однако значительная часть этих финансовых потоков не всегда контролируется государством и его институтами, тем более что они вовсе не прозрачны для организаций гражданского общества.

Культурная гетерогенность России, соединение в пространстве Запада и Востока, Севера и Юга светских и религиозных направлений, прогрессивных и консервативных тенденций делают уникальной ее ментальность. Под ее влиянием формируется новый облик России, в котором органично соединяются федерализм и регионализм, центр и периферия, столица и провинция¹. Ситуация, сложившаяся за годы реформ в России, имеет федеральный и региональный вектор. Принципы «культурного федерализма», отражающие предпочтение развитию центра как способа скрепления целостности культуры, постепенно вытесняются политикой «нового регионализма», стратегия которой состоит в максимальной мобилизации внутренних ресурсов региона, возрождении национально-исторических традиций, многообразии культурной жизни локальных цивилизационных комплексов и этнокультурных групп. Стратегия культурного

регионализма уравнивает и гармонизирует культурную политику, уберегая ее от крайностей экспансии центра и утраты культурной идентичности, а также от изоляционизма, провинциализма и национальной исключительности.

Примитивный прагматизм нанес немалый вред культурному пространству страны. Разрушение храмов, осквернение исторических памятников, упрощение и засорение русского языка, беспорядочность городской и сельской застройки, захламленность территорий, уничтожение старинных жилых кварталов, бездумное подражание в оформлении городских улиц, безжалостное отношение к природе нанесли ущерб самосознанию народа. Решение этих проблем должно стать основой компетентной государственной региональной политики².

Сегодня четко обозначены три уровня культурной политики: федеральный, региональный и муниципальный. Так, на федеральном уровне осуществляются широкомасштабные проекты и программы (федеральные целевые программы), отвечающие общенациональным стратегическим целям. Можно также говорить о многообразии региональных культурных политик по отдельным направлениям развития социокультурной сферы. Наконец, по мере развития институтов гражданского общества и демократических принципов все отчетливее вырисовывается потенциал муниципального уровня культурной политики (так называемый «локальный, местный уровень»). Все они различаются по масштабам и перспективам, целям и задачам, возможностям их реализации. Принципиальным является решение вопроса об участии государства, органов власти и общества в проведении культурной политики, соотношении самоорганизации и управления в культурной сфере, так как самостоятельность уровней власти расширяет возможности проведения собственной линии социокультурного развития. При этом многосубъектность культурной политики способствует снижению давления (разных форм проявления детерминизма) на культуру со стороны других социальных систем, ибо вопрос согласования приоритетов с участием всех субъектов культурной политики укрепляет позиции самой культуры в общественном развитии. Особенности локальной культурной политики отличаются большей конкретностью и многообразием форм решения жизненных и культурных проблем населения, нежели политика центра³.

Перечисляя важнейшие направления культурной политики региональных властей, в качестве главных следует выделить регулирование занятости населения и снижение уровня безработицы; налаживание социального партнерства между разными субъектами культурно-досуговой деятельности; политику в области охраны семьи, материнства и детства; принятие мер по социальной защите населения; развитие системы культурно-досуговых учреждений; политику в области градостроительства, современной инфраструктуры, решение задач архитектурно-планировочного характера, строительство жилья, совершенствование дорожно-транспортных сетей и сетей связи, бытовое обслуживание, центр досуга; политику в области воспитания и общего образования детей, молодежи, профессиональной подготовки и переподготовки молодежи и взрослого населения; эстетическое воспитание подрастающего поколения, стимулирование художественно-творческих процессов; развитие инфраструктуры досуга; организацию отдыха и свободного времени, проведение праздников, памятных дат; сохранность исторических памятников культурного наследия, поддержание культурной среды в целом⁴.

Вместе с тем существует ряд проблем, особенно актуальных для некоторых регионов. К таковым следует отнести проблемы миграционной и социоэкологической политики, межнациональных отношений и сохранения традиционных культур этносов (например, Северного Кавказа). Ряд региональных администраций в условиях социальной нестабильности особое внимание уделяет массовому настроению и социальному самочувствию населения. Помимо этого, местные власти некоторых регионов задаются вопросом повышения доходов, уровня и безопасности жизни населения, а также разрабатывают меры по устройству переселенцев и иностранных граждан. Часто в регионах приходится вести борьбу с криминалом и распространением наркотиков, по новому осмысливать вопросы поддержки здоровья и воспитания подрастающего поколения и организовывать досуг населения⁵.

В регионах также идет активный поиск направлений территориального развития, что стимулирует выработку новых целей, задач, методов культурной политики на местах. Культурные задачи декларируются политическими лидерами

чаще всего в период предвыборной кампании, хотя стратегические цели культурного развития регионов и государства вовсе не связаны с политическими или хозяйственными целями. При этом цели регулирования культурной сферы либо размыты и в условиях кризиса вовсе не достигнуты, либо являются сугубо конкретными задачами.

Относительная самостоятельность субъектов РФ позволяет региональным властям предлагать разнообразные решения актуальных проблем и включать в концепции их культурных политик, успешно реализуя их посредством проектов, направленных на социокультурное развитие территорий. Расширяется спектр культурных услуг, осваиваемых благодаря новым принципам функционирования учреждений культуры на муниципальном уровне. Несмотря на то что на этом уровне управления большая нагрузка падает на менеджеров культуры, сегодня уже мало кто сомневается в необходимости проведения локальной культурной политики. Проекты, реализуемые на местном уровне, приобретают особое значение, поскольку являются звеном, соединяющим цели культурных политик разных уровней с запросами и интересами конкретного человека.

Для выявления сущности и специфики региональной культурной политики важно подчеркнуть мысль о том, что культурная политика — явление историческое, специфичное для различных народов в разные периоды времени. Формирование и реализация культурной политики опираются на национально-исторический тип культуры, конкретно-исторический анализ социокультурной ситуации. Г. М. Бирженюк охарактеризовал региональную культурную политику, с одной стороны, как определенный уровень реализации государственной культурной политики, с другой — как самостоятельную область деятельности по изучению и развитию историко-культурной самобытности территории, определению и эффективному использованию имеющихся в регионе интеллектуальных, финансовых, материально-технических и других ресурсов, а также по разработке и реализации региональных программ поддержки и развития сферы культуры⁶. Эта дефиниция, с одной стороны, характеризует уровень культурной политики, с другой — конкретизирует ее самостоятельность и подчеркивает специфику. Кроме того, наблюдается единство механизма ее формирования и реализации.

В работе Г. М. Бирженюка, К. И. Горловой, В. С. Жидкова и К. Б. Соколова подчеркивается, что оптимальное развитие сферы культуры всех уровней достигается ее эффективным регулированием именно на региональном уровне. Свои доводы исследователи объясняют тем, что основная масса населения и творцов культуры проживает в регионах, а также конкретностью и выраженностью проявления культуры именно на региональном уровне. По мнению В. С. Жидкова и К. Б. Соколова, вся культура территориальна, она рождается и функционирует на конкретной земле, и только через функционирование культуры на региональном уровне реализуется культурная политика государства⁷.

Целесообразность переноса акцента в культурной политике на региональный уровень объясняют разными факторами. Обосновывается это тем, что при господстве общих, генеральных тенденций в одних и тех же временных рамках развитие профессиональной художественной деятельности, самодеятельного творчества происходит неодинаково на различных территориях: в одних местах наблюдается развитие, в других — спад. Следовательно, как полагают ученые, определяющими для культуры во многом являются факторы регионального характера.

Считается, что на уровне региона возможен наиболее оптимальный вариант культурного развития с учетом региональной специфики и ресурсов территории (институциональных, материальных, человеческих и т. д.). С этой точки зрения, именно на локальном пространстве достигается максимальная активность участия различных социальных групп в культурных процессах, в общественной жизни в целом. Наконец, регион представляется как совершенно конкретный объект управления. В силу этого именно на региональном уровне имеется объективная возможность осуществлять управляющее воздействие на культурные процессы, обеспечивая необходимое сочетание развития и саморазвития, управления и самоуправления⁸.

В. Т. Пуляев и Н. Б. Шеляпин предлагают перенести акценты государственной региональной культурной политики на формирование регионального патриотизма как одного из условий поддержки общезначимой системы ценностей и целостной социокультурной среды; повышение социальной и культурной активности населения региона; формирование

и поддержку культурной элиты. Отдельным приоритетом являются сохранение и развитие культурного (научного, творческого и др.) потенциала региона, интеграция в международные культурные связи, обеспечение межведомственного взаимодействия, создание системы подготовки и переподготовки работников культуры, создание системы мониторинга социокультурных процессов⁹.

Таким образом, необходимо отметить регулирование и воздействие на культурную сферу регионального уровня, сочетающего в себе общенациональные тенденции культуры и местные особенности. Для федерального уровня управления предпочтительно сосредоточиться на регулировании макрокультурных процессов, что может быть интерпретировано как регулирование межрегионального (межнационального) культурного взаимодействия и внимание к стратегическим целям культурного развития общества, а активизация регулирующей роли региональных органов власти может повлечь за собой разрыв общегосударственного культурного пространства, нежелательные центробежные эффекты. Основное культурное строительство должно вестись на консолидированной основе с ориентацией на развитие межрегиональных связей, укрепляющих государственность. Такая система придает необходимую культурно-политическую гибкость государственному управлению в условиях экономической дифференциации регионов¹⁰.

Таким образом, государственное регулирование формирования государственной региональной культурной политики есть органическое единство региональных структур, воздействующих на управленческую деятельность и создание условий целостного процесса формирования личности в учреждениях социально-культурного и культурно-досугового типа. Сегодня происходит смена векторов культурообразующих процессов. На смену традиционной картине (от столичных центров к регионам) приходит встречный культурообразующий поток (от регионов к центрам), свидетельствующий о новизне социокультурной ситуации, усиливающейся переориентации на силу и мощь носителей культуры регионов, развитие региональных культурных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Карпухин О.И. Культурная политика государства в условиях реформирования общества. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/1998izbrannoe/5759/5761> (дата обращения: 25.05.2011).

² См.: Иконникова С.Н. Модели культурной политики: федеральный и региональный аспекты. URL: <http://www.lihachev.ru/chten/1998izbrannoe/5759/5761> (дата обращения: 25.05.2011).

³ См.: Богатырева Т.Г., Пономаренко Е.В., Слепцов Н.С. Реформирование социальной сферы в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РАГС, 2003. С. 224.

⁴ См.: Горлов И.И. Культурная политика в современной России: региональный аспект. Краснодар: Изд-во ЭДВИ, 2002. С. 7—11.

⁵ См.: Павлович А.А. Культурная политика современной России // Отеч. зап. 2004. № 4. С. 35, 36.

⁶ См.: Бирженюк Г.М. Методология и технологии региональной культурной политики: автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 1999. С. 20.

⁷ См.: Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика России: теория и практика. М.: Академ. проект, 2001. С. 154.

⁸ См.: Бирженюк Г.М. Методология и технологии региональной культурной политики ... С. 21.

⁹ См.: Пуляев В.Т., Шеляпин Н.Б. Социальные ценности в системе российской национально-государственной идеологии // Соц.-гуманит. знания. 2001. № 5. С. 75.

¹⁰ См.: Сорочкин В.Ю., Зайцева Л.М. Принципы формирования многоканальной системы финансирования культурной деятельности // Культура на перепутье. М., 1994. С. 203.

Поступила 08.06.11.

С. М. ВДОВИН

Н. Д. ГУСЬКОВА

Е. А. НЕРЕТИНА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Ключевые слова: социально-экономическая система, устойчивое развитие, экономический рост, экология, глобализация, пределы роста, подсистемы

Key words: social and economic system, sustainable development, economic growth, ecology, globalisation, growth limits, sub-systems

В отечественной экономической науке накоплен значительный опыт исследования проблем формирования национальной модели социально-экономического развития. Однако появление новых угроз усугубляет диспропорции в отечественной системе общественного воспроизводства, что определяет необходимость формирования эффективных и жизнеспособных социально-экономических систем.

Глобализация социально-экономических систем обостряет противоречия, связанные с воспроизводственными

ВДОВИН Сергей Михайлович, ректор Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГУСЬКОВА Надежда Дмитриевна, заведующая кафедрой менеджмента Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

НЕРЕТИНА Евгения Алексеевна, заведующая кафедрой маркетинга Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

процессами в национальных экономиках, а также с усилением их дифференциации по уровню развития. Для стран с формирующимися рыночными отношениями, к которым относится Российская Федерация, характерны следующие противоречия: удовлетворение растущих общественных потребностей, сопровождающееся усилением нагрузки на природные комплексы; рост влияния транснациональных корпораций на деформацию структур и национальных хозяйств, обусловленную размещением на их территории ресурсоемких и вредных производств; повышение уровня и качества жизни при усиливающейся дифференциации населения по уровню доходов.

Проблемы, связанные с определением новых параметров, принципов функционирования геоэкологического пространства и формирования новой парадигмы развития национальных экономик в глобальном мире, в современной зарубежной и отечественной экономической науке занимают одно из центральных мест. Перспективы развития социально-экономических систем в условиях глобализации, как правило, связывают с переходом к устойчивому («поддерживающему») развитию.

XX в. стал новой вехой в развитии человечества и понимании проблем устойчивости. Ускоренная индустриализация, бурное развитие техники и технологий, расширение производственных возможностей человека, усиленный экономический рост во второй половине XX в. увеличили количество потребляемых человечеством ресурсов, что привело к необратимым экологическим последствиям. Это позволило сделать вывод о том, что социально-экономические проблемы связаны с необходимостью сохранения окружающей среды.

Идея об экологически направленном развитии впервые была озвучена на Стокгольмской конференции 5 июня 1972 г. в «Декларации об охране окружающей среды». На этой конференции была принята программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). В Стокгольмской декларации были сформулированы пять принципов экологического развития: человек имеет право на благоприятные условия жизни в окружающей среде; природные ресурсы Земли, особенно репрезентативные образцы естественных экосистем, должны быть сохранены на благо нынешнего и будущих поколений; должна поддерживаться способность Земли воспроизводить

жизненно важные ресурсы; человек несет особую ответственность за сохранение и разумное управление продуктами живой природы и ее среды, что должно быть положено в основу планирования экономического развития; невозполнимые ресурсы Земли должны использоваться так, чтобы обеспечить их защиту от истощения в будущем.

В дальнейшем идея устойчивого развития нашла отражение в научных трудах членов Римского клуба — неправительственной организации, созданной в 1968 г. под руководством А. Печчеи¹. Она была озвучена в докладе «Наше общее будущее», подготовленном Международной комиссией по окружающей среде и развитию ООН в 1987 г. На конференции ООН, проходившей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, представителями 179 стран мира была принята «Повестка на XXI век», в которой концепция устойчивого развития была признана в качестве основополагающего принципа развития земной цивилизации. Как новая парадигма развития человечества, она означает осознание важности системного подхода при выборе сценариев развития социально-экономических систем на всех уровнях управления (мега-, макро-, мезо- и микро-).

Устойчивое развитие предполагает, что увеличение численности населения и экономический рост должны вписываться в пределы экологических возможностей планеты и не должны вредить природной среде. Человечеству следует осознать, что удовлетворение нужд нынешнего поколения должно происходить без ущемления возможностей будущих поколений удовлетворять свои потребности. Человечество уже переступило порог устойчивости. По оценкам специалистов, «экологический след» (Ecological Footprint) человеческой популяции на 20—30 % превышает потенциал биосферы, т. е. способность предоставлять человеку ресурсы и ассимилировать отходы его жизнедеятельности.

В настоящее время разработка теории устойчивого развития далека от завершения. Современная реальность показывает, что принятые первоначально природоохранный и экономический аспекты устойчивого развития отнюдь не достаточны для полноценной реализации принципов этой концепции. Устойчивая экономика должна ориентироваться на экономию ресурсов, максимальную утилизацию отходов производства и быта. Достижение этих целей предполагает

приоритетное развитие наукоемких отраслей, внедрение в производство высоких (наукоемких, ресурсосберегающих, экологически безопасных) технологий. Оно должно базироваться на новой парадигме и адекватной ей методологии устойчивого развития.

Существующее многообразие концепций представлено по трем основным направлениям (концепция нулевого роста; управление развитием при сочетании рыночных механизмов и государственного регулирования; управление развитием с учетом приоритета социальных ценностей и прав человека). Для стран с формирующейся рыночной экономикой наиболее приемлемой представляется концепция природопользования на основе приоритета прав человека на высокий уровень качества жизни.

Исходным началом концепции устойчивого развития послужила теория роста Я. Тинбергена, в которой в качестве внутренних пределов развития рассматривались рациональные потребности человека, а внешние пределы определялись емкостью биосферы. По его мнению, переход от внутренних пределов к внешним предполагает пересмотр целей и приоритетов и выход на системное решение задач, описанных рамками эколого-экономической системы².

Определяющее значение при раскрытии сущности экологической подсистемы имеет понятие «биогеоценоз» (от греч. bio — «жизнь», geo — «земля», coins — «общий»), которое используется в отечественной и зарубежной литературе и соответствует американскому понятию «экологическая система». Понятие «биогеоценоз» было введено в научный оборот советским ученым В. Н. Сукачевым в 1944 г. Он рассматривал биоценоз как совокупность живых организмов, взаимодействующих между собой и средой их обитания на определенном пространстве с определенными ландшафтными, климатическими и почвенными условиями³.

Экономическую подсистему формируют элементы воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен и потребление материальных благ и услуг). Основными целями ее функционирования являются обеспечение экономического роста и повышение на этой основе уровня и качества жизни людей. Эколого-экономическая система находится в устойчивом состоянии тогда, когда в результате столкновения природных, производственных, социаль-

ных, экономических и прочих интересов достигается некий компромисс в процессе выполнения каждой из подсистем своей индивидуальной цели⁴. Компромисс при этом может достигаться как естественным путем, так и с использованием регулирующих инструментов институционального компонента.

В настоящее время в систему устойчивого развития многие ученые включают наряду с экологической и экономической социальную и институциональную подсистемы. По мнению Д. Медоуза, «прежде чем устойчивое общество согласится на тот или иной вид роста, оно задается вопросами, для чего нужен этот рост, кто от него выиграет, сколько это будет стоить, как долго он продлится и какие последствия он вызовет для планетарных источников и стоков. Такое общество будет использовать свою систему ценностей и новейшие знания о пределах Земли, чтобы выбирать только такие виды роста, которые позволят достичь важных социальных целей и укрепить устойчивость и самоподдержание. И когда любой физический рост выполнит свою задачу, общество его прекратит»⁵.

Формирование институциональной подсистемы обосновывается необходимостью создания нормативно-правовой базы и институтов, занимающихся решением проблем обеспечения устойчивого развития социально-экономических систем, использующих механизмы рыночного и государственного регулирования.

В решениях Конференции ООН 1992 г. в Рио-де-Жанейро была провозглашена необходимость разработки «Местных повесток на XXI век» (МП21), т. е. локальных стратегий устойчивого развития. «Мыслить глобально — действовать локально!» — это слова, которые стали неформальным лозунгом работы в области устойчивого развития в местных сообществах во многих странах мира. Только за 10 лет (с 1992 по 2002 г.) в 113 странах мира было разработано и реализовано около 6,5 тыс. таких инициатив. Это означает осознание значимости конкретных действий в области устойчивого развития на местном уровне — в каждом городе, поселке, деревне. Местные повестки по сравнению с традиционными формами планирования и управления имеют ряд особенностей: они иницируются и разрабатываются не только местными органами власти, но и общественными организациями, гражданами.

Муниципальные образования играют ключевую роль в изменении стилей жизни и образцов поведения населения, моделей производства и потребления, пространственной структуры расселения, решения этно-культурных проблем. МП21 не обременяются законодательно установленным регламентом и методикой разработки, т. е. они являются более гибким инструментом развития. Структура и механизмы реализации любой местной повестки могут разрабатываться с учетом конкретной ситуации и временного горизонта ее реализации. Кроме того, разработка МП21 возможна также для территорий, границы которых не совпадают с границами административно-территориального деления или включают несколько административных образований.

Тематическая направленность МП21 весьма разнообразна: экологическая безопасность, энергосбережение, развитие малого бизнеса, органическое земледелие, охрана историко-культурных ценностей, подготовка одаренных детей и др. Правительства и частные инвесторы многих стран мира вкладывают средства в программы и проекты, реализуемые в рамках МП21. Скоординированное использование ресурсов позволяет повысить их отдачу и нередко обеспечивать синергетический эффект. Однако главной идеей реализации местных повесток является не экономический эффект, а объединение населения для решения общих задач, повышение социальной активности и сплоченности местного сообщества.

В участии в местных повестках заинтересованы также бизнес-структуры и инвесторы, желающие наладить конструктивные деловые отношения с местной властью. Они включаются в процессы стратегического планирования, мобилизации и распределения ресурсов, обеспечения местного сообщества новыми технологиями и квалифицированными кадрами.

Реализация принципов устойчивого развития в рамках местных сообществ позволяет их жителям не только улучшать социально-экономические и экологические условия проживания в территориальном образовании (город, село, деревня), но и реализовать свои замыслы и способности для процветания малой родины, улучшения ее имиджевых характеристик. Приверженность мирового сообщества к принципам устойчивого развития была подтверждена на Всемирном саммите, проходившем в 2001 г. в Йоханнесбурге (ЮАР).

Россия несколько позже проявила внимание к проблеме устойчивого развития социально-экономических и эколого-экономических систем. Оно нашло отражение в Указе Президента РФ «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1996 г.)⁶. Принципиальным положением концепции является соблюдение соотношения между процессами улучшения качества жизни людей и социально-экономического развития при условии экологической устойчивости. Решение этой проблемы требует не только ее научного осмысления, но и разработки соответствующей методологии и механизмов управления.

При проектировании системы устойчивого развития наряду с рассмотренными функциональными подсистемами необходимо руководствоваться требованиями многоуровневого подхода, предусматривающего решение данной проблемы на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях управления.

Исходным началом при решении этой проблемы на любом уровне управления является формирование перспективного видения, позволяющего создать не только новые контуры обратных связей и моделей поведения, но и новые знания, технологии, физические структуры, организации и движущие силы в обществе. На основе перспективного видения осуществляется постановка стратегических целей и задач, реализация которых должна осуществляться проектно-ориентированными командами, вооруженными современными знаниями о природе и обществе. Их следует создавать на локальном и глобальном уровнях. Кроме того, решение обозначенных проблем невозможно без формирования новых ценностных установок, норм и правил поведения индивидов не только в обществе, но и в их взаимодействии с окружающей средой. На наш взгляд, для этого необходимо сформировать соответствующие механизмы социальной адаптации. При этом следует иметь в виду, что адаптация является двухсторонним процессом, заключающимся в том, что социальная система и ее элементы не только приспосабливаются к среде, но и приспособливают ее к себе. Тем самым социальная адаптация дает возможность привести аномальные социальные процессы в соответствие с системой общественных норм и ценностей. Она осуществляется на основе коррекции (систем мер, направленных на исправление или сглаживание недостатков), компенсации (замещения

или перестройки нарушенных функций системы) и других мер. Именно ценностные ориентации являются важнейшим аспектом устойчивости социально-экономических систем. Более того, вне ценностного контекста многие проблемы просто остаются без решения. В свое время М. Борн отмечал, что никто еще не придумал средств для поддержания стабильности общества без этических принципов⁷. Новые социальные ценности, нормы и мотивы поведения могут сформироваться только в результате длительного воздействия среды, да и то лишь при условии своевременной и умелой коррекции ее отрицательных воздействий. Это требует от государства и социальных институтов (семья, школа, вуз, организация, территориальное сообщество и др.) создания новых моделей поведения людей. Они должны быть ориентированы на формирование нового мировоззрения и мировосприятия. В связи с этим необходимо провести преобразования в системах воспитания, образования, культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Римский клуб. Декларация. Миссия // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 65—72.

² См.: Родина Е.М. Устойчивое развитие эколого-экономических систем. М.: Логос, 2003. 310 с.

³ См.: Сукачев В.Н. Избранные труды. Л.: Наука, 1972. Т. 1. 415 с.

⁴ См.: Указ Президента РФ «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000 г. № 24 // Собр. законодательства РФ от 10 января 2000 г. 170 с.

⁵ См.: Медоуз Д., Рандерс И. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: Изд-во «Академкнига», 2007. 342 с.

⁶ См.: Указ Президента РФ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» от 1 апреля 1996 г. № 440 // Собр. законодательства РФ от 8 апреля 1996 г.

⁷ См.: Born M. My Life and My Views. Scribner. N. Y., 1968. 216 p.

Поступила 28.09.11.

М. Н. КАЗАКОВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ¹

Ключевые слова: национальная безопасность, регион, стратегия, региональные приоритеты, угрозы безопасности, показатели социально-экономического развития

Key words: national security, region, strategy, regional priorities, threats for security, social and economic development indices

В Российской Федерации становление теории национальной безопасности отмечено в начале 90-х гг. XX в. Впервые фундаментальный подход к последующему пониманию национальной безопасности и наполнению ее конкретным содержанием был изложен в законе «О безопасности» от 5 марта 1995 г. № 2446-1, в котором безопасность определялась как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»². К ее основным объектам были отнесены личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности), государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность). С 1993 г. термин «национальная безопасность» употребляется в отечественной печати, а впоследствии в Администрации Президента РФ началась разработка его теории и методологии на основе междисциплинарного подхода³.

Важным этапом в концептуальном осмыслении национальной безопасности стало принятие Концепции внешней политики в редакции 1993, 2000 и 2008 гг., Концепции национальной безопасности в редакции 1997 и 2000 гг. Это свидетельствовало о качественно новом подходе к изучению проблем национальной безопасности, разработке новой сис-

КАЗАКОВА Марина Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

темологии национальной безопасности с учетом социальных, экономических и политических аспектов.

Анализ вышеобозначенных документов и теоретических источников позволяет утверждать, что с момента формирования в России теории и практики национальной безопасности ее основными приоритетами являлись сохранение территориальной целостности государства, повышение экономического благосостояния населения и конкурентоспособности отечественной продукции, налаживание партнерских и добрососедских отношений с другими странами и региональными структурами. В рамках такой политики термин «региональная безопасность» употребляется применительно к внешним аспектам безопасности, а под регионом понимается группа государств, выделяемая на основе общих исторических, экономических и геополитических особенностей. Так, в основополагающих документах, определяющих региональные приоритеты РФ, говорится о Центральной и Восточной Европе, Америке, Ближнем Востоке, Западной Азии, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе и др. Следовательно, определяются и национальные интересы страны применительно к данным регионам.

В то же время региональные аспекты обеспечения безопасности страны имеют и другое измерение — на внутригосударственном уровне. Однако они не получили должного внимания в процессе становления концептуальных основ национальной безопасности. В Концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг., а также действующей Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. нет ни слова о внутригосударственных составляющих региональной безопасности. Основное внимание в новой Стратегии уделено понятию «стратегические национальные приоритеты». Под ними понимаются «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности»⁴. Однако, как справедливо отмечает И. В. Юрченко, в связи с многосоставным, мультикультурным характером российского общества важен не только общенациональный, но и региональный уровень безопасности⁵. Ведь даже в условиях одного государства

угрозы безопасности личности, социальных групп, населения отдельных территорий могут существенно различаться по своей природе и значимости.

В отечественной теории безопасности существует несколько подходов к пониманию феномена региональной безопасности в зависимости от выбора определения понятия «регион» или масштаба рассмотрения проблем региональной безопасности⁶.

Исходя из этого, понятие «регион» может пониматься в трех смыслах. Во-первых, регион может приравниваться к понятию субъекта РФ. Во-вторых, регион может обозначать некоторую территорию России, выделенную по критериям общности экономического и социального развития, как правило, включающую несколько соседних субъектов РФ (например, Сибирь или Дальний Восток). В-третьих, регион может употребляться как понятие, приравненное по своему содержанию к федеральному округу РФ⁷. Соотнесение понятий «регион» и «субъект федерации» при анализе ключевых проблем безопасности вполне оправданно, поскольку федерализм рассматривается многими исследователями как фактор формирования системы национальной безопасности России. Однако возможности федерализма пока не нашли должного отражения в теоретических рекомендациях относительно принятия и реализации решений по вопросам безопасности ни на федеральном, ни на региональном уровне.

Использование потенциала федерализма в процессе оптимизации системы национальной безопасности возможно с учетом нескольких обстоятельств: федерализм позволяет обеспечить единство государства в условиях его территориальной организации на нескольких уровнях; содержит возможность совершенствования системы национальной безопасности во внутривнутриполитической и международной сферах; федеративное устройство государства создает уникальную возможность организовать общественную жизнь так, чтобы в ней единичное (личностное), особенное (региональное) и общее (общегосударственное) свободно сочетались, дополняли и усиливали друг друга, сохраняя и укрепляя многообразную целостность⁸. В то же время специфические особенности российского федерализма (различия в правовом статусе субъектов федерации, противоречия в системах законодательства федерации и ее субъектов, диспропорции в

экономическом развитии и др.) на данный момент не позволяют в полной мере реализовать его возможности в процессе совершенствования системы национальной безопасности.

Одной из ключевых проблем обеспечения безопасности федерации и ее регионов являются взаимоотношения федерального центра и субъектов федерации в экономической сфере. Экономическое пространство России характеризуется существенными различиями в социально-экономическом развитии регионов. Это обусловлено рядом причин, среди которых наиболее значимыми являются наличие в составе РФ регионов с разной структурой экономики и со своим менталитетом населения и власти (так называемая «региональная идентификация», или «региональное самосознание»); серьезное ослабление регулирующей роли государства, фактическое правовое и экономическое неравенство субъектов РФ и др. Различия в социально-экономическом развитии регионов диктуют необходимость формирования модели управления региональной безопасностью на внутривнутригосударственном уровне, а также условий, позволяющих реагировать на вызовы и угрозы.

Сравнительный анализ социально-экономического развития регионов России, подтверждаемый рядом исследований независимых российских социологических структур, показывает, что практически в каждом федеральном округе есть неблагополучные субъекты РФ. В наиболее тяжелом положении находятся Сибирский, Дальневосточный и Южный федеральные округа⁹. Так, оценка экономических показателей в Сибирском федеральном округе свидетельствует о существенном отклонении от среднероссийских показателей по уровню ВВП, финансовой обеспеченности региона на душу населения и др. Среди наиболее отсталых в социальном и экономическом положении можно назвать Забайкальский и Алтайский края, республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия¹⁰.

В Дальневосточном федеральном округе с точки зрения угроз региональной безопасности обеспокоенность вызывают показатели уровня регистрируемой безработицы, развития отраслей социальной инфраструктуры, финансовой обеспеченности региона на душу населения, особенно в Чукотском автономном округе, Еврейской автономной области, Амурской области.

В Южном федеральном округе развитие субъектов РФ по социально-экономическим показателям традиционно находится ниже среднероссийского уровня. К группе неблагополучных субъектов округа относятся республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, а также Чеченская, Карачаево-Черкесская республики и Волгоградская область¹¹. Низкий уровень социально-экономического развития способствует формированию экстремизма и этносепаратизма, что существенно затрудняет усилия федерального центра по стабилизации социально-экономической обстановки.

Для рассмотрения диалектики взаимодействия национальной и региональной безопасности весьма значимо определение стратегически важных территорий в геополитическом аспекте. С учетом нового геополитического положения России особую значимость приобрели так называемые «малые региональные величины»¹². Под регионом здесь понимается пространство, объединенное общими экономическими, культурными, ментальными особенностями и политико-административными границами. С позиций этого подхода предлагается районирование по доминантным проблемам развития. Так, с точки зрения геополитической безопасности выделяются приграничные типы регионов, являющиеся стратегическими: Калининградская, Мурманская, Сахалинская, Амурская, Камчатская области и Приморский край. Кроме того, появились новые приграничные: Псковская область, Алтайский край¹³.

Все приграничные субъекты РФ имеют весьма важное значение в системе безопасности. Каждый из них является своеобразным звеном геополитической, социально-экономической, ресурсной и культурной достаточности государства. Они занимают основное место в системе межгосударственных и межрегиональных политических, военных, приграничных, экономических, торговых, культурных и других связей. В приграничных регионах общие угрозы безопасности своеобразно локализуются и приобретают свою специфику. Велика роль приграничных регионов и в защите стратегически важных объектов национальной безопасности. Таким образом, в приграничных регионах находит отражение весь комплекс внутренних и внешних угроз национальным интересам России.

Анализ состояния приграничных регионов РФ свидетельствует о том, что в новой геополитической, социально-эко-

номической ситуации большинство из них до настоящего времени не смогло реализовать благоприятные уникальные возможности для своего развития. Проблемы российских пограничных территорий сложны и требуют глубокого осмысления, всесторонней проработки как на федеральном, так и региональном уровне. С учетом своего потенциала и увеличивающейся роли в различных сферах жизни российского государства, ограниченной возможности федерального центра в осуществлении адресной помощи всем субъектам РФ пограничные территории должны, на наш взгляд, получить приоритетное развитие. Как представляется, такой подход к развитию приграничных субъектов позволит ликвидировать диспропорцию в промышленных потенциалах российского и сопредельного приграничья.

Таким образом, на основе совмещения основных подходов к пониманию региональной безопасности как важнейшей составляющей системы обеспечения национальной безопасности России структура формирования системы безопасности регионов может быть представлена в виде комплекса экономических, экологических, правовых, геополитических и иных условий, которые призваны обеспечивать защиту жизненно важных интересов страны и ее территорий, конкурентоспособность регионов на внутренних и мировых рынках и устойчивость финансового положения страны, создание внутренней и внешней защищенности от дестабилизирующих воздействий, условия для устойчивого воспроизводства общественных процессов. Необходимыми мероприятиями в процессе формирования общей стратегии регионального развития являются ранжирование регионов по степени негативного влияния ситуаций, сложившихся в регионах, на национальную безопасность России, а также определение кризисных регионов.

Институциональная система российских регионов содержит все необходимые политико-правовые условия для управления региональной безопасностью. Несмотря на различия в темпах реформирования экономики и социальной жизни российских регионов, функционирует система рыночных и демократических институтов, восстановлено единое политико-правовое пространство. Вместе с тем в процессе определения приоритетов региональной безопасности необходимо учитывать реальное состояние экономики региона и социальной инфраструктуры, уровень легитимности соци-

альных и экономических практик населения, эффективность институтов региональной власти.

В целом можно констатировать, что становление системы национальной безопасности России на современном этапе происходит в условиях стабильного развития российской государственности, относительно равных отношений федерального центра и субъектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг. Проект 14.740.11.0239 «Динамика центрально-периферийной конфигурации современной России и политические механизмы оптимизации территориального управления».

² См.: Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-I // Рос. газ. 1992. 9 марта.

³ См.: Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2007. С. 6.

⁴ См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (утверждена Указом Президента РФ 12 мая 2009 г.). URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml> (дата обращения: 16.04.2011).

⁵ См.: Юрченко И.В. Национальная и региональная безопасность как политическая стратегия современной России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ставрополь, 2009. С. 5.

⁶ См.: Кирьянов А.Ю. Региональная безопасность в системе национальной безопасности // Рос. судья. 2005. № 9. С. 2.

⁷ Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. утвержден следующий перечень федеральных округов: Центральный ФО, Северо-Западный ФО, Южный ФО, Приволжский ФО, Уральский ФО, Сибирский ФО, Дальневосточный ФО.

⁸ См.: Королева Ю.М. Российский федерализм как фактор формирования системы национальной безопасности страны // Власть. 2010. № 3. С. 54—55.

⁹ См.: Алехнович С.О. Федеративные отношения и безопасность регионального развития // Право и политика. 2007. № 4. С. 46.

¹⁰ См.: Рейтинг субъектов РФ Сибирского федерального округа по основным показателям социально-экономического развития за 2010 год. URL: http://www.r-19.ru/mainpage/authority/21/ekonomi-inistry/rejting_sfo_2010.html (дата обращения: 20.04.2011).

¹¹ См.: Алехнович С.О. Федеративные отношения ... С. 46—47.

¹² См.: Бейдина Т.Е. Возможности геополитики в изучении малых региональных величин // Гуманит. науки в Сибири. Сер.: Философия и социология. 2000. № 1. С. 67—68.

¹³ Там же.

Поступила 26.04.11.

Е. А. ЧЕРНОВ РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Ключевые слова: региональное политическое пространство, группы интересов, политические ресурсы, влияние, модели поведения

Key words: regional political space, interest groups, political resources, influence, behaviour models

Функциональные возможности групп интересов зависят от набора ресурсов, которым они располагают и на которые могут опираться в своей деятельности. Это важная составляющая комплексного анализа групп интересов, позволяющая фиксировать их позиции в рамках политического пространства, прогнозировать их динамику. На статус ведущих групп интересов в современных условиях могут претендовать только ресурсоемкие группы, а необходимость их сохранения и приращения, а также управления ими выступает мощным движущим фактором, предопределяющим всю совокупность взаимодействий различных групповых ассоциаций. Существенно повышает значимость ресурсной базы для функционирования групп интересов перенос их конкуренции и борьбы из коридоров исполнительной власти в публично-правовое пространство, прежде всего, в политические партии и парламент, поскольку решающим условием влияния на процесс принятия решений должна стать не приватизация правительственных ведомств, а количество получаемых в ходе выборов голосов избирателей¹.

Множественность ресурсов, которые могут использовать группы интересов в своей деятельности, актуализирует проблему их структурирования. При этом современные подходы к ее решению ориентированы не просто на включение в актив групп интересов новых видов ресурсов. Фактически речь идет о выстраивании нового ресурсного профиля, основу которого составляют не только материальные, но и нематериальные активы.

ЧЕРНОВ Евгений Александрович, аспирант кафедры истории и этноконфессиональных отношений Поволжской академии государственной службы (г. Саратов).

Р. Э. Хейз, анализируя деятельность групп, объединенных общими интересами, в трех областях американской социальной политики (жилищное строительство, продукты питания и финансовая помощь), предлагает свою иерархию ресурсов групп интересов: количество членов и связи между ними, деньги своих членов и информацию². По его мнению, фактор денег сохраняет свою значимость для групповых ассоциаций, но осознание общности интересов, оказывающее влияние на уровень и качество активности ее членов, играет в современных условиях более важную роль. Кроме того, потребность в финансовых и экономических ресурсах может быть удовлетворена за счет эффективной реализации функций рекрутинга. После обязательного членства и денежных средств информация является самым мощным ресурсом, которым может владеть группа, объединенная общими интересами. Обмен информацией, осуществляемый по ряду каналов, повышает функциональные возможности групповых ассоциаций, способствует результативности их деятельности.

Значимость внутригрупповых коммуникаций для различных групп интересов подчеркивали и отечественные специалисты. В частности, это наглядно демонстрирует исследование В. Тамбовцева и А. Верведы, в рамках которого оценивалась «переговорная сила» (способность результативно участвовать в процессах принятия решений) различных «статистических групп» российского общества, выделенных методами качественной и количественной социологии. В структуре ресурсного потенциала группы исследователи рассматривали несколько базовых компонентов, например, численность группы, общность интересов, плотность и сила связей, степень централизации и уровень фрагментации³.

В качестве значимого ресурса групп интересов можно рассматривать также комплекс личностных характеристик ее представителей. Адекватную теоретико-методологическую основу для их анализа представляют исследования в области политической психологии, позволяющие изучать когнитивные (ценности, установки, представления, убеждения), аффективные (эмоции, потребности, мотивы) и поведенческие (стиль межличностных отношений, поведенческие ориентации) особенности людей на индивидуальном и групповом уровне⁴. К этой же группе ресурсов можно добавить квалификацию, опыт и личные связи представителей групп

интересов. Подобный комплекс ресурсов не только закладывает ценностную и мотивационную основу для деятельности групп интересов, но и в значительной мере подкрепляет их организационные возможности, играя мобилизационную роль при достижении целевых ориентиров и реализации на практике групповых интересов.

Е. В. Белевцева выделяет финансовые, административные, социальные и медийные ресурсы влияния групп интересов, акцентируя внимание на проблеме их неравномерного распределения между основными институтами их представительства в экономической сфере, в качестве которых рассматриваются политические партии, группы давления и традиционные группы интересов⁵. К факторам, определяющим эффективность деятельности групп влияния, которая зависит от их ресурсного потенциала, она относит статус группы в обществе и наличие прошлого успешного опыта взаимодействия с институтами государственной власти.

Проблемы ограниченности ресурсов и их неравномерного распределения весьма актуальны и в более широком контексте: на уровне всей сети групповых интересов, действующих в рамках современного российского общества. Одни из них не обладают даже минимальным уровнем ресурсной обеспеченности, другие работают в условиях ограниченной ресурсной автономии. Подобная ситуация предопределяет поведенческие стратегии групповых ассоциаций, которые вынуждены или интегрироваться в иерархическую структуру государства, участвуя в работе предлагаемых им совещательных площадок и действуя в фарватере государственной политики, или подстраиваться под государство, расширяя сферу своих контактов с органами государственной власти. В условиях современной России первая модель взаимоотношений в большей степени характерна для федерального уровня, где государство дезавуирует группы интересов, располагая определенным уровнем ресурсного потенциала, выстраивая иерархическую и неконкурентную структуру отношений. Группам интересов, действующим на региональном уровне, соответствует вторая коммуникативная стратегия, ориентированная на расширение своих коммуникаций с государственными институтами. Эта вынужденная и закономерная тенденция в силу очевидной ресурсной слабости групповых ассоциаций. Только в этом случае они могут

быть интегрированы в механизм принятия политических решений на региональном уровне (и то лишь на стадии их обсуждения).

Некоторые исследователи усматривают элементы партнерства и сотрудничества в существующей системе коммуникаций региональных групп интересов с властными органами⁶. Однако при этом подчеркивается ограниченность этих тенденций как в территориальном масштабе (характеристики партнерства и сотрудничества во взаимодействиях групповых ассоциаций и органов государственной власти можно встретить лишь в нескольких российских регионах), так и в контексте существующей структуры групповых интересов (с позиций партнерства и сотрудничества в отношениях с властными институтами могут выступать лишь влиятельные и хорошо организованные группы экономических интересов и некоторые общественные объединения).

Уточнить тенденции структурирования ресурсного профиля региональных групп интересов позволяет анализ реальных региональных процессов в этой сфере. В рамках исследования был произведен «замер» ресурсного потенциала групп интересов, действующих в настоящее время в Саратовской области. В частности, будучи заинтересованными в получении объективных результатов, мы ориентировались на анализ трех основных групп ресурсов: административно-политические, финансовые и информационные. По каждому из направлений был определен набор критериев, позволяющий активно использовать эмпирический материал для проведения подобного анализа (табл. 1).

Таблица 1

Критерии анализа ресурсов региональных групп интересов

Группы ресурсов	Критерии анализа
Административно-политические	Контакты на уровне исполнительной власти региона, представительство в законодательном собрании субъекта федерации, контакты на уровне муниципальной власти, взаимодействие с политическими партиями
Финансовые	Информация о государственном финансировании НКО, участие бизнеса в теневом финансировании аффилированных политических организаций
Информационные	Источники финансирования и учредители средств массовой информации, редакционная и программная политика изданий

Анализ ресурсного потенциала групп интересов в масштабах Саратовской области позволил выделить два базовых тренда, которые определяют ресурсный профиль групповых ассоциаций, его структуру и функциональные возможности. Ресурсы неравномерно распределены между ключевыми группами, а их реализация предопределена деятельностью государственных и политических структур (табл. 2).

Таблица 2

Ресурсоемкость региональных групп интересов (на примере Саратовской области)

Группы ресурсов	Группы экономических интересов	Группы национально-культурных интересов	Группы гражданских интересов	Группы профессиональных интересов
Административно-политические	Представительство в органах власти, неформальное влияние	Представительство в консультативных структурах	Представительство в консультативных структурах	Формальное и неформальное участие в принятии решений
Экономические	Собственные средства, бюджетные ресурсы	Гранты, господдержка	Гранты, господдержка	Средства работодателей, господдержка
Информационные	Личные медийные активы, собственные интернет-ресурсы и издания	Собственные интернет-ресурсы и издания, официальные издания	Собственные интернет-ресурсы и издания, официальные издания	Собственные интернет-ресурсы и издания, официальные издания

Как видно из таблицы, административно-политические ресурсы региональных групп интересов могут выступать в формальном виде в формате организационной структуры и в виде неформального теневого влияния на органы государственной власти регионального и муниципального уровня для оказания влияния на принятие управленческих решений. Наибольшим объемом административно-организационного ресурса в Саратовской области обладают региональные группы бизнес-интересов. Они имеют развитое формальное представительство и эффективное неформальное влияние, успешно взаимодействуют со структурами исполнительной власти, входят в состав представительных органов, выстраивают партнерские отношения с партией «Единая

Россия». Этнические и гражданские инициативные группы ограничены формальными рамками представительства в консультативных общественных органах, не обладая реальными рычагами влияния на власть. Профсоюзы в силу сложившихся общественно-политических традиций обладают мощной организационной структурой, которая обеспечивает им институциональную базу влияния на органы управления.

Обеспеченность региональных групп интересов экономическими ресурсами остается весьма низкой. Все они, за исключением групп, представляющих интересы регионального бизнеса, вынуждены жить на средства бюджетов, скудные пожертвования либо капитализировать другие свои ресурсы, например, человеческие. Такое положение существенно ограничивает функциональные возможности групп национально-культурных и гражданских интересов, действующих на территории Саратовской области, делает их зависимыми от государственных структур, не позволяя активно развивать свою ресурсную базу, вкладывая деньги в информационные, человеческие, организационные и другие виды ресурсов. Несколько особняком в этом ряду стоят лишь региональные группы профессиональных интересов (профсоюзы), финансовые возможности которых определяются наличием собственности, доставшейся «по наследству» от советского времени, а также отлаженной системой членских взносов.

Обеспеченность информационными ресурсами групп интересов, позволяющая им реализовывать свои информационные стратегии в рамках регионального социума, зависит от финансовых возможностей групповых ассоциаций. В этом отношении явным фаворитом являются бизнес-структуры, располагающие широкой базой медийных активов, многие из которых контролируются на персональном уровне предпринимателями и финансистами. Между тем их использование, как правило, осуществляется не напрямую, в интересах своего бизнеса, а путем их активного вовлечения в различные политические кампании. Это позволяет группам интересов реализовывать свои бизнес-интересы, но работа в этом направлении не публична, а скрыта от общественного контроля. У остальных групп интересов, осуществляющих свою деятельность на региональном уровне, нет возможности «содержать» издания, рассчитанные на массовую аудиторию. Их информационные активы составляют, как правило,

издания, рассчитанные на заинтересованное сообщество, в рамках которых они могут размещать информацию о своей деятельности. Другим важным направлением информационной работы является размещение материалов в официальных СМИ или на коммерческой основе в других изданиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Обществ. науки и современность. 1999. № 1. С. 67.

² См.: Hays R.A. Who Speaks for the Poor? National Interest Groups and Social Policy. N. Y., 2001. P. 278.

³ См.: Тамбовцев В., Верведа А. Субъекты модернизации: воздействие групп интересов на стратегии развития // Вопросы экономики. 2008. № 1. С. 86—96.

⁴ См.: Шестопал Е.Б. Политическая психология. М., 2007, 448 с.; Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала / под ред. А.И. Юрьева. СПб., 2006. 512 с.

⁵ См.: Белевцева Е.В. Организованные группы интересов российского бизнеса: формы и способы лоббистской деятельности: дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 174 с.

⁶ См., напр.: Половнева Л.С. Институционализация региональных групп интересов в процессе формирования социального государства в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2009. 25 с.

Поступила 30.06.11.

А. Н. СИЛИН

В. А. ЮДАШКИН

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ¹

Ключевые слова: регион, Тюменская область, социально-экономическая интеграция, социальная технология, инновация, уровень жизни, качество жизни

Key words: region, the Tyumen Region, social and economic integration, social technology, innovation, life level, life quality

По уровню и качеству жизни населения Тюменская область относится к наиболее благополучным субъектам Российской Федерации. Это «сложнопостроенный» субъект Федерации, в состав которого входят Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий (Ямал) автономные округа. По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) область устойчиво занимает лидирующее место в РФ². Душевой доход

СИЛИН Анатолий Николаевич, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук.

ЮДАШКИН Валентин Андреевич, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

в ней в 3—7 раз выше, чем в других регионах; сохраняется и увеличивается естественный прирост населения. Однако при этом остается прежней значительная дифференциация в уровне и качестве жизни населения, его различных социальных и территориальных (например, север — юг, город — село) групп. Так, в 2009 г. соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченных жителей южных районов области составило 16,4 раза; в Югре — 17,3; на Ямале — 18,3; в целом по области — 21,6 (коэффициент Джини составил 0,419, 0,427, 0,434, 0,456 соответственно)³. По опросу, проведенному нами в 2009 г., 24 % населения южных районов, 27 % населения Югры, 26 % населения Ямала не были удовлетворены качеством своей жизни⁴.

Анализ и прогноз социально-экономической ситуации в регионе показали, что перспективным направлением повышения уровня и качества жизни населения Тюменской области должно стать усиление социально-экономической интеграции северных округов и юга области⁵. Взаимодействие между этими территориями сегодня развивается в рамках механизма реализации органами государственной власти области и округов Постановления Конституционного суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции РФ положения о вхождении автономного округа в состав края, области⁶. Формированию этого механизма послужило заключение в 2001 г. Соглашения об основных направлениях согласованной политики в социально-экономической сфере органов государственной власти Тюменской области, Югры и Ямала⁷. Интеграционные процессы стали нарастать после подписания органами власти трех субъектов Федерации Договора от 12 августа 2004 г.⁸, который стал правовым механизмом тюменского варианта реализации вышеназванного Постановления Конституционного суда, норм Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»⁹, устанавливающих полномочия органов исполнительной власти края, области, а также механизм делегирования ими своих полномочий органам исполнительной власти автономных округов, входящих в состав края, области.

Договор предусматривал, что с 1 января 2005 г. органы государственной власти автономных округов осуществляют на соответствующих территориях полномочия органов государственной власти субъекта Федерации по предметам совместного ведения РФ и субъектов Федерации, установленные Федеральным законом «Об общих принципах...». Кроме того, предусматривалось зачисление в бюджет области для целевого финансирования областных программ 29,5 % налоговых доходов от налога на прибыль организаций, действующих на территории автономных округов; для обеспечения компенсации выпадающих доходов — 5 % от налоговых доходов по налогу на добычу полезных ископаемых в виде углеводородного сырья (НДПИ), собираемого на территории Тюменской области, включая территории автономных округов.

Для исполнения Договора Советом губернаторов Тюменской области, Югры и Ямала в 2004 г. была принята региональная целевая Программа «Сотрудничество»¹⁰, предусматривавшая в 2005—2009 гг. объем финансирования 104,5 млрд руб. В 2010 г. она была пролонгирована до 2012 г., общий объем финансирования составил 238,4 млрд руб. Реализация этого «бюджета» региона существенно способствует повышению качества и уровня жизни населения области¹¹.

Целью Программы стало развитие интеграционных процессов в экономике и социальной сфере региона на основе обеспечения общих интересов и задач достижения достойной жизни граждан, социально-экономического развития трех субъектов Федерации в интересах населения. Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи: стимулирование перемещения населения пенсионного возраста с северных в южные районы; создание интегрированной базы профессионального образования; активизация хозяйственных отношений и стимулирование внутреннего спроса; развитие общей транспортной сети; обеспечение населения качественными продуктами питания через поддержку региональных сельхозпроизводителей; улучшение медицинского обслуживания северян на базе укрепления материальной базы медицинских учреждений на юге области. Предусмотрено решение и иных социально значимых задач: организация отдыха и оздоровления детей-северян социально незащищенных категорий населения; осуществление проектов в области

охраны окружающей среды и экологической безопасности; сохранение уникальных природно-исторических комплексов региона и развитие на их основе спортивного, экологического, исторического, паломнического и других видов туризма; развитие физической культуры и профессионального спорта; улучшение условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы и др.

Впоследствии федеральный центр принял решение о консолидации с 2011 г. в федеральный бюджет 100 % поступлений от НДПИ и о связанной с этим решением компенсации областному бюджету из федерального бюджета, последовательно сокращающейся в течение четырех лет до нуля в 2014 г. В связи с этим органам государственной власти Тюменской области, бюджет которой лишается существенной части налоговых доходов, необходимо определиться с механизмом дальнейшего участия в реализации Договора 2004 г.

Проведенный нами в октябре 2010 г. опрос 12 экспертов из числа депутатов Тюменской областной думы, думы Югры, Законодательного собрания Ямала (по 4 чел.) выявил, что диапазон возможных решений находится в интервале между двумя вариантами событий. Первый — добровольный и окончательный отказ органов государственной власти Тюменской области от исполнения своих полномочий в северной части области, образование нового субъекта РФ «Тюменская область» в границах ее нынешних южных районов. Потребуется проведение референдума Тюменской области. Кроме того, этот вариант будет способствовать дальнейшему уменьшению областного бюджета (как минимум, на сумму средств, поступающих в него с территорий округов, за счет которой осуществляются мероприятия Программы, в том числе в южных районах области). Второй — отказ органов государственной власти Тюменской области от делегирования части своих полномочий, предусмотренных Федеральным законом «Об общих принципах...», органам государственной власти автономных округов, происшедшего в момент заключения Договора 2004 г. Референдум в этом случае не нужен, однако это решение вызовет необходимость систематизации и изменения регионального законодательства, состоящего сегодня из трех не всегда согласованных друг с другом частей; изменений в системе исполнительной

власти, в том числе в управлении региональной бюджетной системой; изменений (возможно, упрощение, удешевление) в системе территориальных органов федеральных органов власти; перехода на единообразную модель муниципального управления.

Оба варианта предполагают значительную перестройку системы государственного и муниципального управления, функционирующей на территории региона, при этом страдает эффективность ее влияния на рост уровня и качества жизни населения.

Наиболее рациональным сценарием должна стать, по нашему мнению, пролонгация существующего баланса взаимоотношений органов государственной власти области и автономных округов. Необходимо принять согласованный с органами государственной власти автономных округов закон Тюменской области о критериях включения мероприятий в Программу и территориальных пропорциях объема их финансирования (например, связанных с численностью населения субрегионов). В качестве общего подхода к критериям предлагается установить, чтобы в Программу включались лишь те мероприятия, которые предложены органами государственной власти автономных округов, т. е. способствуют социально-экономическому развитию этих территорий, а также развитию экономики и социальной сферы южных районов области (участие бизнес-структур юга региона в реализации проектов развития северных территорий и наоборот; продвижение тюменских товаров на северные рынки; размещение северных заказов для исполнения тюменскими предприятиями; создание новых рабочих мест; техническое и технологическое переоснащение тюменских предприятий под потребность северных заказов; участие тюменских ученых в научных исследованиях проблем северных территорий; усиление интенсивности социальных контактов жителей южных и северных районов области, а также мероприятий, повышающих востребованность и адаптацию на северных территориях выпускников тюменских профессиональных учебных заведений, и т. п.). Также в Программу следует включить мероприятия, предложенные органами государственной власти области, т. е. способствующие социально-экономическому развитию южных территорий и решению социальных проблем населения автономных округов.

Компромисс, содержащийся в предлагаемом сценарии, создаст основу для продолжения совместной деятельности органов власти области и автономных округов по повышению уровня и качества жизни населения, усилит социально-экономическую интеграцию, укрепит взаимозависимость социальных процессов.

Сегодня Программа «Сотрудничество» опирается на основные положения Концепции долгосрочного развития Тюменской области до 2020 г. и на перспективу до 2030 г., а также на утвержденные до 2020 г. Стратегию социально-экономического развития Югры и Стратегию социально-экономического развития Ямала¹². Предусмотренные в них меры по модернизации экономики и социальной сферы региона, диверсификации промышленного производства позволят смягчить монопродуктовую структуру региональной экономики. Значимый толчок для усиления интеграции может быть получен при реализации мегапроекта «Урал промышленный — Урал полярный».

В соответствии с Концепцией и Стратегиями при любом сценарии развития Российской Федерации приоритетным в регионе остается нефтегазовый кластер. Сегодня он обеспечивает более 3/4 валового продукта области. Прогнозные расчеты показали, что диверсификация экономики на Крайнем Севере является неэффективной. Вместе с тем в связи с начавшимся с 2008 г. падением объемов добычи нефти в северных округах и увеличением доли в ней Уватского района, где уже открыто 21 месторождение углеводородного сырья, становится значимой роль взаимодействия региональных властных структур в координации деятельности нефтяных компаний в регионе. Особо актуальна разработка и реализация инновационной политики развития нефтегазового кластера при решении проблем, связанных, в частности, с ростом доли трудноизвлекаемых запасов, обводнением добываемого продукта, снижением дебитов скважин и т. д. Главной проблемой остается необходимость быстрого ввода в эксплуатацию новых ямальских месторождений.

В связи с этим особую значимость приобретает реализация нескольких инновационных технологий интеграции северных округов и юга области.

Во-первых, это дальнейшее развитие общей транспортной сети, играющей важную интегрирующую роль, что являет-

ся необходимым условием и для реализации возможности работать на Севере при проживании на юге области. Экспертные оценки показывают, что необходимо усилить железнодорожный участок Войновка — Тобольск — Сургут, провести строительство и реконструкцию участков автодорог на маршрутах Тюмень — Сургут — Новый Уренгой — Салехард и Тюмень — Горноправдинск — Ханты-Мансийск, дать развитие аэропорту «Рощино» и безаэродромной авиации, реконструировать инфраструктуру внутренних водных путей Обского бассейна и др.

Во-вторых, это расселение на юге области (в районе городов Ялуторовск и Заводоуковск) и перевод на вахтовый метод работников нефтегазового кластера, особенно участников освоения вновь вводимых в эксплуатацию ямальских месторождений. Специфика циркумполярного региона, оказывающая значительное влияние на социально-экономические процессы, достаточно хорошо изучена. Это температурный и аэродинамический режимы, бедность флоры и фауны при многообразии гнуса, однообразии ландшафта, слабое развитие инфраструктуры и др. На здоровье человека влияние оказывает не столько температурный фактор, как обычно полагают, а комплексное воздействие контрастной фотопериодичности, холода, ветрового режима, повышенной геомагнитной активности, своеобразного микроэлементного состава воды и пищи и др. Сотрудниками СО РАМН выявлен синдром полярного напряжения, который в отличие от синдрома стресса присущ исключительно северу. По данным медсанчасти ООО «Газпром добыча Ямбург», лишь около 30 % вахтовиков обладает адаптационными особенностями организма, позволяющими им долго находиться на севере без влияния на состояние здоровья¹³.

Люди проводят на Крайнем Севере значительно меньше времени, чем в благоприятных климатических условиях, что положительно влияет на их здоровье; живут без вторых и третьих членов семей, что существенно снижает антропогенные нагрузки на природную среду и условия жизни аборигенного населения, а также затраты на строительство объектов социального назначения с северным удорожанием, с лихвой покрывающим транспортные издержки¹⁴. Вахтовик имеет возможность заменить здоровьеразрушающие виды межвахтового отдыха на севере полезной работой на приуса-

дебном участке, посещением учреждений культуры, общением с детьми, обучающимися в учебных заведениях г. Тюмени.

В-третьих, это усиление взаимодействия вузов, дислоцированных в основном на юге области, и нефтегазовых компаний, осуществляющих свою деятельность на севере. Нужны эффективные прямые и обратные связи при подготовке вузом компетентных кадров, необходимых для успешного инновационного развития региона. Например, Тюменский государственный нефтегазовый университет при всей диверсифицированности в первую очередь ориентирован на подготовку специалистов для нефтегазовых предприятий. Проблемы этой отрасли находятся в сфере интересов большинства его научных школ, однако ученые и инженерный корпус университета недостаточно активно участвуют в совместном с автономными округами формировании машиностроительного кластера на юге области, налаживании высокотехнологических производств, связанных с нефтегазовым сервисом, переработкой древесины и др., а также в решении экологических, социальных и этнических проблем Крайнего Севера, проблем аборигенных народов и регулирования миграции. Следует более активно использовать для развития инновационной деятельности и модернизации нефтегазовых и других предприятий, адаптации современных технологий потенциал технопарка «Западно-Сибирский инновационный Центр» и технопарков тюменских университетов¹⁵.

В-четвертых, это улучшение всех видов социального обслуживания (медицинского, образовательного, культурного, жилищного, торгового и др.) жителей северных округов на основе развития социальной инфраструктуры юга области. Это будет способствовать общему повышению уровня и качества жизни населения области за счет создания новых рабочих мест и расширения спектра возможностей для решения социальных проблем.

В-пятых, следует назвать разработку совместных программ по развитию туризма. Потенциал туристско-рекреационного кластера в области достаточно велик и пока реализуется неэффективно. Возможность познакомиться с памятниками истории и культуры, традиционной кочевой жизнью и промыслами аборигенов, а также уникальные природные ландшафты, охота и рыбалка на севере, г. Тобольск, превращающийся сегодня в музей под открытым

небом, — все это может привлечь значительное число зарубежных и российских туристов и, соответственно, средств¹⁶. Реализация этой технологии требует затрат на создание туристско-рекреационной инфраструктуры (совершенствование транспортного комплекса; подготовка профессиональных кадров; развитие сети отелей международной категории, торгово-развлекательных комплексов, спортивно-сервисных и музейных центров).

Рассмотренные технологии тесно взаимодействуют между собой, требуют программно-целевого подхода к процессу их реализации на основе вышеописанного сценария взаимодействия органов государственной власти области и автономных округов в рамках Договора 2004 г. и Программы «Сотрудничество».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект 11-03-00647а утверждён 03.03.2011 г.).

² См.: Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010. URL: http://www.undp.ru/nhdr2010/Nationa_Human_Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf (дата обращения: 30.04.2011); Силин А.Н. Социальное управление регионом в аспекте концепции человеческого развития // Менеджмент в социальной сфере. Вып. 8. Тюмень: Вектор Бук, 2006. С. 3—5.

³ См.: Уровень жизни населения в Тюменской области (2005—2009): стат. сб.: в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2010. Ч. 1. С. 8—9; Ч. 2. С. 8—9.

⁴ См.: Социокультурный портрет Тюменской области / под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюмен. областная дума, Тюмен. гос. ун-т, Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, ООО «Вектор Бук», 2009. С. 33.

⁵ См.: Силин А.Н. Развитие человеческого потенциала: ситуация в стране и Тюменском регионе // Менеджмент в социальной сфере. Вып. 10. Тюмень: Вектор Бук, 2008. С. 3—4; Социально-экономическая ситуация в Тюменском регионе: проблемы и пути их решения // Проблемы формирования единого экономического пространства и социального развития в странах СНГ. Т. 1. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 3—8; Вахта в Тюменском регионе: взгляд в прошлое и будущее // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2010. № 1. С. 158—166; Крайний Север: стратегия социально-экономического управления и механизмы ее реализации // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 11. М.: Совет Федерации, 2010. С. 29—32.

⁶ См.: Постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П по делу о толковании содержащегося в ч. 4 ст. 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Соглашение об основных направлениях согласованной политики в социально-экономической сфере органов государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа от 14 мая 2001 г. // «Парламентская газета „Тюменские известия“». 2001. 31 мая.

⁸ См.: Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа (подписан 12 августа 2004 г.) (с изм. от 29 мая 2008 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Федеральный закон Российской Федерации «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 28 декабря 2010 г.) // Там же.

¹⁰ См.: Постановление Администрации Тюменской области «Об утверждении областной целевой Программы по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа» от 16 августа 2004 г. № 150 „Сотрудничество“ от 25 октября 2004 г. № 136-пк // «Парламентская газета „Тюменские известия“». 2004. 24 ноября.

¹¹ См.: Корепанов Г.С. Реализация областной целевой программы «Сотрудничество» в Тюменской области // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 4. М.: Совет Федерации, 2006. С. 12—19.

¹² См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Тюменской области до 2020 года и на перспективу до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства Тюменской области от 25 мая 2009 г. № 652-рп). Тюмень, 2009. 88 с.; Распоряжение Правительства ХМАО — Югры «О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры до 2020 года» от 14 ноября 2008 г. № 491-рп // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс»; Постановление Законодательного собрания ЯНАО «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года» от 9 декабря 2009 г. № 1990 // Там же.

¹³ См.: Силин А.Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 12. М.: Совет Федерации, 2010. С. 15—18.

¹⁴ См.: Андреев О.П., Арабский А.К., Крамар В.С., Силин А.Н. Система менеджмента вахтового метода работы предприятия в условиях Крайнего Севера. М.: Недра, 2009. 175 с.

¹⁵ См.: Барейша С.С. Основные направления инновационной политики в Тюменской области // Экономическая политика региона: стратегия и тактика развития. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 326—330.

¹⁶ См.: Силин А.Н. Развитие въездного туризма в северном регионе: проблемы и социально-экономические последствия // Реализация государственной политики в области развития культурно-познавательного туризма в России. Тобольск: Федеральное агентство по туризму, 2010. С. 85—86.

Е. Г. КАРПОВА

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕОРИИ ИГР

Ключевые слова: инновации, управление инновациями, стратегия, теория игр, биматричная игра, конкуренты

Key words: innovations, innovations management, strategy, game theory, bimatrix game, competitors

Обеспечение эффективного управления инновационной деятельностью на уровне региона является важной задачей современного периода развития страны. Рассмотрение проблем регионального управления на основе знаний и инноваций, а также взаимовыгодного сотрудничества предприятия с субъектами рынка является важным условием обеспечения конкурентоспособности отдельных организаций, региона и экономики страны в целом.

Региональное управление инновационной деятельностью включает в себя несколько основных направлений: формирование экономических и организационных условий для эффективной инновационной политики всеми хозяйствующими субъектами региона; реализация региональной политики, имеющей цель внедрить инновации, способные принести эффект не только на внутрорегиональном, но и межрегиональном и зарубежном рынках и др.

При управлении инновациями предприятие взаимодействует с различными экономическими субъектами: государственными органами управления, инвесторами, научными организациями, стратегическими партнерами предприятия (поставщики и покупатели). Их взаимодействие должно быть взаимовыгодным, даже если они иногда являются антагонистически настроенными по отношению друг к другу.

КАРПОВА Елена Геннадьевна, ассистент кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита филиала Московского энергетического института (технического университета) в г. Смоленске, кандидат экономических наук.

Такой ситуации взаимовыгодного выигрыша можно достичь в условиях кооперации и сотрудничества сторон.

В условиях ограниченных кредитных ресурсов особую актуальность приобретают не связанные с государственными и коммерческими финансовыми организациями инструменты, а именно выигрыш от стратегических партнеров. К стратегическим партнерам предприятия относятся его поставщики и покупатели — предприятия и организации, заинтересованные в новых продуктах и технологиях, которые должны появиться в результате внедрения инновационных проектов. Взаимодействие с партнерами позволяет консолидировать дополнительные источники долговременных инвестиций.

Ассоциации и союзы производителей играют особую роль во взаимодействии с представителями федеральных органов исполнительной власти, а также с кредитно-финансовыми организациями. Всероссийская Ассоциация предприятий, взаимодействуя с государственными органами, выдвигает предложения по финансированию на конкурсной основе отраслевой науки, предлагает тематику НИОКР. Международная Ассоциация информирует своего члена-ассоциацию страны о приоритетных направлениях финансирования инноваций. Ассоциации и союзы выступают как коалиции производителей. Анализ взаимоотношений производителей в них может быть проведен с применением моделей теории игр, в частности кооперативных.

В модели регионального управления инновациями особое значение имеет взаимодействие предприятия с конкурентами. Наличие экономического конфликта между предприятием и группой конкурентов обуславливает необходимость определения соответствующих выигрышей сторон. С этой целью целесообразно использовать для обоснования стратегии управления инновациями различные экономико-математические методы. С учетом того, что управление инновациями характеризуется неопределенностью и риском, а также наличием конфликтных ситуаций, предлагается использовать теорию игр. Это раздел прикладной математики, исследующий модели принятия решений в условиях неопределенности и риска, а также несовпадения интересов сторон (игроков), когда каждая сторона стремится воздействовать на развитие ситуации в собственных интересах¹.

Исходные выигрыши предприятия и конкурентов (a_{ij} , b_{ij}) биматричной игры размером 2×2 представлены в табл. 1. В качестве выигрышей рассчитан чистый дисконтированный доход (NPV) проектов, реализующих две альтернативные стратегии — управление инновациями на предприятии и региональное управление инновациями.

Таблица 1

Чистый дисконтированный доход проектов, млн руб.

		Коалиция конкурентов	
		Управление инновациями на предприятии	Региональное управление инновациями
Предприятие	Управление инновациями на предприятии	2, 2	1, 4
	Региональное управление инновациями	4, 1	3, 3

Регион и оба игрока получают от совместной реализации региональной стратегии управления инновациями больший выигрыш (3, 3), чем от разрозненных стратегий управления предприятиями (2, 2). Если один из игроков реализует выгодную ему стратегию управления инновациями, то он захватывает большую долю рынка (4, 1). При этом можно отметить, что региональное управление расширяет сам рынок: если при использовании стратегий предприятий рассматриваемый сегмент рынка составит 4 млн руб., то при переходе к региональной стратегии управления инновациями сегмент увеличивается до 6 млн руб. Оптимальной стратегией в этом примере является стратегия регионального управления инновациями с NPV = 3 млн руб. (на основе применения минимаксного критерия для решения биматричной игры).

Рассмотренный способ выбора стратегии управления инновациями с применением классической биматричной игры предлагается дополнить анализом игры, известной под названием «дилемма заключенного». Выбранная стратегия анализируется на возможность увеличения выигрыша в результате сотрудничества, что показано в табл. 2.

Таблица 2

Чистый дисконтированный доход проектов в условиях кооперации, млн руб.

		Коалиция конкурентов	
		Эгоистическая стратегия	Сотрудничество в регионе
Предприятие	Эгоистическая стратегия	3, 3	6, 1
	Сотрудничество в регионе	1, 6	5, 5

Такая игра относится к «играм-ловушкам» и широко обсуждается в литературе в связи с тем, что равновесие, согласно Нэшу, т. е. минимаксный подход (исход: 3, 3), не является лучшим, так как существует парето-оптимальное решение (исход: 5, 5). Лишь в результате кооперации игроков возможен переход к парето-оптимальному решению.

На региональном уровне можно предложить следующие варианты кооперирования: совместная инновационная политика, совместные инновационные проекты, совместные научные разработки (НИОКР). На основе биматричной игры и игры «дилемма заключенного» можно предложить «объединенную игру», показанную в табл. 3.

Таблица 3

Чистый дисконтированный доход проектов в условиях кооперации в «объединенной игре», млн руб.

		Коалиция конкурентов		
		Стратегия № 1	Стратегия № 2	Стратегия № 2 при сотрудничестве
Предприятие	Стратегия № 1	2, 2	1, 4	—
	Стратегия № 2	4, 1	3, 3	6, 1
	Стратегия № 2 при сотрудничестве	—	1, 6	5, 5

В такой игре менеджеры имеют расширенные возможности для анализа и выбора инновационного развития, поскольку владеют информацией о прибыльности стратегий и выгоды сотрудничества по выбранным стратегиям. Таким образом, экономический смысл представления инновационной деятельности в виде классической биматричной игры и игры «дилемма заключенного» заключается в том, что в

результате сотрудничества и кооперации предприятий они могут получить больший доход, чем в случае конкурентной борьбы без объединения.

Целесообразно использовать следующую процедуру расчета: осуществить выбор инновационной стратегии с использованием биматричной игры (пример расчета представлен в табл. 1); расположить выбранную стратегию в правой нижней ячейке матрицы, если она в нем не находится (с этой целью необходимо переставить соответствующие строки и столбцы); считать правую нижнюю ячейку матрицы исходным значением «не кооперироваться — не кооперироваться», что соответствует левой верхней ячейке игры «дилемма заключенного»; составить игру «дилемма заключенного» для выбранной инновационной стратегии, считая известным значение «не кооперироваться — не кооперироваться» (пример расчета дан в табл. 2); представить «объединенную игру» на основе двух рассчитанных игр (пример расчета дан в табл. 3).

Для нахождения эффективного решения каждый игрок должен уметь посредством рефлексии рассчитывать действия и реакции своих противников. Рефлексия глубиной n (n — число игроков) помогает определить не только индивидуалистические, но и кооперативные решения. Дальнейшее наращивание рефлексии возможно как в сторону исследования реакций игроков-конкурентов в отношении рассматриваемой стратегии, так и в сторону исследования их реакций по всем стратегиям. В этом случае целесообразно использовать постановку задачи в трехмерном пространстве.

При попытке применения теории игр к анализу инновационных процессов возникает ряд проблем, обусловленных принципами, лежащими в основе математического аппарата этой теории. Один из таких принципов заключается в неизменности правил игры, т. е. предполагается, что исследуемые стратегии предприятия и конкурентов не изменяются. Однако на практике постоянно происходят изменения правил игры. Существует зависимость предприятия от конкурентов, объектами соперничества между предприятиями-конкурентами выступают покупатели, а также поставщики, капитал, рабочая сила и др. Организация должна обладать способностью быстро адаптироваться к изменениям «правил игры», т. е. внешних условий, с учетом имеющихся у нее внутренних возможностей.

В связи с тем, что инновационная деятельность характеризуется быстрой сменой стратегий, а классическая теория игр не в состоянии показать все изменения рыночной конъюнктуры, предлагается модификация теоретико-игровых моделей, представленная в табл. 4. В данной модели значения рассчитаны в соответствии с функцией порядковой полезности, т. е. оценены не количественно, а проведено сравнение и упорядочивание различных стратегий с точки зрения их предпочтительности. Однако при этом реальный расчет для смоленского предприятия пищевой промышленности показал, что значения выигрышей (в млн руб.) приближаются к приведенным в табл. 4 порядковым значениям.

Таблица 4

Модель развития технологий

Стратегии конкурентов К

		1	2	3	4	5
Стратегии предприятия П	5				7, 4	6, 6
	4			6, 3	5, 5	4, 7
	3		5, 2	4, 4	3, 6	
	2	4, 1	3, 3	2, 5		
	1	2, 2	1, 4			

Для определения основных принципов построения этой модели в качестве предпосылки будем считать однократность игры, т. е. инновации не могут повторяться и, соответственно, проигрывать в динамических и других видах игр. Другой предпосылкой выступает возможность изменения игроками своих стратегий после однократного повторения игры. Третьей предпосылкой является возможность перемещения игрока в результате внедрения инноваций в неравновесное состояние, дающее ему максимальный выигрыш (при максимальном проигрыше конкурента), так называемый «максимак».

В табл. 4 показано, что на начальном этапе рассматриваемое предприятие и конкуренты применяют исходную стратегию № 1 с выигрышами (2, 2). Далее предприятие внедряет инновационную стратегию № 2, в результате чего захватывает рынок (выигрыши сторон — 4, 1). Однако превосходство предприятия сохраняется недолго: конкуренты вслед за предприятием также изменяют стратегию с № 1 на № 2 и смещают временное равновесие в точку (3, 3). Таким образом, имеется первое однократное разыгрывание игры. Выигрыш (3, 3) является равновесием, по Нэшу, и легко находится с использованием минимаксного критерия.

Дальнейшее развитие процесса происходит аналогично. Предприятие внедряет инновационную стратегию № 3, в результате чего вновь захватывает рынок (выигрыши сторон — 5, 2). Далее конкуренты вслед за предприятием изменяют стратегию с № 2 на № 3, и равновесие переходит в точку (4, 4) и т. д. Таким образом, происходит многоступенчатое повторение однократных инновационных игр.

Таким образом, предложенные модели (управление инновациями, «объединенная игра» и развитие технологий) подчеркивают необходимость взаимовыгодного выигрыша, рассматривают возможность получения максимального результата в условиях конкурентной борьбы и позволяют представить информацию как в отношении прибыльности стратегий, так и по выгоды сотрудничества по выбранным стратегиям, что дает возможность воспользоваться расширенными возможностями для анализа и выбора стратегий инновационного развития. Использование аппарата теории игр позволяет сделать рациональный выбор инновационных проектов, определить стратегические направления инновационной деятельности, выявить возможности сотрудничества и кооперации, что ведет к повышению конкурентоспособности предприятий и переходу к инновационной экономике.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Губко М.В., Новиков Д.А. Теория игр в управлении организационными системами. 2-е изд. М., 2005. 138 с.

Поступила 05.05.11.

А. Л. САЛАГАЕВ

С. А. СЕРГЕЕВ

Л. В. ЛУЧШЕВА

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПЕРСПЕКТИВАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН¹

Ключевые слова: регион, инновация, инновационное поведение, инновационное развитие

Key words: region, innovation, innovative behaviour, innovative development

Республика Татарстан (РТ) — один из наиболее развитых в социальном и экономическом отношении регионов Российской Федерации. В последние годы региональные власти Татарстана и официальные СМИ стремятся позиционировать Татарстан как инновационный регион. В республике действуют 6 технопарков, 4 индустриальных парка, 5 бизнес-инкубаторов, посещение которых, как правило, входит в повестку дня визитов зарубежных официальных делегаций — потенциальных инвесторов.

САЛАГАЕВ Александр Леонидович, заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, доктор социологических наук, профессор.

СЕРГЕЕВ Сергей Алексеевич, профессор кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, доктор политических наук.

ЛУЧШЕВА Людмила Владимировна, доцент кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, кандидат социологических наук.

Руководство РТ, особенно президент Р. Н. Минниханов (ранее он занимал должность премьер-министра РТ), всячески пытается позиционировать РТ как один из наиболее инновационных регионов России. В конце октября 2010 г. главы восьми регионов РФ подписали документы (устав и учредительный договор) об учреждении «Ассоциации инновационных регионов России» (АИРР). Кроме Татарстана, в нее вошли Республика Мордовия, Красноярский и Пермский края, Калужская, Иркутская, Новосибирская и Томская области. В течение 2010 г. Госсовет РТ работал над законопроектом «Об инновационной деятельности в Республике Татарстан». В рамках проекта «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.» в сентябре — октябре 2009 г. был проведен массовый опрос населения для выяснения степени его участия в различного рода инновациях, а также готовности к такому участию.

Объем выборки составил 1 625 чел., из них мужчин — 44,4 % (772 чел.), женщин — 55,6 % (903 чел.). Доля жителей Казани составляет 31,3 % (509 чел.), Набережных Челнов — 13,0 % (212 чел.), средних и малых городов — 21,4 % (347 чел.), жителей поселков и сельских населенных пунктов — 34,3 % (557 чел.). По возрасту респонденты распределились следующим образом: 55 лет и старше — 28,1 % (457 чел.), от 45 до 54 — 19,3 % (314 чел.), от 35 до 44 — 20,7 % (336 чел.), от 25 до 34 — 17,7 % (288 чел.), от 18 до 24 лет — 14,2 % (230 чел.). Подавляющее число респондентов (90,0 %) имеет среднее образование и выше: с высшим образованием — 20,1 % (326 чел.), с неоконченным высшим — 4,6 % (74 чел.), со средним специальным — 32,6 % (529 чел.), средним — 32,7 % (532 чел.), с неполным средним — 6,6 % (108 чел.). Начальное или ниже образование имеют 3,4 % (55 чел.). Опрошенными татарами оказались 47,4 % (771 чел.), русскими — 47,6 % (773 чел.), лицами других национальностей — 4,9 % (79 чел.). Параметры выборки в целом соответствуют параметрам генеральной совокупности населения Татарстана.

Единственным заметным отклонением следует назвать расхождение между долей русского населения в республике по данным переписи 2002 г. (39,5 %) и в выборке (47,6 %). Необходимо отметить, что данным переписи 2002 г. в отношении этнического состава населения РТ нельзя полностью

доверять, так как власти старались любой ценой увеличить долю татарского населения, увеличивая его за счет кряшен, лиц, родившихся в смешанных браках с амбивалентной этнической идентификацией. Поэтому увеличение доли русского населения в выборке представляется оправданным. Важно также определить не только формальную этническую идентификацию, но и язык, на котором респонденты предпочитают общаться в домашней обстановке. Свыше половины респондентов (55,3 %, или 898 чел.) использует в общении дома исключительно русский язык. Следовательно, не менее 8 % выборки — это русскоговорящие татары. И тот, и другой язык в равной степени используют 26,2 % (426 чел.), только татарский язык — 17,9 % (291 чел.).

Следует отметить, что большинство опрошенных определили экономики РФ и РТ «безусловно, или скорее как инновационные» (67,2 и 61,1 % соответственно). Не считают их таковыми 24,4 и 30,0 % соответственно. Наиболее открытыми для внедрения инноваций в экономике РТ респонденты считают промышленность (43,4 %), строительство и транспорт (33,9 %), связь и информационные технологии (33,0 %), сельское и лесное хозяйство (28,6 %), а также науку, образование, здравоохранение (28,1 %). Наименее открытые отрасли — коммунальное хозяйство (5,2 %), силовые и правоохранительные органы (6,2 %), государственное и муниципальное управление (7,4 %).

Респонденты выразили умеренный оптимизм по поводу инновационных перспектив экономик РФ и РТ. Большинство из них выбрало вариант «скорее станет, чем не станет» применительно к экономике РФ и экономике РТ (52,9 и 54,0 % соответственно). При укрупнении категорий получается, что 76,0 % опрошенных оптимистически оценили перспективы экономики РФ, 76,4 % — экономики РТ (т. е. выбрали ответы «безусловно, станет» и «скорее станет, чем не станет»). Пессимистически оценили перспективы экономики РФ 12,5 %, а экономики РТ — 12,8 % (выбрали ответы «безусловно, не станет» и «скорее не станет, чем станет»). Таким образом, различия в оценках перспектив развития экономик России и Татарстана практически не заметны. При этом респонденты считают, что добиваться повышения доли инноваций в экономике республики необходимо в первую очередь экономическими и научными

методами (71,6 и 53,0 % соответственно). Сторонники административных методов внедрения инноваций оказались в явном меньшинстве (23,3 %).

Инновационное поведение, на наш взгляд, характеризуется повышенным интересом отдельных групп населения к происходящим в России и ее регионах событиям. Вместе с тем постоянно стараются быть в курсе событий только 12,5 % опрошенных, а более половины (54,0 %) стараются получать новую информацию по мере возможности. Почти каждый третий (30,6 %) больше беспокоят собственные проблемы, они мало интересуются тем, что происходит в обществе.

Основным источником информации для большинства опрошенных является телевидение (97,1 %). На втором месте находятся газеты и журналы, к ним обращается 51,0 % опрошенных. Около трети получает информацию по радио (32,3 %). Друзья, знакомые и родственники служат источником информации, соответственно, для 20,9 и 15,9 % опрошенных, и всего 14,9 % назвали Интернет. Вместе с тем к пользователям Интернета отнесли себя 31,8 % опрошенных. Видимо, для половины пользователей Интернет нужен не для поиска информации. Около двух третей респондентов, отнесших себя к пользователям Интернета (64,5 %), обращаются к Сети каждый день, каждый четвертый (26,9 %) использует ее еженедельно. Большинство (78,5 %) пользуется Интернетом дома, каждый пятый (19,0 %) — на работе, а 1,0 % — в интернет-кафе.

Данные опроса хорошо соотносятся с исследованием российской интернет-аудитории, проведенной Фондом «Общественное мнение» в сентябре 2010 г. (согласно ему, проникновение Интернета в РТ составляет около 36,0 %)², и расходятся с данными Министерства информатизации и связи РТ, согласно которым в республике к сентябрю 2010 г. широкополосной доступ к Интернету имели 57,0 % домохозяйств, или 688 тыс. абонентов. Общее число пользователей Интернета с использованием всех технологий проводного и беспроводного доступа на территории Татарстана составляет свыше 1,63 млн чел. (т. е. свыше 50,0 %)³. Наиболее популярными местными сайтами являются 116.ru (9,3 %), Бизнес-online (7,9 %), Татар-информ (6,8 %) и Tatcenter.ru (4,3 %). Другие сайты указали 5,0 % опрошенных.

Большинство опрошенных определили свою работу главным источником средств существования (79,1 %); 34,7 % ответили, что «работа — это возможность проявить себя, самореализоваться»; 14,6 % определили работу как «способ получения общественного одобрения и признания». Работу как «возможность занять себя чем-то, потратить с пользой свободное время» признали 13,0 % опрошенных. Незначительная доля участников опроса (5,3 %) относится к работе «как к неприятной обязанности». Если бы у них была возможность, то они вообще не работали.

Отвечая на вопрос «Что Вы больше всего цените в своей работе?», большинство работающих респондентов на первое место поставили ее экономическую ценность («обеспечение достатка в семье» — 51,1 %, «хороший заработок» — 34,9 %). Далее следуют «интерес к работе» (34,7 %), «общение» (26,1 %), «чувство удовлетворенности работой» (17,6 %), «удобное время работы, отпуск» (15,4 %), «возможность самореализации» (10,9 %).

Большая часть опрошенных заявила об отсутствии планов повышать уровень своего образования, указывая на удовлетворенность его уровнем (68,6 %). Доля планирующих получить высшее образование составила 12,7 %, второе высшее — 3,7 %, среднее специальное — 3 %, а у 8,9 % респондентов ответ вызвал затруднение.

Не занимаются самообразованием 56,1 %, пытаются заниматься время от времени 25,9 %, занимаются постоянно 18,0 %. Таким образом, для большинства респондентов экономический кризис не выявил необходимость для занятия самообразованием для повышения своей квалификации. Желание иметь сравнительно небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне высказали 51,2 %; 28,6 % хотели бы много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее. Желющие проявлять инициативу и самостоятельность в труде (13,3 %) оказались в меньшинстве. Таким образом, в условиях кризиса опрошенные реже склонны проявлять личную инициативу и чаще предпочитают жить в условиях стабильности, пусть и с небольшим, но твердым заработком.

Ради достижения своих профессиональных и жизненных целей готовность ненормированный график работы и работу более 12 часов в сутки продемонстрировали 42,6 %,

возможность отказывать себе в отдыхе и развлечениях — 37,7 %, долгую и неудобную дорогу до работы — 32,7 %. На переезд в другой населенный пункт оказались готовыми 32,1 % опрошенных. Ограничение на общение с близкими оказались самым трудновыполнимым для 15,4 %.

Для незначительного большинства опрошенных (38,0 %) материальное положение зависит в равной мере от них самих и от обстоятельств, не зависящих от них, примерно столько же (36,5 %) свое материальное положение связывают с обстоятельствами, не зависящими от них, и только 20,3 % — от самих себя. Относительно часто (48,7 %) экономическая ситуация ставилась респондентами в зависимость «от внешних причин». Одинаковое влияние обозначили 27,0 % опрошенных, и только 12,1 % полагают, что экономическая ситуация в регионе зависит от его жителей и руководителей.

При ответе на вопрос «К какой отрасли экономики можно отнести предприятие, на котором Вы работаете в настоящее время?» 25,6 % опрошенных оказались работниками предприятий промышленного производства, 18,8 % — строительства и транспорта, 13,8 % — услуг (в том числе торговли), 13,3 % работают в сфере науки, образования, здравоохранения, юриспруденции. К работникам финансов и инвестиций отнесли себя 2,3 %, коммунального хозяйства — 2,6 %, связи и информационных технологий — 3,3 %. Желающих работать на промышленном производстве оказалось 22,0 %, в строительстве и на транспорте — 15,0 %. В науке, образовании, здравоохранении, юриспруденции предпочитают работать 12,8 %. Наименее востребованными оказались военная служба, милиция, силовые и правоохранительные органы (2,9 %), коммунальное хозяйство (1,5 %). Таким образом, можно утверждать, что кризис для жителей Татарстана не стал поводом для изменения сферы трудовой деятельности и места работы.

Согласно данным опроса, среднемесячный доход семьи в Татарстане составляет 16 565 руб. в месяц. В состав семьи опрошенных входят в среднем чуть более 3 чел.

Отвечая на вопрос «Могли бы Вы в сегодняшних условиях зарабатывать больше?», достаточно значительная доля респондентов уверенно выбрала вариант «не мог бы» (38,0 %). Суммируя долю тех, кто выбрал утвердительный ответ в вариантах «но не знаю сколько» (29,4 %), «при-

мерно на четверть больше» (6,8 %), «примерно в полтора раза больше» (3,4 %), «примерно в двое больше» (5,4 %), «примерно втрое и более раз» (2,1 %), мы получаем, что 47,1 % респондентов в той или иной мере обнаружили свою способность в условиях современного кризиса к дополнительной занятости и, следовательно, к большему доходу.

Относительному большинству опрошенных (49,2 %) денег хватает на еду и одежду, но покупка товаров длительного пользования затруднена. У 23,1 % денег хватает на еду, но покупка одежды вызывает трудности, 18,8 % могут позволить себе товары длительного пользования, но покупка новой машины, дачи невозможна. Достаточно малые группы демонстрируют диаметрально противоположные тенденции: 4,4 % опрошенных указали, что денег не хватает даже на еду. Тех, кто может позволить себе достаточно дорогостоящие вещи (квартира, дача и др.), оказалось 1,5 %.

Более трети опрошенных пользуется компьютером (38,8 %), а подавляющее большинство (83,3 %) пользуется мобильным телефоном. Отметим, что доля пользующихся компьютером и мобильным телефоном в РТ выше, чем в среднем по России.

Основой для получения нового знания, новых технологий и образцов является инновационная деятельность: 7,7 % опрошенных указали, что по роду своей профессиональной деятельности они занимаются научными исследованиями; 12,2 % принимали участие в рационализаторстве, инженерных разработках, изобретательстве; 2,4 % указали, что делали это часто, 3,1 % — несколько раз, а 6,7 % — однажды.

Для разработки и освоения нового необходимы переподготовка и повышение квалификации. Лишь 16,0 % опрошенных отметили, что за последний год принимали участие в семинарах, тренингах, конференциях, выставках, конкурсах, имеющих отношение к профессиональной деятельности; 68,4 % никогда не принимали в них участия. В течение года различными формами повышения квалификации было охвачено около 29,0 % опрошенных, 70,2 % не повышали свою квалификацию. Из тех, кто заявил о том, что повышал свою квалификацию, наибольшее число (11,2 %) посещало курсы повышения квалификации.

Таким образом, как показали данные опроса, РТ имеет значительный инновационный потенциал, который исполь-

зуется недостаточно и нерационально. В республике существуют значительные резервы наращивания инновационного потенциала работников и специалистов. В то же время недостаточное внимание уделяется созданию и развитию предпосылок развития инноваций (человеческий фактор, высокоинтеллектуальная среда и инфраструктура). Инновационное развитие нередко подменяется его имитацией, а заимствованные инновации становятся либо предметами престижного потребления, либо способом привлечения дополнительных средств из федерального бюджета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.», № 09-03-00616а).

² См.: Афанасьев С. RIW-2010. Российский Интернет — самый быстрорастущий онлайн-рынок в мире. Часть 4-я. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/31135/18> (дата обращения: 02.11.2010).

³ См.: Каждый второй татарстанец имеет высокоскоростной доступ в Интернет. URL: <http://info.tatcenter.ru/ittech/82324.htm> (дата обращения: 26.01.2010); В Татарстане насчитывается 688 тыс. абонентов сети Интернет // <http://business-gazeta.ru/article/28539/6> (дата обращения: 06.11.2010).

Поступила 21.02.11.

И. В. ПЕТРОВ

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ВЫВОДА ИЗ КРИЗИСА МОНОГОРОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АВТОГРАДОВ ПОВОЛЖЬЯ ТОЛЬЯТТИ И НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)

Ключевые слова: стратегия, стратегический план, развитие, кризис, моногород, потребитель, продукция

Key words: strategy, strategic plan, development, crisis, mono-town, customer, products

Стратегический план развития города — это документ, определяющий главные цели и задачи, важнейшие стратегические направления развития города и основные мероприятия¹. К моногородам относятся поселения (город, поселок), где жизнь и благополучие людей находятся в тесной зависимости от деятельности одного предприятия либо группы предприятий, связанных единой производственной цепочкой или обслуживающих один и тот же рынок, на которых занято более четверти экономически активного населения².

Поиск путей выхода из кризиса занимает центральное место в деятельности органов власти всех уровней. Максимальную поддержку федеральный центр оказывает городам, в которых сосредоточено производство промышленной продукции государственного значения. В их числе находятся города-столицы автомобильной промышленности Поволжья — Тольятти и Набережные Челны. Эти города весьма близки по ряду характеристик и признаков³.

При подготовке стратегических планов развития обоих городов рассматривались их конкурентные преимущества, что нашло отражение в теоретической части документов. В п. 1.5 Стратегического плана ГО Тольятти перечислены конкурентные стороны: трудовой (население Тольятти составляет 0,5 % населения страны, а доля экономически

ПЕТРОВ Иван Владимирович, аспирант кафедры социологии Тольяттинского государственного университета.

активного населения — 1 %), производственный (высокая концентрация квалифицированного производственно-технического персонала), природно-ресурсный (в основном для рекреации) и градостроительный (возможности дальнейшей застройки) потенциалы, а также географическое положение (узловые функции, близость к экономически развитым регионам Поволжья, Центра и Урала)⁴. В п. 2.1 Плана Набережных Челнов перечисляются конкурентные преимущества этого города: население (крупнейший город Закамского региона Республики Татарстан), благоприятное транспортно-географическое положение (узловая роль, доступ к сырью и промышленным центрам), развитая промышленность (значительный объем отгруженных товаров)⁵.

В обоих случаях разработчики игнорируют наличие в городах развитой образовательной системы, которая обеспечивает промышленность этих городов квалифицированными кадрами. Так, в Тольятти существуют 7 собственных вузов (включая открывающийся в 2011 г. Православный институт) и 22 филиала вузов других городов⁶. В Набережных Челнах имеются 8 собственных вузов и 11 филиалов⁷. Таким образом, оба города имеют значительное население, важные узловые функции, развитую промышленность. В Набережных Челнах возможность застройки ниже, что отражено в расчетах численности населения к 2015 г. — 512,7 тыс. чел.⁸, что незначительно больше, чем уже зарегистрированный максимум — 510 тыс. чел. в 2002 г.⁹ Однако эти расчеты противоречат оценкам специалистов, утверждающих, что население России в ближайшие десятилетия будет повсеместно неуклонно снижаться, так что надежды на рост населения, на наш взгляд, излишне оптимистичны.

Значительные сходства этих городов по ряду признаков позволяют говорить о схожести путей их развития и реакции на кризисные явления в экономике. Оба города в период кризиса 2008—2009 гг. имели огромные потери по уровню производства, поскольку головные предприятия городов не могли сбывать свою продукцию на российском и мировом рынках. Так, в ГО Набережные Челны за 2009 г. производство автомобилей КамАЗ достигло 45,3 % уровня 2008 г., сборочные предприятия марок Ssang-yong, FIAT произвели только 13,4 % по сравнению с 2008 г.¹⁰ В ГО Тольятти производство автомобилей ВАЗ в 2009 г. упало до 37,1 % соответствующему периоду предыдущего года¹¹.

В обоих городах, помимо градообразующих предприятий, есть предприятия сопутствующих сфер — химические, строительные и пищевые. Предприятия по производству кирпича, бетона и железобетонных изделий пострадали столь же сильно, как и металлургические. Так, в ГО Набережные Челны производство строительного кирпича в 2009 г. остановилось на отметке 60,4 % уровня 2008 г.¹² (в ГО Тольятти — 60 %¹³), а производство бетона и железобетонных изделий — 40 %, что даже ниже уровня производства автомобилей. В ГО Тольятти производство этой продукции не считается профильным, что компенсируется наличием мощной химической базы. В химической промышленности падение началось раньше (в основном за счет ее экспортно-ориентированного характера), после резкого сокращения осенью 2008 г. ситуация несколько стабилизировалась в 2009 г., падение замедлилось. Индекс химического производства за июнь составил 98,1 % (к 2007 г.) (декабрь 2008 г. — 70,7 %).

Менее всего пострадали от кризиса предприятия по производству продуктов питания. Так, в ГО Набережные Челны некоторые товары показали даже рост: это нежирная молочная продукция (125,9 %), мороженое (108,2 %) и пиво (148,1 %)¹⁴. В ГО Тольятти положительную динамику показало производство консервов (153,2 %) и плодовых вин (208,6 %)¹⁵. Более всего пострадало производство продуктов элитарного потребления — мяса и колбас.

Специализация обоих городов несколько отличается, поскольку ВАЗ, расположенный на территории ГО Тольятти, производит легковые автомобили, т. е. товары народного потребления, а КамАЗ в Набережных Челнах специализируется на промышленной технике — большегрузных и производственных автомобилях. Это характеризует некоторые отличия выхода из кризисной ситуации через ориентацию на разные целевые аудитории (потребителей основной продукции).

Поскольку стихийно выйти из сложившегося в мировой и российской экономике положения эти производства были не в состоянии, то в обоих зависимых от них муниципальных образованиях был запущен процесс разработки Стратегического плана развития, который позволил бы в условиях дефицита ресурсов направлять средства на решение вопро-

сов, которые имеют важное значение, и игнорировать менее значимые трудности.

Так как стратегия развития должна удовлетворять потребности максимального числа сторон, то проводились опросы, исследования и анализ различных городских показателей, что находило отражение в текстах итоговых документов. Так, в предисловии Стратегического плана развития г. Набережные Челны сказано, что он «разработан в многостороннем диалоге бизнеса, власти и общества. Исследованы оценки и мнения жителей, руководителей предприятий и банков, депутатов, бизнес ассоциаций, специалистов высших учебных заведений, представителей администрации города». Проводились социологические исследования населения Набережных Челнов, оценка динамики параметров качества жизни населения, анализ тенденций социально-экономического развития, SWOT-анализ. Это позволило определить базовые направления развития города: «динамичное развитие автомобильного и строительного кластеров, пищевой промышленности, развитие финансового рынка, позиционирование Набережных Челнов как открытого города для иностранных и отечественных инвестиций, развития малого и среднего бизнеса, культурной столицы Закамья»¹⁶.

Для разработки тольяттинского Стратегического плана применялся анализ исторического развития, внешних и внутренних факторов, влияющих на развитие города; сделан SWOT-анализ социально-экономического и экологического развития Тольятти, дана оценка потенциалу, а также ограничениям и барьерам развития города. На основании этого были выработаны основные сценарии, поставлена цель, определена миссия стратегического развития городского округа, а также сформулированы основные программы и проекты, призванные обеспечить выполнение этих установок.

Миссии и главные цели обоих городов близки по содержанию. Так, миссией ГО Набережные Челны является «обеспечение динамичного устойчивого развития города Набережные Челны в условиях растущей конкуренции с многопрофильной самоорганизующейся экономикой на основе инвестиционной, инновационной привлекательности, с высоким уровнем жизни населения, научно-производственным потенциалом, уровнем культуры»¹⁷. Миссия ГО Тольятти состоит в том, что «Тольятти — город, устремленный в

будущее! Опираясь на человеческий, технологический и природный потенциал, мы создаем модель устойчивого развития Тольятти с высоким качеством жизни населения и конструктивного взаимодействия населения с властью и бизнесом через реализацию „пилотных“ проектов, использование инноваций во всех сферах нашей жизни и международное сотрудничество»¹⁸. В обоих случаях делается акцент на инвестиции, инновации в экономике и повышение качества жизни населения.

Также схожи и главные цели городов. «Главная цель развития города Набережные Челны — постоянное повышение качества жизни»¹⁹. «Стратегической целью развития городского округа Тольятти является развитие гражданского общества, устойчивое повышение качества жизни населения на основе диверсификации и инновационного развития экономики городского округа»²⁰.

Однако при рассмотрении рекомендаций видно, что решение указанных задач противоположно. Так, в пункте «Приоритетные (стратегические) направления развития» Стратегическим планом развития Тольятти указываются всестороннее развитие человеческого потенциала, обеспечение интенсивного развития экономики, сохранение и улучшение среды жизнеобитания, развитие местного самоуправления в ГО Тольятти, «пилотные» проекты и международное сотрудничество²¹, однако совершенно отсутствуют указания на развитие автопромышленного сектора (только «интенсивное развитие экономики»). Это направление содержит ряд целей и задач: повышение инвестиционной привлекательности городского округа; активное развитие малого и среднего предпринимательства и формирование конкурентной среды; создание условий для инновационного развития на основе стимулирования производств, базирующихся на ноу-хау и инновациях; активное развитие сферы услуг, в том числе рекреационно-туристической сферы; увеличение доходов и оптимизация расходов бюджета городского округа; формирование в городском пространстве условий для образования и развития научно обоснованной и гуманной системы создания и применения инновационных технологий в различных сферах городской жизни, гармоничного взаимодействия различных форм собственности, научно обоснованного, социально-культурного и экологически ориентированного

предпринимательства, бизнеса и муниципального сектора экономики в различных сферах городской жизни²². Здесь нет указаний и на развитие автомобилестроения в ГО Тольятти. Зато в тексте рассмотрена эта проблема: «отсутствие отраслевой диверсификации способствует концентрации внимания на автомобилестроении, увеличивая риск и влияние от отраслевой конъюнктуры, в то же время способствует возможности использованию различных схем производственной кооперации и аутсорсинга»²³. Видно, что разработчики предпочли пожертвовать возможностями специализации для снижения риска от конъюнктуры рынка. Для компенсации потери доходов от специализации разработчики предлагают диверсифицировать экономику на основе инноваций: создать IT-парк и технопарк, развивать малый и средний бизнес, стараясь ориентировать его в инновационных направлениях, для чего служит бизнес-инкубатор.

Вместе с тем в аналогичных пунктах Стратегического плана развития Набережных Челнов основными направлениями развития города являются чистый, безопасный, комфортный город; крупный центр автомобилестроения и строительной индустрии; город — финансовый и логистический центр Закамья; открытый город для развития малого и среднего бизнеса²⁴. Здесь сразу идет указание на приоритет развития округа как автомобильной столицы, т. е. развития потенциала, заложенного в промышленности, образовательной сфере и прочих элементах городской жизни. В главе «Концепция кластерного развития экономики города Набережные Челны» обосновывается и развивается мысль о том, что наиболее перспективной и рациональной стратегией развития города с богатой автопромышленной практикой является дальнейшее развитие и углубление автомобильного производства с тем, чтобы повысить его конкурентный уровень, уменьшить промежуточные издержки и увеличить номенклатуру сопряженных производств, также играющих важную связующую роль в кластере. В Набережных Челнах, как и в Тольятти, не ограничиваются развитием только автомобильного кластера. Отмечается важность строительной индустрии, которая тоже имеет в Набережных Челнах значительное развитие (объем строительных работ составил 15 % стоимости промышленной продукции округа за 2010 г.²⁵). Помимо промышленности, в Стратегическом

плане развития Набережных Челнов указывается на необходимость развития финансовой и логистической системы города за счет реализации выгодного узлового положения. Видится перспективным способствовать развитию малого и среднего предпринимательства, поскольку главный источник доходов муниципалитета — это налог на доходы физических лиц (НДФЛ), а не налоги с предприятий, которые идут в основном в областную и федеральную казну²⁶.

В этих документах красной нитью проходит мысль о перспективном развитии города, однако при практически идентичных исходных данных предполагаются прямо противоположные векторы развития: для Тольятти им становится бурная диверсификация городской промышленности, для Набережных Челнов — дальнейшая специализация на основе развития системы кластеров промышленности.

Мероприятия, планируемые осуществить разработчиками Стратегического плана развития Тольятти, прописаны в п. 3.2 «Перечень стратегических программ ГО Тольятти». Так, «Программа комплексного социально-экономического развития ГО Тольятти на 2010—2020 годы» включает в себя три стратегических направления: реструктуризация и модернизация ОАО «АВТОВАЗ», реструктуризация и реформирование предприятий, повышение эффективности их деятельности, ликвидация нерентабельных и убыточных производств; диверсификация экономики на основе создания в прилегающей к городскому округу территории особой экономической зоны промышленно-производственного типа, организации производства новых сфер экономической деятельности инновационного типа; создание благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства; обеспечение устойчивого роста дохода и качества жизни населения. Кроме того, прописаны программы по нескольким направлениям: «Обеспечение интенсивного развития экономики», «Всестороннее развитие человеческого потенциала», «Сохранение и улучшение среды жизнеобитания», «Развитие местного самоуправления», «„Пилотные“ проекты и международное сотрудничество». Таким образом, помимо программ экономического развития, предусмотрены программы социального направления, политического развития и экологического восстановления.

Для Стратегического плана развития Набережных Челнов также прописан ряд программ, направленных на реализацию заявленных целей: улучшение первичной среды жизнедеятельности в ходе реформирования ЖКХ и развития жилищной сферы; создание межмуниципального центра высоких медицинских технологий; Концепция создания университетского научно-инновационного комплекса; Концепция создания транспортно-логистического центра. Видно, что в Набережных Челнах проблема жизненного пространства решается не так, как в Тольятти, где сделан акцент на экологии и природопользовании, а в Набережных Челнах — на реформе ЖКХ. Также различен подход к реализации высоких технологий: в Тольятти это проект технопарка и IT-парка, в Набережных Челнах — создание Центра медицинских технологий. В городах признают важность инноваций, что выражено в разработке проектов по их внедрению: в Тольятти это те же технопарк и IT-парк, в Набережных Челнах — университетский комплекс. Также сходны позиции в развитии малого и среднего предпринимательства, поскольку в обоих городах для этого созданы бизнес-инкубаторы. Однако можно предполагать, что главной причиной, побуждающей к этому администрации городов, являются не соображения диверсификации, а прагматический расчет, основанный на принципах наполнения казны города: 46 % его в Тольятти состоит из НДФЛ, а налоги от градообразующих предприятий — 40 % (доля АвтоВАЗа — 29,2 %) ²⁷. Из остальных важных наполняющих можно указать земельный налог, доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности. Однако реально влиять можно только на увеличение объектов обложения НДФЛ, что и делает развитие малого и среднего предпринимательства преимущественным интересом городской администрации.

Оба города стремятся достичь докризисных показателей за 2—3 года. В Набережных Челнах отмечено увеличение количества зарегистрированных предприятий на 9,0 %, а индивидуальных предпринимателей — на 25,6 %; городской бюджет исполнен на 101,1 %. Наметились признаки роста в ключевых секторах экономики. За 2010 г. объем промышленной продукции увеличился на 35,8 % (в 2009 г. был спад на 49,3 %) ²⁸. В Тольятти за первую половину 2010 г. индекс

промышленного производства составил 121,6 % (в 2009 г. — 56,3 %), уровень обрабатывающих производств — 124,8 % (в 2009 г. — 54,5 %), инфляции — 4,5 %, что ниже, чем в РФ, и меньше, чем за аналогичный период 2009 г. (7,1 %) ²⁹.

Совершенно очевидно, что в споре о недостатках и достоинствах моногородов пока рано ставить точку, поскольку развитие рассмотренных городов, взявших на вооружение взаимоисключающие методы, пока дает положительные результаты. Что будет дальше — покажет время. Реализация Стратегии Тольятти рассчитана до 2020 г., Набережных Челнов — до 2015 г. Сейчас можно однозначно утверждать, что монопрофильность города — один из вполне эффективных вариантов развития территорий с высоким начальным уровнем специализации, если есть возможность поддерживать конкурентоспособность производств и рынки сбыта продукции.

Для сбалансированного развития любого моногорода, которых в России 335 ³⁰, необходимо определение их специфики, требующей разработки методических оснований для их классификации по сходным социально-экономическим признакам, поскольку палитра специализации моногородов весьма значительна. Такая попытка была предпринята А. М. Жандаровым и Ф. Ф. Шиллером, предложившими 5 классов моногородов ³¹. В их систематизации Тольятти и Набережные Челны позиционируются наиболее близкими друг к другу, но разводятся по разным классам (Тольятти — единственный представитель своего класса). На основании этой классификации можно разработать общие направления развития и реформирования городов России, поскольку не только моногорода достойны переустройства.

Таким образом, стратегическое планирование является одним из инструментов механизма развития города, ориентирующегося не только на объективные показатели, но и устремления населения и администрации городов, их перспективные цели и интересы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Стратегический план развития Екатеринбурга // Официальный портал Екатеринбурга. URL: http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan (дата обращения: 22.01.2011).

² См.: Моногорода России // Сайт Союза Российских городов. URL: <http://monogorod.org> (дата обращения: 22.01.2011).

³ См.: Программа комплексного социально-экономического развития ГО Тольятти на 2010—2020 годы // Официальный портал мэрии ГО Тольятти. URL: <http://www.tgl.ru/tgl/str.htm> (дата обращения: 22.01.2011); Социально-экономические показатели за январь — декабрь 2009 г. // Официальный сайт МО г. Н. Челны. URL: http://nabchelny.ru/ekrazvitie/itogi/2010-02-11/sotsialno-ekonomicheskie_pokazateli_za_ianvar-dekabr_2009g (дата обращения: 23.01.2011); Основные показатели жилищных условий населения // Официальный сайт Росстата. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/jil-f/jkh39.htm (дата обращения: 28.01.2011); Социально-экономические показатели за январь — ноябрь 2010 г. // Официальный сайт МО г. Н. Челны. URL: http://nabchelny.ru/ekrazvitie/itogi/2010-12-28/sotsialno-ekonomicheskie_pokazateli_za_ianvar-noiabr_2010 (дата обращения: 23.01.2011); Тольятти, Самарская область // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». URL: http://www.mojgorod.ru/samarsk_obl/toljatti/index.html (дата обращения: 24.01.2011); Набережные Челны, Республика Татарстан // Народная энциклопедия городов и регионов России «Мой город». URL: http://www.mojgorod.ru/r_tatarstan/nabchelny/ (дата обращения: 24.01.2011).

⁴ См.: Стратегический план развития ГО Тольятти до 2020 г. // Официальный портал мэрии ГО Тольятти. URL: http://www.tgl.ru/strategTgl/inf_base/normDoc.htm (дата обращения: 22.01.2011).

⁵ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. // Официальный сайт МО г. Набережные Челны. URL: <http://nabchelny.ru/index/personalii2/2009-04-01/1> (дата обращения: 23.01.2011).

⁶ См.: Стратегический план развития ГО Тольятти до 2020 г. П. 1.3.

⁷ См.: Вузы г. Набережные Челны. URL: <http://www.chelny.su/info/vuzu> (дата обращения: 21.01.2011).

⁸ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. П. 2.

⁹ См.: Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. // Росстат. М., 2010. С. 90.

¹⁰ См.: Социально-экономические показатели за январь — декабрь 2009 г.

¹¹ См.: Программа комплексного социально-экономического развития ГО Тольятти ... П. 1.1.

¹² См.: Социально-экономические показатели за январь — декабрь 2009 г.

¹³ См.: Предварительные итоги социально-экономического развития ГО Тольятти за I полугодие 2010 г. и ожидаемые итоги социально-экономического развития ГО Тольятти за 2010 г. // Официальный сайт мэрии ГО Тольятти. URL: <http://www.tgl.ru/tgl/meria/ekonomics/prognoz/novosty.htm> (дата обращения: 28.01.2011).

¹⁴ См.: Социально-экономические показатели за январь — декабрь 2009 г.

¹⁵ См.: Предварительные итоги социально-экономического развития ГО Тольятти ...

¹⁶ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. Предисловие.

¹⁷ Там же. П. 1.1.

¹⁸ См.: Стратегический план развития ГО Тольятти до 2020 г. П. 2.2.

¹⁹ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. П. 1.2.

²⁰ См.: Стратегический план развития ГО Тольятти до 2020 г. П. 2.2.

²¹ Там же. П. 2.3.

²² Там же.

²³ Там же. П. 1.5.

²⁴ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. П. 2.3.

²⁵ См.: Оперативные итоги социально-экономического развития г. Набережные Челны за январь — ноябрь 2010 г. // Официальный сайт МО г. Набережные Челны. URL: http://nabchelny.ru/index/spetsialistam/2010-01-19/sotsialno-ekonomicheskoe_razvitie_goroda (дата обращения: 18.01.2011).

²⁶ См.: Стратегия социально-экономического развития до 2015 г. П. 2.1.

²⁷ См.: Решение Думы ГО Тольятти от 15 декабря 2010 г. № 425 «О бюджете г.о. Тольятти на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов». Прил. № 1 // Официальный сайт Думы ГО Тольятти. URL: <http://dumatl.ru/analytics> (дата обращения: 18.01.2011).

²⁸ См.: Об итогах социально-экономического развития г. Н. Челны за 2010 г. и задачах на 2011 г. // Официальный сайт МО г. Набережные Челны. URL: http://nabchelny.ru/ekrazvitie/itogi/2011-01-17/ob_itogakh_sotsialno_ekonomicheskogo_razvitiia_goroda_naberezhnye_chelny_za_2010_god_i_zadachakh_na_2011_god (дата обращения: 23.01.2011).

²⁹ См.: Предварительные итоги социально-экономического развития ГО Тольятти ...

³⁰ Моногорода России ...

³¹ См.: Жандаров А.М., Шиллер Ф.Ф. Государственное регулирование экономик: проблемы моногородов России // Вопросы статистики. 2010. № 4. С. 68—76.

Поступила 21.03.11.

А. В. ПУЗАКОВ

**СПЕЦИФИКА МЕХАНИЗМА
ФИНАНСИРОВАНИЯ
ДЕВОЛЮЦИОННЫХ РЕГИОНОВ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ФОРМУЛА БАРНЕТТА**

Ключевые слова: формула Барнетта, деволюция, деволюционные регионы, Великобритания, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия, общественно-государственные расходы

Key words: Barnett formula, devolution, devolved administrations, Great Britain, Scotland, Wales, Northern Ireland, public expenditure

В результате деволюции в Великобритании в 1999 г. были созданы автономные институты власти. Прежде всего, это Национальная Ассамблея Уэльса, Парламент Шотландии и Ассамблея Северной Ирландии. Важным элементом деволюции является организация финансирования органов управления этими территориями. Обязанность определять фискальную и макроэкономическую политику, а также распределять финансирование общественно-государственных расходов на территории Великобритании возложена на министерство финансов (казначейство). Финансирование органов управления деволюционных регионов определяется в обзорах расходов наряду с финансированием министерств правительства Великобритании. После того, как утвержден общий объем финансирования, органы управления деволюционных регионов имеют право самостоятельно распределять эти средства в обозначенных пределах, однако они несут ответственность за то, чтобы их планы не противоречили фискальной политике правительства Великобритании. Бюджет этих органов формируется не только за счет субсидии правительства Великобритании. Частично расходы финансируются за счет муниципального налога, который взимается с домовладельцев, а также за счет займов¹.

ПУЗАКОВ Александр Владимирович, докторант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета.

В последнее десятилетие особое внимание британские политики и общественность уделяют практике распределения финансирования регионов Великобритании, осуществляемого министерством финансов в соответствии с так называемой «формулой Барнетта». Основной причиной пристального внимания к ней является мнение многих политиков и исследователей о несправедливости ее механизма и, в частности, о том, что опыт ее использования показывает, что существующий объем финансирования на душу населения выше в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе, чем в Англии. Объясняют эту ситуацию преимущественно тем, что формула Барнетта основывается на численности населения, а не на действительных потребностях в финансировании.

Несмотря на значительное внимание к проблеме формулы Барнетта в Великобритании, в отечественной научно-политической литературе она не исследовалась. Учитывая то, что эта статья основана на англоязычных источниках, а некоторые термины применительно к исследуемой проблематике еще не всегда имеют устоявшийся перевод на русский язык, в то время как в английском языке используются широко в официальных документах и публицистике, необходимо пояснить значение терминов, являющихся ключевыми для нашего исследования.

Деволюция (devolution) — передача центральными правительственными органами части своих полномочий органам власти административно-территориальных единиц.

Формула Барнетта (Barnett formula) — механизм, используемый министерством финансов (казначейством) Великобритании для автоматического регулирования объемов финансирования общественно-государственных расходов Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, при изменении объемов финансирования государственных услуг в Англии, Англии и Уэльсе либо на всей территории Великобритании.

Деволюционные регионы (devolved administrations) — административно-политические части Великобритании, в которых в рамках процесса деволюции были созданы автономные институты власти: Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия.

Блочная субсидия (block grant) — финансовые средства, составляющие ассигнованную часть бюджетов органов управления Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, объем которых зависит от существующего базового уровня и применения формулы Барнетта.

Передаваемые вопросы (полномочия) (devolved matters) — вопросы, решения по которым имеют право принимать автономные институты власти Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии.

Резервированные (сохраненные) вопросы (полномочия) (reserved matters) — вопросы, имеющие общенациональное или международное значение и находящиеся исключительно в компетенции центральных органов управления Великобритании.

Формула Барнетта получила свое название в честь бывшего главного секретаря казначейства — Джоэла (ныне — лорда) Барнетта (Joel (Lord) Barnett). Ранее она использовалась, чтобы определять объемы финансирования расходов трех территориальных министерств: Министерства по делам Шотландии (Scottish Office), Министерства по делам Уэльса (Welsh Office) и Министерства по делам Северной Ирландии (Northern Ireland Office). С началом процесса деволюции она определяет изменения ассигнованной части бюджета Парламента Шотландии, Национальной Ассамблеи Уэльса и Ассамблеи Северной Ирландии².

Формула Барнетта не определяет общий размер бюджетов, но отражает изменения в финансировании программ, проводимых в Англии, и направлена на эквивалентное изменение бюджетов органов управления деволюционных регионов, рассчитываемое в зависимости от численности населения. Формула не отражает напрямую расходы на общественно-государственные «нужды» или «потребности». Она определяет то, как финансируются органы управления регионов, участвующих в процессе деволюции. Это не единственный источник финансирования общественно-государственных расходов таких регионов, поскольку правительство Великобритании также тратит государственные средства на резервированные полномочия в каждом из них, но именно по формуле Барнетта рассчитывается большая часть объемов финансирования деволюционных регионов из государственных средств.

Эта формула появилась до начала процесса деволюции и функционирует с 70-х гг. XX в. С началом деволюции по ней распределяется не ограниченная условиями блочная субсидия для всех органов управления регионов, участвующих в процессе деволюции, что дает им возможность само-

стоятельно принимать решения о том, как финансировать осуществление переданных полномочий³.

Формула используется последние тридцать лет для определения ежегодного прироста выделяемых средств. Каждый год этот прирост прибавляется к средствам, выделенным в предыдущем году (к базовому уровню), для формирования значительной блочной субсидии, предоставляемой центральным правительством местным органам власти. Блочная субсидия является назначенной или «ассигнованной» частью предельных расходов министерств (departmental expenditure limits), частью общего объема бюджета, в пределах которой органы управления деволюционных регионов имеют полную свободу действий по распределению финансирования министерств и программ. Изменения объемов таких бюджетов обычно определяются формулой Барнетта, позволяющей избежать обсуждений о распределении средств в министерстве финансов⁴. В 2007—2008 гг. под действие этой формулы попадало почти 49 млрд фунтов, выделяемых на государственные расходы⁵.

Общественно-государственные расходы сейчас определяются в рамках «Комплексного обзора расходов» (Comprehensive Spending Review), проводимого раз в два года. Этот документ определяет планы расходов министерств на три года вперед. Начальный уровень субсидий определяется министерством финансов в соответствии с правилами, общими для всех министерств. В прошлом часто учитывался и процент увеличения расходов по сравнению с предыдущим годом. В случае, если есть изменения в планах относительно программ в Англии, которые являются «сопоставимыми» с шотландскими и уэльскими, фиксированная доля прибавляется или вычитается (в случае сокращения) из субсидии. Степень, до которой обязанности деволюционных ассамблей «отражают» обязанности органов управления в Англии, также играет роль при изменении субсидий. В тех случаях, когда расходы центрального правительства осуществляются от имени всех территорий, фактор сопоставимости, соответственно, ниже, чем когда большей частью расходов распоряжаются на национальном уровне (например, расходы на образование).

Под сопоставимостью подразумевается степень, в которой услуги, предоставляемые министерствами правительства Великобритании, соответствуют услугам, заложенным в бюджет

органов управления деволюционных регионов. Так, процент сопоставимости для органов управления Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии в сфере образования составляет 100 %, а, например, в сфере труда и пенсионного обеспечения — 0 % для Шотландии и Уэльса, но 100 % — для Северной Ирландии.

Изменения в распределении финансирования общественно-государственных расходов для каждого из деволюционных регионов определяют три фактора: величина изменений запланированных расходов в министерствах правительства Великобритании; степень сопоставимости соответствующих министерских программ Великобритании и работ, осуществляемых органами управления деволюционных регионов; доля населения каждого региона относительно численности населения Англии, Англии и Уэльса или Великобритании (в зависимости от конкретного случая).

Главная причина недовольства формулой Барнетта и ее основной и самый очевидный недостаток — ее *несправедливость*. Вторым по значимости общепризнанным недостатком является то, что она *не учитывает реальные потребности* в финансировании. В числе основных недостатков формулы Барнетта, также имеющие отношение к несправедливости, часто называют ее *непрозрачность*. Еще одним поводом для ее критики является то, что *ее использование потенциально способно пойти вразрез с процессом деволюции* и то, что она *не закреплена в законе* и поэтому не имеет демократического основания.

Вполне закономерно в качестве путей реформирования формулы Барнетта называется устранение ее основных недостатков: несправедливости, того, что она основывается на неточных данных о численности населения, а не на действительных потребностях и т. д. Учитывая усиливающуюся критику формулы Барнетта, в 2008 г. было создано несколько органов, которые рассматривали необходимость пересмотра формулы и механизмов финансирования деволюционных регионов. Комиссия по деволюции в Шотландии (Комиссия Калмана) (Commission on Scottish Devolution (Calman Commission)) провела независимый пересмотр опыта шотландской деволюции. В Уэльсе была создана Независимая комиссия по финансированию Уэльса, которую возглавил Дж. Холтем (Independent Commission on Funding and

Finance for Wales (Holtham Commission)). В декабре 2008 г. по решению палаты лордов был создан Специальный комитет по изучению формулы Барнетта (Select Committee on the Barnett Formula). Правительство Великобритании ответило на выводы и рекомендации, содержащиеся в отчете Специального комитета по изучению формулы Барнетта в декабре 2009 г.⁶ В целом ответ правительства можно охарактеризовать как разъяснение своей точки зрения на формулу и обещание более подробно рассмотреть предложения и рекомендации комитета и комиссий.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. Итак, формула Барнетта была разработана задолго до фактического начала процесса деволюции и не имела к нему прямого отношения. Изначально формула Барнетта использовалась, чтобы определять объемы финансирования расходов трех территориальных министерств по делам Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии. С началом деволюции она стала определять изменения ассигнованной части бюджета Парламента Шотландии, Национальной Ассамблеи Уэльса и Ассамблеи Северной Ирландии.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что с началом процесса деволюции в Великобритании формула Барнетта находится в центре внимания политиков, исследователей и общественности, прежде всего, из-за распространенного мнения о ее несправедливости, поскольку объем финансирования общественно-государственных расходов на душу населения в Шотландии, Северной Ирландии и Уэльсе выше, чем в Англии. Причину возникновения этой разницы многие видят в том, что формула не учитывает реальные потребности регионов в финансировании. Кроме того, к недостаткам формулы относят ее непрозрачность, а также то, что ее использование потенциально способно подорвать процесс деволюции, и то, что она не имеет демократического основания, поскольку она не закреплена в законе.

Такая ситуация может вызвать недовольство общественности в Англии и сепаратистские настроения. Осознавая возможность такого развития событий, правительство Великобритании показывает готовность рассмотреть возможные пути реформирования формулы либо альтернативные механизмы распределения финансирования общественно-государственных расходов. Значимость формулы Барнетта

как механизма финансирования деволюционных регионов подчеркивает уже тот факт, что именно законодательными органами этих административно-территориальных единиц в 2008 г. были созданы специальные комиссии по изучению формулы. Кроме того, в конце того же года был создан специальный комитет по изучению формулы Барнетта в палате лордов.

Хотя формула Барнетта официально не зафиксирована в законе, приверженность правительства Великобритании ее использовать зафиксирована в «Положении о политике финансирования» 2010 г.⁷ Стремясь сделать формулу более объективной, прозрачной и справедливой, британское правительство выражает тем самым свою уверенность в работоспособности ее механизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Barnett formula. Members' Research Service: Quick guide. September 2008. URL: <http://www.assemblywales.org/qg09-0001.pdf> (дата обращения: 27.03.2011).

² См.: Edmonds T. The Barnett Formula. Research Paper 01/108. 30 November 2001. URL: <http://www.parliament.uk/documents/commons/lib/research/rp2001/rp01-108.pdf> (дата обращения: 27.03.2011).

³ См.: McLean I., Lodge G., Schmuecker K. Fair Shares? Barnett and the politics of public expenditure. July 2008. URL: http://www.ippr.org.uk/members/download.asp?f=/ecomm/files/fair_shares.pdf&a=skip (дата обращения: 27.03.2011).

⁴ См.: Barnett formula. Members' Research Service ...

⁵ См.: Select Committee on the Barnett Formula. 1st Report of Session 2008–09. 9 July 2009. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld200809/ldselect/ldbarnett/139/139.pdf> (дата обращения: 27.03.2011).

⁶ См.: House of Lords Select Committee on the Barnett Formula: the Government's response, Presented to Parliament by the Chancellor of the Exchequer by Command of Her Majesty, December 2009. URL: <http://www.official-documents.gov.uk/document/cm77/7772/7772.pdf> (дата обращения: 27.03.2011).

⁷ См.: Funding the Scottish Parliament, National Assembly for Wales and Northern Ireland Assembly: Statement of Funding Policy. October 2010. URL: http://www.direct.gov.uk/prod_consum_dg/groups/dg_digitalassets/@dg/@en/documents/digitalasset/dg_191701.pdf (дата обращения: 27.03.2011).

Поступила 21.06.11.

С. А. ЩАНКИН

А. Ф. КУЗНЕЦОВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Ключевые слова: Силиконовая долина, инноград, инновационное развитие, национальная инновационная система, технопарк, инфраструктура инновационной системы, сфера высоких технологий, Ассоциация инновационных регионов

Key words: Silicon Valley, innograd, innovative development, national innovative system, technopark, innovative system infrastructure, high tech sphere, Association of Innovative Regions

Не так давно мы обсуждали вопрос о строительстве ультрасовременного научно-технического центра, или города, по разработке и коммерциализации современных технологий... я принял решение — мы будем строить... его в Сколково¹.

Д. А. Медведев

В условиях преодоления глобального финансово-экономического кризиса, снижения совокупного потребительского и инновационного спроса конкуренция между товаропроизводи-

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономики управления строительством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

КУЗНЕЦОВ Андрей Федорович, доцент кафедры информационных систем в экономике и управлении Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

телями различных стран усиливается. Россия представлена на мировом рынке в основном сырьевой продукцией. Стало фактом качественное отставание экономики России от развитых стран мира и стран с быстрорастущей экономикой. Показательно, что инновационный путь социально-экономического развития определен президентом страны в качестве единственно верного.

Основополагающим элементом национальной инновационной системы является технопарк. Термин «технопарк» можно считать аналогичным понятию «Силиконовая долина» (США). Силиконовой, или Кремниевой долиной (Silicon Valley), называют определенную область в Калифорнии — штате, в котором расположено множество высокотехнологичных компаний. Фирмы в Кремниевой долине специализируются на производстве компьютеров и компьютерной техники, программного обеспечения, мобильных устройств, биотехнологий и т. д. Особенность Кремниевой долины заключается в том, что на небольшом пространстве друг от друга расположены крупные города и ведущие университеты. Кремниевая долина имеет множество источников финансирования новых проектов и благоприятный инвестиционный климат.

У понятия «Кремниевая долина» есть другой синоним — «инноград». Это определенная территория, включающая в себя высшие учебные заведения, научные институты, производственные предприятия. Цель функционирования технопарка (как и иннограда) — создание благоприятных условий для массовой коммерциализации инновационных технологий. Схемы функционирования технопарка и иннограда аналогичны: четыре составляющих (наука, вузы, производство, капитал) активно взаимодействуют между собой. В результате мы получаем ориентированный на рынок инновационный продукт.

В ежегодном послании Президента РФ Федеральному собранию Д. А. Медведев впервые сделал заявление о необходимости выработки концепций «мощного центра исследований и разработок», способного выполнять задачи по всем приоритетным направлениям модернизации экономики страны, сравнив замысел проекта с идеей существующей Силиконовой долины в США².

Инноград «Сколково» — это центр научных исследований и разработок всероссийского уровня, основное назначение

которого должно заключаться в том, чтобы способствовать проведению масштабных и глубоких научных исследований по ведущим отраслям наук, особенно соответствующим основным пяти направлениям модернизации экономики страны, заявленным Президентом РФ. Инноград стимулирует массовую разработку и продвижение результатов научных исследований на глобальный рынок, а также содействует повсеместному созданию наукоемких производств, повышению конкурентоспособности российских товаров и услуг в пределах страны и за ее границами. Визуально инноград должен представлять собой расположенные на определенной территории уникальные лаборатории для проведения исследований и испытаний, создания самых современных товаров и услуг, а также институты по изучению и проектированию новых технологий для бизнеса, научно-исследовательские компании и объединения. Целью иннограда является создание благоприятных условий для работы известных отечественных и зарубежных ученых, разработчиков, изобретателей с привлечением их на свою территорию. В 2010 г. объявлено о строительстве иннограда вблизи Сколково.

По мнению руководителя рабочей группы по разработке проекта, инноград должен стать объектом, отличным от ныне существующих технопарков и прежних советских наукоградов и академгородков. Основой для проекта «Сколково» должны стать инновационные проекты крупных компаний, лучшие из них будут развиваться уже в рамках иннограда «Сколково». Существует несколько детерминант успеха проекта, среди которых следует назвать спрос государственных и частных компаний на инвестиции; российские вузы и покупку самого современного опытного оборудования; привлечение иностранных вузов, специалистов и компаний; сбор всего наилучшего в одном месте; особый налоговый режим и софинансирование со стороны государства и т. п. Значительные надежды при реализации проекта «Сколково» возлагается на деятельность зарубежной науки и бизнеса России. Кроме того, инноград «Сколково» должен стать центром для работы творческих личностей (ученых, предпринимателей). Вокруг него должны возникнуть населенные пункты³.

В рамках проекта должна вестись работа в границах пяти направлений модернизации экономики России, заявленных Президентом РФ (энергетика, телекоммуникации,

информационные, биомедицинские и ядерные технологии). Основные надежды, связанные с формированием спроса на инновации, возлагаются на крупные компании и государство.

Проект иннограда «Сколково» планируется реализовать в течение трех-семи лет. Проведена работа по оформлению земли и подготовке бизнес-плана. Строительство будет начато во второй половине 2011 г. Тогда же планируется создать Технологический университет. Помощь окажут Московский и Санкт-Петербургский университеты. На следующем этапе проект должен начать развиваться самостоятельно. Уникальная инновационная среда в иннограде может быть сформирована за десятилетие. В 2010 г. финансирование «Сколково» составило 4 млрд руб., в 2011 г. оно планируется в несколько раз больше — 20—30 млрд руб. Совокупные расходы государства на строительство и развитие инновационного центра в течение пяти лет составят 100 млрд руб.⁴

Инновационный центр возглавил с российской стороны глава группы компаний «Ренова» В. Ф. Вексельберг. Проект иннограда образует научно-технический совет, в который войдут российские и иностранные ученые, инженеры и эксперты. У этого органа будут два сопредседателя. С российской стороны им является лауреат Нобелевской премии по физике 2000 г. и депутат Госдумы Ж. И. Алферов.

Сопредседателем наблюдательного совета управления компаниями проекта является бывший глава корпорации «Интел» К. Барретт, а сопредседателем по научному совету — Р. Корнберг, биохимик и лауреат Нобелевской премии. Правительство разработало правовой, административный, налоговый и таможенный режимы функционирования этой территории. В сентябре 2010 г. был подписан президентский указ по иннограду «Сколково»⁵.

Для иннограда «Сколково» создается особая правовая среда. В частности, вводится система налоговых льгот для участников проекта: десятилетний льготный режим до достижения объема выручки 1 млрд руб. в год, а также до накопления прибыли в размере 300 млн руб. По льготному режиму для участников проекта должны быть установлены 14 % обязательных страховых взносов в ПФР. Тарифы по страховым взносам в ФСС РФ и по страховым взносам в федеральный и территориальные ФОМС, НДФЛ, а также налог на прибыль, НДС, налог на имущество организаций

(для участников и управляющей компании), земельный налог (для управляющих компаний) должны быть нулевыми. Кроме того, принимаются меры по созданию благоприятных законодательных условий для приезда в Россию высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Предложен способ поощрения инновационной деятельности — государственные гранты, на финансирование которых с 2010 по 2012 г. планируется выделять до 150 млн руб. ежегодно⁶.

Венчурный фонд Siguler Guff (США) планирует инвестировать 250 млн долл. в проект «Сколково». Определяющим фактором при принятии решения войти в проект для компании стал низкий уровень налогообложения в России по сравнению с США. Финская компания Nokia заявила о своем желании войти в круг формальных соучредителей проекта. Nokia планирует открыть в Сколково центр, связанный с научно-исследовательскими проектами по разработке программного обеспечения⁷. Во время визита в США Президента РФ Д. А. Медведева соглашение о партнерстве с инновационным центром «Сколково» заключили корпорации Cisco и Boeing, а также Массачусетский технологический институт. Бизнесмены Германии также решили принять участие в проекте «Сколково».

Президент РФ провел заседание комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, на котором рассматривались перспективы роста венчурного инвестирования в стране. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к иннограду «Сколково». В этом случае Россия сможет привлечь иностранный капитал западных инвесторов для разработки и внедрения собственных инноваций в производство⁸. Среди российских компаний, считает Д. А. Медведев, наметилась тенденция увеличения расходов на научные исследования и разработки, однако венчурного капитала в России все еще недостаточно. Спрос на инновации в стране низок, в том числе по причине недостаточной экономической мотивации предприятий. Для увеличения объемов венчурного капитала в экономике России необходимы гармонизация законодательства, развитие системы экспертизы и сервисных услуг, эффективное использование грантовых средств, расширение возможностей российского финансового рынка и обеспечение тесного взаимодействия всех звеньев инновационной цепочки.

Инноград должен, по нашему мнению, продолжить традиции советских академгородков, опираясь уже на рыночные отношения, и меньше внимания уделять оборонным заказам. «Сколково» в будущем — необходимая современная научная база для широкого круга исследований, которая поможет ученым по продвижению их изобретений при огромном числе спонсоров и заказчиков проектов. «Сколково» будет представлять комфортную среду, огражденную от российской бюрократии, базу для плодотворной научной работы российских ученых⁹.

Заместитель директора по развитию компании «Русские Навигационные Технологии» О. Краус видит значение проекта в том, что инноград будет расположен по соседству с Московской школой управления «Сколково» — местом обучения элиты отечественного бизнеса. Возможно продуктивное соседство этих учреждений, поскольку только бизнес превращает инновации в продукт, а инновации позволяют бизнесу развиваться и преуспевать¹⁰.

Региональный менеджер представительства Trend Micro в России и СНГ В. Левцов заявил: «Сколково — это хорошо и очень своевременно». Главное, по его мнению, создать необходимые условия для формирования научной среды в «Сколково». Менеджер оценил местоположение будущего иннограда и выразил надежду, что аренда офисов в «Сколково» будет доступна многим ИТ-компаниям¹¹.

Однако есть критики этого проекта. По их мнению, функционирование отдельного объекта инновационной системы страны, сформированного на основе классического зарубежного опыта формирования инфраструктуры инновационной экономики современного технологического производства, не может кардинально решить многочисленные проблемы инновационного развития отечественной экономики. Центр инновации может стать местом обеспечения современными технологиями и инновационным продуктом зарубежных инновационных компаний. Речь идет не столько об утечке мозгов, а о продаже знаний и инновационного продукта иностранным инвесторам. Российское инновационно пассивное производство может быть окончательно лишено возможностей будущего инновационного развития. Сформировавшаяся в стране, в годы реформ институциональная система не может решить проблемы инновационного развития, экономическую

модель страны вполне удовлетворяет заимствование и импорт готовых технологий и изделий.

Экономика России требует развития и модернизации в различных перспективных направлениях. Наряду с процессом формирования инновационного центра в Сколково в регионах страны необходимо создавать территориальные инновационные элементы единой национальной системы. Они должны дополнять друг друга и способствовать формированию целостной инновационной системы страны.

Для ее успешного функционирования следует активно развивать институты инновационного развития. Без решения этой задачи добиться развития инновационного процесса в стране невозможно. Это требует не только принятия законодательных актов, формирования инновационной стратегии, но и формирование идеологии реформ, в том числе культуры поведения хозяйствующих субъектов и исследовательских структур, поставивших задачу инновационного развития, на микроуровне. Только совокупность их поведения в целом формирует процесс решения данной задачи. Одновременное решение проблемы невозможно без активной политики государства в сфере инновационного развития экономики страны¹². Региональные власти способны на своем уровне решать поставленную Президентом РФ задачу формирования инновационного пространства на территории страны.

Проекты технопарков в РФ реализуются в соответствии с государственной программой «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», одобренной Распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2006 г. № 328-р и Распоряжением Правительства РФ «О внесении изменений в государственную программу „Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий“» от 12 сентября 2008 г. № 1326-р.

Министерство связи и массовых коммуникаций РФ приводит данные о совокупной выручке резидентов технопарков в 2009 г., позволяющие говорить о первых успехах в их работе. Оно планирует, что через четыре года резиденты технопарков, определяемых в рамках госпрограммы, смогут произвести продукции и оказать услуги на сумму около 234 млрд руб. при затраченных инвестициях из федерального бюджета 13,6 млрд руб.¹³

Перед государственными инвесторами встает вопрос «Какие именно проекты технопарков действительно достойны государственной поддержки?». Кроме того, государству необходимо распределить вложения между наиболее привлекательными объектами. Федеральные власти должны решить, какие из строящихся технопарков наиболее полно соответствуют приоритетам высокотехнологичного развития национальной экономики, а также в каких регионах могут быть использованы государственные средства с максимальной эффективностью.

Мордовия и еще 18 субъектов Федерации уже подали заявки на соискание средств федерального бюджета в рамках продленной до 2014 г. программы создания технопарков в России. Выбор государственным инвесторам предстоит сложный, поскольку концепция отдельного региона по созданию у себя инновационного центра имеет определенные конкурентные преимущества перед остальными проектами. Инвестиционные ресурсы государства, которые планируется использовать в рамках госпрограммы до 2014 г., ограничены.

Проект технопарка Мордовии получил положительную оценку экспертов по включению его в число тех проектов технопарков, которые планируется инвестировать в 2011—2014 гг. в рамках госпрограммы из федерального бюджета. Это означает, что перед технопарком Мордовии открываются новые перспективы развития¹⁴.

Объем федерального финансирования проекта технопарка Мордовии за I полугодие 2010 г. составил более 580 млн руб. Около 450 млн руб. на эти цели было получено Мордovieй в конце 2009 г. Таким образом, общий объем государственного инвестирования проекта за I полугодие 2010 г. составил более 1 млрд руб. По этому показателю Мордовия существенно опережает другие регионы, строящие технопарки в рамках госпрограммы¹⁵.

Взаимодействие между инновационными центрами в стране следует строить на основе их сотрудничества, тем более что технопарк Мордовии, как и проект «Сколково», имеет свои конкурентные преимущества. Например, в Саранске стоимость жилья значительно ниже, чем в Москве, более благоприятная экологическая обстановка, чем в столице России.

Технопарк Мордовии планируется специализировать по нескольким направлениям исследований: связь и телеком-

муникации, программное обеспечение, оптика. Это предполагает исследования в электронном приборостроении на основе монокристаллического нейтронно-легированного кремния, карбида кремния и арсенида галлия; создание новой кабельной продукции, оптоэлектроники, энергосбережения, в том числе разработку энергосберегающих светильников.

Флагманом технопарка должен стать НИИС им. Лодыгина и созданный на его базе инновационно-производственный комплекс по разработке новых материалов и компонентов электроники и элементной базы для информационно-коммуникационных технологий. После завершения реконструкции НИИС на его базе планируется запустить сразу семь проектов. Таким образом, в обновленной концепции технопарка Мордовии основные усилия сосредоточиваются на возрождении НИИС и его производственной базы (в советское время в нем производили 90 % источников света).

Активное участие в работе технопарка Мордовии должен принять Мордовский государственный университет, получивший 26 апреля 2010 г. статус национального исследовательского университета. В ближайшие годы на развитие его научно-производственной базы будут выделены значительные средства из федерального бюджета, что позволит создать десятки инновационных предприятий, ориентированных на разработку ноу-хау и коммерциализацию научных идей.

Таким образом, технопарк Мордовии — инвестиционный мегапроект для Республики Мордовия, способный вывести ее экономику на качественно новый уровень. Кроме того, технопарк способен выступить одним из локомотивов модернизации национальной экономики, поскольку его концепция полностью укладывается в перечень основных направлений ее модернизации. Именно поэтому и на федеральном, и на региональном уровне проекту технопарка Мордовии уделяется пристальное внимание, а суммы государственных инвестиций исчисляются миллиардами рублей. Известность проекта технопарка Мордовии складывается из нескольких составляющих. Во-первых, при разработке проекта и выборе профилирующих направлений его деятельности были учтены инновационный потенциал, достижения и опыт региона в области производства источников света, приборостроения, кабельного производства и т. д. Во-вторых, в рамках проекта планируется осваивать и новые горизонты деятельности. К ним можно отнести, например, разработку программного

обеспечения в строящемся Информационно-вычислительном комплексе в г. Саранске.

Новое содержание инновационной модели российской экономики требует самого глубокого научного исследования, формирования концепции инновационного развития, практической реализации в институтах становления инновационной системы страны. Успешный зарубежный опыт реализации технопарков и инновационных центров без соответствующей подготовки не может гарантировать успех в России. Об этом свидетельствуют наши исследования¹⁶ и работы Д. Норта, Р. Пайса.

Успех функционирования технопарка в будущем по всем направлениям станет возможным только в том случае, если будут созданы соответствующие институты инновационного развития, научно-исследовательские базы, лаборатории, офисы, научные школы, а также если будет привлечено достаточное количество инвесторов и резидентов. Необходимые предпосылки для этого формируются. Мордовия располагает необходимыми финансовыми ресурсами для реализации проекта, научно-производственной базой (Мордовский государственный университет), научными традициями и производственным опытом прошлых лет. Имеются естественные конкурентные преимущества региона для привлечения ученых и инвесторов. Таким образом, проект технопарка Мордовии имеет значительные перспективы для своего развития.

Однако только в национальной инновационной системе, начиная с федерального центра инноваций «Сколково» и включая региональные технопарки, в том числе технопарк Мордовии, инновационная система России окажется способной к эффекту синергии. В настоящее время наблюдается процесс формирования институтов инновационной системы страны, который представляет собой цивилизованный ответ на продолжающийся кризис мировой финансовой системы и является важнейшим элементом стратегии инновационного развития страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Интернет-канал «Россия» 2001—2010. Россия будущего начнется со Сколково. URL: <http://www.opora-credit.ru/news/video/detail.php?ID=13907> (дата обращения: 12.10.2010).

² См.: Официальный сайт Президента РФ. Послание Федеральному собранию РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 16.09.2010).

³ См.: Владислав Сурков: чудо возможно. URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2010/02/15/14083> (дата обращения: 17.10.2010).

⁴ См.: Строительство центра технологий в Сколково займет 3—7 лет. URL: <http://www.izvestia.ru/news/news235828M> (дата обращения: 14.10.2010).

⁵ См.: Стали известны имена членов Совета и Попечительского совета Фонда «Сколково». URL: <http://www.i-gorod.com/newslist/20100619003> (дата обращения: 19.09.2010).

⁶ См.: Официальный сайт Президента РФ. Отчет о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7585> (дата обращения: 21.10.2010).

⁷ См.: Nokia попросилась в соучредители иннограда в Сколково. URL: <http://lenta.ru/news/2010/06/03/nokia1> (дата обращения: 24.09.2010).

⁸ См.: Официальный сайт Комиссии при президенте по модернизации и технологическому развитию экономики России. URL: <http://i-russia.ru/all/news/833> (дата обращения: 18.10.2010).

⁹ См.: Строительство центра технологий в Сколково займет 3—7 лет ...

¹⁰ См.: Интернет портал социальной сети LIBERTY.RU/СВОБОДНЫЙ МИР. URL: <http://www.liberty.ru/groups/it/Net-nichego-strashnogo-v-tom-chto-my-ne-pridumyvaya-nichego-novogo-idem-po-stopam-Silikonovoj-doliny> (дата обращения: 24.10.2010).

¹¹ Там же. URL: <http://www.liberty.ru/groups/it/Ryad-regional-nyh-IT-kompanij-zadumayutsya-ob-otkrytii-svoih-ofisov-v-central-nom-regione> (дата обращения: 17.09.2010).

¹² См.: Интернет-портал «Русские новости». URL: <http://www.russianews.ru/policy/31182> (дата обращения: 14.10.2010).

¹³ См.: Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» продлена до 2014 года. URL: <http://www.tpidea.ru/index.php?nodeid=4&id=377> (дата обращения: 14.10.2010).

¹⁴ См.: Технопарк в РМ совершенствует свою концепцию. URL: <http://www.e-mordovia.ru/main/week/detail.php?ID=7135> (дата обращения: 26.09.2010).

¹⁵ См.: Новости Мордовии. URL: <http://novosti-mordovii.13rus.ru/news-14463-mordoviya-poluchila-esche-580-millionov-rublej-na-stroitelstvo.htm> (дата обращения: 18.09.2010).

¹⁶ См.: Щанкин С.А., Борискин А.С. Основные направления инновационного развития региона // Регионология. 2008. № 4 С. 122—130; Щанкин С.А. Колосков Д.А. Перспективы инновационного развития региона в условиях преодоления экономического кризиса // Там же. 2010. № 3 С. 149—156.

Поступила 11.03.11.

С. В. БУЛЯРСКИЙ   А. О. СИНИЦЫН

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Ключевые слова: кластер, консорциум, региональная экономика, производственные предприятия

Key words: cluster, consortium, regional economy, industrial enterprises

Промышленные кластеры являются формой интеграции высокотехнологичных предприятий. Кластеризация промышленности внутри региона способствует возникновению и развитию инноваций, что является основой повышения производительности труда и усиления стратегических преимуществ региона, формирования конкуренции.

У предприятий, расположенных в одном регионе, много общих потребностей и возможностей взаимодействия, способствующих развитию регионального рынка, а также повышению занятости населения и его уровня жизни. Улучшая условия развития кластера, администрация Ульяновской области действует в интересах многих предприятий региона. Результатом такой деятельности является повышение

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, заведующий кафедрой инженерной физики Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

СИНИЦЫН Антон Олегович, аспирант кафедры инженерной физики Ульяновского государственного университета.

конкурентоспособности области. Для современной России этот аспект приобретает особое значение: в 90-е гг. произошло существенное увеличение отставания промышленности по уровню производительности труда от развитых стран. Развитие кластеров, уже существующих и новых, будет означать создание важного источника долгосрочного экономического роста.

В Ульяновской области сформировано несколько промышленных кластеров: авиационный, атомный, нанотехнологический. Уже одно их перечисление показывает, что они сформированы в высокотехнологичных областях и позволят региону высокоэффективно интегрироваться в мировое разделение труда. Создание этих кластеров решает ряд важных экономических, технических и социальных задач.

Интеграция в условиях кластера обеспечивает дешевый доступ слабых предприятий к специализированным факторам производства: новому оборудованию и технологиям. В регионе есть конкурентоспособные (на внутреннем и внешнем рынках) предприятия-лидеры. В Ульяновской области следует назвать ОАО «УАЗ», ОАО «Авиастар», ОАО «НИИ атомных реакторов». Важную роль в их деятельности играет согласованная инвестиционная политика. Так, для развития нанотехнологического кластера по линии госкорпорации «Роснано» привлекается более 1 млрд руб., в том числе порядка 700 млн руб. тратится на закупку нового оборудования. Это позволяет перевооружить отрасль и дает возможность быстро развиваться. При этом интеграция снижает стоимость сделок, минимизирует издержки, освобождает от импорта, сдерживает повышение цен поставщиками и невыполнение ими своих обязательств, снижает издержки адаптации предприятий к изменениям на рынках.

Интеграция оптимизирует привлечение инвестиций на закупку различного оборудования, позволяет активизировать выполнение НИР и ОКР, накапливает специализированную информацию (знания), доступ к которой лучше организован и требует меньших издержек, а также облегчает движение потоков информации внутри кластера. При этом обеспечивается взаимодополняемость видов деятельности внутри кластера (удовлетворение покупательского спроса, маркетинг, закупки и т. д.), тем самым повышается качество и эффективность работы. Это снижает затраты на внедрение ОКР и обеспечивает эффективное развитие производства.

Стимулы к внедрению инноваций создает конкурентное давление внутри кластера. Однако при определенных условиях кластеры способны замедлять инновации. Так, возможно возникновение «группового мышления» (особой культуры кластера), которое может быть направлено на консервацию выбранных стратегий поведения и будет подавлять новые идеи. Для преодоления этого процесса в Ульяновской области кластеры интегрируются управляющими компаниями, которые создаются в экономико-правовых формах ЗАО, некоммерческих партнерств и автономных учреждений. При этом представляется, что форма некоммерческих организаций является более предпочтительной, так как они, лишённые возможности получать прибыль, не аккумулируют ресурсы на себя, а сосредотачиваются на процессах эффективного управления и этим зарабатывают средства для своей деятельности. Управление ведется при участии администрации региона. Это позволяет ей эффективно участвовать в процессах экономического развития и следить за исполнением кластерами социальных функций, связанных с повышением уровня жизни жителей региона.

Четверть валового продукта Ульяновской области создается в сфере промышленного производства. Поддержка эффективности и конкурентоспособности этого сегмента экономики региона является ключевой задачей органов государственной власти области. По мнению Президента РФ Д. А. Медведева, поддержка конкурентоспособности России в мире невозможна без непрерывного развития и внедрения инноваций. Руководство области осознает значимость инноваций и стремится создать работоспособную инфраструктуру для их внедрения в регионе. Благодаря проведению эффективной инновационной политики объем инновационной продукции, выпускаемой в области, растет быстрее, чем в среднем по России². Прирост инновационной продукции связан с высокими затратами на исследовательскую инновационную деятельность. Доля персонала, задействованного в исследованиях и разработках в регионе, также выше, чем в среднем по России.

Основной проблемой инновационного развития Ульяновской области является отсутствие эффективного механизма коммерциализации инновационных технологий и механизма создания малых инновационных предприятий. Этот недо-

статок преодолевается за счет функционирования промышленных кластеров. Рассмотрим эту политику на примере авиационного кластера.

В Ульяновской области активно поддерживается направление развития кластерной политики³. Так, Постановлением Правительства Ульяновской области «Об утверждении областной целевой программы „Ульяновск — авиационная столица“ на 2009—2011 годы» от 23 сентября 2009 г. № 35/342-П реализован проект создания авиационного кластера «Ульяновск-Авиа», разработана областная целевая программа «„Ульяновск — авиационная столица“ на 2009—2011 годы». Авиационный кластер в этом документе определен в качестве группы взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные учреждения, инфраструктурные компании), действующих в сфере авиационной промышленности и взаимодополняющих друг друга.

В авиационном кластере Ульяновской области сейчас насчитываются 19 предприятий и организаций, в том числе по производству и ремонтному обслуживанию ЗАО «Авиастар-СП»; по разработке и производству различных агрегатов и систем для авиационных заводов (ОАО «Утес», ОАО «УКБП», ООО «Агрегат», федеральный научно-производственный центр ОАО «Научно-производственное объединение „Марс“» (ФНПЦ ОАО «НПО „Марс“»); аэропорты (ОАО «Международный аэропорт „Ульяновск-Восточный“», ОАО «Аэропорт Ульяновск»); авиакомпании (ООО «Авиакомпания „Волга-Днепр“», филиал ООО «Авиакомпания „Волга-Днепр“» «Пассажирские перевозки», Ульяновский филиал ЗАО «Авиакомпания „Полет“»); аэроклубы (некоммерческое партнерство «Федерация авиационного спорта Ульяновской области»; негосударственное образовательное учреждение «Ульяновский аэроклуб Общероссийской общественной организации «Российская оборонная спортивно-техническая организация «РОСТО (ДОСААФ)»); по прикладным исследованиям и разработкам в конструировании узлов летательных аппаратов, создании новых материалов и технологических процессов (Ульяновский научно-технологический центр Всероссийского научно-исследовательского института авиационных материалов, Ульяновский филиал конструкторского бюро ОАО «Туполев»); образовательные учреждения (ФГНУ ВПО

«Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт)», Институт авиационных технологий и управления Ульяновского государственного технического университета, ОГОУ СПО «Ульяновский технический колледж», ФГОУ СПО «Ульяновский электромеханический колледж», муниципальное образовательное учреждение «Авторский лицей Эдварса № 90»).

Ожидаемый эффект от создания авиационного кластера в Ульяновской области заключается в увеличении объема производства в авиационной промышленности с 5,7 до 12 %; увеличении налоговых платежей в консолидированный бюджет Ульяновской области, создании 3 тыс. новых рабочих мест, повышении уровня заработной платы, создании новых предприятий сферы обслуживания авиационной отрасли.

Положительные результаты деятельности авиационного кластера не замедлили сказаться. Число пассажиров, воспользовавшихся услугами авиакомпаний, сравнительно увеличилось. Через аэропорт «Ульяновск» перевезены 71,7 тыс. чел., «Ульяновск-Восточный» — 59,2 тыс. чел. Показатели 2009 г. составили 53,3 и 8,5 тыс. чел. соответственно. В аэропорту «Ульяновск-Восточный» авиакомпанией «Авианова» на самолетах Airbus 320 с 28 марта 2010 г. организованы регулярные низкобюджетные рейсы по маршруту Москва — Ульяновск — Москва. В летний период 2010 г. осуществлялись чартерные пассажирские рейсы по маршруту Анталия — Ульяновск — Анталия авиакомпаниями «Татарстан» и «Оренбургские авиалинии», полеты выполнялись самолетами Boeing 737. Авиакомпанией «Газпромavia» осуществлялись регулярные перевозки по маршруту Сочи — Ульяновск — Сочи.

Успешные результаты деятельности авиационного кластера Ульяновской области дают положительный пример для возможности формирования кластеров в других отраслях промышленности. В частности, ведется работа по подготовке проекта создания автомобильного кластера в Ульяновске. Сейчас проект находится на этапе согласования. Центром автомобильного кластера станет Ульяновский автомобильный завод. Другими важнейшими составляющими кластера станут Димитровградский автоагрегатный завод (один из основных поставщиков ВАЗа) и более 70 предприятий, занимающихся производством автокомпонентов, в том числе «Ульяновский

моторный завод» и «Автодетальсервис», а также учебные заведения (УлГУ, УлГТУ, техникумы), которые готовят кадры для автомобильной промышленности.

Наряду с вышеназванными кластерами в Ульяновске формируются консорциумы промышленных предприятий сферы строительства, производства новых материалов, ядерной промышленности, сельского хозяйства и др. Так, в регионе в полную меру реализуется концепция кластерной политики. Такого рода интегративные структуры формируют точки роста в регионе, соответствующие приоритетным направлениям развития территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 09-06-00088-а.

² См.: Росстат. 2010. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 22.03.2011).

³ См.: Отчет министра промышленности и транспорта Ульяновской области: выступление министра промышленности и транспорта Ульяновской области Андрея Тюрина 27 января 2011 г.: заседание Законодательного собрания.

Поступила 19.04.11.

О. В. СМОЛАНОВА

ИНДИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ БЮДЖЕТНО-НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: муниципальное образование, бюджетно-налоговая безопасность, угроза, индикаторы бюджетно-налоговой безопасности, пороговые значения, интегральный показатель

Key words: municipal entity, budget and tax security, threat, budget and tax security indicators, authority ratio, integral index

В условиях экономического кризиса в России сократились доходы бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ, что отразилось на бюджетно-налоговой безопасности (БНБ) территорий, особенно муниципальных образований (МО). В связи с этим актуализируется вопрос о надежности формирования и использования фонда денежных средств для финансового обеспечения задач и функций органов местного самоуправления. Это обуславливает необходимость разработки системы индикаторов, позволяющих оперативно оценить БНБ МО.

В исследованиях отечественных экономистов проблемы БНБ освещены на макроуровне. На уровне МО исследования носят эпизодический характер, блок угроз не определен, индикаторы БНБ МО не представлены. Вместе с тем местные бюджеты являются самыми многочисленными. Будучи низовым звеном бюджетной системы государства, они представляют собой ее фундамент, от укрепления которого зависят прочность и надежность всей системы.

Анализ имеющихся подходов к трактовке категорий экономической и финансовой безопасности¹ позволяет дать следующую определение БНБ на уровне МО. Бюджетно-налоговая безопасность муниципальных образований — это совокупность внутренних и внешних условий, благоприятных для формирования и эффективного использования бюджетно-налоговых ресурсов МО, необходимых для обеспечения нужд муниципалитета и населения, при соответствующем контроле над их формированием и расходованием.

СМОЛАНОВА Оксана Владимировна, аспирант кафедры статистики Мордовского государственного университета.

ятных для формирования и эффективного использования бюджетно-налоговых ресурсов МО, необходимых для обеспечения нужд муниципалитета и населения, при соответствующем контроле над их формированием и расходованием.

Угроза БНБ МО представляет собой совокупность условий, факторов и процессов, создающих асимметрию финансовых ресурсов и потребности в них для осуществления социально-экономической политики муниципалитета, нарушающих финансовую самостоятельность и критические значения показателей БНБ. К основным угрозам БНБ МО относятся изменения в бюджетном и налоговом законодательстве, сокращение муниципальной собственности, дифференциация МО по уровню социально-экономического развития и обеспеченности собственными доходами местных бюджетов, уклонение от уплаты налогов, наличие значительных финансовых обязательств у МО.

Основными интересами МО являются обеспеченность собственными средствами и непосредственное участие в развитии своего района. С учетом этого количественную оценку уровня БНБ МО следует производить на основе предложенных ниже индикаторов, анализа их динамики и тенденций (табл. 1). Важно отметить, что выбор индикаторов, которые, по нашему мнению, наиболее объективно и точно отражают существующее положение местных бюджетов, осуществлялся на основе анализа значительного объема эмпирического материала.

Таблица 1

Индикаторы состояния бюджетов муниципальных образований

Обозначение	Индикатор	Формула расчета	Экономическая интерпретация индикатора
z_1	Доля исключительно собственных доходов в совокупных доходах, %	$\frac{СД_{\text{местн}}}{СД} \times 100 \%$	Показывает уровень налоговых доходов от региональных налогов и сборов и неналоговых доходов
z_2	Доля собственных доходов в совокупных доходах, %	$\frac{СД}{Д} \times 100 \%$	Показывает уровень собственных доходов, включая отчисления от федеральных налогов и сборов по ставкам, установленным для зачисления в региональные и местные бюджеты, региональные налоги и сборы и неналоговые доходы

Обозначение	Индикатор	Формула расчета	Экономическая интерпретация индикатора
z_3	Бюджетная результативность по доходам, руб.	$\frac{Д}{Ч}$	Показывает, сколько рублей приходится на каждого жителя муниципалитета
z_4	Сбалансированность бюджета, %	$\frac{Д}{Р} \times 100 \%$	Свидетельствует о том, в какой степени бюджетные расходы покрываются доходами
z_5	Обеспечение расходов по социальным статьям собственными доходами	$\frac{СД}{РС}$	Показывает, сколько рублей собственных доходов приходится на 1 руб. расходов местного бюджета по социальным статьям расходов
z_6	Доля расходов по социальным статьям в общей величине расходов, %	$\frac{РС}{Р} \times 100 \%$	Характеризует социальную направленность бюджета муниципального образования
z_7	Качество финансовой помощи	$\frac{БП_{субв}}{БП_{дот} + БП_{субс}}$	Характеризует степень участия муниципалитета в финансировании расходов

Дадим некоторые пояснения для табл. 1: $СД_{искл}$ — исключительно собственные налоговые доходы от региональных налогов и сборов и неналоговых доходов, руб.; $СД$ — собственные доходы, включая отчисления от федеральных налогов и сборов по ставкам, установленным для зачисления в региональные и местные бюджеты, региональные налоги и сборы и неналоговые доходы, руб.; $Д$ — совокупные доходы бюджета муниципального образования, руб.; $Ч$ — численность постоянного населения, проживающего на территории муниципального образования, руб.; $Р$ — расходы бюджета муниципального образования, руб.; $РС$ — расходы бюджета по социальным статьям муниципального образования, руб.; $БП_{субв}$ — субвенции бюджета муниципального образования, руб.; $БП_{дот}$ — дотации бюджета муниципального образования, руб.; $БП_{субс}$ — субсидии бюджета муниципального образования, руб.

Для БНБ важны не только индикаторы, но и их пороговые значения. Это предельные величины, несоблюдение значений которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области БНБ. В рамках нашего исследования пороговые

значения индикаторов состояния бюджетов МО установлены по результатам расчета интервалов вариации полученных максимальных и минимальных значений каждого показателя по МО Республики Мордовия (РМ) (табл. 2).

Таблица 2

Пороговые значения индикаторов БНБ МО РМ в 2010 г.

Индикатор	Критический уровень индикатора	Опасный уровень индикатора	Безопасный уровень индикатора
z_1	= 17,85	17,85—30,91	≥ 30,91
z_2	= 9,36	9,36—24,11	≥ 24,11
z_3	= 9124,52	9124,52—16350,47	≥ 16350,47
z_4	<100	—	≥100
z_5	= 0,45	0,45—0,62	≥ 0,62
z_6	= 0,29	0,29—0,41	≥ 0,41
z_7	= 0,97	0,97—0,98	≥ 0,98

В результате сопоставления уровня индикаторов и их пороговых значений делаем вывод о том, что по большинству индикаторов МО находятся в зоне опасности. Так, в период 2006—2010 г. фактические значения по таким показателям, как доля собственных доходов в совокупных доходах (z_2) и обеспечение расходов по социальным статьям собственными доходами (z_5), более чем наполовину от общего количества МО республики превышают пороговые значения. Таким образом, наибольшую опасность для БНБ МО РМ представляют недостаточность собственных бюджетных средств и неспособность МО обеспечить расходы по социальным статьям за счет собственных средств.

Для получения обобщенных характеристик БНБ МО РМ осуществлена интегральная рейтинговая оценка. В исследованиях и прикладных разработках применяются четыре основных метода интегрирования числовых значений частных показателей. Это методы по сумме мест, многомерных средних, «Паттерн», расстояний². Обобщающие характеристики, построенные с помощью метода многомерных средних на основе качественного анализа и с учетом объективно существующих корреляционных связей исходных показателей, позволяют снизить размерность факторного пространства, сохранив основную информацию об исследуемом объекте, и преодолеть трудности интерпретации, связанные с формальным подходом к агрегированию.

Поскольку исходные признаки, сгруппированные с целью построения обобщающих, имеют различные единицы измерения и неодинаковую значимость, построение обобщающих показателей обуславливает необходимость решения задач стандартизации исходных переменных. Такие преобразования не меняют соотношений между элементами совокупности и позволяют привести показатели группы к общей единице измерения. Наиболее широкое распространение получил способ стандартизации путем отнесения отклонений индивидуальных значений показателя от среднего по совокупности к среднеквадратическому отклонению. Агрегирование исходной статистической информации сводится к замене определенных в процессе качественного анализа стандартизированных показателей укрупненным фактором, который представляет собой простую арифметическую среднюю.

Таким образом, в результате свертывания исходных значений индикаторов мы получили интегральный показатель уровня БНБ. Пороговые значения интегрального показателя рассчитаны аналогичным способом, что и пороговые значения частных индикаторов БНБ. Классификации МО РМ по уровню интегрального показателя БНБ представлена в табл. 3.

В результате классификации МО по интегральным индикаторам БНБ можно сделать вывод о том, что за исследуемый период более половины МО РМ имеют небезопасный уровень состояния бюджета. При этом можно отметить в 2008 г. сокращение количества районов с низкой степенью безопасности и, соответственно, увеличение районов с высокой степенью безопасности, однако уже в 2009 г. ситуация вновь стала неблагоприятной в связи с последствиями экономического кризиса. В 2010 г. по сравнению с 2009 г. количество МО РМ, имеющих небезопасный уровень состояния бюджета, сократилось, однако по-прежнему их количество велико.

Отметим, что Рузаевский и Чамзинский районы, а также ГО Саранск в течение исследуемого периода имели высокий уровень безопасности бюджетов, а в Большеберезниковском районе, напротив, сохраняется весьма напряженная ситуация в сфере управления бюджетом и обеспеченности собственными средствами, что требует незамедлительных мер по повышению безопасности местного бюджета.

Таблица 3

Классификация МО РМ по уровню БНБ (2006—2010 гг.)

Уровень БНБ МО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Опасный	<= 1,35	<= 1,48	<= 1,34	<=0,82	<=1,23
	Большеберезниковский	Дубенский	Теньгушевский	Большеберезниковский	Большеберезниковский
Небезопасный	1,35—1,90	1,48—1,94	1,34—1,83	0,82—1,49	1,23—1,89
	Ардатовский, Атюрьевский, Большеигнатовский, Дубенский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Ичалковский, Кочкуровский, Краснослободский, Лямбирский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский	Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Инсарский, Ичалковский, Кочкуровский, Краснослободский, Лямбирский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский	Ардатовский, Большеберезниковский, Ичалковский, Ковылкинский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Темниковский, Торбеевский	Ардатовский, Атюрьевский, Атяшевский, Большеигнатовский, Дубенский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Ичалковский, Кадошкинский, Ковылкинский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Старошайговский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский	Ардатовский, Атюрьевский, Большеигнатовский, Ельниковский, Зубово-Полянский, Ичалковский, Ковылкинский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Темниковский, Теньгушевский, Торбеевский

Уровень БНБ МО	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Без- опасный	> 1,90	> 1,94	> 1,83	> 1,49	> 1,89
	Атяшевский, Инсарский, Кадош- кинский, Ковыл- кинский, Ромода- новский, Рузаевский, Чамзинский, ГО Саранск	Кадош- кинский, Ковыл- кинский, Ромода- новский, Рузаевский, Старо- шайговский, Чамзинский, ГО Саранск	Атюрь- евский, Атяшев- ский, Больше- игнатов- ский, Дубенский, Ельни- ковский, Зубово- Полянский, Инсарский, Кадош- кинский, Кочку- ровский, Рузаевский, Старо- шайговский, Чамзинский, ГО Саранск	Инсарский, Кочку- ровский, Рузаевский, Чамзинский, ГО Саранск	Атяшев- ский, Дубенский, Ельни- ковский, Кадош- кинский, Кочку- ровский, Рузаевский, Старо- шайговский, Чамзинский, ГО Саранск

Разработанные теоретические и методические положения могут служить основой для совершенствования информационного и методического обеспечения оценки уровней и типов БНБ МО. Практическое применение результатов исследования может способствовать выработке дифференцированной финансовой политики по отношению к различным МО региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 5—6; Райсберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М., 2000; Сенчагов В.К. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 99; Экономическая безопасность / под ред. В.К. Сенчагова. М., 1998; Тамбовцев В.Л. Объект экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 46.

² См.: Региональная статистика: учеб. пособие. Самара, 1999. 384 с.; Сажин Ю.В., Ивенин Е.Н. Многомерный анализ структуры и взаимосвязей технико-экономических показателей. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1991. 130 с.

Поступила 10.06.11.

И. Б. ЮЛЕНКОВА

МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ИННОВАЦИЙ¹

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес, инновации, финансовое обеспечение, кредитование
Key words: entrepreneurship, business, innovations, financial provision, crediting

В условиях современных реформ активизация инновационной деятельности является объективной необходимостью подъема экономики и социального развития России. Для этого есть достаточный научно-технологический потенциал и соответствующие факторы его эффективного использования в национальной экономике. К числу таких факторов, на наш взгляд, можно отнести развитие малого предпринимательства (МП) на основе малого бизнеса в научно-технической и инновационной сферах деятельности.

МП в инновационной сфере формируется несколькими путями. Инновационные предприятия могут выделяться из состава крупных государственных научных организаций, финансирование которых постоянно сокращается и которые не могут приспособиться к новым экономическим условиям. Деятельность малых фирм в этом случае направлена в основном на модернизацию и совершенствование разработанных на материнской фирме видов техники.

Инновационные предприятия могут создаваться как рыночные дублеры лабораторий и отделов отраслевых НИИ, производственных объединений и промышленных предприятий. В этом случае они не только ведут научные и прикладные исследования, но и могут доводить их до коммерческой реализации, завершая тем самым полный инновационный цикл.

ЮЛЕНКОВА Ирина Борисовна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Еще одним путем образования инновационных предприятий является объединение группы разработчиков для производства конкурентоспособной и прибыльной наукоемкой продукции. Период их существования часто ограничивается сроками реализации идеи. Инновационные предприятия могут формироваться и как посредники для продвижения инноваций и технологий, создаваемых специалистами в той или иной области. Роль таких фирм особенно значительна в регионах, где научно-технические и маркетинговые связи слабее, чем в центре.

Инновационный бизнес привлекателен для бизнесмена по ряду причин. Во-первых, он призван совершенствовать деятельность всех других сфер предпринимательства, так как без инновационной составляющей любому бизнесу крайне сложно конкурировать. Во-вторых, он ориентирован на конкретные потребности покупателя и, в-третьих, всегда носит актуальный и соревновательный характер.

Несмотря на невысокую долю инновационного предпринимательства в общей структуре малого бизнеса России, эту область малого бизнеса можно поставить на одно из ведущих мест по значимости для развития экономики.

Как показывает мировой опыт, социально-экономическое развитие государства и обеспечение его конкурентоспособности на внешнем рынке обеспечивается прежде всего наличием развитой национальной инновационной системы. Во многих странах по-разному приняты определенные меры для саморазвития МП в научно-технической сфере, помогающие ему войти в рынок, найти источники финансирования, партнеров, сбытовые цепочки, снизить системные риски и др. Важно подчеркнуть, что государство везде инициирует создание и развитие определенной инфраструктуры, обеспечивает для этого правовую базу, финансовые условия, организационно-методическое и аналитическое сопровождение.

При всей своей привлекательности малый инновационный бизнес на современном этапе имеет серьезные проблемы. К основным барьерам развития инновационного малого бизнеса следует отнести отсутствие правовой основы; низкую востребованность малого инновационного бизнеса; кадровую проблему, которая возникает из-за того, что опытные кадры уходят, а у молодых специалистов не хватает опыта в данной сфере, а также вследствие «утечки мозгов»; фи-

нансовые механизмы инновационной деятельности; низкую мотивацию исследователей; неблагоприятный экономический фон, так как кризис экономики, науки и образования не дает развиваться малому инновационному бизнесу.

Выявленные проблемы позволяют нам сделать вывод о необходимости формирования собственной национальной инновационной системы, основой которой будет развитая инновационная инфраструктура. Инновационная сфера деятельности играет важную роль и в экономическом развитии регионов.

Региональная инновационная система (РИС) в отличие от национальной определяется как подсистема социально-экономической политики региона и инновационной политики, проводимой на федеральном уровне, а также региональной политики, проводимой на федеральном уровне и направленной на эффективное использование потенциала регионов и выравнивание их экономического развития.

Не является исключением и Республика Мордовия, где сосредоточена заметная доля неиспользуемого научного потенциала России — научных кадров промышленности и вузовской науки. Это первый фактор, благоприятствующий развитию малого бизнеса в инновационной сфере региона. Вторым фактором — возможность использования научного потенциала для развития промышленности и реструктуризации экономики республики. Третьим фактором, определяющим значение инновационной деятельности для реструктуризации экономики Мордовии, является наличие неиспользуемых мощностей крупных предприятий, в том числе все еще достаточно современного оборудования.

Реализовать эти факторы можно с помощью:

— восстановления деятельности этих предприятий. Однако сделать это, несмотря на усилия, не удастся из-за отсутствия рынка продаж и, следовательно, необходимых инвестиций для поддержания факторов производства на необходимом технологическом уровне;

— расширения малых предприятий, преимущественно ориентированных на практическую реализацию имеющегося научно-технического задела или на его трансферт в развитые страны для производства высокотехнологичной продукции;

— развития взаимодействия малых и крупных предприятий, однако при этом нельзя допустить ухода МП в теньевую экономику.

Необходимо проанализировать инновационный малый бизнес, учитывая его роль в экономике региона и РФ в целом (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика субъектов МП в сфере науки и научного обслуживания в Республике Мордовия в 2002—2010 гг.²

Показатель	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Количество малых предприятий	34	31	26	30	29	21	17	14	12
Темп роста, %	-19,0	-8,8	-16,1	-15,4	-3,3	-27,6	-19,0	-17,6	-14,3
Удельный вес в общем количестве МП, %	1,6	1,7	1,1	1,2	1,0	1,0	0,8	0,6	0,3
Численность работников, чел.	114	70	99	104	135	107	105	100	76
Темп роста, %	-31,3	-38,6	41,4	5,0	29,8	-20,0	-2,0	-5,2	-24,0
Удельный вес в общей численности работников МП, %	0,6	0,4	1,2	0,9	0,8	0,8	0,56	0,3	0,2

В сфере науки и научного обслуживания в 2010 г. действовали 12 малых предприятий, что на 14,28 % меньше, чем в 2009 г. Численность занятых на предприятиях этой сферы составила в 2010 г. 76 чел., что на 24 % меньше, чем в 2007 г. При этом важно отметить, что с 2006 г. наблюдается отрицательная тенденция по этому показателю. Объем выпускаемой продукции и оказанных услуг в 2010 г. составил 4 688 тыс. руб., что на 2,2 % меньше, чем в 2007 г. и на 20 % меньше уровня 2002 г. (табл. 2).

Удельный вес инновационного малого бизнеса в общем объеме МП республики крайне незначительный. В 2010 г. количество малых инновационных предприятий (МИП) составляло 0,3 % от общего количества малых предприятий республики. Численность занятых в сфере науки и научного обслуживания едва достигла 0,2 % от общей численности занятых на малых предприятиях. В структуре выпускаемой продукции и оказанных услуг доля МИП составила лишь 0,05 %. При обращении к данным официальной статистики

мы можем увидеть, что показатели удельного веса инновационного МП имеют тенденцию к снижению. За 9 лет (с 2002 по 2010 г.) количество МИП сократилось на 71 %. Приведенные данные свидетельствуют о недостаточном уровне развития малого инновационного бизнеса в республике и необходимости усиления его государственной поддержки.

Таблица 2

Объем выпуска товаров и услуг МП в сфере науки и научного обслуживания в Республике Мордовия в 2002—2010 гг.³

Показатель	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Выпуск товаров и услуг, тыс. руб.	12501	15850	21888	25832	6861	11157	7856	4791,6	4688
Темп роста, %	114,4	26,8	38,1	18,0	-73,4	62,6	-29,6	-39,0	-2,2
Удельный вес в общей численности работников МП, %	1,8	1,5	2	1,6	0,4	0,4	0,2	0,06	0,05

Процессы, происходящие в сфере МП Мордовии, свидетельствуют о том, что при значительном потенциале этот сектор еще далек от уровня, характерного для страны с развитой рыночной экономикой. Несмотря на то что за последние годы наблюдается значительный прирост по многим показателям в сфере МП, Мордовия все еще занимает последние места в рейтинге по Приволжскому федеральному округу⁴. Поэтому правительству республики необходимо проводить более эффективную политику поддержки МП по всем отраслям производства.

Отсутствие единого программно-целевого подхода к осуществлению комплексной поддержки инновационного малого бизнеса, который учитывал бы национальные задачи и специфические региональные особенности, существенно снижает эффективность принимаемых мер стимулирования его развития. В связи с этим представляется важным определение путей совершенствования развития региональной системы поддержки инновационного малого бизнеса.

Для решения обозначенных проблем необходимо принять меры к формированию современной нормативно-правовой базы для стимулирования инновационной деятельности предпринимательских структур. Кроме того, мы предлагаем

создать оптимальные условия для развития малого бизнеса в целом и малых предприятий инновационного сектора в частности: снизить пошлины на оборудование, решить таможенные проблемы, ввести льготы по налогу на прибыль, потреблению электроэнергии и аренде помещений. Очень важно обеспечить подготовку квалифицированных руководителей инновационных проектов. Исходя из этого, на наш взгляд, следует проводить политику по поддержке МП на федеральном и региональном уровнях.

Для развития инновационного бизнеса необходимо использовать различные формы финансирования: государственное, акционерное, венчурное, смешанное финансирование; банковские кредиты; финансовый лизинг; форфейтинг и франчайзинг.

Из средств госбюджетов различных уровней и специализированных государственных фондов финансируются направления инновационной деятельности, имеющие приоритетное значение. Предоставление бюджетных средств осуществляется в формах финансирования федеральных целевых инновационных программ, финансового обеспечения перспективных инновационных проектов на конкурсной основе.

К числу приоритетов государственной инновационной политики РФ относятся федеральные целевые программы «Национальная технологическая база», «Развитие электронной техники в РФ», «Развитие гражданской авиационной техники», «Информатизация РФ», «Технологии двойного назначения», «Развитие промышленной биотехнологии», «Реструктуризация и конверсия оборонной промышленности» и др.⁵

Государство, бесспорно, играет существенную роль в формировании финансовой инфраструктуры для малого инновационного бизнеса. Однако основное бремя и основные доходы от финансового обслуживания малого инновационного предпринимательства приходятся на финансовые институты, непосредственно взаимодействующие с малым бизнесом (банки, микрофинансовые институты, лизинговые и страховые компании). Именно они в любой развитой экономике осуществляют основную массу кредитования и инвестирования в малый бизнес, несут основные риски и оказывают основные сопровождающие финансовые и информационные услуги малым предприятиям.

Малому бизнесу сотрудничество с банками могло бы позволить с самого начала научиться планировать деятельность, анализировать рынок, управлять финансовыми потоками и адекватно оценивать свое состояние. Пока же финансированием реальных стартапов занимаются преимущественно даже не венчурные фонды, а бизнес-ангелы — успешные бизнесмены и специалисты, желающие вложить свои деньги в реальное производство и получить от него приличный доход.

Смешанное финансирование осуществляется путем привлечения финансовых средств, необходимых для реализации инновационных проектов, из различных источников. Примером этой формы финансирования является деятельность обществ взаимного кредитования — кредитных союзов и кооперативов. Кредитные кооперативы представляют собой форму организации взаимного кредитования граждан, физических лиц, которые не прибегают к помощи банков, каких-либо внешних источников кредитования, а работают по типу кассы взаимопомощи. В своей процентной политике кредитные кооперативы в основном ориентируются на Сбербанк. Кредиты, как правило, предоставляются на короткий срок. Направления вложений — потребительские нужды, торговые «челночные» операции, финансирование жилищного строительства.

Мировой опыт показывает, что общества взаимного кредитования являются полезными и эффективными источниками финансовой поддержки предпринимательства. Однако в настоящее время развитие этих форм тормозится отсутствием правовых норм и правил их деятельности. Иногда кредитные кооперативы сталкиваются с ситуацией отказа в регистрации или открытия банковского счета. Это приводит, с одной стороны, к ограничению круга операций, с другой — к увеличению «черного» наличного оборота.

Кредитные союзы и кооперативы как форма финансирования предпринимательства особенно важны для регионов. В связи с этим органам местного управления необходимо рассмотреть возможность подключения кредитных кооперативов к программам поддержки малого бизнеса, разработать процедуры совместного финансирования перспективных проектов, особенно в областях, жизненно важных для конкретного региона.

В этом же направлении могут работать фонды поддержки предпринимательства, бизнес-инкубаторы. Разработка конкретных форм их взаимодействия будет способствовать как институциональному развитию, так и улучшению предпринимательской среды, а объединение усилий региональной администрации, науки, бизнеса и консалтингового сообщества в интересах формирования и реализации стратегических региональных приоритетов будет только способствовать этому.

Сегодня мы можем сказать, что в России постепенно появляется новая структура государственного управления, формируется законодательная база, создающая условия для функционирования всей инновационной сферы в рыночных условиях. В связи с этим основными целями совершенствования системы финансового обеспечения развития предпринимательства должны быть формирование стимулов развития рыночных институтов и механизмов хозяйствования, создание благоприятных условий для повышения эффективности производства и обновления основных фондов инновационных малых предприятий, снижение общей налоговой нагрузки на экономику и бизнес.

Разработанный комплекс мер по совершенствованию организационно-экономического механизма поддержки инновационного МП будет способствовать оздоровлению социально-экономического положения региона, увеличению доходной части бюджетов всех уровней, а также снижению отраслевых и территориальных диспропорций развития малого инновационного бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке РГ НФ № 11-12-13001а/В.

² См.: Малое предпринимательство в России // Стат. сб. Росстат. 2010. 288 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: Велиева Н.С. Кредитование малого бизнеса в России: перспективы роста // Аудитор. 2007. № 11. С. 33—36.

Поступила 20.04.11.

Е. В. ЗАВАРЦЕВА

ОЦЕНКА КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕННЫХ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: модернизация, проект, управление, контекст управления проектами, промышленность

Key words: modernisation, project, management, projects management context, industry

В ответ на глобальные вызовы мирового финансово-экономического кризиса императивом социально-экономического развития становится модернизация и технологический подъем экономики. За последние годы в дискуссиях о модернизационном пути развития России все большее значение приобретают инновации. По мнению правительства, высокие технологии и передовые методы управления следует внедрять во все сферы жизни государства, а экономические факторы, как никогда ранее, вынуждают компании осуществлять масштабные преобразования для повышения производительности труда и прибыльности.

Ведущую роль в этом процессе играет проектная деятельность: управление крупными и малыми проектами, направленными на развитие высоких технологий, а также улучшение качества жизни и повышение конкурентоспособности предприятий в рыночной среде. Программно-целевые методы управления социально-экономическими системами, давно ставшие повседневной практикой в развитых странах, применяются и в России: в крупных национальных проектах, федеральных целевых программах, при переходе к целевому планированию и бюджетированию, ориентированному на конечный результат. Полагаем, что и в дальнейшем именно

ЗАВАРЦЕВА Екатерина Владимировна, старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии Мордовского государственного университета.

управление проектами будет играть ведущую роль в модернизации, которую можно представить как совокупность реализуемых крупных, масштабных и малых проектов, направленных на дальнейшее развитие и совершенствование техники и технологий, повышение конкурентоспособности в глобальной рыночной среде, улучшение качества жизни.

На основании опыта наиболее успешных организаций, которые проводят масштабные программы преобразований, в теории менеджмента сложилась концепция управления проектами, заключающаяся в умении направлять ресурсы, знания, навыки и руководить ими в ходе эффективного развертывания проектов. Благодаря этому подходу создается динамическая связь между формулированием стратегии, определением приоритетности инициатив и управлением ими. Разработка стратегий, направленных на создание ценности для заинтересованных лиц, может оказаться недостаточной для успеха, поскольку достижение стратегических целей означает проведение преобразований в компании, а внутренние силы, как правило, препятствуют их реализации. В этом контексте управление проектами следует рассматривать как механизм перевода стратегических приоритетов в согласованные практические инициативы с последующим управлением программами и проектами, сформированными с целью реализации этих стратегических приоритетов, и адаптацией к изменяющимся потребностям.

Эффективность управления проектами обеспечивается системным влиянием технической, поведенческой и контекстуальной компетенциями менеджмента организации. Если первые две представляют собой набор инструментальных и коммуникативных особенностей механизма проектного менеджмента (под ним мы понимаем интегрированную технологию менеджмента, основанную на обособлении объекта управления и представляющую собой комплексное решение межфункциональных задач с помощью горизонтально интегрированных структур в условиях жестких ресурсных и временных ограничений¹), то контекстуальные переменные являются определяющими при постановке всей системы управления проектами и представляют собой внешние и внутренние ее компоненты. Определяя базовые элементы контекста управления проектами, в первую очередь следует рассмотреть макроэкономические переменные: именно они

ставят общие условия функционирования организаций и определяют направления их проектной деятельности.

В настоящее время в Республике Мордовия сформировались устойчивые позитивные тенденции экономического развития, о чем свидетельствует динамика макроэкономических показателей региона. Экономика РМ в последнее время развивается достаточно динамично. За период 2005—2010 гг. в республике на 54,1 % увеличились объемы промышленного производства. По данным 2010 г., рост составил 23 % относительно послекризисного 2009 г., что в 2,5 раза выше среднероссийского показателя, на 8 % выше уровня докризисного 2008 г. Достаточно высоки темпы роста объема обрабатывающих производств (64,1 % за период 2005—2009 гг.), инвестиции в основной капитал увеличились за этот период более чем в 2 раза, объем экспорта продукции за последние 5 лет стал больше в 2,2 раза. В большинстве секторов экономики обеспечен рост среднемесячной заработной платы и реальных денежных доходов населения. За 2010 г. их рост по РМ составил 4,9 и 8,1 % соответственно².

Значительное влияние на рост ВРП оказывают высокие темпы роста производства предприятий машиностроения и металлообработки. Агрегированный индекс промышленного производства в 2010 г. составил 123,3 %, что обеспечено за счет модернизации действующих производств и наращивания выпуска новых видов конкурентоспособной продукции. Уместно предположить, что рост объемов промышленного производства в дальнейшем будет связан с изменением структуры промышленного комплекса за счет опережающего развития производств, обеспечивающих глубокую переработку сырья и материалов, ориентированных на выпуск современной конкурентоспособной продукции, прежде всего с высокой долей добавленной стоимости, динамичными инновационными процессами, происходящими в реальном секторе экономики. Приоритеты социально-экономической политики республики в перспективе должны быть связаны с реализацией инновационного сценария, предполагающего переход на инновационную модель развития и ориентирующего на повышение конкурентоспособности экономики, значительный рост инвестиций, осуществление ряда крупных инфраструктурных проектов.

На этой основе логично предположить, что в основе промышленной политики в среднесрочной перспективе должно лежать формирование динамично развивающегося инновационного комплекса с позиции конкурентоспособных кластеров³. Для этого необходимо обеспечить организацию производств, ориентированных на создание инноваций; формирование эффективных механизмов, позволяющих интегрированно управлять проектными решениями хозяйствующих субъектов в соответствии со стратегическими задачами развития республики и самой организации; формирование корпоративных структур в машиностроительном комплексе; создание принципиально новой модели промышленного развития, ориентированной на интеграцию в межрегиональные кооперационные связи; повышение неценовой конкурентоспособности предприятий; увеличение доли обрабатывающих производств с высокой степенью добавленной стоимости; опережающее развитие экспортно ориентированных и импортозамещающих производств; активизацию деятельности бизнес-инкубатора, венчурного фонда; создание технопарка.

По инновационному сценарию рост промышленного производства по республике за период 2009—2011 гг. может составить 32 %. При этом ускоренные темпы роста должны быть обусловлены повышением неценовой конкурентоспособности производств и дополнительной реализацией на базе промышленных предприятий ряда крупных проектов⁴. В соответствии с принятой Стратегией социально-экономического развития РМ до 2025 г. в качестве перспектив развития промышленного сектора обозначены формирование инновационно-технологической специализации; формирование и развитие конкурентоспособных кластеров (электротехнического, светотехнического, аграрного); обеспечение устойчивых темпов роста базовых секторов экономики; повышение инвестиционной привлекательности территории⁵. Таким образом, полагаем, что развитие промышленных предприятий будет стимулироваться по таким направлениям, как активизация инвестиционно-инновационной деятельности, развитие экспортно ориентированных производств, производство импортозамещающих продуктов, модернизация материально-технической базы.

Известно, что промышленный сектор экономики, особенно его высокотехнологичные сферы, весьма восприимчив к воздействию научно-технических факторов среды. Для

обеспечения технологического развития отечественной промышленности на основе создания и внедрения прорывных, ресурсосберегающих, экологически безопасных промышленных технологий для производства конкурентоспособной наукоемкой продукции Распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1761-р была принята Федеральная целевая программа «Национальная технологическая база» на 2007—2011 гг. В числе ее основных целевых индикаторов обозначено количество переданных в производство технологий, обеспечивающих конкурентоспособность конечного продукта; количество патентов и других документов, удостоверяющих новизну технологических решений и закрепляющих права на объекты интеллектуальной собственности; количество разработанных технологий, соответствующих мировому уровню или превышающих его. Анализ аналогичных показателей по РМ позволяет констатировать, что в республике ежегодно растет доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной, увеличивается и удельный вес предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, количество использованных передовых технологий⁶.

Во многом это обеспечено активной поддержкой проектной деятельности ряда крупных и средних промышленных предприятий органами государственной региональной власти. В РМ сформирована благоприятная инновационная инфраструктура, представленная ООО «Инновационно-технологический центр Республики Мордовия», ООО «Мордовский республиканский научно-технический центр „Электротехника Мордовии“», АНО «Гарантийный фонд кредитного обеспечения Республики Мордовия», ГУ «Бизнес-инкубатор Республики Мордовия», АУ «Региональный центр микрофинансирования Республики Мордовия», Центром трансфера технологий при Мордовском государственном университете. В соответствии с приоритетными направлениями развития науки, техники и технологий РМ поддержка научно-инновационных проектов организаций республики осуществляется из средств республиканского бюджета. В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 12 сентября 2008 г. № 1326-р в республике реализуется государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», которая позволит объединить существующую инновационную инфраструктуру и инновационно активные предприятия в единый механизм, даст до-

полнительные стимулы для развития инновационного малого и среднего бизнеса, включая малые научные предприятия при вузах и НИИ.

Научно-технические разработки требуют значительных затрат, как правило, долгосрочных и подчас не имеющих отдачи. Поэтому в условиях дефицита финансовых ресурсов предприятий становится более заметной роль государственного регулирования этого процесса, особое значение приобретает внешний нормативно-правовой контекст управления проектами. Законодательная деятельность субъектов РФ в инновационной сфере активизировалась после выхода в 1996 г. Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике»⁷. Также приняты Закон РМ «О поддержке инвестиционной деятельности в Республике Мордовия» от 20 февраля 2006 г. № 6-З, Указ Главы РМ «О стимулировании инвестиционной деятельности в Республике Мордовия», Положение о статусе «Особо важный инвестиционный проект» и др.

В целом внешние элементы контекста управления проектами промышленных предприятий РМ не только создают объективные предпосылки, но и способствуют развитию и формированию инфраструктуры проектного менеджмента. Однако наряду с положительными тенденциями следует выделить ряд проблем, сдерживающих устойчивое развитие и требующих решения: невысокий уровень инновационной активности промышленных предприятий, несмотря на наличие предприятий высокотехнологичных секторов экономики (светотехники, электротехники и пр.) и значительную активизацию инновационно-инвестиционной деятельности по региону в целом; технологическая зависимость промышленных предприятий от иностранных патентов и лицензий, технологий; значительная степень износа основных производственных фондов (среднее значение этого показателя по всем основным фондам РМ на 1 января 2010 г. достигло 60,0 %), что негативным образом сказывается не только на конкурентоспособности производимой продукции, но и на инновационной активности промышленных предприятий; внешняя энергозависимость промышленных предприятий региона; снижение доли научных кадров; растянутые сроки создания и внедрения новшеств.

К наиболее значимым переменным, влияющим на степень развития системы управления проектами, помимо макро-

экономических предпосылок, следует отнести экономический механизм управления: финансирование и стимулирование. Говоря о первом, отметим, что решение вопроса о финансировании исследований и разработок является одной из важнейших проблем, стоящих перед топ-менеджментом промышленных организаций и возникающих вследствие лимитированности оборотных средств, что приводит к необходимости разделения между сферами, способными дать быструю отдачу, и областями, отвечающими за решение долгосрочных задач (НИОКР). Рассматривая структуру источников финансирования проектной деятельности по РМ (таблица), следует отметить ориентацию на финансирование проектов с привлечением бюджетных средств, преобладание в структуре финансирования проектов заемных средств (в основном бюджетных), жесткую лимитированность финансовых ресурсов, отсутствие практики проектного финансирования.

Таблица

Источники финансирования проектной деятельности, млн руб.⁸

Показатель	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Индекс	
						базовый	цепной
Объем затрат на НИОКР	215,3	319,0	407,7	549,3	780,4	362,5	142,1
В том числе:							
— объем внутренних затрат	211,0	266,1	371,8	532,6	647,4	306,8	121,6
Из них:							
— собственные средства	74,8	119,1	191,5	273,5	263,1	351,7	96,2
— бюджетные средства	71,9	85,4	93,3	200,4	314,1	436,9	156,7
— средства внебюджетных фондов	20,4	25,4	35,2	41,5	46	225,5	110,8
— средства организаций сектора высшего образования	0,4	3,3	0,2	6,8	14	в 35 раз	205,9
— средства иностранных источников	0,9	0,5	2,3	3	2,5	277,8	83,3
— прочие источники финансирования	42,6	32,4	49,3	7,4	7,7	18,1	104,1
Объем внешних затрат	4,3	52,9	35,9	16,7	133,0	в 30 раз	в 8 раз

Финансовая поддержка отдельных проектов носит адресный характер и состоит либо в предоставлении льготного кредита (действует механизм субсидирования 2/3 упла-

ченных процентов за пользование кредитами российских кредитных организаций, направленных на осуществление наиболее эффективных инвестиционных проектов), либо гарантий правительства РМ. Распределение заложенных в бюджете средств производится исключительно на конкурсной основе. Все проекты проходят многоуровневую экспертизу, организуемую научно-техническим советом при Правительстве РМ и отраслевыми органами исполнительной власти республики⁹.

Рассматривая внутренние контекстуальные переменные управления проектами промышленных предприятий региона, можно отметить их множественность, определяемую в каждом отдельном случае масштабом, значимостью и направленностью проектной деятельности. Вместе с тем обращает на себя внимание ряд общих для большинства промышленных предприятий РМ проблем, препятствующих успешному развитию системы управления проектами: недостаточная концентрация ресурсов на приоритетных направлениях; декавалификация персонала и снижение доли научных кадров; отсутствие гибких инструментов финансирования, взаимосвязи проектной деятельности со стратегией предприятия, формализованных процедур и систем интегрированного управления проектами, четкого закрепления функций по управлению предметными областями проекта. Заметим, что эффективность всей системы управления проектами в значительной степени определяется синергизмом взаимодействия всего множества элементов контекста управления проектами, согласованностью работы всех звеньев системы, нацеленной на один результат.

Таким образом, оценка базовых контекстуальных переменных системы управления проектами промышленных предприятий региона позволяет констатировать наличие существенного потенциала ее развития. Обозначенные внешние контекстуальные переменные оказывают значительное влияние на постановку стратегических задач промышленных предприятий, что в свою очередь отражается на содержательной стороне их проектной деятельности; внутренние переменные определяют эффективность управления проектами каждой организации. Однако нельзя забывать, что контекст управления проектами служит лишь общей платформой для реализации эффективного управления. При

постановке, поддержке и развитии механизма проектного менеджмента необходим интеграционный подход, органично связывающий современные достижения в области менеджмента и управления проектами со сложившейся практикой работы отечественных промышленных организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горина А.П., Заварцева Е.В. Проектно-ориентированный подход в системе менеджмента предприятия: организационное развитие // Вестн. Поволж. гос. ун-та сервиса. Сер.: Экономика. 2010. № 9. С. 31—39.

² См.: Данные сводно-аналитического отдела Министерства экономики Республики Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/socoeconom/socpoloj.html> (дата обращения: 14.03.2011).

³ См.: Горина А.П., Горин И.А. Стратегия развития Республики Мордовия с позиции конкурентоспособных кластеров // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 26. С. 16—23.

⁴ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному собранию Республики Мордовия 17 декабря 2010 года. URL: <http://www.e-mordovia.ru/content/view/44> (дата обращения: 14.03.2011).

⁵ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года. URL: <http://www.csr-nw.ru> (дата обращения: 19.02.2011).

⁶ См.: Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <http://mrd.gks.ru/public/default.aspx> (дата обращения: 14.03.2011).

⁷ Там же.

⁸ См.: Марабаева Л.В., Соколов О.А. Нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности на региональном уровне // Инновации. 2005. № 4. С. 61—63.

⁹ См.: Их же. Государственное регулирование научно-инновационной деятельности в России: направления и методы // Там же. № 10. С. 26—31.

Поступила 17.03.11.

Н. А. ДУБРОВИНА   А. П. РАДЧЕНКО

МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Ключевые слова: технологический потенциал, предприятия машиностроения, качество продукции, конкурентоспособность, ресурсоотдача

Key words: technological potential, mechanic engineering enterprises, product quality, competitive ability, resource productivity

В условиях перехода к модернизации отечественной промышленности особое место отводится ускорению темпов технологического потенциала машиностроительного комплекса, в котором создаются предпосылки совершенствования элементов материально-технической базы всей экономики. Динамика производственного потенциала машиностроения обусловлена прежде всего технологическим развитием, темпы которого в последние годы не увеличивались. Межотраслевой структурно-системный кризис во многом стал причиной разрушения цикличности функционирования элементов технологического пространства и снижения уровня общей управляемости НТП. Необходима объективная информация

ДУБРОВИНА Наталья Александровна, заведующая кафедрой общего и стратегического менеджмента Самарского государственного университета, кандидат экономических наук.

РАДЧЕНКО Андрей Петрович, соискатель кафедры экономики промышленности Самарского государственного экономического университета.

о циклах в системе базовых элементов производства (материалы, оборудование, энергоносители). Анализ тенденций развития отраслей, предприятий (организаций) предполагает наличие данных о циклах, которые следует учитывать при управлении предприятием и элементами его потенциала.

К основным циклам, динамика которых может характеризовать тенденции конкурентоспособности и конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, относятся инновационный, маркетинговый, инвестиционный, информационный, технологический, производственный, управленческий, учетный, коммерческий, финансовый, воспроизводственный, жизненный цикл продукции. Экономически оптимальная сбалансированность и структурная упорядоченность этих циклов может свидетельствовать о темпах качественных изменений в деятельности предприятий машиностроения. В отрасли пока нет научно-методических исследований, направленных на поиск структурно-динамических резервов комплексного, эффективного развития предприятий. Есть необходимость иметь аналитиков-системотехников, роль которых в зарубежных фирмах оценивается очень высоко. На крупных машиностроительных предприятиях имеются отделы, координирующие работу, связанную со стратегическим развитием, и решающие задачи научно-инновационного развития и эволюции технологического потенциала. С учетом динамики научно-технологического прогресса и реальной организационно-экономической ситуации в наукоемких подотраслях машиностроительного комплекса актуализируется проблема кадрового обеспечения инновационной деятельности. Развитие инновационно-технологического потенциала машиностроения предполагает четкую концепцию механизмов управления, в том числе по функциональному признаку с позиции системного подхода на различных уровнях управления предприятиями.

Для машиностроения повышение уровня инновационно-технологического потенциала является основным фактором обеспечения высокого качества выпускаемой продукции и ее конкурентоспособности. Это имеет определяющее значение в условиях достаточно жесткой конкуренции на рынках машиностроительной продукции и в связи с финансовыми проблемами в экономике страны. Практика управления развитием материально-технической базы отечественного

машиностроения показывает, что всегда следует предусматривать этапы соответствующего регулирования развитием такого рода. В машиностроении для эффективного развития инновационно-технологического потенциала необходимо комплексное обеспечение.

Основные виды обеспечения должны быть связаны с наиболее важными направлениями их государственной поддержки. Среди этих направлений следует назвать кадровое, информационное, научное, инвестиционное, финансово-экономическое, материально-техническое, методическое, организационное обеспечение.

В реальных хозяйственных условиях эти виды обеспечения в качестве целевой государственной поддержки должны быть предусмотрены в бюджете страны и ведущих регионов в размерах, соответствующих требованиям развития отечественной экономики. Ресурсный подход предполагает исследование всех видов организационно-экономических и других резервов повышения результатов хозяйствования. В отечественном машиностроении в условиях ограниченных инвестиционных и других ресурсов многие руководители стремятся рационально их расходовать, однако часто не учитывают очевидные приоритеты ведущих структурных подразделений в решении проблем перехода к выпуску конкурентоспособной продукции.

Управление процессом ускорения создания наукоемкой конкурентоспособной машиностроительной продукции предполагает соблюдение приоритетности затрат, связанных с производством этой продукции, по признаку их значимости. Сама система распределения затрат на развитие машиностроительного производства представляется как ориентир для этапа формирования основных расходов на изготовление новой продукции, особенно в серийном машиностроении. При комплексном анализе качества работы структурных подразделений конкретного предприятия необходимо учитывать вопросы динамики ресурсоотдачи, когда есть условия внедрять реальный хозяйственный расчет на базе системы соответствующих показателей в ведущих производствах. Это относится к показателям тактического и стратегического характера, в том числе к инвестиционным вложениям и затратам, связанным и с природоохранной деятельностью, когда нет синхронности в получении результатов

от соответствующих прямых и косвенных затрат. Наличие определенных разновременных эффектов (технических, экономических и организационных) затрудняет выполнение интегральной количественной оценки итогов деятельности, которые могли бы стать основой для оценки эффективности производства на предприятии с учетом лага инфляционных процессов. Но многие изменения на предприятиях, к сожалению, не учитываются. При этом только системное управление технологическим развитием машиностроения с учетом всего многообразия технических, организационных, экономических, структурных и других факторов позволяет повышать результаты хозяйственной деятельности.

Важное значение имеет проблема инвестирования программ развития материально-технической базы предприятий машиностроения страны. Следует учитывать, что эффективность инвестирования экономики определяется многими условиями, центральное место среди которых занимает система интересов его участников. Но для того чтобы эта система функционировала нестихийно, один из участников должен координировать ее деятельность. В России таким координатором в рамках законодательного «поля» может и должно быть государство. Эффективное решение сложных проблем развития технологического потенциала машиностроительного комплекса страны возможно при выделении для этого средств из федеральных и других источников. Зарубежные инвесторы пока не могут существенно изменить сложную ситуацию в отечественном машиностроении.

Основными направлениями ускорения развития машиностроения, на наш взгляд, являются системное совершенствование структуры и взаимодействие отдельных подотраслей комплекса (автостроение, станкостроение, нефтегазовое машиностроение, приборостроение); модернизация материально-технической базы предприятий машиностроения на основе перевооружения; развитие функционально-производственных и экономических связей внутри машиностроения (в системе гражданского машиностроения и оборонно-промышленного комплекса); совершенствование экономического механизма управления; формирование межотраслевых производств и систем производственной инфраструктуры на базе внутрипроизводственных резервов; осуществление промышленной политики с учетом реальных возможностей инвестирования

и эффективности инновационной деятельности; структурно-технологическая оптимизация элементов производственного потенциала предприятий машиностроения.

К важнейшим направлениям стабилизации развития машиностроения относятся:

— системное проведение реструктуризации машиностроения, что диктуется необходимостью более гибкого и эффективного приспособления предприятий этой отрасли к объективным требованиям рыночных факторов. Следует при этом учитывать, что эта отрасль имеет пока некоторый экспортный потенциал;

— конкретно-целевое выделение государственных средств для поддержания производственно-технологического потенциала машиностроения, что обуславливается важностью сохранения предприятий системы оборонно-промышленного комплекса, роль которых важна для обеспечения оптимального уровня обороноспособности страны. При этом следует обратить внимание на вопросы сохранения и совершенствования двойных технологий, использование которых позволяет создавать современные виды технических систем военного и гражданского назначения в ведущих отраслях машиностроения;

— системный поиск внутрипроизводственных резервов повышения результативности хозяйственной деятельности. При этом следует отметить возможность экономии различного рода ресурсов, в том числе материально-энергетических. Реализация резервов в этом случае может быть не связана с большими единовременными затратами. Необходимо реализовать прежде всего комплекс организационных мероприятий на основе использования резервов структурного характера;

— научно обоснованное создание совместных предприятий. Это направление получает наибольшее развитие в транспортном машиностроении, включая в первую очередь группы предприятий автомобилестроения. Но нерешенность многих законодательно-нормативных проблем сдерживает эту сферу деятельности и в автомобильной промышленности.

«Сопряжение» технологически родственных предприятий создает предпосылки для повышения качества выпускаемых автомобилей. В России накапливается определенный опыт функционально-технологического сотрудничества даже в авиакосмическом комплексе. Эффективная реализация

долгосрочных международных проектов в наукоемких отраслях машиностроительного комплекса должна стать важной стратегической функцией соответствующих координирующих органов. При этом машиностроение может «проявлять себя» и в строительном комплексе, и АПК, где потенциал машиностроения используется пока недостаточно.

Кризисная ситуация не позволяет решать задачи обновления основных промышленно-производственных фондов. Поэтому, на наш взгляд, 6—9 лет сложно рассчитывать на возможность качественного совершенствования материально-технической базы предприятий отрасли, что является негативным фактором, замедляющим темпы развития технологического потенциала.

За последние 10 лет практически не повысились основные технико-экономические показатели предприятий машиностроения. Особо сложная ситуация наблюдается в подотраслях машиностроения, производящих наукоемкую продукцию. По некоторым оценкам, доля машиностроения России в общемировом наукоемком продукте упала до катастрофической величины — 0,6—0,9 %. Постепенно Россия «выпадает» из мирового рынка высокотехнологичной продукции. Отечественное машиностроение теряет возможность воспроизводства высоких технологий. Отнюдь не достаточна государственная поддержка развития высоких технологий в машиностроении.

Низкие темпы развития машиностроения России приводят к ее зависимости от стран-производителей технических систем новых поколений. Доля машин и оборудования в общем объеме импорта в России с 1993 г. постоянно увеличивалась. Многие специалисты отмечают, что это оборудование, а в ряде случаев и технологии «второй свежести»; отбор новых технологий для использования в отечественном машиностроении (особенно на предприятиях, выпускающих наукоемкую продукцию) осуществляется без учета реального уровня технологической многоукладности и часто без научных расчетов эффективности таких технологий. Сейчас в машиностроении России необходим технологический прорыв, под которым понимаются массовый переход на принципиально новые технологии, использование современного оборудования на предприятиях, ускорение обновления материально-технической базы основных и вспомогательных

производств в системе технологических переделов для выпуска конкурентоспособной продукции.

Анализируя факторы активизации развития общего потенциала машиностроения, следует обозначить признаки-критерии деловой активности предприятий в реальных рыночных условиях с учетом воздействия внешних факторов финансового и военно-политического характера. Такими признаками деловой активности машиностроения можно считать перенос производственных операций (части производственного цикла) за пределы национальных границ (совместные предприятия); концентрацию финишных операций в рамках национальной системы совместных предприятий; увеличение доли преимущественно интенсивных факторов динамики эффективности машиностроительного производства; опережающие темпы выпуска наукоемкой продукции в общей структуре ресурсоемкости; опережающие темпы вложения «внешних» инвестиций в развитие материально-технической базы предприятий машиностроения; опережающие темпы выпуска продукции на экспорт.

В ведущих отраслях экономики страны в комплексе мер государственной поддержки их развития необходимы кредиты риска при создании принципиально новой продукции. Исследования показывают, что организационно-экономические и другие механизмы развития инновационно-технологического потенциала нуждаются в значительном улучшении.

В машиностроительном комплексе пока нет координации в реализации разрозненных научно-технических программ, в том числе и федерального значения. В отрасли освоение новой продукции происходит медленными темпами из-за отсутствия внешних инвестиций и кредитных возможностей предприятий. В условиях дефицита инвестиций можно получить определенные положительные хозяйственные результаты, если профессионально заниматься инновационной деятельностью. Особым резервом повышения эффективности машиностроительного производства является последовательное улучшение производственно-хозяйственных связей предприятий-смежников на принципах коммерческой (долевой) прибыли. Углубление специализации и кооперирования требует разработки долгосрочной промышленной политики, реализация основных положений которой должна осуществляться на единой законодательной базе в интересах хозяй-

ствующих субъектов. Необходимо при этом совершенствовать организационные схемы взаимодействия «сопряженных» предприятий в связи с производством сложной трудо- и наукоемкой продукции с ориентацией на конечный результат. В современных условиях хозяйствования переход к выпуску наукоемкой продукции предполагает масштабное целевое финансирование ведущих подотраслей машиностроительного комплекса на государственном уровне.

Широкое и эффективное применение современных технологий связано прежде всего с повышением качества рабочей силы. Проблемы повышения ее качества вызваны закономерным процессом развития технологий и усложнением информационного пространства. Замедление темпа качества рабочей силы за последние годы (как одна из важнейших причин) способствовало снижению темпа роста эффективности производства в машиностроении. Часто новые технологии не могут реализовать заложенный в них технико-экономический потенциал, что отражается на уровне производительности оборудования. Рост автоматизации производства не дает проектного социально-экономического эффекта без опережающего темпа роста качества рабочей силы, особенно на «стыках» производителей-отраслей оборудования (машин) и отраслей-потребителей этих машин, когда не обеспечивается единая научно обоснованная технологическая идеология, сориентированная на достижение высоких конечных результатов.

В ближайшие 10—15 лет развитие производственного потенциала возможно только за счет опережения темпов эффективности использования рабочей силы. Речь идет о стратегии ускоренного перехода преимущественно к интенсивным методам хозяйствования в отечественном машиностроении. Даже в условиях комплексной автоматизации производства роль человеческого фактора остается определяющей. Актуальным вопросом государственной научно-технической политики является государственная кадровая политика в сфере научной деятельности (как в системе академических, так и вузовских структур). Сложной остается проблема отраслевой науки, значение которой в последние 15—18 лет необоснованно принижено. Это характерно и для предприятий оборонно-промышленного комплекса, где в 1977—1991 гг. были мощные научно-исследовательские и

опытно-конструкторские подразделения, в которых было занято около 3—4 % специалистов. На крупных предприятиях автомобилестроения, тяжелого и энергетического машиностроения еще сохранились научно-исследовательские центры, которые имеют относительно высокий научный, кадровый потенциал и опытно-экспериментальную базу для решения задач, связанных с созданием новой конкурентоспособной продукции. Вместе с тем для сохранения этого потенциала требуется целевая финансовая поддержка со стороны правительства, особенно в системе оборонно-промышленного комплекса (ОГК).

Развитие организационно-правовых форм в системе управления крупными внутриотраслевыми комплексами может способствовать активизации инновационной деятельности, так как появляются финансовые возможности. Связано это и с тем, что в холдингах создаются структурные подразделения, в составе которых работают специалисты в области инновационного менеджмента и технологического маркетинга.

В стране в последние годы не отмечается активной государственной поддержки развития современных технологий в ведущих отраслях экономики, что обуславливается отсутствием теоретико-методологических обоснований стратегии инновационно-технологического развития базовых отраслей промышленности. Ориентация преимущественно на текущие задачи экономического развития связана в значительной мере с отсутствием государственной промышленной и технологической политики развития базовых отраслей экономики. Уже более 18 лет отмечается понижение «порога» научно-технологической безопасности в наукоемких отраслях, особенно в машиностроительном комплексе страны. Заметен регресс во многих подотраслях, к которым относятся самолетостроение, станкостроение и приборостроение. При этом практически во всех машиностроительных центрах страны остается невостребованность сохранившегося по ряду элементов современного производства научно-технологического потенциала.

Пока в машиностроении недостаточно решаются проблемы, связанные с реалиями энерготехнологической многоукладности, которая сдерживает «прорывные» прогрессивные технические решения как в области орудий, так и предметов труда. Главную роль здесь играют целевые государствен-

ные программы. Так, в целевой программе «Национальная технологическая база» выражена идея совершенствования технологических укладов. Технологическая многоукладность в машиностроении является одним из сдерживающих факторов, не позволяющих повышать инновационно-технологический потенциал предприятий. Представляется, что создание современных технологических укладов невозможно без дальнейшего снижения отрицательных последствий энергетической многоукладности.

Следует учитывать и то, что в отличие от основного технологического оборудования уровень энерготехнологического оборудования имеет более низкие характеристики производственного «сопряжения» в системе классических переделов машиностроительного производства. В качестве главных причин, которые привели к снижению эффективности развития технологического потенциала в машиностроительном комплексе в последние годы, следует назвать несовершенство системы управления научно-технологическим прогрессом; разрушение единого организационно-экономического и научно-информационного пространства на межотраслевом и межрегиональном уровнях; необоснованную приватизацию госсобственности, приведшую к деформации всей научно-технической сферы, включая ОКБ, НИИ; отсутствие стратегии развития машиностроения и связанных с ним отраслей; несовершенную систему привлечения иностранных инвестиций в сферу высоких технологий; отсутствие инновационных ресурсов для опережающего развития приоритетных НИОКР (в том числе для расширения потенциала технологий «двойного» назначения); высокий физический износ оборудования большинства предприятий, выпускающих особо сложную и наукоемкую продукцию; отсутствие концепции подготовки инженерных кадров для наукоемких отраслей машиностроения на государственном уровне; низкий уровень инновационного менеджмента; невыполнение большинства государственных программ по развитию базовых технологий машиностроения; несовершенство механизмов стимулирования создания прогрессивных технологий.

На предприятиях ОГК сохранились «заделы» по двойным технологиям производства прогрессивных конструктивных и инструментальных материалов, но этот потенциал используется недостаточно в силу ряда организационно-

экономических причин. Во многом это связано с тем, что государственные программы по развитию новых технологий реализуются очень медленно, что относится в первую очередь к созданию новых материалов и оборудования. Необходимо, чтобы государственные заказы на разработку новых «прорывных» технологий имели приоритеты, так как это может быть определенным условием интеграции России в мировое технологическое пространство. Реальные инвестиции, преимущественно ориентированные на развитие прогрессивных технологий, должны быть экономически привлекательными и иметь определенную защиту со стороны государства. При этом государственные межотраслевые научно-исследовательские центры развития базовых технологий при преимущественно бюджетном финансировании необходимо создавать в ведущих машиностроительных центрах страны. Например, в США особое внимание уделяется проблемам, связанным с развитием технологий национального масштаба и в системе отдельных отраслей промышленности. В США уже многие годы центры промышленной технологии при поддержке правительства действуют при ведущих университетах страны. Управление промышленной технологии входит в состав министерства торговли США, но подчиняется непосредственно президенту.

В России в 1997 г. создано Министерство промышленности, науки и технологий, которое было призвано осуществлять работу по проведению технической политики на государственном уровне на базе научно-технологического потенциала страны и расширения внешнеэкономической деятельности за счет развития инновационного сектора экономики. В этом министерстве разрабатывались стратегические программы повышения результативности научного задела в системе институтов РАН и ведущих вузов страны, на основе которого можно с определенной степенью точности прогнозировать появление новой продукции.

В машиностроении особое значение имеет проблема развития технологического потенциала в заготовительных производствах. Поэтому их модернизацию следует считать главным фактором обеспечения высоких технико-экономических итогов работы предприятий машиностроения на базе современных достижений научно-технического прогресса и высокой эффективности инновационной деятельности.

В последние 10 лет в России разрабатываются научно-технические программы по отдельным подотраслям машиностроительного комплекса, но без общей промышленной политики, которая должна быть стратегическим ориентиром при выборе направлений реализации достижений отраслевых научно-технических программ. Так, в НИИ РАН нет общенациональной концепции формирования целей и программ реализации НТП в ведущих секторах отечественной экономики. Несогласованность работ многочисленных НИИ и проектно-технологических организаций во многом существенно сдерживает рост и экономического потенциала машиностроения.

Машиностроительный комплекс нуждается в целевой программе инновационной деятельности на базе сохранившегося кадрового, технологического и производственного потенциала, приращение которого требует значительных инвестиционных средств. Они должны быть выделены в бюджете страны в специальном разделе. Без государственной поддержки нельзя решить проблему технологической модернизации машиностроения страны.

Поступила 17.03.11.

**О. И. АВЕРИНА, РЕЙТИНГОВАЯ ОЦЕНКА
А. А. АМЕЛЬКИНА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ
СУБЪЕКТОВ РЕГИОНА**

Ключевые слова: комплексная оценка, экономический анализ, рейтинговая оценка по данным финансовой отчетности, рейтинг, ранжирование предприятий

Key words: complex estimation, economic analysis, rating estimation by the financial accountability data, enterprises rating

Модернизация и перевод предприятий на инновационный путь актуализируют развитие реального сектора экономики. Правительство РФ разрабатывает и реализует пакет государственных мер по поддержке отечественного производителя. В этих условиях необходимы наиболее рациональные и адекватные методы оценки конкурентоспособности отдельных предприятий. При этом особое место отводится развитию регионов.

В структуре экономики Республики Мордовия важную роль играет реальный сектор экономики. Предприятия, относящиеся к нему, обеспечивают заказами десятки других организаций, являясь основными источниками облагаемой базы, пополняющей бюджет. Кроме того, на этих предприятиях трудится значительная часть населения г. Саранска, и от их успешного функционирования зависит как уровень занятости населения региона, так и стабильность социального развития.

Весьма эффективным элементом контроля за деятельностью предприятий служит, на наш взгляд, их рейтингование. Рейтинговый подход является одним из наиболее действенных аналитических инструментов в случае сжатых сроков определения положения территориального или отраслевого сегмента рынка в разрезе отдельных действующих на нем компаний на основе бухгалтерской (финансовой) отчетности.

АВЕРИНА Ольга Ильинична, заведующая кафедрой экономического анализа и учета Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

АМЕЛЬКИНА Анастасия Александровна, студент экономического факультета Мордовского государственного университета.

С его помощью руководство региона может получить оперативную информацию о предприятиях, выявить их наиболее слабые параметры, определить направления оздоровления.

Существует множество подходов к формированию систем показателей, на основе которых строится рейтинговая оценка в зависимости от специфики бизнеса, выпускаемой продукции, характеристик субъектов анализа и др. Они различаются по количеству показателей, используемых при оценке финансового состояния и кредитоспособности; подходу к определению критериальных границ оценочных показателей; оценке значимости каждого из отобранных показателей; методике подсчета суммарного итогового показателя. В методическом плане выделяются два основных подхода к построению рейтинговых оценок: бухгалтерский и экспертный¹.

В практике рейтинговой оценки предприятий существует достаточно примеров совмещения этих подходов². В связи с этим при построении оценочной системы хозяйствующих субъектов Республики Мордовия мы использовали оба метода. Нами была сформирована система ключевых показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятий республики, определенная на основе экспертного опроса специалистов финансовых и экономических служб ОАО «Саранский вагоноремонтный завод», ОАО «Рузхиммаш», ОАО «Сарэкс», ОАО «Резинотехника», ОАО «Биохимик», ОАО «Саранский приборостроительный завод», ОАО «Станкостроитель», ОАО «Завод „Саранскабель“». Экспертный опрос проводился в октябре — ноябре 2010 г. Объем экспертной группы составил 21 чел.

Оценка компетентности экспертов проводилась на основе объективного и субъективного показателей компетентности. Объективный коэффициент компетентности определялся по материалам, полученным в результате анкетирования. Компетентность рассматривалась в прямой зависимости от занимаемой должности и стажа работы в отрасли, на предприятии.

По результатам анкетирования мы определили группы показателей, которые включили в оценочную систему, а также конкретный перечень показателей и их весомость. По мнению экспертов, важнейшими группами являются показатели эффективности хозяйственной деятельности, ликвидности и финансовой устойчивости.

Экспертам предлагалось дать оценку отдельным показателям, определив их значимость для включения в оценочную систему. Так, был составлен перечень из 12 наиболее важных показателей, которым анкетированные ставили баллы от 0 (не самый важный показатель, который в оценочную систему включать не следует) до 3 (абсолютно необходимый для оценки показатель). С помощью статистических методов определен средний балл, присвоенный каждому показателю (табл. 1).

Таблица 1

Результаты оценки отдельных показателей

Показатель	Средний балл	Весомость
Рентабельность активов	2,78	3
Рентабельность собственного капитала	2,56	3
Прибыль от продаж на 1 руб. выручки	0,52	0
Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными оборотными средствами	1,11	1
Коэффициент текущей ликвидности	1,93	2
Коэффициент автономии	1,93	2
Рентабельность продаж	1,96	2
Отдача всех активов	0,85	0
Оборачиваемость оборотных фондов	1,44	1
Коэффициент общей платежеспособности	1,59	2
Коэффициент покрытия	0,70	0
Коэффициент соотношения средней заработной платы работников предприятия с величиной прожиточного минимума	2,85	3

Далее мы определили значимость конкретных коэффициентов с учетом весомости групп показателей. Результаты представлены в табл. 2.

Экспертный опрос помог более объективно и качественно разработать методику итоговой рейтинговой оценки предприятий республики. Таким образом, для формирования рейтинговой оценки финансового состояния хозяйствующих субъектов были определены группы показателей.

Первая группа «Эффективность хозяйственной деятельности» представлена двумя показателями: рентабельность активов по чистой прибыли и рентабельность собственного капитала. Вторая группа «Ликвидность и рыночная устойчивость» включает коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными оборотными средствами, коэффициент

текущей ликвидности и автономии. Третья группа «Эффективность предпринимательской деятельности» представлена показателем рентабельности продаж. Четвертая группа «Деловая активность и платежеспособность» показывает оборачиваемость оборотных фондов и коэффициент общей платежеспособности, пятая — «Социальная стабильность» — отражает показатели качества трудовой жизни работников предприятия. Этот показатель представлен коэффициентом соотношения средней заработной платы работников предприятия с величиной прожиточного минимума в Мордовии, установленного для трудоспособного населения республики на анализируемый период. Чем выше величина этого показателя, тем благоприятнее социальная сфера предприятия, поскольку стабильность социально-трудовых условий во многом определяется уровнем оплаты труда.

Таблица 2

Итоговая значимость показателей рейтинговой оценки

Группа показателей	Отдельные показатели, относящиеся к группе	Показатель весомости группы, %	Значимость отдельных показателей, %	Весомость показателей, балл
Эффективности хозяйственной деятельности	Рентабельность активов	30,0	15,0	3,0
	Рентабельность собственного капитала		15,0	3,0
Ликвидности и рыночной устойчивости	Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными оборотными средствами	25,0	5,0	1,0
	Коэффициент текущей ликвидности		10,0	2,0
	Коэффициент автономии		10,0	2,0
Эффективности предпринимательской деятельности	Рентабельность продаж	10,0	10,0	2,0
Деловой активности и платежеспособности	Оборачиваемость оборотных фондов	15,0	5,0	1,0
	Коэффициент общей платежеспособности		10,0	2,0

Группа показателей	Отдельные показатели, относящиеся к группе	Показатель весомости группы, %	Значимость отдельных показателей, %	Весомость показателей, балл
Социальной стабильности	Коэффициент соотношения средней заработной платы работников предприятия с величиной прожиточного минимума	20,0	20,0	4,0
Итого	—	100,0	100,0	—

Используя алгоритм сравнительной рейтинговой оценки, предложенный А. Д. Шереметом³, и данные предприятий Мордовии, определим их рейтинг (табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование исследуемых предприятий за III кв. 2010 г.

Место в рейтинге	Условный номер организации	Предприятие	Рейтинговая оценка
1	5	ОАО «Саранский вагоноремонтный завод»	3,5056
2	1	ОАО «Рузхиммаш»	3,5457
3	7	ОАО «Сарэкс»	4,7115
4	2	ОАО «Резинотехника»	6,2578
5	3	ОАО «Биохимик»	7,1305
6	6	ОАО «Саранский приборостроительный завод»	11,8921
7	8	ОАО «Станкостроитель»	15,1117
8	4	ОАО «Завод „Саранскабель“»	217,1128

Далее следует провести ранжирование предприятий и их группировку следующим образом. Первая группа «Финансовое благополучие / Успешное функционирование» объединяет предприятия с показателями рейтинговой оценки ниже 5 баллов. Организации, вошедшие в эту группу, платежеспособны и кредитоспособны, имеют существенный запас финансовой прочности и не нуждаются в каком-либо вмешательстве в их деятельность со стороны. Если значение итоговой рейтинговой оценки более чем на 30 % ниже установленной границы, то успешная деятельность такой организации не вызывает сомнений. Если она ниже установленной границы

менее чем на 10 %, то при возникновении неблагоприятных условий не будет перехода организации во вторую группу.

Вторая группа «Финансовая нестабильность» включает организации с показателями рейтинговой оценки от 5 до 10 баллов. Часть организаций, для которых показатели рейтинговой оценки находятся в границах от 7,5 до 10 баллов, могут испытывать временные финансовые трудности, но еще сохраняют платеже- и кредитоспособность. Помощь этим организациям может быть оказана в виде консультаций по экономическим, финансовым, юридическим и производственным вопросам. Организации, для которых показатели рейтинговой оценки находятся в границах от 5 до 7,5 баллов, являются временно неплатежеспособными, но имеют возможность достаточно быстро ее восстановить обычными экономическими методами.

Третья группа «Проблемные организации» объединяет предприятия с показателями рейтинговой оценки от 10 до 20 баллов. Вряд ли существует угроза потери средств, но полное получение процентов, выполнение обязательств предприятиями этой группы не вызывают сомнения. Однако имеющие показатели оценки от 10 до 15 баллов еще сохраняют шансы восстановить платежеспособность. Им необходима помощь в разработке и реализации программы восстановления платежеспособности, реструктуризации сложившейся задолженности. Организациям, у которых показатели итоговой рейтинговой оценки находятся в пределах от 15 до 20 баллов, необходимо введение мер антикризисного управления, особенно решение вопроса о способности руководителя реализовать комплекс жестких антикризисных мер.

Четвертая группа «Организация особого внимания» включает организации со значением рейтингового числа от 20 до 100 баллов. Имеется значительный риск при взаимоотношении с подобными предприятиями. Это организации, которые могут потерять средства и проценты даже после принятия мер к оздоровлению бизнеса.

Пятая группа «Организации высочайшего риска, практически неплатежеспособные» объединяет организации с показателями рейтинговой оценки выше 100 баллов. Они нуждаются в детальном анализе основных причин неплатежеспособности.

Таким образом, предлагаются следующие интервалы изменения итоговой рейтинговой оценки для отнесения предприятия в одну из пяти групп (табл. 4).

Таблица 4

Группировка предприятий по степени риска развития неблагоприятных явлений

Значение ИРО	Положение предприятия (степень риска развития неблагоприятных явлений)
0 < ИРО < 5	Минимальная степень риска
5 < ИРО < 10	Незначительная степень риска
10 < ИРО < 20	Удовлетворительная степень риска
20 < ИРО < 100	Высокая степень риска
ИРО > 100	Очень высокая степень риска

В результате сложилось экспертное заключение о состоянии каждого предприятия, свидетельствующее, что по итогам III кв. 2010 г. три из анализируемых предприятий входят в категорию минимального риска развития неблагоприятных явлений, два — незначительного, два — удовлетворительного, а одно по-прежнему остается в группе предприятий с очень высокой степенью риска. Обобщая вышеизложенное, отметим, что комплексная рейтинговая оценка предприятий является одним из эффективных аналитических инструментов, позволяющих оперативно оценить состояние территориального или отраслевого сегмента рынка в разрезе отдельных действующих на нем компаний или целого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 378.

² См.: Савицкая Г.В. Методика комплексного анализа хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 215.

³ См.: Шеремет А.Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. С. 401—403.

Поступила 07.06.11.

А. С. АФАНАСЬЕВА

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО АПК:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, технологии сельскохозяйственного производства, стратегические направления развития сельского хозяйства, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия

Key words: agri-industrial complex, agricultural production technologies, agriculture development strategic trends, State Programme for Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Product Market, Raw-Materials and Food

Одним из приоритетных секторов экономики Мордовии является аграрный сектор. Результаты его деятельности в 2011 г. во многом будут определяться сложными погодными условиями. В течение последних нескольких лет республика лидирует среди регионов ПФО по производству в расчете на одного жителя мяса, молока и яиц (по мясу скота и птицы, а также по количеству яиц — I место; молоку — II место). В январе — марте 2011 г. объем валовой продукции сельского хозяйства превысил 4,4 млрд руб., или 108,7 %, к соответствующему периоду 2010 г. Во всех категориях хозяйств произведено скота и птицы (в живом весе) 31,2 тыс. т (114,3 % к соответствующему уровню 2010 г.), молока — 103,0 тыс. т (104,9 %), яиц — 301,5 млн шт. (132,9 %). В крупных и средних сельскохозяйственных организациях сохранилась тенденция роста продуктивности коров. Средний надой молока на одну корову в январе — марте 2011 г. составил 992 кг, или 105,3 %, к соответствующему периоду 2010 г. Наибольший прирост молока получен в Темниковском (33,2 %), Ковылкинском (18,7 %), Ичалковском (11,9 %), Рузаевском (11,6 %) районах¹.

АФАНАСЬЕВА Анастасия Сергеевна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

На 1 апреля 2011 г. в хозяйствах всех категорий (по расчетным данным) насчитывались 315,3 тыс. голов крупного рогатого скота, что на 0,1 % больше по сравнению с аналогичной датой предыдущего года, в том числе 104,3 тыс. голов коров (на 1,9 % больше). поголовье свиней составило 338,5 тыс. голов (рост на 2,9 %). Поступление приплода в сельхозорганизациях в среднем на 100 голов маточного поголовья составило 27 голов телят (на уровне 2010 г.), 522 головы поросят (на 17 голов меньше).

По данным Мордовиястата, среднемесячная заработная плата работников по виду деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» за январь — февраль 2011 г. составила 9 123,0 руб. и среди регионов ПФО занимала 4-ю позицию, уступая Республике Марий Эл (9 772,9 руб.), Пензенской (9 406,6 руб.) и Нижегородской (9 211,8 руб.) областям².

Несмотря на засуху, сохраняются положительные тенденции в развитии сельского хозяйства. Однако анализ показал, что в сельском хозяйстве России используются в основном устаревшие технологии. Так, на примере использования интенсивной технологии производства озимой пшеницы видно, что для осуществления 16 технологических операций из 474 видов применяемых сельскохозяйственных машин мировому уровню соответствие есть только у 50 %. Это приводит к увеличению производственных затрат и уменьшению производительности на 30 %, низкой урожайности зерновых культур (18—19 ц/га). Из-за технологического отставания и недостаточной обеспеченности техникой ежегодно на полях остается до 14 % выращенного урожая, еще до 11 % теряется из-за несовершенства техники. По этим причинам ежегодно сокращается рынок для отечественных производителей. Импортные закупки продовольствия и сельскохозяйственного сырья в 2006 г. увеличились на 20 %, до 21,6 % млрд долл.³

Следует отметить, что развитие АПК Мордовии в значительной степени обусловлено общероссийскими тенденциями в этой сфере. Например, вследствие недостатка платежеспособного спроса слабо развивается сельскохозяйственное машиностроение (свыше 75 % техники составляют старые машины, что делает современную и качественную уборку урожая невозможной). Средняя обеспеченность комбайнами и

тракторами в расчете на единицу обрабатываемой площади в России отстает в несколько раз от соответствующих показателей Канады и Германии, нагрузка на основные виды техники в России значительно выше, чем в этих странах. Обеспеченность основными видами сельскохозяйственной техники составляет около 50 % от технологически необходимой. Коэффициент выбытия тракторов превышает коэффициент обновления в 5 раз, зерноуборочных комбайнов — в 3 раза, кормоуборочных — в 3,5 раза. В результате энергообеспеченность в сельском хозяйстве оказалась в 2—4 раза ниже аналогичных показателей развитых стран, а энергозатраты — выше в 2—3 раза. Также существуют проблемы с обеспечением ГСМ из-за финансового состояния сельхозпроизводителей и их низкой платежеспособности. Кроме того, следует назвать опережающий рост цен на нефтепродукты по сравнению с ценами на сельскохозяйственную продукцию.

Проблемы на селе связаны с невысокой доходностью сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях сохраняющегося диспаритета цен, низкой производительности и оплаты труда, недостатка финансовых ресурсов для освоения новейших технологий, высокой доли импортной продукции, а также ненадлежащего состояния социальной сферы. Если в 2005 г. цены на сельскохозяйственную продукцию выросли на 9,6 %, то на промышленную — на 15,7 %. Аналогичная ситуация характерна и для 2011 г. В результате ежегодно из сельского хозяйства изымается до 80 млрд руб. Сдерживающим фактором развития отечественного производства является рост объемов импорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Примерно 60 % сельскохозяйственной продукции по импорту поставляется странами ЕС, США и Канадой, где уровень поддержки сельского хозяйства в расчете на гектар пашни от 20 до 40 раз выше, чем в России. Основными потребителями импортного продовольствия являются крупные города. В то же время вместе с ярко выраженным расслоением по доходам все более значительной части российского населения не обеспечен даже весьма скромный уровень потребления продуктов питания. В сложившейся ситуации большинство сельскохозяйственных организаций обанкротилось. Следствием этого стали сокращение производства продукции и рабочих мест, отток из села квалифицированной рабочей

силы, существенное ухудшение демографической ситуации, исчезновение десятков тысяч деревень⁴.

Одной из причин низкой эффективности сельского хозяйства является высокий физический и моральный износ основных средств. Нехватка свободных денежных средств не позволяет большинству предприятий проводить полноценную техническую и технологическую модернизацию основных фондов. Доля инвестиций в основной капитал сельского хозяйства составляет всего 4 % от общего объема инвестиций в экономику, что в 4,5 раза меньше, чем в 1991 г. Основным источником финансирования продолжают оставаться собственные средства предприятий. В результате износ основных фондов в АПК достиг 80 %. По-прежнему ощущается нехватка «длинных» ресурсов для капитальных инвестиций.

Решение проблемы вывода АПК из кризисного состояния требует проведения последовательной продовольственной политики, которая должна включать ряд стратегических направлений: стимулирование развития отечественного сельского хозяйства, что в первую очередь потребует определенного перераспределения национального дохода в пользу сельскохозяйственных производителей; придание аграрной реформе основной целевой функции — рост производства; внесение корректив в социальную политику, существенное улучшение уровня питания групп населения с низкими доходами.

Интеграция России в мировую экономику должна идти путем, не разрушающим аграрный сектор, представляя внутренний рынок отечественному производителю. Это предполагает сохранение суверенных прав государства по внешнеторговому и ценовому регулированию. Высокая зависимость внутреннего рынка, например, от импортных поставок мяса, послужила одной из основных причин разработки приоритетного национального проекта «Развитие АПК». По направлению «Ускоренное развитие животноводства» участниками проекта стали 1 317 объектов. Они получили 53,1 млрд руб. кредитных ресурсов. ОАО «Росагролизинг» поставил сельскохозяйственным производителям 50,2 тыс. голов крупного рогатого скота и оборудование для создания 78,7 тыс. скотомест. По направлению «Стимулирование малых форм хозяйствования» в АПК созданы 2 124 сель-

скохозяйственных потребительских кооператива всех видов. По направлению «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов» введены 713,8 тыс. м² жилья для 12,3 тыс. молодых семей и специалистов. В рамках консолидированного бюджета (86,2 млрд руб.) по Минсельхозу России и подведомственным ему Россельхознадзору и Рыболовству в 2007 г. увеличена поддержка, касающаяся развития племенного животноводства (1,3 млрд руб.), северного оленеводства и табунного коневодства (250 млн руб.), а также овцеводства (300 млн руб.); компенсации части затрат по страхованию сельскохозяйственных культур (до 3,4 млрд руб.), что больше, чем в 2006 г., на 17,4 %; проведения противозооотических мероприятий (2,3 млрд руб.)⁵.

В «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» определены источники финансового обеспечения и механизмы реализации предусматриваемых мероприятий. В ней определены пять основных разделов: устойчивое развитие сельских территорий, создание общих условий функционирования сельского хозяйства, развитие приоритетных отраслей сельского хозяйства, достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства, регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Составной частью программы стали утвержденные ранее Правительством РФ федеральные целевые программы «Социальное развитие села до 2010 года», «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006—2010 гг.» и согласованные с Министерством экономического развития и торговли РФ ведомственные целевые программы.

Предполагается, что темпы роста в сельском хозяйстве будут больше на 4 %, а в животноводстве — на 5 %. Прогнозируется оживление инвестиционного процесса, что позволит, в частности, повысить коэффициент обновления основных видов сельскохозяйственной техники. При существенном увеличении применения ресурсосберегающих технологий станет лучше энергообеспеченность отрасли. Это будет способствовать ежегодному вовлечению в хозяйственный оборот примерно 350—400 тыс. га неиспользуемых сельскохозяйственных угодий.

Разработка системы страхования рисков считается приоритетной задачей. В настоящее время в России застраховано не более 5 % посевных площадей.

Минсельхоз РФ предложил Правительству РФ принять программу, которая бы охватывала все аспекты, связанные с вопросами страхования урожая. Предусматривается ряд принципов, которые должны быть заложены в программу. Система, безусловно, должна носить федеральный характер, в ней должно участвовать государство. Общенациональный характер страховой защиты сельхозрисков, широкая вовлеченность в программу страхователей позволят снизить уровень страховых тарифов. Именно уровень стоимости страхования делает в настоящее время услуги страховщиков недоступными для сельхозпроизводителей⁶.

Признается необходимым условие создания общероссийской системы перестрахования сельхозрисков на случай засухи и иных чрезвычайных ситуаций. Система перестрахования позволила бы страховщикам спокойно работать и сохранять бизнес, несмотря на чрезвычайные ситуации или происшествия. Пока речь идет о страховании рисков российских сельхозпроизводителей. Если государство будет поддерживать сельхозпроизводителей, создавать соответствующие транспортные схемы с учетом удаленности от рынков сбыта, мощности по глубокой переработке продукции, а также если будут задействованы выбывшие в последние годы из оборота земли (около 20 млн га), то Россия в ближайшие годы сможет увеличить сбор зерна почти на 30 млн т и довести его производство до 100—110 млн т в год, а также увеличить сбор других видов продукции сельского хозяйства.

Таким образом, в современных условиях развитие АПК страны происходит неоднозначно. С одной стороны, имеют место положительные результаты: наметился рост производства в ряде отраслей, увеличилось количество предприятий, работающих с прибылью. С другой стороны, остаются и продолжают развиваться негативные процессы, преобладающие над положительными тенденциями, что в целом позволяет оценить положение в отрасли как сложное, не отвечающее задачам развития экономики. Это привело страну к опасности потерять продовольственную независимость.

Главной негативной тенденцией в сельском хозяйстве является сокращение элементов производственного потен-

циала. Сельское хозяйство находится в таком положении, что применение разовых мер уже недостаточно для вывода его из кризиса. В основу аграрной политики должна быть положена новая система преобразований, направленных на обеспечение эффективной жизнедеятельности на селе и создание условий для достойного уровня и качества жизни сельского населения.

Необходимо более действенное участие государства в прямых инвестициях в АПК. В последние годы такая поддержка была недостаточной или отсутствовала совсем. Решению проблем АПК будет способствовать объединение усилий центральной власти и регионов.

Важным направлением преобразований в АПК является обновление и эффективное использование материально-технической и технологической основы производства. В условиях сложного финансового положения наиболее приемлемым инструментом стал лизинг, который, несмотря на все преимущества, развивается медленно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Информация по агропромышленному комплексу Республики Мордовия за январь — апрель 2011 г. URL: <http://www.mineco.e-mordovia.ru> (дата обращения: 15.06.2011).

² Там же.

³ Гумеров Р. О реализации национальных интересов в АПК в условиях кризиса // Рос. экон. журн. 2009. № 3—4. С. 17.

⁴ Суровцев В., Никулина Ю. Инновационное развитие как фактор продовольственной безопасности // Экономист. 2010. № 6. С. 79.

⁵ См.: Информация по агропромышленному комплексу Республики Мордовия ...

⁶ Там же.

Поступила 22.06.11.

О. И. ЕРЕМИНА

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: риск, аграрный сектор экономики, страхование, сельскохозяйственные культуры, государственная поддержка

Key words: risk, agrarian sector of economy, insurance, agricultural crops, state support

В последние годы в аграрном секторе экономики актуализировались проблемы, связанные с усилением рисков природно-климатического характера и наносящие существенный урон посевам сельскохозяйственных культур. Как показывает отечественный и современный зарубежный опыт, основным методом управления рисками для обеспечения финансовой устойчивости и непрерывности сельскохозяйственного воспроизводства является страхование. Предпосылками развития страхования в сельском хозяйстве является то, что, во-первых, сельскохозяйственное производство относится к рисковому виду экономической деятельности, во-вторых, большинство сельскохозяйственных организаций не может самостоятельно покрыть убытки, в-третьих, страховая защита позволяет компенсировать потери, связанные с наступлением неблагоприятных явлений, и служит гарантией устойчивости воспроизводства в сельском хозяйстве.

Современный рынок агрострахования в России представлен сельскохозяйственным страхованием с государственной поддержкой и добровольным сельскохозяйственным страхованием без поддержки государства (обязательное страхование в сельском хозяйстве было отменено в 1991 г.). Добровольное сельскохозяйственное страхование развито слабо, что обусловлено низким уровнем платежеспособности сельхозорганизаций, высокими тарифными ставками, устанавливаемыми

ЕРЕМИНА Ольга Ивановна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

мыми страховыми компаниями и не регулируемым государством. Для активизации развития страхования в сфере АПК государство стало стимулировать сельскохозяйственные предприятия к страхованию посевов сельхозкультур через механизм субсидирования страховых премий. В 2003 г. было создано ФГУ «Федеральное агентство по государственной поддержке страхования в сфере агропромышленного производства», которое выступает государственным агентом по поддержке сельхозорганизаций при проведении страхования.

При страховании урожая сельскохозяйственных культур за счет страховых выплат в неблагоприятные годы возмещаются затраты по их выращиванию, обеспечивается возврат кредитов, приобретает устойчивость всего цикла сельскохозяйственного производства. Рискованность производства в сельском хозяйстве особенно касается растениеводства, где результаты деятельности в значительной степени зависят от природно-климатических условий. Так, в 2010 г., согласно оценкам Министерства сельского хозяйства РФ, прямой ущерб сельхозпроизводителей от засухи, поразившей 37 российских регионов, составил свыше 60 млрд руб. В Республике Мордовия погибло более 70 % посевов, финансовый ущерб оценивается свыше 12 млрд руб.¹

Анализ регионального распределения сельскохозяйственных организаций, заключивших договоры страхования с финансовой поддержкой государства, выявил существенные различия в территориальной специфике выплат федеральных субсидий на страхование посевов сельскохозяйственных культур. По данным Минсельхоза России, в 2005 г. договоры страхования сельхозкультур заключили почти 10,3 тыс. хозяйств в 66 регионах, в 2009 г. — свыше 8,5 тыс., или 59,8 % сельхозпроизводителей, в 62 регионах. Среди них половина застраховавшихся сельхозорганизаций приходится на Сибирский федеральный округ, менее четвертой части — на Приволжский и Южный федеральные округа (22,04 и 14,12 % соответственно). Уральский федеральный округ отмечен всего 0,5 % от заключивших договоры сельскохозяйственного страхования с финансовой поддержкой государства. Такая ситуация свидетельствует о слабом доступе сельхозорганизаций ряда округов к федеральным субсидиям на возмещение части затрат на страхование и, как следствие, высоком риске в случае неурожая.

В Республике Мордовия в течение пяти лет (с 2005 по 2009 г.) количество хозяйств, застрахованных по договорам страхования сельскохозяйственных культур, увеличилось в 1,7 раза. Темпы роста числа страхователей в Мордовии отличаются от темпов роста общего количества застрахованных хозяйств на территории РФ. Так, в 2009 г. по сравнению с 2005 г. число страхователей в России увеличилось не более чем на 1,3 %, при этом в Мордовии их было свыше 30 %. Количество страховых организаций, заключивших договоры страхования, подлежащих субсидированию, увеличилось в три раза и составило девять компаний. Стоит отметить, что на долю двух из них (ОАО СК «Царица», филиал ООО «Росгосстрах» в РМ) приходится более 65 % всех заключенных договоров страхования. Вместе с тем большая доля сельскохозяйственных предприятий по-прежнему остается незадействованной в страховании сельскохозяйственных рисков.

Несмотря на высокие риски возделывания сельскохозяйственных культур, в Мордовии увеличивается количество застрахованных посевных площадей. Вместе с тем общая площадь возделывания культур, как и по России в целом, в 2009 г. по сравнению с 2008 г. сократилась. В общем объеме посевных площадей наблюдается рост доли застрахованных площадей от 2,72 % в 2005 г. до 17 % в 2010 г. В 2010 г. были застрахованы 48 % озимых культур. Можно полагать, что эти результаты были достигнуты благодаря дополнительной финансовой поддержке со стороны государства.

До 2005 г. финансирование страхования сельскохозяйственных культур в республике осуществлялось только из федерального бюджета. С 2005 по 2007 г. финансирование из федерального бюджета составляло 50 % и не менее 10 % из республиканского, а с 2007 г., согласно закону «О развитии сельского хозяйства», финансирование из бюджетов двух уровней не должно превышать 50 %. В 2009 г. субсидии из федерального бюджета составили 27,0 млн руб., что более чем в 7 раз, или на 23 млн руб., выше уровня субсидий, выделяемых с 2005 г. Субсидии, перечисляемые из регионального бюджета, в 2007 г. составили 4,52 млн руб., что ниже уровня выделяемых субсидий по сравнению с предыдущим годом в связи с действующими в то время ограничениями указанного выше закона о субсидировании из бюджетов субъектов РФ и федерального бюджета. В 2008—2009 гг.

ситуация стабилизировалась. В 2010 г. сельхозтоваропроизводители, застраховавшие посеы, получили дополнительные средства сверх сумм государственной поддержки в размере 335 млн руб. на возмещение потерь от засухи. Результатом положительного влияния государства на создание системы страховой защиты сельхозпредприятий стало увеличение объема страховых платежей по страхованию сельхозкультур. За исследуемый период объем поступивших страховых платежей увеличился на 60 млн руб., объем страховых вы плат — на 26,8 млн руб.

В контексте нашего исследования представляет интерес опыт правительства США по управлению рисками в аграрном секторе. Здесь реализуется свыше 20 программ, разработано значительное количество страховых продуктов (более 370), которые позволяют полностью застраховать фермеров практически от всех видов рисков при производстве сельскохозяйственной продукции. Объем финансирования государством этих программ в 2009 г. превысил 60 млрд долл. Основой системы сельскохозяйственного страхования и управления рисками, которая субсидируется правительством США и обеспечивает защиту от большинства естественных опасностей, включая засуху, наводнение, град и другие катастрофические природные явления, является программа MPCI — мультирисковое страхование. Есть три различные формы этой программы: CAT (Catastrophic Risk Protection) — защита от катастрофических рисков, GRP (Group Risk Plan) and Buy-up Coverage — приобретаемое страховое покрытие, NAP (Non-insured Assistance Program) — нестрахуемая программа оказания помощи².

По полису CAT фермеры получают минимальное страховое покрытие. Приобретение этого полиса является условием участия во всех других программах, субсидируемых государством. Программа покрывает 50 % среднего урожая фермера по цене, составляющей 55 % ожидаемой рыночной стоимости его урожая. Фермеры платят только административные расходы в сумме 100 долл. за каждую страхуемую культуру в каждом округе, где она выращивается. Наиболее ограниченные в ресурсах фермеры, доход которых не превышает 20 тыс. долл. в течение предыдущих двух лет из всех источников дохода, могут быть освобождены от оплаты административных расходов.

По программе *Buy-up Coverage* фермер может выбрать большее покрытие урожая (с интервалом 5 %) и его цены (до 100 % реальной рыночной стоимости), чем это возможно по предыдущему виду программы. Страховая премия базируется на отдельных тарифах для каждой культуры в каждом регионе и данных о величине урожая фермы. Величина тарифа больше там, где сильнее ежегодные колебания урожая. Административные расходы страховых компаний, а также часть страховой нетто-премии покрываются государственной субсидией. Другой разновидностью этого вида программы является *GRP*. Ее отличие от *Buy-up Coverage* заключается в том, что покрытие базируется на средней урожайности страхуемой культуры в округе, а не на конкретной ферме, т. е. если урожайность в округе падает ниже застрахованного уровня, то производитель получает компенсацию, даже если урожай на его ферме был выше среднего.

Программа *NAP* разработана для защиты производителей тех культур, которые исключены из стандартных программ: цитрусовые, груши, перец, сливы и лен. Покрытие по этой программе аналогично покрытию по *CAT*, но для начала процесса выплат возмещения необходимо, чтобы сумма убытков в определенном регионе достигла не менее 35 %. Соответствующий регион по конкретной культуре может быть как в размере округа, нескольких округов или площади не менее 320 тыс. акров (130 тыс. га), а также площади, на которой собирают урожай не менее чем на 80 млн долл. ежегодно. Производитель не платит за эту программу, но для участия в ней необходимо письменно заявить об этом до начала сезона выращивания соответствующей культуры.

В практике сельскохозяйственного страхования США широко используется система понижения или повышения размера премии. Так, страхователям, прибегающим к услугам страховых компаний в области страхования урожая сельскохозяйственных культур и не нуждающимся в страховом возмещении в течение нескольких лет, предоставляется скидка к основному страховому тарифу. Страхователи, имеющие значительные потери в течение нескольких лет, страховой взнос оплачивают по более высокому тарифу. Высокая эффективность и разнообразные программы страхования стимулируют фермеров к активному участию в различных

страховых программах. Так, размер страховых взносов по всем программам составил в 2009 г. свыше 10 млрд долл., при этом более 50 % из них компенсировалось государством.

Использование в России передового зарубежного опыта позволит создать эффективную систему сельскохозяйственного страхования, отличающуюся многовариантным подходом к механизму управления сельскохозяйственными рисками.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Послание Главы Республики Мордовия Государственному собранию Республики Мордовия // Изв. Мордовии. 2010. 22 дек. С. 3—11.

² См.: Сельскохозяйственное страхование. Портал об агростраховании и управлении рисками в сельском хозяйстве. URL: <http://www.agroinsurance.com/ru> (дата обращения: 12.08.2010).

Поступила 11.03.11.

С. В. ПОЛУТИН   А. В. СЕДЛЕЦКИЙ

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: инновационная структура общества, социальные институты, национальная инновационная система, научно-исследовательский потенциал, инновационная деятельность, инновационный процесс, научные разработки, технопарки, коммерциализация инноваций, трансфер технологий

Key words: innovative structure of the society, social institutions, national innovative system, scientific and research potential, innovative activity, innovative process, scientific developments, technoparks, innovations commercialisation, technologies transfer

Построение общества, основанного на знаниях, предполагает создание условий для трансформации научно-технического потенциала России в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста. Возникает необходимость в социологическом осмыслении процессов, происходящих в обществе, которое обладает большим научно-техническим потенциалом и значительным запасом человеческого капитала.

ПОЛУТИН Сергей Викторович, заведующий кафедрой социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

СЕДЛЕЦКИЙ Александр Викторович, доцент кафедры менеджмента филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Пензе, кандидат социологических наук.

Инновационная структура общества включает институты, определяющие мотивы, правила, содержание инновационной деятельности людей и организаций. Тем самым эта структура определяет уровень воспроизводства и востребованности инновационного человеческого капитала, характер и темпы инновационных процессов в обществе. Состояние этой структуры, конкретные ее характеристики позволяют ответить на вопросы о возможности, функционально-целевой ориентации и принципах формирования национальной инновационной системы в стране¹.

По мнению Н. И. Лапина, инновационную структуру общества образуют компоненты, структурированные, соответственно, его основным функциям: жизнеобеспечивающей, интегрирующей, дифференцирующей, управленческой. Их носителями являются социетально-функциональные структуры — экономика, культура, социальная структура, управление². Они организованы преимущественно как социальные институты. Совокупность аспектов, служащих предпосылками и факторами инновационной деятельности, образует инновационную структуру общества³. Она включает пять составляющих, четыре из которых соответствуют названным функциям, а пятая интегрированно выражает отношения общества (страны) с другими обществами (странами).

Экономико-институциональная составляющая — совокупность социально-экономических институтов, задающих устойчивые правила поведения субъектов (индивиды, организации) по отношению к инновационным процессам. Сюда также относятся организации правительственного и научно-исследовательского сектора, общественные организации, зарубежные партнеры по инновационной деятельности.

Правительственный сектор в сфере науки, технологии и инноваций состоит из организаций, которые:

— определяют государственную политику и координируют организации, министерства и ведомства, среди которых следует назвать Президентский совет по науке и высоким технологиям, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство экономического развития и торговли Российской Федерации, Российскую академию наук и Российское космическое агентство (два последних являются крупными реализующими государственную политику агентствами, контролирующими основную часть бюджета,

которая выделяется на гражданские научные исследования и разработки);

— финансируют агентства: значительная часть средств государственного финансирования сферы науки, технологий и инноваций (НТИ) направляется организациям сферы НТИ в форме целевых перечислений. Сравнительно небольшая часть средств распределяется на конкурсной основе через Российский фонд фундаментальных исследований, Российский фонд гуманитарных исследований и Федеральный фонд поддержки малых инновационных предприятий;

— регулируют агентства, такие как Федеральная служба интеллектуальной собственности по патентам и товарным знакам (Роспатент), Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии и Федеральная антимонопольная служба России.

В целом система регулирования в этих областях находится на современном уровне, однако суть проблемы заключается в усилении инновационного характера регулирующих функций⁴.

Научно-исследовательский сектор России в 2009 г. включал организации, в которых работало около 742 433 сотрудников всех уровней. Число работников, занятых исследованиями и разработками в 2000—2009 гг., сократилось на 16,4 %. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками, представлена в табл. 1.

Таблица 1

Персонал, занятый исследованиями и разработками, по федеральным округам, чел.⁵

Федеральный округ	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Центральный	455 985	431 718	408 330	415 522	396 272	385 392
Из него:						
— Москва	276 825	259 623	251 075	257 989	246 612	239 477
Северо-Западный	116 812	110 738	104 752	103 864	99 556	97 633
Из него:						
— Санкт-Петербург	98 371	92 715	87 861	85 709	81 654	81 430
Южный	37 422	35 750	34 530	36 714	33 633	27 695
Северо-Кавказский	—	—	—	—	—	6 051
Приволжский	150 046	147 680	140 592	126 903	120 644	117 000
Уральский	50 803	54 259	49 670	47 562	43 695	42 276
Сибирский	62 477	63 376	60 986	56 427	53 956	53 463
Дальневосточный	14 184	14 949	14 347	14 143	13 496	12 923
Всего	887 729	858 470	813 207	801 135	761 252	742 433

Несмотря на то что Россия по-прежнему обладает развитой сетью научных организаций (более 3 536 в 2009 г.), уро-

вень инновационной активности заметно снизился (табл. 2). За 2007—2009 гг. в области технологических продуктовых инноваций по всем федеральным округам уровень инновационной активности уменьшился с 5,3 до 4,7 %⁶. Исторически основной организационной формой являются исследовательские институты или научные организации, напрямую не связанные с конкретной отраслью. Из-за невысокого спроса на инновации со стороны экономики характерной чертой этих организаций стало выполнение проектов, ориентированных на научно-технический прогресс сам по себе, а не на проекты, определенные спросом потенциальных потребителей.

Таблица 2

Организации, выполняющие исследования и разработки, по федеральным округам

Показатель	2000 г.	2003 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Федеральные округа:	1 631	1 490	1 393	1 536	1 445	1 383
— Центральный (Москва)	907	847	787	837	787	759
— Северо-Западный	627	578	536	606	533	518
Из него:						
— г. Санкт-Петербург	469	424	381	429	361	354
— Южный	342	316	310	355	321	221
— Северо-Кавказский	—	—	—	—	—	95
— Приволжский	623	570	540	585	549	532
— Уральский	255	253	226	233	220	211
— Сибирский	464	437	419	464	429	410
— Дальневосточный	157	153	142	178	169	166
Всего	4 099	3 797	3 566	3 957	3 666	3 536

Существенное сокращение государственных ассигнований привело к деградации кадровой и материальной базы российской инновационной системы. За последние 15 лет научное оборудование устарело и не обновлялось. Прекратился приток молодых кадров в науку, в результате чего средний возраст российских исследователей превысил аналогичный показатель для США и стран ЕС и постоянно увеличивается.

Продолжительное недоинвестирование привело к значительному ухудшению состояния научной инфраструктуры. Во всех секторах национальной инновационной системы необходимы срочные меры по прекращению разрушения кадровой и материальной основы научно-технической деятельности и возобновлению финансирования приоритетных направлений⁷.

Значительная часть этих организаций — институты отраслевой науки, в том числе оборонного характера. Российская академия наук является самой крупной и наиболее известной в стране научно-исследовательской организацией и включает 452 НИИ. Кроме того, имеется несколько отраслевых академий наук, однако только две из них (Российская академия медицинских наук — 67 институтов, Российская академия сельского хозяйства — 297 институтов) активно заняты в научных исследованиях и разработках. Обязанностью этих академий является осуществление фундаментальных исследований, но они тоже реализуют и ряд прикладных разработок.

Относительно незначительной является роль российских университетов в научных исследованиях и разработках. По данным Центра исследований и статистики науки, в 2009 г. около 14,3 % высших учебных заведений принимало участие в исследованиях и разработках. Финансирование научно-исследовательской деятельности в университетах осуществляется в основном на конкурсной основе и в рамках контрактных исследований с правительством и промышленным сектором. Кроме академий и университетов, значительный научно-исследовательский потенциал есть в промышленности (в основном прикладные исследования), относящийся к различным министерствам и федеральным агентствам. Эти институты представляют собой наследие советского времени, когда каждое отраслевое министерство имело собственные научно-исследовательские комплексы.

В 90-е гг. XX в. многие из этих комплексов были приватизированы или закрыты, а лучшие и крупнейшие отраслевые научно-исследовательские центры получили статус государственных научных центров, имеющих право на получение федеральной поддержки. В настоящее время функционирует 61 центр. Кроме того, увеличивается количество российских компаний, использующих собственные исследовательские мощности, многие из которых были образованы в результате приватизации отраслевых институтов.

Одним из наиболее «узких» мест российской инновационной системы является связь между исследованиями, проводимыми государственными институтами, и частными компаниями. Существует ряд структур, призванных заполнить эту нишу, таких как технопарки, центры по коммер-

циализации инноваций и центры по трансферу технологий. Несмотря на принимаемые усилия, в России далеко не преодолен разрыв между государственным и частным секторами исследований и разработок.

В настоящее время есть несколько общественных организаций, пробующих активно влиять на развитие инноваций в России. Две наиболее известные из них — Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и Союз предпринимателей России (ОПОРА). Первая из них представляет в основном крупные компании, а вторая — малый и средний бизнес. Эти организации ведут диалог с правительством по ряду проблем в сфере развития НТИ.

По мнению Н. И. Ивановой, российский бизнес-сектор характеризуется низкой степенью его участия в научных исследованиях и разработках. Существует ряд факторов, определяющих эту ситуацию: во-первых, структурный уклон экономики страны в сторону низкотехнологичных отраслей добывающей промышленности (нефтегазовой и горнодобывающей); во-вторых, почти полное отсутствие высокотехнологичных отраслей промышленности, производящих товары массового потребления; в-третьих, государственный контроль за основными технологически сложными отраслями (предприятия аэрокосмического комплекса, атомной энергетики и оборонного сектора); в-четвертых, ограниченное количество малых инновационных компаний и высокотехнологичных стартапов (компаний с короткой историей операционной деятельности)⁸.

Зарубежные партнеры по инновационной деятельности ведут деятельность во всех сегментах НИС России. Функционируют совместные предприятия, партнерства в рамках контрактных исследований и совместные научно-исследовательские проекты. Увеличивается количество западных компаний, заключающих контракты с российскими НИИ на проведение коммерческих исследований. Российские исследовательские организации проявляют активность в мобилизации зарубежной поддержки и проведении контрактных исследований. Свои программы реализуют десятки американских и европейских правительственных и неправительственных фондов и организаций, поддерживая некоммерческую научно-исследовательскую деятельность в России. Средства иностранных партнеров составляют менее 10 % всех расходов РФ на научные исследования и разработки.

Мотивационная составляющая инновационных процессов — система экономических, статусно-престижных и культурных мотиваций, побуждающих субъекты включаться в инновационные процессы, инициировать и поддерживать их или противодействовать им. Эта составляющая была крайне низкой еще в Советском Союзе. Главным ее компонентом служил административный ресурс, который был эффективным преимущественно в военно-технической области. Формирование мотивационной составляющей инноваций в современной России сдерживается неадекватной налоговой политикой государства, отсутствием гарантий ликвидности инвестиций, недостаточными знаниями предпринимателей различных аспектов управления инновационной деятельностью⁹.

Немаловажной частью проблемы является низкий уровень заработной платы в российских научных учреждениях и университетах, что делает научную карьеру непривлекательной. Кроме того, все еще сильна традиция «пожизненной» научной карьеры. Взаимный обмен исследовательского персонала между научными институтами, университетами, руководящими органами и промышленностью является незначительным¹⁰.

Несмотря на два десятилетия рыночных отношений, до сих пор не удается создать эффективные механизмы оплаты научного труда, позволяющие адекватно оценивать индивидуальный вклад научных работников. В 2008 г. была введена новая система оплаты научного труда, и теперь эти вопросы находятся в компетенции научных организаций. Однако уже сегодня очевидны ее недостатки: расширение возможностей субъективизма в условиях множественности систем оплаты научного труда, необоснованность пропорции распределения средств на базовую часть оплаты труда и выплаты компенсационного и стимулирующего характера, несостоятельность коллективного договора как инструмента согласования интересов по вопросам размера и дифференциации оплаты труда в научных организациях. Результатом несовершенства системы мотивации и стимулирования научного труда стали относительно низкие показатели эффективности его использования. По оценкам руководителей, в среднем профессиональный потенциал исследователей реализуется примерно на 75 % и только в одной из десяти научных организаций — на 100 %¹¹.

Образовательная составляющая — система подготовки специалистов всех уровней квалификации (среднее специальное, высшее и послевузовское образование, в том числе специалисты в области инновационного менеджмента), создающая инновационные знания и обеспечивающая их воплощение в инновациях. Положение этой составляющей в современной России очень противоречиво. По данным Центра исследований и статистики науки, сохраняется высокий уровень подготовки сертифицированных специалистов: если в 2000 г. окончили вузы 635,1 тыс. чел., то в 2009 г. — 1 442,3 тыс. чел. При этом число выпускников негосударственных вузов увеличилось с 56,2 до 275,5 тыс. чел. Но на всех уровнях образования отсутствовала специализация в области инноватики. Сохраняется и даже увеличивается число высококвалифицированных специалистов, которым присуждаются ученые степени кандидатов и докторов наук. В 2000—2009 гг. удельный вес кандидатов наук в численности исследователей вырос с 19,7 до 20,6 %, докторов наук — с 5,2 до 6,9 %.

Организационно-управленческая составляющая — сложившаяся в обществе система принятия и осуществления решений, начиная с исполнения государственных законов органами исполнительной власти и заканчивая правилами менеджмента в фирмах. Формируя коллективную лояльность, эта составляющая воздействует на мотивационную, а через механизмы лоббирования — на экономико-институциональную составляющую.

Несмотря на наличие в России законодательства в сфере интеллектуальной собственности на уровне международных стандартов, защита этих прав ведется слабо, что подрывает эффективность всей законодательной системы в этой сфере. Это уменьшает заинтересованность российских и иностранных компаний в инвестировании научных исследований и разработок в РФ, а также желание зарубежных компаний к совместному с российскими компаниями использованию технологий. Поэтому необходимо улучшение работы системы судебной власти (включая обучение судей и адвокатов) и значительное увеличение потенциала системы в этой области¹².

Правоприменительная практика находится еще на очень низком уровне. Это объясняется продолжающимся противо-

действием чиновников радикальным инновациям и некомпетентностью большинства предпринимателей и менеджеров в вопросах инноватики, дополняемой отсутствием широкой подготовки специалистов в области инновационного менеджмента. Впрочем, в последнее время все более проявляется внимание деловых кругов к этим вопросам. Но в целом сохраняется негативное воздействие этой составляющей на другие компоненты инновационной структуры российского общества. В частности, несмотря на высокий уровень нарушений прав интеллектуальной собственности, количество судебных дел в этой области незначительно. До сих пор законодательно не решен вопрос, кому принадлежит право интеллектуальной собственности на результаты НИОКР, созданные на государственные средства.

Геополитическая составляющая — система принятия внешнеполитических решений относительно продажи и закупки инноваций, характер самоопределения и влияния государства на мировой арене, направления и способы влияния элит данной страны на элиты других стран по вопросам инновационной политики. Наиболее полно функции общества в стимулировании и развитии инновационной системы европейских стран представлены в отчете экспертов Комитета по научной и технологической политике европейской Организации по экономическому сотрудничеству и развитию и отчете секции по оценке правительственных мер стимулирования инноваций в европейских странах Организации по экономическому кооперированию и развитию¹³.

Содержание геополитической составляющей, как и в XIX в., вновь приобрело двойственность: с одной стороны, она устремлена к странам Запада, вплоть до готовности заимствовать их инновационные структуры, с другой — обращена к Востоку. Оптимальное совмещение этих векторов, с сохранением преимущественно западной ориентации, способствовало бы усилению инновационной составляющей российской экономики. Эти составляющие взаимосвязаны между собой и образуют инновационную структуру общества. Ей свойственны уровень организованности, вектор инновативности, интенсивность его воплощения. Она эволюционирует вместе с обществом и сама влияет на направление и темпы его эволюции.

По уровню организованности можно выделить два типа инновационных структур общества: фрагментарные и системные. Первые характеризуются наличием в структурах общества отдельных инновационно ориентированных фрагментов, которые, однако, не образуют единого целого и могут находиться в противоречивых взаимоотношениях между собой, погашая совокупный эффект. Вторые, напротив, образуют внутренне согласованные системы, индуцирующие синергетические эффекты, интенсивность которых превосходит суммарный потенциал составляющих. В свою очередь системные структуры подразделяются на административно-командные, рыночно-сетевые и смешанно-сетевые.

С этой точки зрения инновационная структура современного российского общества представляет собой продукт распада административно-командной инновационной системы, существовавшей в советском обществе. После распада СССР и последовавшей хаотичной приватизации большинства предприятий прежняя система управления научно-техническим прогрессом регрессировала до фрагментарной структуры: в ней еще сохраняются значительные инновационные анклавы, которые, однако, ныне не образуют целостной системы, не обладают прежней ее синергетикой. Этим объясняется низкая эффективность охарактеризованной выше инновационной структуры России, образовавшейся в последнее десятилетие. Очевидной стала необходимость вновь сформировать в ней такую национальную инновационную систему, которая была бы эффективной в новых рыночных условиях.

Ведутся дискуссии о том, какой тип национальной инновационной системы может стать наиболее эффективным в современных российских условиях. Одни считают, что центром (основным элементом российской национальной инновационной системы) должны стать крупные наукоемкие корпорации, которые могут взять на себя финансовые и технологические риски. Другие связывают свои надежды с передовыми университетами, научными центрами, сильными отраслевыми НИИ, вокруг которых сгруппируются малые венчурные фирмы. Третьи пытаются наладить в наиболее развитых регионах страны локальные инновационные системы, надеясь затем интегрировать их в национальную систему. Четвертые по-прежнему уповают на спонтанные механизмы рыночной конкуренции¹⁴.

Эти и иные предложения следует соотносить с успешным опытом развитых стран с рыночной экономикой: следует не копировать этот опыт, а использовать его с учетом особенностей российского общества, с пониманием социетальных функций российской национальной инновационной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 275 с.

² См.: Его же. Большие общества: социетально-функциональные структуры // Общая социология. М.: Высш. школа, 2006. Разд. 4. 368 с.

³ См.: Агабеков С.И. Инновационный человеческий капитал и эволюция социально-инновационной структуры: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2003. 14 с.

⁴ См.: Иванова Н.И. Национальные инновационные системы в России и ЕС. М.: ЦИПРАН РАН, 2006. 280 с.

⁵ См.: Зубова Л.Г., Андреева О.Н., Антропова О.А., Аржаных Е.В. Социологический мониторинг деятельности научных организаций (2005—2009 гг.) // Информ.-аналит. бюлл. ЦИСН. 2010. № 1. URL: http://www.csrs.ru/inform/IAB/iab1_2010.pdf (дата обращения: 16.06.2011).

⁶ Там же.

⁷ См.: Иванова Н.И. Национальные инновационные системы ...

⁸ Там же.

⁹ См.: Лапин Н.И. Теория и практика инноватики ...

¹⁰ См.: Иванова Н.И. Национальные инновационные системы ...

¹¹ См.: Зубова Л.Г., Андреева О.Н., Антропова О.А., Аржаных Е.В. Социологический мониторинг деятельности научных организаций ...

¹² См.: Иванова Н.И. Национальные инновационные системы ...

¹³ См.: Карпова Ю.А. Введение в социологию инноватики: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2004. 192 с.

¹⁴ См.: Лапин Н.И. Теория и практика инноватики ...

Поступила 17.06.11.

В. Ю. СТОЛБОВ,
М. Б. ГИТМАН,
Н. У. ВЕНСКОВСКИЙ,
С. И. ПАХОМОВ

КРИТЕРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ АСПИРАНТОВ С УЧЕТОМ СФОРМИРОВАННОСТИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Ключевые слова: качество подготовки, выпускник аспирантуры, образовательная программа, инновационная образовательная среда

Key words: training quality, post-graduate, educational programme, innovative educational environment

Основной проблемой при комплексной оценке качества системы послевузовской подготовки является выбор и обоснование достаточного количества критериев и показателей, позволяющих определить степень эффективности функционирования аспирантуры при выполнении своих функций, в том числе и подготовку научных кадров к инновационной деятельности. При этом при рассмотрении качества подготовки научных кадров актуальны две основные задачи: во-первых, оценка качества сложившейся в вузе системы подготовки кадров высшей квалификации с учетом их способностей к созданию инновационного продукта, во-вторых, оценка готовности отдельного выпускника аспирантуры к инновационной деятельности.

Систему подготовки кадров высшей квалификации можно рассматривать как объект, состоящий из большого набора взаимосвязанных элементов и процессов. При оценивании

СТОЛБОВ Валерий Юрьевич, профессор кафедры математического моделирования систем и процессов Пермского национального исследовательского политехнического университета, доктор технических наук.

ГИТМАН Михаил Борисович, профессор кафедры математического моделирования систем и процессов Пермского национального исследовательского политехнического университета, доктор физико-математических наук.

ВЕНСКОВСКИЙ Николай Ульянович, заведующий кафедрой неорганической химии Российского университета дружбы народов, кандидат химических наук, профессор.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель начальника Управления аттестации научных и научно-педагогических работников Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, доктор химических наук, профессор.

такого объекта используется подход, связанный с оценением объекта через систему показателей, характеризующих функционирование каждого элемента и (или) совокупности некоторого количества взаимосвязанных элементов (подсистем). Этот подход соответствует вышеприведенной первой задаче оценки качества послевузовского образования. Такой подход называется системным. Он основывается на принципе системности и достаточно широко применяется для оценивания больших систем, к которым может быть отнесена система послевузовской подготовки. Реализация этого подхода основывается на построении критериальной модели исследуемого объекта, включающей комплексную систему критериев и показателей, характеризующих эффективность функционирования каждого элемента и объекта. Обычно обобщенный критерий оценки качества разбивается на две группы комплексных критериев, характеризующих «возможности» системы и «результаты» ее функционирования. Отметим, что такой подход в настоящее время нашел широкое применение при оценке качества образовательных систем (рейтинги, аккредитационные показатели и т. п.), в том числе и при оценке качества систем высшего профессионального образования (ВПО) и послевузовского профессионального образования (ППО)¹. При применении этого подхода полагают, что та система, у которой значение обобщенного критерия выше, является лучшей, а качество подготовки выпускника такой системы — более высоким. Хотя очевидно, что последнее допущение является достаточно спорным и выполняется далеко не всегда, поскольку качество подготовки конкретного выпускника оценивается косвенно, только на основе системных (обобщенных) результатов подготовки.

Поэтому целесообразно ввести в состав комплексного критерия «результаты» частных критериев, характеризующий качество индивидуальных результатов подготовки выпускника системы ППО к профессиональной деятельности. При этом качество индивидуальных результатов подготовки может быть оценено уровнем сформированности компетенций выпускника².

Обычно при формировании критериальной модели оценивания качества одним из частных критериев принимаются результаты подготовки выпускников. При этом итоговая оценка качества системы подготовки проводится по «воз-

можностям» исследуемой системы, поскольку неудовлетворительное качество результатов подготовки может быть «завуалировано» высокими показателями возможностей достижения этих результатов. Поэтому введение дополнительного частного критерия, характеризующего качество индивидуальной подготовки, позволяет уменьшить традиционную диспропорцию между «возможностями» и «результатами» системы. В настоящее время с введением в систему ВПО и ППО компетентного подхода становится реальным оценивать качество подготовки выпускников по уровню сформированности их профессиональных компетенций. Тем самым достигается главенство результатов над потенциальными возможностями их достижения.

Предлагаемая структура критериальной модели оценивания качества системы послевузовской подготовки кадров к инновационной деятельности представлена на рисунке.

Иерархическая структура критериальной модели включает обобщенный критерий качества исследуемой системы, который состоит из двух комплексных критериев: К1 «Возможности системы», К2 «Результаты системы». В свою очередь каждый критерий содержит частных критерия качества. Частные критерии характеризуются набором показателей, которые оцениваются через соответствующие им индикаторы.

На качество подготовки выпускника к профессиональной деятельности большое влияние оказывает качество структуры и содержания ООП ППО, а также инновационная образовательная среда, в частности, качество ППС, участвующих в реализации образовательных программ с инновационной направленностью³. Их оценка учитывается с помощью частных критериев К1.1 и К1.2. Качество системных результатов подготовки научных кадров оценивается частным критерием К2.1. Следует остановиться более подробно на частном критерии качества К2.2, представляющим наибольший интерес с точки зрения оценки качества индивидуальных результатов подготовки научных кадров к инновационной деятельности.

Отметим, что, согласно TQM⁴, осуществление контроля входных и выходных процессов системы ППО обеспечивает гарантированное качество подготовки выпускника аспирантуры.

При этом оценка качества подготовки каждого выпускника к инновационной деятельности осуществляется посредством контроля уровня сформированности компетенций, определя-

ющих способность выпускника аспирантуры к эффективной профессиональной деятельности, путем оценки уровня сформированности заявленных компетенций в процессе итоговой государственной аттестации (ИГА) (сдача кандидатских экзаменов и защита диссертации на соискание ученой степени кандидата наук по выбранной научной специальности). В перечень заявленных компетенций входят компетенции инновационной направленности.

Критерий К2.2 «Качество индивидуальных результатов подготовки научных кадров» может быть охарактеризован двумя показателями. Первый определяет уровень сформированности заявленных компетенций выпускников аспирантуры. Этот показатель может быть представлен такими индикаторами, как И2.2.1.1. «Доля выпускников с уровнем сформированности заявленных компетенций не ниже продвинутого», И2.2.1.2. «Степень удовлетворенности выпускников аспирантуры уровнем сформированности заявленных компетенций». Однако одного этого показателя для оценки качества индивидуальных результатов подготовки аспирантов недостаточно, так как он не отражает подготовку научных кадров к инновационной деятельности.

Второй показатель характеризует уровень сформированности компетенций с инновационной направленностью и оценивается следующими индикаторами: И2.2.2.1. «Доля выпускников с уровнем сформированности компетенций с инновационной направленностью не ниже креативного», И2.2.2.2. «Степень удовлетворенности выпускников аспирантуры уровнем сформированности компетенций с инновационной направленностью», И2.2.2.3. «Степень удовлетворенности работодателей качеством подготовки научных кадров к инновационной деятельности». Введение этих показателей и индикаторов в предлагаемую критериальную модель позволяет, на наш взгляд, более точно оценить качество системы подготовки аспирантов к профессиональной деятельности.

Предложенная комплексная система критериев и индикаторов качества послевузовской подготовки может быть использована как для сравнительного анализа эффективности деятельности аспирантуры различных вузов и научных институтов, так и для самообследования качества системы послевузовской подготовки в отдельно взятом научно-образовательном учреждении.

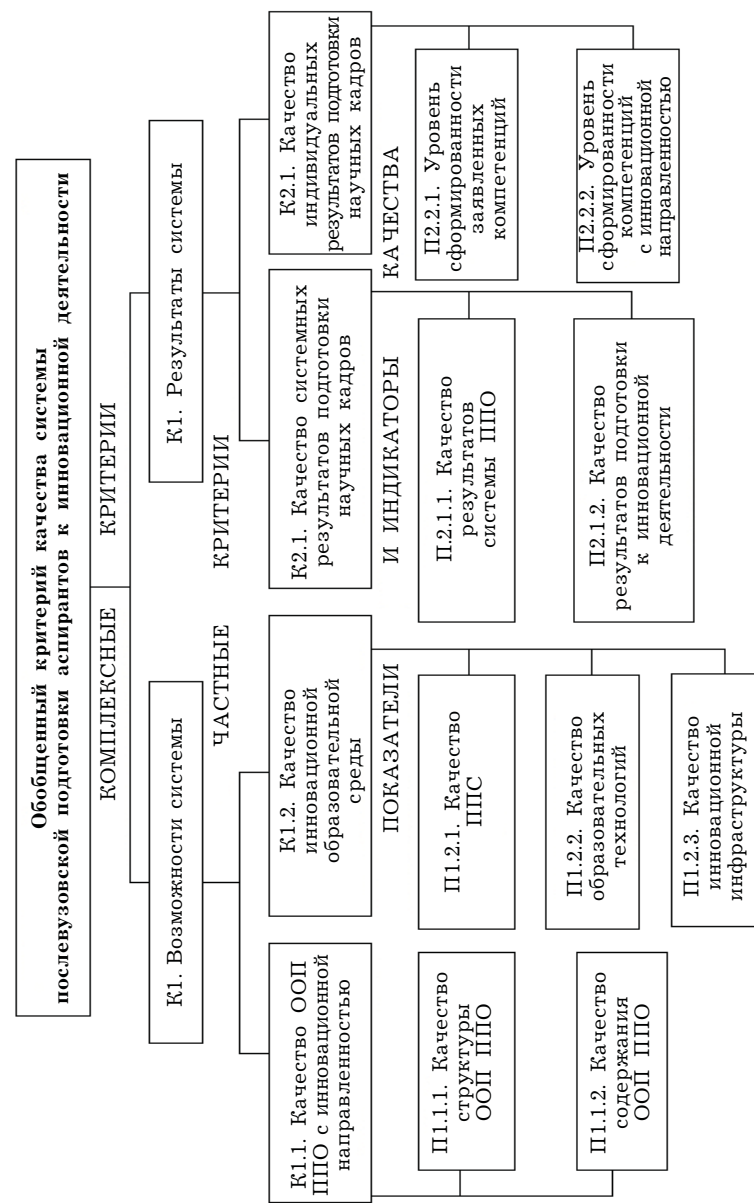

Рисунок. Структура комплексной оценки качества системы послевузовской подготовки кадров к инновационной деятельности

Разработанная критериальная модель оценки качества системы подготовки аспирантов с учетом уровня сформированности их профессиональных компетенций представляет собой многоуровневую систему критериев, показателей и индикаторов, которая позволяет проводить комплексное оценивание качества основных составляющих системы ППО вуза, влияющих на подготовку выпускников к инновационной деятельности. При оценивании актуализируется роль результатов индивидуальной подготовки аспирантов к созданию и продвижению инновационного продукта. Предложенная процедура оценки качества системы подготовки аспирантов к инновационной деятельности позволяет проводить сравнительный анализ качества систем ППО различных вузов, а также выполнять самообследование системы послевузовской подготовки вуза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Петров В.Ю., Столбов В.Ю., Гитман М.Б. Критерии оценки качества подготовки кадров высшей квалификации // Высшее образование в России. 2008. № 8. С. 13—19; Бедный Б.И., Гурбатов С.Н., Миронос А.А. Индикаторы эффективности аспирантских программ в области точных и естественных наук // Там же. 2010. № 7. С. 11—23.

² См.: Матушкин Н.Н., Столбова И.Д. Модель системы управления подготовкой научных кадров в области техники и технологии к инновационной деятельности // Инновации в образовании. 2009. № 5. С. 4—13.

³ См.: Гитман М.Б., Гитман Е.К., Столбов В.Ю. Подготовка аспирантов к инновационной деятельности // Высшее образование в России. 2010. № 5. С. 102—111.

⁴ См.: Лapidус В.А. Всеобщее качество (TQM) в российских компаниях. М.: ОАО «Типография „Новости“», 2000. 432 с.

Поступила 15.03.11.

А. В. ОСТАШКОВ Ю. П. КАНЕЕВА

ПОВЫШЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ РЕГИОНА¹

Ключевые слова: государственная гражданская служба, мониторинг, результативность, социальный институт, программа дополнительного профессионального образования государственных служащих

Key words: state civil service, monitoring, effectiveness, social institution, state officials additional professional education programme

Одним из главных условий повышения эффективности государственного управления в России является развитие дополнительного профессионального образования (ДПО) государственных служащих, поскольку профессиональный уровень последних далеко не всегда отвечает требованиям модернизации страны и повышения ее конкурентоспособности². Одной из актуальных проблем современной России является формирование и продвижение идеологии, механизмов реализации системной модернизации, поскольку

ОСТАШКОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат экономических наук.

КАНЕЕВА Юлия Рафаиловна, аспирант кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета.

необходимо именно модернизацию сделать национальной идеей и объединить вокруг нее людей, что станет основой для модернизационной консолидации российского общества.

Очевидно, что государственная политика России по отношению к модернизации должна иметь четкую стратегическую направленность, системное управление и критерии регулирования с целью обеспечить формирование и реализацию в российском обществе императива качественного социально-экономического рывка³. Одним из рычагов влияния на осознание необходимости реализации модернизационной политики, по нашему мнению, является ДПО государственных служащих. Для реализации вышеуказанных задач этот институт должен эффективно выполнять свою главную задачу — актуализацию и получение новых знаний служащими, связанными с реализацией социально-экономической политики.

Для эффективного функционирования ДПО служащих применима концепция процессного подхода управления⁴. Она подразумевает циклическое, интеграционное и итерационное выполнение основных функций управления: планирование, мотивацию, организацию и контроль. Причем без должной реализации любой из указанных функций цикл управления нарушается, управление становится неэффективным или отсутствует.

Вместе с тем исследование действующих в регионах России систем ДПО служащих показывает неполную комплексность применения концепции процессного управления. Сейчас мы можем говорить лишь о достаточной реализации функции организации ДПО служащих, о чем свидетельствуют статистические данные по количеству и направлениям обучения служащих, а также наличие в структуре региональных органов исполнительной власти субъектов РФ подразделений, отвечающих за политику в сфере ДПО госслужащих. Однако, как показывает анализ, существующая система планирования ДПО в регионах недостаточно эффективна, поскольку в ней не учитываются долгосрочный прогноз и текущий мониторинг потребности в подготовке кадров. Не развиты также механизмы мотивации служащих к обучению. В целом существующая корпоративная культура в большинстве региональных органах государственной власти вовсе не нацелена на стимулирование профессионального развития.

Также не реализуется функция контроля результативности ДПО служащих. Мы считаем, что нельзя говорить об эффективности функционирования системы ДПО без контроля и оценки результатов ее деятельности.

Основываясь на важнейшем принципе теории управления «управлять можно тем, что можно измерить», а также концепции «сбалансированных показателей» Д. Нортон, Р. Каплана⁵, мы считаем необходимым проведение процедур контроля и оценки структурных элементов ДПО института, а именно программ ДПО государственных гражданских служащих, в том числе с точки зрения наличия в них вопросов, направленных на внедрение в сознание служащих идей модернизации, пропаганду целей будущего развития, привнесения системного взгляда на развитие страны и своего региона.

Мы предлагаем систему результативности как степени приближения к намеченным результатам по параметрам, достижение которых приводит к обеспечению устойчивого социально-экономического развития территории. Контроль и оценку структурных элементов ДПО госслужащих целесообразно реализовывать на основе мониторинга результативности.

Анализ теоретических основ проблем мониторинга социальной сферы⁶ позволяет нам охарактеризовать мониторинг результативности программ подготовки в качестве структурированного, специально организованного процесса регулярного отслеживания реализации программ подготовки государственных служащих для разработки адекватных управленческих решений по коррекции программ ДПО и повышения эффективности ДПО служащих. Под качеством ДПО мы понимаем его адекватность требованиям текущей ситуации.

Под качеством программ подготовки управленческих кадров следует понимать способность учебных заведений разрабатывать и реализовывать программы ДПО, обеспечивающие государственных служащих необходимыми знаниями, навыками и умениями для решения стоящих перед ними управленческих задач. Оценка качества программ представляет собой, по нашему мнению, анализ собранной в ходе мониторинга информации для определения степени соответствия программы поставленным целям, а также возможностей ее совершенствования и развития.

Основными критериями качества программы ДПО в предлагаемой системе мониторинга и оценки являются соответствие программы образовательным потребностям слушателей и органов государственного управления, результативность реализации программы.

Структура мониторинга результативности ДПО кадров государственной гражданской службы представлена на рисунке. Следует выделить три основные стадии оценки в процессе проведения мониторинга: предварительную, текущую и заключительную. На предварительной стадии осуществляется подготовка мониторинговых мероприятий, в рамках которой обеспечивается формирование плана-графика мониторингового исследования, анкет для опроса слушателей, тестовых заданий и опросных листов экспертов, а также происходит подбор исполнителей. Эти составляющие модели мониторинга уточняются и корректируются в зависимости от тематики и вида программы ДПО служащих⁷.

Текущий вид мониторинга предусматривает сбор данных, характеризующих качество подготовки служащего по программе ДПО. Этот вид мониторинга реализуется посредством проведения двух анкетных опросов и тестирований слушателей (входного и выходного). Результатом первого сплошного анкетирования является выявление ожиданий слушателей. Для оценки ожиданий предлагается использовать анкету, позволяющую слушателю определить цель обучения, являющуюся одним из главных показателей оценки обучения, и предпочтительные формы учебной деятельности. Результатом первого (входного) тестирования также является выявление уровня имеющихся у слушателей знаний по тематике программы ДПО на момент начала ее прохождения.

Входное анкетирование и тестирование целесообразно проводить дистанционно до начала очной формы программы. По результатам оценки ожиданий и входного тестирования возможна коррекция учебного плана программы на основе выявленных слабых сторон слушателей и их ожиданий. Результатом второго сплошного анкетирования является оценка удовлетворенности слушателей. По результатам анализа данных анкетирования определяется оценка качества реализованной программы обучения. Выходное тестирование проводится в день окончания прохождения программы ДПО либо через 7—10 дней после окончания занятий, что, ко-

нечно, лучше продемонстрирует уровень остаточных знаний. Оно направлено на оценку полученных знаний слушателей, прошедших обучение.

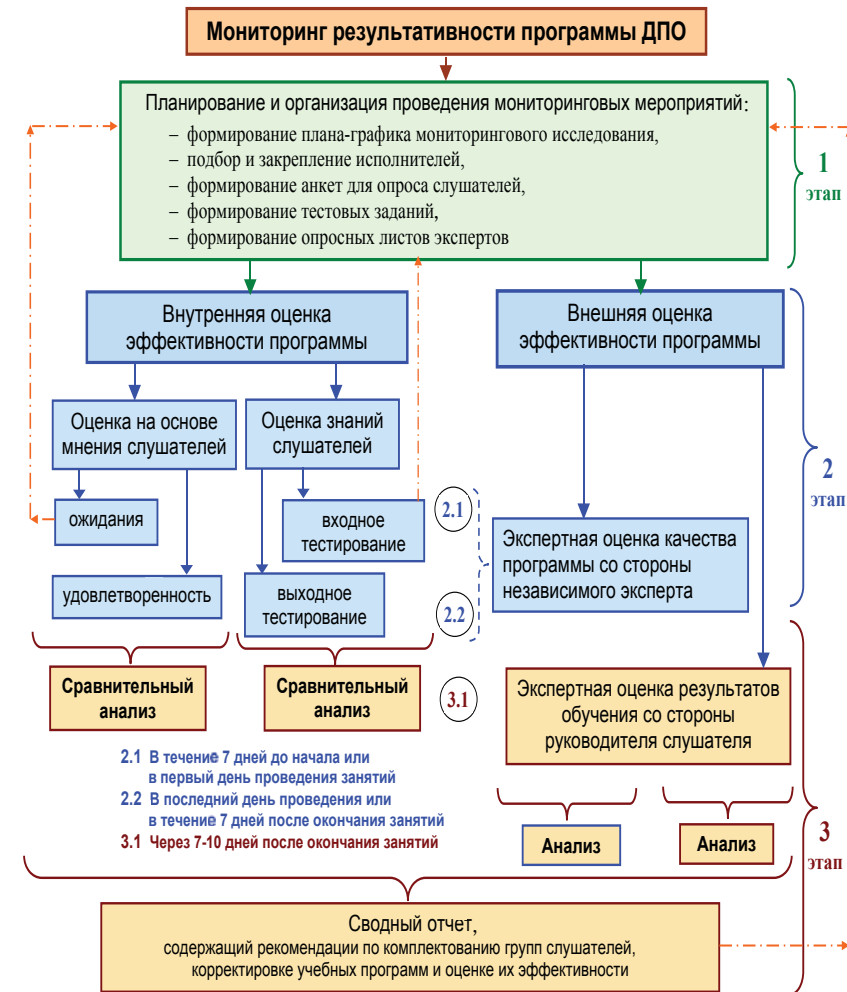

Рисунок. Структура мониторинга результативности системы ДПО государственных служащих

Также в рамках этого этапа на протяжении реализации программы ДПО проводится экспертное наблюдение для оценки качества самой программы и работы преподавателей. Независимыми экспертами выступают преподаватели ведущих учебных учреждений в сфере ДПО государственных и муниципальных служащих либо специалисты органов государственной власти, курирующих вопросы подготовки служащих. Оценка эксперта основывается на системе критериев, показателей и индикаторов качества программы ДПО государственных служащих; структуре и содержании программы ДПО служащих; практической направленности программ; оценке преподавательского состава; методах обучения и учебно-методическом обеспечении программы ДПО служащих.

Завершающий мониторинг предусматривает обработку и анализ данных, полученных на текущем этапе; проведение и анализ опроса руководителей обучавшихся служащих; подготовку итогового отчета, содержащего выводы и рекомендации по повышению эффективности реализации программ ДПО государственных служащих. На этом этапе учреждение, ответственное за организацию проведения мониторинга, формирует промежуточные отчеты: сопоставление ожиданий и удовлетворенности слушателей (оценка удовлетворенности слушателей программы); сопоставление результатов входного и выходного тестирования (оценка полученных слушателями программы знаний); экспертную оценку данных, полученных в ходе наблюдения (проведенного на предыдущем этапе) (определение качества составления и реализации программы ДПО); оценку руководителем подразделения влияния прохождения программы ДПО служащим на эффективность его деятельности.

Преимущество предлагаемой системы мониторинга заключается в ее блочно-модульном характере, из которого следует, что результатами мониторинга будут обобщение всех структурных элементов, их сочетание и единичный анализ отдельных элементов. Выбор соотношения компонентов зависит от задач, которые ставятся в каждом конкретном случае. Факторами, влияющими на выбор сочетания компонентов, являются имеющиеся ресурсы и время для реализации процедуры мониторинга.

В ходе исполнения госконтракта от 26 ноября 2010 г. № 420, заключенного с Правительством Пензенской области, Пензенским государственным университетом, была проведена апробация разработанной модели мониторинга эффективности программ ДПО государственных гражданских служащих. Апробация была проведена по сплошной выборке гражданских служащих Пензенской области с 30 ноября по 9 декабря 2010 г., обучавшихся по программе повышения квалификации «Государственное управление: нормативно-правовое и организационно-кадровое обеспечение государственной гражданской службы», реализованной Поволжской академией государственной службы.

Следует отметить высокий уровень удовлетворенности слушателей полученными в рамках образовательной программы знаниями и навыками (среднее значение — 4,1 из 5 баллов). Особенно высоко оценены позиции «соответствие содержания курса ожиданиям», «актуальность полученных знаний», «новизна полученной информации». Меньшую оценку получили позиции «практическая ценность материала», «применимость полученного материала для профессиональной деятельности», что подчеркивает необходимость обеспечения большей практической направленности содержания программ подготовки.

В качестве положительного момента следует отметить то, что слушатели достаточно высоко оценили влияние обучения на развитие деловых и личностных качеств, что свидетельствует об отражении задач направленности содержания программ на личностное развитие государственных служащих. В то же время слушателями было высказано пожелание по дальнейшему расширению использования в процессе обучения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): портала дистанционного обучения, электронных учебно-методических комплексов. Таким образом, рекомендательным является расширение использования технических средств обучения и ИКТ в программах подготовки служащих.

Оценка мнения внешних экспертов по поводу качества программы и работы преподавателей программы в целом признана соответствующей общим целям и задачам курсов ДПО государственных служащих, образовательным потребностям слушателей и направляющих подразделений органов власти. Структурная оценка программы показала достаточ-

ную взаимосвязанность, целостность и сбалансированность основных тематических компонентов курса, наличие логики построения программы, сбалансированность теоретической и практической составляющей, адаптированность программы к образовательным потребностям конкретной группы слушателей. Менее высокую оценку получила практическая направленность программы. В частности, недостаточное внимание уделено использованию учебных материалов, учитывающих местную специфику, а также обеспечению связи содержания программы с конкретными управленческими задачами, стоящими перед слушателями. Эксперты отметили высокую квалификацию и компетентность преподавателей программы, наличие у них значительного опыта практической и консультационной деятельности, хороший контакт с аудиторией. Наиболее низкую экспертную оценку программа получила с точки зрения ее нацеленности на решение системных вопросов модернизации страны.

Относительно качества программы и работы преподавателей экспертами были высказаны рекомендации по усилению практической направленности программы, освещению вопросов кадрового планирования в деятельности органов исполнительной власти, формированию методических указаний по реализации учебной программы, особенно усилению ее модернизационной направленности. Результаты опроса руководителей ведомств, сотрудниками которых являются служащие, прошедшие обучение, продемонстрировали эффективность действующей системы подготовки гражданских служащих Пензенской области, а также высокое качество подготовки слушателей на базе Учебно-методического центра (УМЦ) Пензенской области по программам ДПО. Эксперты высоко оценили практическую направленность обучения, его содействие личностному и профессиональному развитию государственного служащего. В то же время эксперты не отметили наличие у сотрудника, прошедшего обучение, предложений по совершенствованию личной работы и работы подразделений по завершению образовательной программы. Это говорит об отсутствии комплексной аналитической оценки слушателем результатов освоенной программы подготовки, систематизированной работы по выработке предложений в сфере совершенствования профессиональной деятельности на основе полученных знаний и навыков.

Важной рекомендацией экспертов по повышению эффективности функционирования УМЦ Пензенской области является организация комплексного информирования кадров органов государственной власти о ресурсах и возможностях, предоставляемых им региональным УМЦ. В частности, предложено тиражирование информационных буклетов о деятельности УМЦ для служащих правительства, органов законодательной и исполнительной власти Пензенской области.

В контексте организационного обеспечения программы ДПО государственных служащих целесообразно проведение регулярного мониторинга качества реализуемых образовательных курсов с оценкой нескольких учебных программ с подведением годовых итогов. Необходимым является налаживание каналов взаимодействия органов государственной власти и образовательных учреждений при разработке и реализации программ ДПО, а также формирование однородных профессиональных учебных групп государственных служащих в зависимости от категорий и групп должностей гражданской службы. В рамках учебно-методического обеспечения программ ДПО, на наш взгляд, необходимы разработка методических рекомендаций для каждого реализуемого учебного курса, расширение использования в процессе обучения ресурсов портала дистанционного обучения, повышение практической направленности материала с целью развития практических навыков слушателей. Для повышения качества кадрового обеспечения программ дополнительного образования целесообразно регулярное прохождение преподавателями программ повышения квалификации и стажировок, а также более широкое привлечение к проведению занятий преподавателей-практиков. Следует осуществлять практику обязательных формализованных отчетов слушателей по результатам прохождения программы ДПО, включающих оценку положительных и отрицательных сторон, а также предложения по совершенствованию профессиональной деятельности и работы структурного подразделения и (или) органа власти в целом по итогам прохождения образовательной программы.

Таким образом, мониторинг системы ДПО служащих позволяет проводить непрерывную работу над повышением качества программ подготовки, актуализируя значимые ком-

поненты содержания программ и расширяя использование эффективных образовательных технологий. Использование эффективных технологий реализации мониторинга позволит обеспечить практический характер подготовки служащих за счет функционирования механизма обратной связи между органами государственной власти субъектов РФ, УМЦ и учебными заведениями, оказывающими услуги в области ДПО, что значительно повысит результативность функционирования ДПО государственных служащих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках исполнения государственного контракта № П60 от 2.04.2010 года «Социологические аспекты модернизации системы дополнительного профессионального образования муниципальных служащих на основе инновационных организационно-технических решений, модульных технологий и дистанционного обучения».

² См.: «Президент России». Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами. URL: <http://президент.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/8882> (дата обращения: 10.09.2010).

³ См.: Осташков А.В. Информационно-идеологическая поддержка модернизационных процессов в России в процессе дополнительного профессионального образования государственных гражданских и муниципальных служащих // Открытое образование. 2011. № 2. С. 286—290.

⁴ См.: Мескон М., Альбер М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. М.: Дело, 1992. 702 с.

⁵ См.: Нортон Д., Каплан Р. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-Бизнес, 2010. 320 с.

⁶ См.: Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993. 240 с.; Давыдов А.А. Системный подход в социологии: новые направления, теории и методы анализа социальных систем. М.: КомКнига, 2005. 324 с.; Майоров А.Н. Мониторинг в образовании. СПб.: Образование — Культура, 1998. 227 с.; Милехин А.В. Социологический мониторинг. М.: Аспект-Пресс, 2001; Неделько С.И., Осташков А.В., Матюкин С.В., Ретинская В.Н., Мурзина И.А., Кревский И.Г., Луканин А.В., Кошевой О.С. Мониторинг государственных и муниципальных услуг в регионе как стратегический инструмент повышения качества регионального управления: опыт, проблемы, рекомендации / под общ. ред. В.В. Маркина, А.В. Осташкова. М.: Экслибрис Пресс, 2008. 392 с.

⁷ См.: Матюкин С.В., Канеева Ю.Р. Инновационные подходы в подготовке государственных служащих с учетом категорий и групп должностей государственной гражданской службы // Вестн. Поволж. академии гос. службы. 2010. № 3. С. 21—28.

Поступила 17.06.11.

Т. Н. КЛОЧКОВА

ОЦЕНКА ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ РЕГИОНАЛЬНЫХ АКАДЕМИЙ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, профессиональная культура, профессиональное развитие

Key words: continuous professional education, professional culture, professional development

Одним из важных направлений совершенствования государственной и муниципальной службы в России является формирование профессиональной культуры специалиста в области управления. Специалист, отвечающий современным требованиям, может быть подготовлен только эффективной системой образования, нацеленной на будущее¹. Волго-Вятской академией государственной службы в 2010 г. в рамках проекта «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России», реализуемого в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., было проведено социологическое исследование среди профессорско-преподавательского состава 5 региональных академий государственной службы: Волго-Вятской, Северо-Западной, Северо-Кавказской, Уральской, Поволжской. Выборочная совокупность составила 219 чел.

Принявшие участие в опросе преподаватели высказались о преимуществах базового образования по специальности «государственное и муниципальное управление» (ГМУ) для

КЛОЧКОВА Татьяна Николаевна, социолог-специалист научно-исследовательской методической лаборатории Волго-Вятской академии государственной службы, кандидат социологических наук, доцент (г. Нижний Новгород).

профессионального развития государственных (здесь и далее речь идет о государственных гражданских служащих РФ) и муниципальных служащих. Две трети преподавателей считают, что у специалистов с профильным базовым образованием, приходящим на работу в органы власти, есть определенные преимущества: эти специалисты легче включаются в работу и демонстрируют большую отдачу от полученного образования, эффективнее применяют знания, полученные в вузе, глубже понимают цели и задачи своей профессиональной деятельности, подразделения, администрации, точнее понимают приказы руководителей (таблица).

Таблица

Степень согласия с утверждениями, %

Специалисты с базовым образованием по специальности ГМУ	Степень согласия			з/о
	Низкая	Средняя	Высокая	
Глубже понимают цели и задачи своей профессиональной деятельности	7	27	55	11
Глубже понимают цели и задачи деятельности своего подразделения	11	28	53	7
Эффективнее применяют полученные в вузе знания	9	30	49	12
Эффективнее применяют знания, полученные в сфере дополнительного образования	14	31	44	12
Глубже понимают цели и задачи деятельности своей администрации	13	34	43	11
Легче и точнее понимают поручения и приказы	16	31	41	12
Легче включаются в работу	10	35	34	22
Демонстрируют большую отдачу от получения дополнительного образования	10	35	34	22

Как обстоит дело на самом деле, мы узнали из анализа данных экспертного опроса, проведенного ВВАГС в 2010 г. О востребованности в органах государственного и муниципального управления выпускников по специальности ГМУ, роли для государственных и муниципальных служащих профильного базового профессионального образования высказались руководители (а также их заместители) территориальных управлений федеральных государственных органов ПФО, государственных органов пяти субъектов РФ (Нижегородская и Кировская области, республики Чувашия, Марий Эл и Мордовия), органов местного самоуправления Нижегородской области (выборочная совокупность составила

156 чел.). Так, менее половины экспертов (44 %) признают высокий уровень востребованности в их организации специалистов, получивших первое высшее образование по специальности ГМУ. По мнению экспертов, специалист с любым базовым образованием имеет преимущество, если это образование получено в вузе с высоким рейтингом среди вузов страны. При этом отмечается, что наличие любого образования, скорее, всегда относится к достоинствам. *«Если человек хорошо освоил специальность в вузе, он обязательно найдет престижную работу».* *«Важно даже не само направление подготовки, а качество полученного образования».*

Мнение экспертов об основных преимуществах базового профильного образования по специальности ГМУ совпадает с гипотетическим представлением об этом преподавателей региональных академий. Эксперты видят преимущество в том, что выпускники управленческих специальностей способны планировать, принимать, исполнять и контролировать управленческие решения, точно выполнять поручения; имеют глубокие теоретические знания, необходимые в работе; глубже понимают цели и задачи деятельности органов власти; быстрее адаптируются в практической работе; четко понимают основные вопросы государственного и муниципального управления, представляют специфику работы органов власти; быстро обучаемы, обладают широким кругозором, эрудицией, способностью логически мыслить, проявлять инициативу; умеют не только пользоваться компьютером и оргтехникой, но и применять программные продукты для решения профессиональных задач; более приспособлены к работе в органах власти и местного самоуправления, быстрее поднимаются по карьерной лестнице; эффективнее используют в работе нормативно-правовую базу.

Как отметили эксперты, перечисленные преимущества особенно заметны на начальном этапе профессиональной деятельности. У выпускников именно на этом этапе экспертами отмечается различный «стартовый капитал», который затем либо накапливается, либо только тратится. И здесь все зависит от самого специалиста, его мотивированности, способности и желания реализоваться в этой профессиональной сфере.

Базовое образование специалистов в области управления не всегда может соответствовать занимаемой работником

должности. Результаты исследования среди государственных служащих областных и республиканских администраций Нижегородской и Кировской областей, республик Чувашия, Марий Эл и Мордовия (N = 667 чел.) и среди муниципальных служащих 19 городских и районных администраций Нижегородской области (N = 456 чел.) показали, что почти все респонденты говорят о соответствии их профессионального образования выполняемой работе, что свидетельствует о широком прикладном потенциале базового образования. О полном соответствии заявили 55 % муниципальных и 59 % государственных служащих; около трети респондентов согласны с тем, что их базовое образование только наполовину соответствует содержанию их работы. О частичном несоответствии заявил каждый десятый респондент. Они являются потенциальными потребителями дополнительного профессионального образования (ДПО), поскольку качество образования имеет особое значение для реализации профессиональной карьеры специалиста. Именно непрерывная целевая профессионально-образовательная подготовка государственных и муниципальных служащих обеспечивает рост их профессионализма, повышение компетентности, адаптируемость к новым условиям, сочетание стратегического мышления и оперативности в выполнении своих функциональных обязанностей.

Преподаватели региональных академий высказались также о роли дополнительного образования для профессионального развития управленцев. Они оценили полезность различных форм ДПО для профессионального развития служащих. Первую позицию у респондентов занял формальный вид обучения — «дополнительное профессиональное образование (профессиональная переподготовка, повышение квалификации, стажировка)» (77 %). Сумма ответов превышает 100 %, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа. По 59 % заняли ответы «учеба в обучающих организациях (курсы, семинары и т. д.)» и «общение и консультации с преподавателями в обучающих организациях». С небольшой разницей ниже расположились неформальные виды обучения — «общение с коллегами во время обучения в обучающих организациях (курсы, семинары, повышение квалификации и т. п.)» (57 %). Невысокие оценки респонденты дали таким формам обучения, как учеба, семинары, круглые

столы, проводимые по месту работы (47 %). Таким образом, преподаватели высоко оценивают роль таких форм ДПО, которые проводятся в обучающих организациях, и менее высоко оценивают формы, которые проводятся по месту работы обучающихся. Скорее всего, здесь отдана дань корпоративной культуре преподавателей академий госслужбы.

Преподаватели осознают значимость своей миссии в становлении профессионалов. Они самокритичны по отношению к собственной деятельности, обостренно воспринимают происходящие в обществе процессы. При оценке суждения, что «качество обучения во многом зависит от индивидуально-личностных особенностей преподавателя», 72 % из них выразили свое абсолютное согласие с этим суждением, 22 % респондентов не отрицают роль личности преподавателя в процессе обучения, но при этом и не придают ей большого значения. Знаковым является то, что лишь 4 % опрошенных считают, что индивидуально-личностные особенности преподавателя не сказываются на качестве обучения.

По мнению преподавателей региональных академий, профессиональная подготовка специалиста зависит от системы взаимосвязанных форм, средств и приемов обучения с заранее определенной целью — индивидуальной готовности специалиста к профессиональной деятельности. В данном случае речь идет об организации процесса обучения и методическом обеспечении учебного процесса и, конечно, об уровне профессионализма профессорско-преподавательского состава вуза. В выделенных областях существуют определенные проблемы. По этой причине они должны постоянно находиться под контролем руководства вуза и систематически решаться им. Например, процесс обучения обязательно должен быть обеспечен современными образовательными программами и инновационными технологиями, согласованностью подачи материала разными кафедрами, внедрением активных форм обучения (деловые игры, дискуссии, круглые столы, проигрывание производственных ситуаций и т. д.) и, конечно, постоянным оцениванием знаний, полученных в ходе обучения. Среди наиболее предпочтительных форм оценивания знаний преподаватели отмечают деловые игры и устный экзамен в форме собеседования (по 49 % у каждого варианта), тестирование в аудитории (40 %), устные опросы в ходе занятий (39 %), а также внеаудиторную письменную

работу (32 %). Необходимо отметить, что около половины преподавателей отметили такую активную форму проверки знаний обучающихся, как деловые игры, в ходе которых сразу раскрываются организаторские и профессиональные умения студентов.

Анализируя ситуацию, связанную с подготовкой кадров для государственной и муниципальной службы, можно отметить, что выделенные преподавателями региональных академий проблемы подготовки государственных и муниципальных служащих тесно связаны друг с другом, и их решение зависит от изменения в подходах к профессиональному образованию как с точки зрения организации учебного процесса, так и его содержания.

Прежде следует задуматься о соотношении лекционных, практических, семинарских занятий; соотношении аудиторных часов и часов, отводимых на самостоятельную работу студента; о формах контроля за самостоятельной работой студента и т. п. Например, смена акцента с лекционных занятий, которые должны носить проблемный характер, на дискуссионные формы семинаров с учетом серьезной самостоятельной работы студентов позволит сформировать у студента инновационный тип мышления, соответствующий требованиям современности, а проведение практических и лабораторных занятий в небольших группах разовьет профессиональные навыки по поиску и оценке надежности необходимой информации, например, методом аналитической деятельности.

Несомненно, переход на новые формы обучения потребует от профессорско-преподавательского состава больших временных затрат, изменения нормативов расчета соотношения студенческого контингента по отношению к преподавательскому. Но введение и активное применение новых форм занятий в учебном процессе (дискуссии, круглые столы, внеаудиторные семинары / занятия, встречи с представителями государственной и муниципальной службы и т. д.) — это настоятельная необходимость, особенно в системе подготовки государственных и муниципальных служащих. Кроме того, нельзя забывать о правильной расстановке содержательных и структурных приоритетов при формировании образовательной программы. Важное значение здесь имеют квалифицированное описание учеб-

ных курсов по уровням обучения и определение «весовых коэффициентов» дисциплин в образовательных программах различного уровня².

Решать проблемы с подготовкой управленцев можно лишь в случае учебно-методической обеспеченности образовательного процесса. Сегодня, по оценкам преподавателей, учебный процесс в основном базируется на использовании учебников и учебно-методических пособий. Следует стремиться к созданию образовательного процесса на основе органического соединения обучения с научной деятельностью и передовым практическим опытом (как отечественным, так и зарубежным).

Традиционная, т. е. сложившаяся, система и технологии профессиональной подготовки и профессионального развития государственных и муниципальных служащих не вполне отвечают социальным вызовам современности. Сутью непрерывного образования специалистов в области управления должно стать обеспечение процесса реализации способностей и духовных потребностей личности специалиста на любом этапе развития его профессиональной культуры. Темп и индивидуальная траектория образовательного продвижения каждого должны определяться как способностями и склонностями индивида, так и потребностями сферы исполнения профессиональной деятельности. Без кардинальных изменений системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих, приведения ее в соответствие с потребностями общества невозможно обеспечить инновационное развитие и конкурентоспособность страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Клочкова Т.Н. Влияние непрерывного профессионального образования на повышение уровня развития государственных и муниципальных служащих // Власть. 2010. № 5. С. 24—26.

² См.: Анурин В.Ф., Клочкова Т.Н. Профессиональное развитие и образование специалиста // Социология власти. 2011. № 4. С. 43—52.

Поступила 31.03.11.

И. А. ПОТАПОВА

**ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ
УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА КАК ФАКТОР
КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ¹**

Ключевые слова: учебный процесс, качество обучения, дистанционное обучение

Key words: training process, education quality, distance education

Кардинальные изменения, которые претерпела Россия, смена приоритетов и жизненных ценностей, постоянное изменение рыночной конъюнктуры приводят к тому, что профессиональные навыки и знания опытных специалистов и молодых выпускников вузов не всегда соответствуют ожиданиям работодателей. Качественный и высокопроизводительный труд, являясь основой материального и духовного развития современного общества, невозможен без использования новейших технологий и оборудования. Последние требуют современных знаний и навыков. В условиях различных форм и видов образования, трансформации его функций и возможностей повышается востребованность высшего образования, усиливается его влияние на успех и качество жизни. Это предъявляет новые требования к системе образования и заставляет высшие учебные заведения искать новые пути решения возникающих проблем.

Реагировать на изменения во внешней среде и соответствовать потребностям общества вуз может при наличии высокой степени адаптивности. Быстрая и своевременная коррекция образовательного процесса позволяет обеспечить оптимальную работу вуза и достижение требуемых параметров качества в соответствии с текущими запросами. В связи с этим возникает необходимость поиска новых, более эффективных форм организации образовательной де-

¹ ПОТАПОВА Ирина Алексеевна, аспирант кафедры социологии и психологии Волго-Вятской академии государственной службы (г. Н. Новгород).

тельности. На это нас ориентирует также инновационная политика системы образования².

Система организации образовательного процесса обеспечивается усилиями многих структурных подразделений и профессорско-преподавательским составом. Нами был проведен опрос профессорско-преподавательского состава Волго-Вятской академии государственной службы. Объем выборки составил 300 чел. Целью исследования был анализ образовательного процесса с точки зрения его эффективности построения в вузе, осуществляющем подготовку управленческих кадров Волго-Вятского региона. Задачей ставилось выявление степени влияния формы организации учебного процесса на качество образования. Преподаватели должны были соотнести формы организации учебного процесса с иными компонентами образовательной деятельности студентов и деятельности преподавателей. Это количественные показатели содержания образования, виды учебной нагрузки студентов и преподавателей, к которым относятся самостоятельная, научно-исследовательская, индивидуальная работа со студентом (преподавателем), а также внешние условия (вторичная занятость студентов, совмещение работы преподавателями и отдых).

Весьма показательны данные мониторинга отношения профессорско-преподавательского состава к некоторым сторонам организации образовательного процесса в вузе. Это инновационный элемент построения учебного курса — модульное обучение (введено в 2005 г.) и введение дистанционного обучения, а также очень «модный» сегодня элемент системы обучения, получивший большое распространение при традиционной и модульной организации учебного процесса и в дистанционной модели образования, — тестирование.

Самый большой процент (50,0 % опрошенных) дал оценку «удовлетворен наполовину», и относится эта оценка к модульной форме организации учебного процесса. Это свидетельствует о том, что к этой форме организации преподаватели привыкают, но относятся еще противоречиво. По 11,5 % опрошенных положительно и отрицательно отнеслись к этой форме оценки знаний студентов. Аналогично: 11,5 % выразили как положительное, так и отрицательное отношение к дистанционной форме обучения. Почти 40,0 % тех, кто проголосовал за «дистанционное образование», дали от-

вет «удовлетворены наполовину». Тестирование оценивается скорее положительно, чем отрицательно. Оценка «положительно» была дана 30,5 % от числа опрошенных. Столько же ответило «удовлетворен наполовину». Только 7,7 % принимают тестирование отрицательно. В основном такой ответ давали преподаватели с кафедр системного анализа и экономической теории. Вероятно, им сложнее перестроиться на новый вид контроля знаний учащихся.

Следуя вызовам времени, представляется важным выяснить отношение к введению таких элементов обучения, которые все чаще применяются в вузах при организации образовательного процесса. Следует отметить неоднозначное отношение преподавателей к нововведениям в системе обучения студентов. Например, 26,9 % из них относятся отрицательно к таким элементам, как письменные экзамены и 10-балльная система, а полностью поддерживают эти инновации только 3,8 и 19,2 % соответственно. Наибольший процент респондентов относится к данным элементам нейтрально (26,9 и 30,8 %). К введению рейтингования преподавателей мы видим скорее нейтральное отношение (42,3 %), чем положительное (19,2 %) или отрицательное (15,4 %). К введению накопительной системы профессорско-преподавательский состав относится весьма позитивно: 38,5 % опрошенных дали положительный ответ, ровно столько же придерживаются «скорее положительного мнения», 3,8 % — отрицательного.

Для выявления влияния на качество обучения количественных показателей организации образовательной деятельности студентов при той или иной форме обучения было предложено оценить достаточность таких элементов учебного процесса, как количество письменных работ, аудиторных часов, индивидуальных консультаций для успешной образовательной деятельности студентов в рамках дистанционной, традиционной и модульной форм обучения. Если рассматривать модульную форму организации, то ярко выраженным проявлением достаточности является количество письменных работ, аудиторных часов и индивидуальных консультаций. Так считает большинство опрошенных, чего нельзя сказать об оценке дистанционной формы организации учебного процесса. Здесь большинство опрошенных согласно с тем, что количество часов по этим параметрам недостаточно для качественного обучения.

Существенную роль, на наш взгляд, в качественной организации учебного процесса может сыграть оценка возможности организации рационального распределения учебной нагрузки студентов. На основании данных мониторинга мы сделали вывод, что все исследуемые формы обучения в равной степени позволяют рационально использовать время для подготовки к занятиям. Этого нельзя сказать о возможности совмещения работы и учебы. Конечно, сегодня студентам эту возможность дают применяемые в учебном процессе информационные технологии. За дистанционную форму обучения высказались 87,5 % опрошенных, за другие — по 8,3 %. С большим перевесом в процентном соотношении (60,9, 25,0 и 17,0 %) доминирует мнение, что рационально использовать время для отдыха позволяет дистанционная форма обучения. Рационально использовать время для подготовки к занятиям преподавателям, как и студентам, позволяют все формы в равной степени: 46,0 % — модульная, 50,0 % — семестровая, 42,0 % — дистанционная. Отдыхать им дает возможность в основном «дистант» (46,0 %). Актуальна сегодня и проблема стабильности качественного состава педагогических кадров, повышения творческого потенциала преподавателей, улучшения их материального положения³. Совмещение работы в разных вузах также является одним из факторов качества. Так, 8,0 % респондентов считают, что успешно совмещать работу с учебой позволяет семестровая форма обучения, 17,0 % — модульная, 58,0 % — дистанционная.

Таким образом, можно выделить сильные и слабые стороны организации учебного процесса в подготовке специалистов управленческих специальностей. Так, дистанционная форма обучения позволяет студентам и профессорско-преподавательскому составу в большей степени рационально использовать свое время для научной работы, отдыха, что весьма важно для качественного обучения студентов. Важным аспектом является то, что дистанционная форма организации учебного процесса способствует успешному совмещению работы и учебы, особенно если принимать во внимание тот факт, что в исследуемом вузе есть подготовка, переподготовка и повышение квалификации чиновников Волго-Вятского региона. Слабым же местом этой формы обучения является недостаточное количество письменных работ, аудиторных часов, индивидуальных консультаций.

Традиционная семестровая форма обучения предусматривает достаточный объем аудиторной и внеаудиторной нагрузки для качественной подачи новых знаний. Кроме того, она в большей степени, чем другие формы, способствует организации исследовательской и самостоятельной работы студентов и качественной подготовке к занятиям преподавателей.

Ни одна форма не обладает решающим преимуществом. Исследование показало, что новая форма «дистант» может конкурировать с другими формами организации образовательной деятельности. Для обеспечения качественного обучения решение о выборе той или иной формы должно приниматься с учетом поставленных целей и задач и особенностей каждой из форм обучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в ходе проведения НИР «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России» в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы.

² См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Бюлл. Министерства образования РФ. 2002. № 2; Вашурина Е.В., Дрантусова Н.В., Евдокимова Я.Ш., Майбуров И.А. Анализ мировых тенденций развития научно-образовательной деятельности: аналит. обзор. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 135 с.

³ См.: Потапова И.А. Особенности организации учебного процесса в условиях дефицита преподавательского состава // Философия отечественного образования: история и современность: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: РИО ПГСХА, 2007. С. 193.

Поступила 16.02.11.

И. Н. КРУТОВА

ФИНАНСИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ФИННО-УГОРСКОГО РЕГИОНА: ОПЫТ ФИНЛЯНДИИ

Ключевые слова: финно-угорский регион, Финляндия, финансирование образования, анализ, ВВП, государственное финансирование, заработная плата, образовательный кредит, образовательный грант

Key words: Finno-Ugric region, Finland, education financing, analysis, gross regional product, state financing, wages, educational credit, educational grant

Расходы на образование в Финляндии как доли от ВВП упали с 6,3 % в 1995 г. до 5,6 % в 2007 г., что объясняет сокращение на 0,3 % расходов на высшее образование и 0,4 % расходов на другие уровни образовательной системы, которые составили 1,6 и 4,0 % ВВП соответственно. Подобное изменение объясняется быстрым ростом объема ВВП (124 % за семь лет), который оказывает существенное влияние на государственный сектор экономики Финляндии. В итоге расходы на образование в Финляндии в расчете на одного студента составляют 7 836 долл. в год. Это выше, чем в Австралии, Великобритании, России и Японии. Показатели этих стран — 6 090, 6 517, 5 978 и 6 834 долл. соответственно.

Довузовское образование в стране среднестатистический учащийся Финляндии получает за двенадцать лет. За этот период на его обучение расходуются 87 013,0 долл. Дошкольное и начальное образование в Финляндии длится шесть лет, за этот период времени в расчете на одного учащегося приходится 37 404,0 долл. На общее образование, которое длится три года, в среднем на одного учащегося тратятся 29 191,0 долл. Среднее образование среднестатистический учащийся получает за три года, сумма финансирования его обучения составляет 20 418,0 долл. Высшее образование уча-

КРУТОВА Ирина Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, доктор экономических наук.

щийся получает за 4,78 года, что в финансовом эквиваленте составляет 64 846 долл. Если подсчитать долю расходов на довузовское и вузовское образование в расчете на одного учащегося, то она составит 24,0 % от ВВП в пересчете на душу населения Финляндии.

В процессе реализации образовательных услуг государство оказывает государственную поддержку в разнообразных формах. Ученики и студенты получают бесплатные учебные и методические материалы, горячее питание, медицинские и стоматологические услуги, в случае необходимости — бесплатные транспортные и жилищные услуги. Государственную поддержку в той или иной форме получают 55,0 % студентов вузов. Вместе с тем большая часть финансовых ресурсов довузовского образования тратится на прямые (уставные) образовательные услуги (3,24 % ВВП, или 6 430,0 долл., на одного учащегося), лишь 0,4 % ВВП, или 786,0 долл., — на сопутствующие услуги. В высшем образовании это соотношение составляет 0,98 и 0,65 % ВВП соответственно. Следует отметить, что в категорию расходов на высшее образование в Финляндии включают расходы на научно-исследовательскую работу, которые в пересчете на одного студента составляют 5 388,0 долл. в год¹.

Финансовые ресурсы образования в Финляндии, как и в других странах, делятся на инвестиционные (капитальные) и текущие расходы. Большая часть текущих расходов представляет собой расходы на оплату труда. Соотношение капитальных и текущих расходов на образование делится по типам образования. При реализации финансирования дошкольного, среднего и среднего профессионального образования капитальные расходы составляют 8,7 %, высшего — 3,4 %. Доля текущих расходов в общем объеме финансовых ресурсов довузовского образования составляет 91,3 %, высшего — 96,6 %. Доля заработной платы в текущих расходах довузовских образовательных учреждений составляет 65,6 %, учреждений высшего профессионального образования — 62,5 %.

В 2007 г. в Финляндии была принята новая система оплаты труда педагогического персонала. До 2007 г. заработная плата начислялась с учетом отработанных часов учебной нагрузки и стажа преподавателя. В новой системе заработная плата зависит от степени выполнения возложенных на пре-

подавателя учебных задач, т. е. от результатов его работы, профессионализма и опыта. К основной зарплате могут быть добавлены стимулирующие выплаты по результатам работы всего образовательного учреждения.

В настоящее время оплата труда среднестатистического финского преподавателя дошкольного учреждения в расчете на одного учащегося составляет 2 433,0 долл., что на 126,0 долл. превышает аналогичный показатель в организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Разница обусловлена рядом факторов: заработной платой, отработанными часами консультативного характера, часами учебной нагрузки, размером студенческой группы².

Образовательная система Финляндии финансируется преимущественно из государственных фондов денежных средств, которые составляют 5,5 % ВВП в общем объеме финансирования образования. Плата за дошкольное, среднее, среднее профессиональное и высшее образование с граждан не берется, расходы частного сектора на высшее образование в 2007 г. составили лишь 0,1 % ВВП.

На уровнях полного среднего и высшего образования законодательством Финляндии предусмотрена частичная оплата студентами образовательных услуг, однако этот процесс регулируется государством и не является препятствием к реализации права любого гражданина страны на получение образования. Общий объем государственного финансирования составляет 97,5 % финансирования образования, а финансирование образовательных услуг из частных денежных фондов является в Финляндии незначительным (в 2007 г. оно составило 2,5 % от общего объема финансирования образования)³.

Доля расходов на образование в консолидированном бюджете страны составляет 12,5 % (в среднем по ОЭСР — 13 %). Причем большая часть расходов приходится на дошкольное, среднее и среднее профессиональное образование (7,9 %). Расходы на высшее образование составляют 3,9 %. Большая часть расходов консолидированного бюджета на финансирование образования приходится на государственные образовательные учреждения (86,3 %), в то время как на частные образовательные учреждения выделяются 6,8 %, на формы косвенного государственного образовательного финансирования частного сектора остаются 6,9 %.

Из общего объема государственного финансирования на прямое государственное финансирование высшего образования приходится 84,3 %, на субсидии студентам и их семьям — 15,3 %, на другие субсидии частному сектору — 0,4 %. Структура финансирования дошкольного, среднего и среднего профессионального образования складывается следующим образом: прямое государственное финансирование составляет 96,9 %, субсидии ученикам и их семьям — 2,9 %, другие субсидии частному сектору — 0,2 %. Одной из косвенных форм государственного финансирования образования в стране является право на получение налоговой льготы родителям ребенка, не достигшего семнадцати лет в случае, если он является учеником или студентом. Льгота истекает по достижении ребенком 18-летнего возраста⁴. Доля косвенного бюджетного финансирования образования из консолидированного бюджета страны значительно выше для высшего образования (15,7 %), чем для дошкольного, среднего и среднего профессионального образования (3,1 %).

По уровням бюджетной системы Финляндии государственное финансирование в 2007 г. распределялось следующим образом: до процедуры межбюджетного выравнивания доля государственного бюджета в финансировании высшего образования составила 87,0 %, доля местных бюджетов — 13,0 %; после процедуры распределения межбюджетных трансфертов — 79,6 и 20,4 % соответственно. При финансировании дошкольного, среднего и среднего профессионального образования соотношение меняется в пользу местных бюджетов: до процедуры межбюджетного выравнивания — 42,5 и 67,5 %, после процедуры распределения межбюджетных трансфертов — 9,5 и 90,5 % соответственно⁵.

Таким образом, в Финляндии финансирование образовательных процессов является прерогативой государства. Студенты, которые попадают в категорию малоимущих граждан, получают бюджетную финансовую поддержку. Она реализуется в формах образовательных грантов, жилищных услуг и образовательных кредитов. Образовательный грант является налогооблагаемым доходом, его размер зависит от типа образовательного учреждения, возраста и семейного положения студента, жилищных условий, в которых он проживает; основным фактором является его финансовое положение⁶.

Государственную поддержку могут получить студенты очной формы обучения основной образовательной программы, средних народных (этнических) школ, каникулярных школ или обычных средних школ, обучение которых длится, как минимум, восемь недель. Кроме того, бюджетная поддержка предусмотрена для обучения за рубежом. Размер поддержки колеблется от 21,9 до 259,0 евро в месяц, государственное финансирование жилищных услуг покрывает до 80 % их стоимости и ранжируется от 26,9 до 171,6 евро в месяц⁷. Студенты, не соответствующие требованиям конкурса на жилищные субсидии, могут претендовать на бесплатное общежитие. Кроме того, действующая в Финляндии организация «Общество студенческого жилья» предлагает студентам проживание по низким (ниже рыночных) ценам. Как правило, цена на жилищные услуги в этом случае колеблется от 120,0 до 220,0 евро в месяц.

Государственная поддержка образования доступна и лицам, постоянно работающим на одном рабочем месте не менее одного года, со стажем работы не менее пяти лет, которые проходят повышение квалификации сроком от двух месяцев и более в финской образовательной организации. Срок субсидии не превышает восемнадцати месяцев, ее размер при заработной плате 1 600 евро составляет 998 евро⁸.

Образовательный кредит также является распространенной формой государственной поддержки образования. Его сумма, как правило, составляет 160,0—360,0 евро в месяц. Процентная ставка, условия возврата и другие условия кредитного договора согласовываются между студентом и банком индивидуально. Гарантом возврата кредита является государство, поэтому никаких других форм обеспечения банк не требует. Процентная ставка частично капитализируется (прибавляется к сумме кредита) в течение всего срока обучения. Таким образом, студентом регулярно оплачивается лишь часть процентной ставки в размере одного процента дважды в год. По истечении льготного периода платеж по процентной ставке увеличивается до 3,5—4,0 %⁹. Подобный режим выплат по образовательному кредиту доступен всем малоимущим студентам, не получающим другие виды государственной поддержки. Кроме того, студентом может быть оформлена налоговая скидка на величину процентной ставки по образовательному кредиту.

Другими формами государственного финансирования среднего образования в Финляндии являются бесплатное питание и другие необразовательные услуги. Студенты, которым необходимо добираться до учебного заведения, преодолевая большие расстояния, могут получить финансовую поддержку в форме проездных билетов на общественный транспорт. Бюджетные субсидии получают студенческие кафе, которые продают студентам обеды по субсидированной цене. Студенты университетов платят взнос на медицинские услуги в размере 31,62 евро одновременно. Этот взнос включается в Фонд студенческого союза и позволяет пользоваться услугами финской студенческой медицинской организации.

Таким образом, образовательная система в Финляндии хорошо развита и получает соответствующее мировым стандартам финансирование, что объясняется текущим ростом ВВП страны и обуславливает высокое качество образовательных услуг. Большую часть финансовых ресурсов образовательной системы Финляндии составляют средства государственного бюджета, что позволяет обеспечить доступность образовательных услуг всем гражданам страны с одновременным сохранением соответствия образовательных услуг государственным стандартам. Особое внимание при финансировании образования в Финляндии уделяется развитию дошкольного и довузовского образования, что позволяет обеспечивать высвобождение трудового потенциала женщин детородного возраста.

Большая часть финансовых ресурсов финского образования расходуется на заработную плату педагогического состава, что обеспечивает конкурентные начала на рынке образовательных услуг и делает профессию педагога востребованной среди людей с хорошими профессиональными качествами. В Финляндии развита система государственного финансирования дополнительных услуг, не связанных с уставной деятельностью образовательного учреждения, что позволяет обеспечить доступ к образовательным услугам лицам, попадающим в категорию малоимущих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Education at a Glance 2010: OECD Indicators. URL: www.oecd.org (дата обращения: 29.06.2011).

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Equity In Education Thematic Review. Country Analytical Report. Finland. Helsinki: Finnish Ministry of Education, 2005. P. 15—17.

⁵ См.: Structures of Education and Training Systems in Europe. Finland. 2009/10 Edition. Brussels: European Commission, 2011. P. 9—10.

⁶ См.: National System Overviews on Education Systems in Europe and Ongoing Reforms. Brussels: Eurydice, 2011. P. 11; Organization of the Education System in Finland 2009/2010. Brussels: European Commission, 2011. P. 200.

⁷ См.: Equity In Education ... P. 15—17.

⁸ См.: Adults In Formal Education: Policies and Practice in Europe. Brussels: Eurydice, 2011. P. 64.

⁹ См.: Equity In Education ... P. 15—17.

Поступила 07.06.11.

Е. В. ЕРЕМИНА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: региональная идентичность, региональная идентификация, регион, социальное пространство, территориальные общности

Key words: regional identity, regional identification, region, social space, territorial community

Региональная идентичность — это объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самоидентичности и целостности, непрерывности во времени и пространстве. Региональную идентичность можно рассматривать как структурное образование со своим содержанием, мерой стойкости и противодействием влиянию извне. Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум. Современные теоретики в качестве одной из главных проблем, возникших в конце XX в., называют поиск идентичности. Ее актуальность для ведущих стран мира обусловлена переструктурированием мировой системы, распадом СССР и усилением интеграционных процессов в Западной Европе¹.

Происходящие в мире процессы принято описывать понятием «глобализация». Открытое информационное пространство, бурное развитие сетевых взаимосвязей и высокая мобильность людей радикально изменили на глазах у одного поколения привязанности включенного в эти процессы человека и его представления о своем месте в мире. Глобализация, вызвавшая усиление неопределенности социальных отношений, привела во всех развитых странах мира к кризису идентичности. «Национальная» (ориентированная на страну происхождения) составляющая в системе иденти-

ЕРЕМИНА Екатерина Витальевна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук.

фикационных ориентиров стала терять былое нормативное значение для позиционирования индивида как полноправного члена политического сообщества. В результате продолжали размываться и устойчивые опоры национального государства.

Поэтому тем более значимой для многих людей системой координат и важным психологическим компенсатором такого размывания ориентиров оказывается «идентичность места»: она может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символические опоры. Локальная идентичность (самоотождествление человека со своей малой родиной, с местом проживания) утверждается в открытом информационном пространстве в ходе сознательного, а порой и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам. Регионализация политического пространства (рост значения регионов в составе национального государства и макрорегионов) наднациональных объединений как субъектов политического процесса выдвигает региональную идентичность в качестве одной из важных точек отсчета в концептуализации социально-политической и социокультурной динамики современного мира².

Кризис идентичности захватил и Россию, что было обусловлено, с одной стороны, кардинальным изменением принципов организации экономической и политической жизни, географических параметров государства в начале 90-х гг. XX в. и связанным с этим изменением статуса страны в системе международных отношений. С другой стороны, он был связан с изменением базовых социетальных ценностей культуры, определяющей цели социального функционирования и систему поведенческих норм. Кризис идентичности носит глобальный характер, хотя в каждой стране его проявления специфичны и имеют различные социальные последствия. Важными проявлениями идентификационного кризиса в России выступают мировоззренческий раскол общества в 1990-е гг., отразившийся в утверждении тезиса «Мы не знаем общества, в котором живем», поисках национальной идеи, адекватной новым социально-экономическим условиям; размытость социально-пространственной идентичности по оси «страна — макрорегион — регион — локальное поселение».

Региональная идентичность как объект социологического анализа отличается многовекторностью и смысловым разнообразием, что предполагает комплексное междисциплинар-

ное исследование этого социального феномена. Во-первых, необходимо отметить влияние физического пространства (природного ландшафта, климата) на региональное сознание, общее миропонимание жителей и представление об общности на территории. Следующая важнейшая проекция рассмотрения региональной идентичности связана с символическим освоением и репрезентацией пространства, закреплением региона с помощью установления границ и формирования ментальной карты³, в результате чего происходит «символическая» связь жителей с пространством, формируется сообщество⁴.

Исследования отечественных социологов доказывают, что государственные, административные и этнические границы играют существенную роль в формировании и последующей динамике региональной идентичности⁵. Региональное самосознание и региональная идентичность населения — важные факторы выделения регионов (субъектов РФ) как единых территориальных, социально-экономических, социокультурных систем. Соответственно, различия в культурной, социально-экономической, политической жизни субъектов РФ для регионального развития определяют и особенности формирования региональной идентичности.

Региональная идентичность также определяется историей освоения культурного и социального регионального пространства, сопровождаемой анализом ценностно-окрашенных и эмоциональных представлений (например, «первичная родина» («отечество»)⁶, «малая родина»⁷, территория проживания отдельного этноса или народа (часто коренного)), а также коллективной истории и особенностей региональной культуры⁸. На основе этого формируются представления об уникальности и самобытности региона.

Результаты ряда исследований показывают, что региональная идентичность — реальный, а не виртуальный феномен, который отражает преемственность самосознания местных общностей и не является следствием компенсаторной реакции, продуцируемой комплексом неполноценности «провинциала» перед «престижными» столицами (там, где комплекс неполноценности развит, самосознание является пониженным). Детерминанты идентичности носят региональный характер и никак не сводятся к характеристикам возраста или уровня образования, а традиция не является единственным источником формирования идентичности.

Культурные контрасты, в том числе между соседними регионами, весьма существенны. В то же время внутри регионов наблюдается относительная культурная однородность. Такая структурированность пространства осознается населением и представлена региональными символами, культивированием традиций существования территорий в истории.

В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно пространства и внутренней энергетики, «силы» идентичности, где уместен термин «местный патриотизм». В этом случае региональная идентичность связана с общими ценностями (например, региональная гордость) с акцентом на динамике влияния культуры на формирование регионального самосознания и политические действия и установками по отношению к своему месту проживания⁹: качество жизни, инфраструктура, образование, здравоохранение, работа, участие в общественно-политической и культурной деятельности и т. д.

Значимость социально-пространственной (территориальной) идентификации в региональном аспекте определяется и тем, что в силу несравненно расширившихся возможностей (в том числе за счет научно-технического прогресса и других факторов) среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не просто неким данным условием их коллективной жизни, требующим лишь более или менее адекватной адаптации, а предметом социального проектирования, использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни¹⁰. Следовательно, региональная идентичность связана и с различными региональными историями успеха (представлениями о будущем региона). Это могут быть истории об экономическом возрождении региона, о создании комфортных условий для жизни и работы в регионе. Формирование идентичности становится приоритетом региональной политики и социально-экономического развития, главными целями которых являются повышение капитализации региона и привлечение инвестиций в регион (реализация культурных, социальных, спортивных проектов).

Таким образом, мы можем видеть, что в зависимости от исследовательского интереса, знаний о тех или иных процессах, контекста исследований региональная идентичность может быть рассмотрена в очень широком диапазоне тем: от символического освоения пространства до региональной

культуры, от ценностной основы закрепления социальной общности до использования региональной уникальности в прагматических политических целях элит.

Нам представляется необходимым четко разграничивать понятия внешней и внутренней идентификации: если речь идет о внешней идентификации региона, то ее можно обозначить как процесс распознавания и атрибутирования региональной идентичности извне (в более широком социальном пространстве), в то время как суть внутренней идентификации заключается в самостоятельном рефлексивном установлении и присвоении субъектом (жителями региона) собственных социальных свойств и особенностей региона (исторических, политических, экономических, культурных и т. д.). Окружающий (объективный) мир определяет внутренний мир субъекта. Основоположник теории социальной идентификации А. Тэшнел писал о том, что социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира субъектом¹¹. Самоидентификация, выражающаяся прежде всего в отождествлении себя с общностью, представляет собой субъективную равнодействующую, основанную на объективно существующих идентификациях с признаками данной общности. Это относится к любой из составляющих социальной идентичности, особенно к региональной.

В стабильном обществе с устойчивой национальной (общегражданской) идентичностью региональная идентичность не выходит на первый план в иерархии территориальных идентичностей. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей региона вне связи с этнической принадлежностью. В условиях ослабления или кризиса национальной (общегражданской) идентичности регионально-этническая идентичность может составить ей конкуренцию и, получив политический оттенок, поставить под угрозу единство страны.

С точки зрения социологического подхода, на наш взгляд, наиболее адекватным является определение региональной идентичности как результата когнитивного, ценностного, эмоционального процессов осознания принадлежности индивида к своему региональному сообществу, проявляющихся в созидательной деятельности на благо своего региона, укреплении его места и роли в системе территориальных общностей, формировании имиджа региона.

Региональная идентичность устанавливается как результат двух процессов: объединения и различения. Чтобы идентифицировать региональную общность, необходимо ее для себя «определить» (хотя бы на эмоциональном уровне) и одновременно отделить от остальных общностей. Поэтому истинное значение региональной идентичности связано со всеми сходствами и различиями, объединениями и противопоставлениями общественной жизни. При этом подчеркнем, что следует проводить разграничение механизмов позитивной региональной идентификации (личностного самоотождествления, имеющего положительный оценочный фон) и негативной региональной идентификации (неприятя, отрицательного отношения к своей региональной принадлежности). Результатом негативной самоидентификации, как правило, является негативная идентичность, которая предполагает отрицательную оценку субъектом своей социально-территориальной позиции.

Позитивный / негативный вектор когнитивного, ценностного, эмоционального компонентов в структуре региональной идентичности естественным образом проявляется в ее деятельности составляющей, т. е. в определенных моделях поведения членов регионального сообщества по отношению к своему региону, например, активно работать на благо региона на основе долгосрочных планов пребывания в нем; замкнуться на решении личных проблем и задач выживания; стремиться сменить регион на тот, который сделает индивида более счастливым и даст ему не только более высокий уровень жизни, но и чувство защищенности и надежности, возможность самореализации. Исходя из этого, на наш взгляд, можно утверждать, что первая из моделей, несомненно, будет приводить к росту человеческого капитала территории и эффективности отдачи от него, повышая конкурентоспособность и устойчивость развития региона. Вторая модель приведет, скорее всего, к стагнации региона, а третья — к его деградации. В реальности таких моделей поведения может быть и больше.

Таким образом, активное продвижение ценностей региональной надэтнической позитивной идентичности, как мы считаем, обеспечивает консолидацию населения территорий и федерации в целом и тем самым способствует повышению уровня региональной и общенациональной конкурентоспособ-

ности. Несмотря на очевидную практическую актуальность проблематики конструирования и поддержания региональной идентичности, специфика региональной идентификации до настоящего времени не получила должного теоретического анализа. Внеэтническое, собственно общегражданское, но в его субкультурном, локальном контексте содержание региональной идентификации часто остается за рамками внимания отечественных ученых. Однако без всестороннего анализа процессов региональной идентификации нельзя надеяться на решение важнейших задач современного этапа социально-экономического развития страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тренин Д. Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М., 2006. С. 15—55.

² См.: Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа: сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теорет. конф. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 11.

³ См.: Ноженко Н.М., Яргомская Н.Б. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов // Политическая наука: идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 123.

⁴ См.: Назукина М.В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Политология. 2007. № 1. С. 11—17.

⁵ См.: Кувенева Т.Н., Манатов А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социол. исслед. 2003. № 7. С. 84.

⁶ См.: Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 444.

⁷ См.: Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социол. исслед. 2005. № 3. С. 13.

⁸ См.: Суханов В.М. О некоторых вопросах истории становления региональной идентичности в России // Вестн. Башкир. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 1071—1079.

⁹ См.: Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. С. 399.

¹⁰ См.: Маркин В.В. Региональная идентификация и социальное моделирование российских регионов: проблема социологической интерпретации // Региональная социология в России: сб. материалов социол. исслед. / отв. ред. В.В. Маркин; Ин-т социологии РАН. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. С. 8.

¹¹ См.: Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 32.

Поступила 05.04.11.

Л. З. ФАТХУЛЛИНА

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ РЕГИОНА

Ключевые слова: Республика Татарстан, развитие села, качество жизни сельского населения, социальная инфраструктура, демографическая ситуация, социальная политика

Key words: the Republic of Tatarstan, rural development, countrymen life quality, social infrastructure, demographic situation, social policy

Качество жизни является важнейшим государственным приоритетом и одним из перспективных направлений социально-экономического развития страны. Еще сравнительно недавно бесспорность этой концепции не была столь очевидной. Значительные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели к тому, что последнее десятилетие XX в. стало периодом демодернизации страны социального упадка. За чертой бедности оказалась большая часть населения. Особенно это отразилось на сельских жителях. Негативные социально-экономические последствия реформ в виде явной и скрытой безработицы, обесценивания труда, сокращения финансирования социальной инфраструктуры серьезно отразились на сельской местности¹.

В связи с этим весьма актуальны проблемы формирования и реализации государственной социальной политики, создание социальной инфраструктуры села, позволяющей решать проблемы образования, здравоохранения, экономической безопасности. Преодоление бедности, повышение качества жизни сельского населения — основные приоритеты экономической политики страны и ее регионов.

ФАТХУЛЛИНА Лилия Зинуровна, старший преподаватель кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, кандидат социологических наук.

Первостепенное значение для характеристики качества жизни сельского населения имеют занятость и трудовая активность. Эти показатели являются производными от демографической и социально-экономической ситуации на селе. Значение демографических факторов усиливается и в связи с тем, что существенно возрастает необходимость учета двух главных функций населения: население как главная составляющая производительных сил (рабочая сила), население как единственный потребитель товаров и услуг. Без такого учета эффективное решение проблемы качества жизни сельчан не представляется возможным.

За 1990—2010 гг. сельчан в стране стало на 3 млн меньше. Главной причиной депопуляции остается естественная убыль, когда число умерших в 1,2—1,6 раза превышает число родившихся². В Республике Татарстан (РТ) увеличение численности сельского населения наблюдалось в 1989—1998 гг. Это связано с миграцией коренного населения из бывших союзных республик. В другие годы численность сельчан снижалась. Сокращение численности сельского населения обусловлено всеми составляющими демографического развития: рождаемостью, смертностью, миграцией. Так, численность населения моложе трудоспособного возраста на селе сократилась с 22,1 % в 2002 г. до 17,9 % в 2010 г., т. е. на 4,2 %. Известно, что эта возрастная группа определяет дальнейшие изменения в численности и структуре сельского населения, поэтому такое явление необходимо назвать негативным. Это ведет к превышению числа пенсионеров на селе над трудящимися. Старение населения, представляя серьезную демографическую проблему для всех обществ, обуславливает рост так называемой «экономической трудовой нагрузки на производительное население села»³. Если в развитых странах последствия этого процесса менее заметны и болезненны, то в России, учитывая значительно меньшую производительность труда, даже незначительные изменения в этих показателях способны оказать существенное воздействие на экономику села.

Усугубляет ситуацию высокий уровень миграции: только за 1998—2010 гг. из сел РТ уехало свыше 50 тыс. чел. Одна из основных причин миграции — высокий уровень безработицы. Согласно официальной статистике, общее число безработных на селе превысило 1,8 млн чел. В Татарста-

не в 2010 г. было 56,4 тыс. безработных (по методологии МОТ), в сельской местности — 10,8 тыс.⁴ Если учитывать, что становятся на учет не все безработные, то общее состояние трудоузанности на селе не может не настораживать. Основная часть незанятых «оседает» на подворьях и причисляется к экономически неактивному населению. Эта проблема заключается не только в обеспечении полной занятости сельского населения и снижении безработицы, но и в создании условий для роста эффективной занятости, которая характеризуется с экономической точки зрения рациональным использованием человеческого потенциала, с социальной — наиболее полным соответствием интересам человека. При сокращении занятости сельчане оказались в более сложной ситуации, чем горожане. Если городской безработный может встать на биржу труда, пройти курс переобучения, попробовать себя в новой профессии, то у сельских жителей такой возможности нет.

Снижение объемов и эффективности аграрного производства, ломка механизмов социальной защиты привели к падению стоимости рабочей силы в отрасли. По уровню оплаты труда аграрные работники — экономические аутсайдеры⁵.

Межотраслевой разрыв в размере начисленной заработной платы является существенным: в 2011 г. зарплата в промышленности стала в 3,8 раза выше, в сфере финансовой деятельности — в 5 раз выше, чем в сельском хозяйстве. Экономически и социально несправедливая оценка сельскохозяйственного труда препятствует не только росту аграрного сектора, но и переходу его на инновационный путь развития.

Уровень жизни сельских семей продолжает оставаться крайне низким, увеличивается разрыв между городом и селом по уровню доходов населения. Так, если в 2000 г. среднедушевые располагаемые ресурсы сельских домохозяйств достигали 65,4 % от городского уровня, то в 2005 г. они составили 55,2 %, и только в последнее время это соотношение стало улучшаться. В 2010 г. располагаемые ресурсы в среднем на члена сельского домохозяйства составляли 6 152 руб. в месяц (59,3 % от показателя по городским домохозяйствам) и лишь в 1,5 раза превышали среднедушевую величину прожиточного минимума.

За годы реформ принципиальные изменения претерпела структура доходов сельского населения по источникам

формирования. Значимость оплаты труда в формировании бюджета домохозяйств существенно снизилась. Если в 1990 г. на нее приходилось 67 % совокупного дохода семьи, то теперь — 30 %⁶. Более двукратное снижение доли оплаты труда в семейном доходе означает, что зарплата уже не выполняет в должной мере ни социально воспроизводственной, ни стимулирующей функции. Это подтверждает и структура потребительских расходов домашних хозяйств (таблица).

Таблица

Денежные расходы домашних хозяйств в сельской местности, %

Денежные расходы	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2008 г.	2010 г.
Питание	44,2	35,4	40,7	31,9	31,8
Непродовольственные товары	31,5	28,6	22,1	36,5	34,3
Культурно-бытовые услуги	12,2	15,4	16,8	12,5	14,5

Принято считать, что чем ниже доля расходов на питание и относительно выше расходы на непродовольственные товары, тем лучше жизнеобеспечение семьи. Снижение доли расходов на питание за 2006—2010 гг. на 8,9 % связано не с улучшением жизни на селе, а с тем, что в питании сельского населения произошли изменения в количественном и качественном отношении. По статистическим данным, потребление на 1 члена домохозяйства в год мяса и мясопродуктов увеличилось с 57 кг в 2005 г. до 68 кг в 2010 г., молока и молочных продуктов — с 226 до 241 кг, яиц — с 142 до 165 шт. Также увеличилось потребление картофеля (с 98 до 116 кг) и овощей (с 57 до 68 кг). Однако все эти продукты из личного подсобного хозяйства. При этом снизилось употребление хлебных продуктов с 148 до 121 кг, сахара и кондитерских изделий — с 46 до 38 кг за рассматриваемый период. Хотя в последние годы потребление продуктов питания на 1 члена домохозяйства увеличилось, однако в целом рацион сельского населения относится к углеводистому типу, который является главной причиной высокой смертности от сердечно-сосудистых и других неинфекционных заболеваний.

Потребляя продукты из личного подсобного хозяйства, сельчане на сэкономленные средства приобретают непродовольственные товары (расходы за 2006—2010 гг. увеличились на 14,2 %). При этом наблюдается снижение расходов на

оплату культурно-бытовых услуг, следовательно, уровень доходов не обеспечивает удовлетворение всех потребностей населения.

Еще одной значимой причиной процесса миграции, особенно молодежи, можно назвать кризисное состояние сельской социальной инфраструктуры, которая формирует в пределах той или иной территории жизненную сферу и условия демографического и социального воспроизводства населения. Новые объекты, появляющиеся в сельской местности, ориентированы на получение прибыли (чаще всего это объекты торговли). С 1990 г. по вводу социально значимых объектов инфраструктуры в сельской местности наблюдается в основном отрицательная динамика. Это затрудняет получение услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры; для детей, подростков, молодежи и представителей старшего поколения нет условий для полноценного досуга.

Отток трудоспособного сельского населения привел к ликвидации социально значимых объектов социальной инфраструктуры: только за 2005—2011 гг. в сельской местности республики количество общеобразовательных учреждений уменьшилось с 1 864 до 1 607. В настоящее время 7 011 учащихся 5—11 классов из более чем 400 населенных пунктов доставляются к месту обучения в 185 базовых школах, для чего используются 208 школьных автобусов. Конечно, подвоз детей к хорошо оборудованной школе с современной образовательно-развивающей средой создает предпосылки для успешного обучения и развития сельских детей. Однако во многие отдаленные поселения школьные автобусы не могут доехать из-за отсутствия дорог. Неудовлетворительное состояние дорог подтвердил ответ на вопрос «Что необходимо сделать в первую очередь для благоустройства вашего села?»: 61 % респондент выбрал ответ «необходимо улучшить состояние дорог». Помимо этого, в качестве негативных явлений были отмечены нерегулярное расписание, ожидание автобуса, транспортная усталость, сокращение времени на внеурочную деятельность и т. д.⁷

Главным итогом реструктуризации школ стали экономическая выгода, сиюминутная возможность получить экономию средств за счет сокращения сельских малокомплектных школ. Убирая из сельской местности школу, государство лишает полноценного развития ее жителей, в дальнейшем

это приведет к запустению и умиранию села. По определению В. И. Добренкова и В. Я. Нечаева, «образование — это форма человеческой культуры, направленная на трансляцию и усвоение культурных ценностей»⁸. Ориентируясь на модель структуры образовательных учреждений развитых западных стран, следует учитывать, что в основе ее лежат определенный уровень, образ и качество жизни населения Запада. Прежде чем использовать подобную модель для российского общества, следует привести в соответствие уровень, образ и качество жизни россиян.

В затруднительном положении находится сфера дошкольного образования. За 2003—2010 гг. сеть детских дошкольных учреждений в сельской местности сократилась на 9,3 %, а число посещающих их детей — на 10,8 %. Проблемы существуют и в досуговой сфере села. Количество учреждений культурно-досугового типа в селах республики продолжает уменьшаться: за 1995—2000 гг. — с 2 224 до 2 130, т. е. на 4,2 %, за 2002—2010 гг. — с 2 106 до 1 983, т. е. на 5,4 %. При этом треть сельских клубов требует капитального ремонта. Количество библиотек в селах снизилось с 1 407 в 2002 г. до 1 334 в 2010 г., киноустановок за 1995—2000 гг. — почти в 2 раза (с 1 182 до 600), за 2000—2010 гг. — еще в 3,5 раза (с 600 до 162). Попытка обеспечения социальной защищенности сельского населения путем передачи объектов социальной инфраструктуры органам местного самоуправления оказалась также малоэффективной. Дело в том, что институт местного самоуправления в правовом, финансовом, методическом, информационно-аналитическом и кадровом отношениях слабо развит.

Именно возможность пользоваться достижениями социальной инфраструктуры делает привлекательным городской образ жизни для мигрантов. Среди привлекательных сторон городской жизни в процессе нашего исследования сельчане отметили бытовые условия (33 %), доступ к хорошему образованию (24 %), большие возможности для самореализации (23 %), близость к культурным центрам (21 %), благоприятные условия для воспитания и образования детей (17 %). Причинами переезда молодежи в города являются желание учиться (56,8 %) и большие возможности для самореализации (76 %). Раньше существовала система стимулирования «возвращенцев» в село: молодых сельчан, пожелавших освоить

сельские профессии, поддерживали колхозной стипендией, для них директивно устанавливались лимиты приема в различные вузы. Сейчас также применяется стимулирование — осуществление комплекса мер социального характера, в том числе улучшение жилищных условий, направленных на привлечение и закрепление молодых квалифицированных специалистов и подготовленных рабочих массовых сельскохозяйственных профессий. За 2006—2008 гг. в РТ в рамках Программы «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов на селе» были выделены 3,65 млрд руб., субсидии на жилье получила 5 271 семья. Однако нельзя считать достаточной и эффективной программу, покрывающую не более 3 % необходимого жилья для молодых специалистов.

Улучшение жилищных условий может решить две основные проблемы села: демографическую и кадровую. Исследования выявили⁹, что в качестве основных причин, влияющих на нежелание супругов иметь детей, жители из разных типов поселений называют отсутствие и нехватку жилой площади, низкий уровень дохода семьи. Жители г. Казани и других городов Татарстана отметили неуверенность в завтрашнем дне, а жители сел — маленький размер детских пособий. Помимо этих причин, сельчане выделили конфликтность супружеских отношений и социально-экономическую незащищенность женщин при выходе в декретный отпуск.

Рассматривая социальные проблемы села, нельзя не обратить внимание на состояние сельского здравоохранения. Наглядно отражают качество жизни, а также степень получения своевременных медицинских услуг на селе коэффициенты смертности по основным классам причин. В Татарстане за последние 10 лет произошло увеличение показателей общей заболеваемости при болезнях системы кровообращения в 2,2 раза, эндокринной системы — в 1,8 раза, новообразования — на 43,3 %. Среди мужчин уровень смертности сравнительно выше в целом и по большинству классов болезней: инфекционные болезни (в 6,7 раза); психические расстройства (в 5 раз); несчастные случаи, травмы и отравления (в 4,6 раза).

На состояние сельского здравоохранения существенно повлияло ухудшение социально-экономического положения страны. Сокращать расходы на здравоохранение и сеть больниц проще именно на селе. Потери в сети сельских

учреждений здравоохранения частично связаны с закрытием неэкономичных малых медицинских учреждений, что ухудшило доступ жителей села к медицинским услугам. За 2001—2010 гг. в сельской местности республики количество больничных учреждений сократилось в 2,2 раза, центральных районных больниц — на четверть, участковых больниц — на 65 %. Адаптация сельского здравоохранения к реалиям сегодняшнего дня проходит трудно, материальная база сельских учреждений не отвечает современным требованиям. Неутешительно обстоит дело и с качеством обслуживания в медицинских учреждениях. Большинство опрошенных оценили их работу как «низкое» и «удовлетворительное» (21 и 45 % соответственно). Как отмечает Л. Рошаль, качество медицинского обслуживания не улучшится, тем более что система обязательного медицинского страхования уже сейчас не добывает около 15—20 % денег. Это означает, что снизятся затраты на приобретение нового оборудования и лекарств, оплату труда и повышение квалификации врачей. Учитывая, что и «оптимизация» структуры лечебно-медицинских учреждений осуществляется с целью снижения государственных затрат на их содержание, то ждать улучшения качества сельской медицины в ближайшее время не стоит.

Село весьма значимо для культурной и духовной жизни общества. Оно является колыбелью российского менталитета. В нем мы находим духовные, исторические корни современной жизни.

Подтверждает это и то, что качество жизни объявлено главной целью социально-экономической политики страны, критерием успешности деятельности всех сфер и уровней управления, а его последовательное улучшение названо общенациональной идеей. В основу принимаемых государственных решений должно быть положено осознание того, что село и любые виды хозяйствования на земле — это специфическая, тонкая система жизнедеятельности, все элементы которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Восстановление какого-то подорванного из них значительно затруднено.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В.И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социол. исслед. 2009. № 2. С. 86—94.

² См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 18.05.2011).

³ См.: Рабочая книга социолога / отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1983. С. 91.

⁴ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: www.tatstat.ru (дата обращения: 18.05.2011).

⁵ См.: Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 218.

⁶ В эмпирическую базу исследования вошли результаты социологического исследования, проведенного нами в сельских районах Республики Татарстан.

⁷ См.: Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М., 2003. С. 41.

⁸ Цит. по: Хайруллина Ю.Р., Махиянова А.В., Хайруллин Р.Р. Реализация демографической программы развития РТ: проблемы, перспективы // Эконом. вестн. РТ. 2008. № 1. С. 86.

⁹ См.: Семенова Е. Горожане переедут в деревню? // Комсомольская правда. 2007. 19 янв. С. 9.

Поступила 20.05.11.

Д. В. ОКУНЕВ

**МОТИВАЦИОННАЯ ПРОГРАММА
В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
УСТОЙЧИВЫХ
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ
В ОРГАНИЗАЦИЯХ РЕГИОНА**

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, мотивационная программа, социальное управление, заработная плата, нематериальное стимулирование

Key words: social and labour relations, motivational programme, social management, wages, non-material stimulation

Социальное управление в отличие от других его видов осуществляется в системе человеческих отношений и представляет собой воздействие на отдельных индивидуумов, слои, группы, коллективы для сохранения или изменения их качественных и количественных характеристик, совершенствования и развития. Именно здесь управление приобретает характер определенного рода деятельности, а решающим для социотехнических систем управления является не технический (использование различных машин и технических устройств) и даже не технологический (совершенствование технологии управления), а человеческий фактор.

В настоящее время одним из важных элементов, составляющих систему социального управления, стала программа мотивации и стимулирования труда. В последние годы тема мотивации трудового поведения приобрела актуальность, хотя многие фундаментальные проблемы управления системой мотивации трудовой деятельности еще не решены и не решаются должным образом¹. Учитывая специфику и сложность функционирования систем в управлении, можно предложить, что создание новых и совершенствование уже имеющихся механизмов мотивирования будет по-прежнему происходить на стыке общих теоретических обоснований и интуитивного подхода к проблеме.

ОКУНЕВ Денис Викторович, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

Исследование системы мотивации, сложившейся на российских предприятиях, позволило выявить ряд существенных ее недостатков. Очевидно, что перестройка системы мотивации коллектива позволит более эффективно использовать возможности сотрудников, работающих сплоченной командой. В этом случае способность предприятия устоять перед угрозами воздействия внешней среды увеличивается в разы².

Первым шагом к созданию эффективной системы мотивации должно стать реформирование системы материального вознаграждения сотрудников. Новая система должна быть основана на ряде принципов. Во-первых, размер заработной платы каждого работника должен определяться личным трудовым вкладом в общий результат коллективного труда (сейчас на размер зарплаты результат общей работы организации влияет сильнее, чем собственный трудовой вклад работника). Во-вторых, необходимо усилить дифференциацию в оплате труда в зависимости от его сложности и качества, потребительских свойств выпускаемой продукции (последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для актуализации мотивов общественной полезности труда и гармонизации направленности интересов «на себя» и «на других»). В-третьих, следует постепенно отказаться от денежных компенсаций за непривлекательный труд и вредные санитарно-гигиенические условия. Такие компенсации не только «консервируют» неблагоприятные условия труда, но и снижают мотивирующую функцию денежного вознаграждения. В-четвертых, надлежит расширить стимулирующую зону оплаты труда путем установления оптимальных соотношений гарантированного обществом минимума заработной платы, дающей воспроизводство квалифицированной рабочей силы, и максимально возможного заработка, обеспечивающего качественные различия в уровне благосостояния работников с разным трудовым вкладом. В-пятых, требуется изменить функции и роли премиальных систем. В настоящее время они слабо стимулируют трудовую активность, так как используются в основном для реализации властных функций администрации, чаще всего в качестве санкций за невыполнение каких-то требований руководства, а не в качестве стимула.

Анализ результативности действующих систем оплаты труда, проводившийся на крупных предприятиях Республики Мордовия с 2002 по 2010 г., позволил выявить некоторые

тенденции. Действующие на предприятиях системы оплаты труда, несомненно, являются одним из основных методов мотивации эффективной деятельности персонала. Но постоянное повышение уровня заработной платы на предприятии не способствует продолжительному поддержанию трудовой активности работников и росту производительности труда. Работники со временем привыкают к такому виду мотивирования, а оплата труда перестает выполнять функцию мотивации. По результатам проводившихся исследований было установлено, что премирование сотрудников имеет мощный потенциал воздействия. Однако очень часто наблюдается принцип «уравнительного» распределения премиального фонда, особенно на уровне отдельно взятого подразделения предприятия. Существенно снижается уровень стимулирующего воздействия периодических (квартальных, годовых) премий. Восприятие такого рода поощрений приобретает характер «обыденных выплат» и часто не сопоставляется с личными результатами работы³.

С нашей точки зрения, премия должна начисляться из фонда оплаты труда на должностные оклады за фактически отработанное время и достигнутые результаты в расчетном периоде. Предлагаем использовать следующие показатели премирования структурных подразделений предприятия: соблюдение предельного уровня затрат на 1 руб. готовой продукции, отсутствие претензий по качеству изготовления готового продукта и сверхнормативных простоев оборудования, выполнение плана по ремонту оборудования и мероприятий по экологической безопасности, своевременность и качество предоставляемой информации, своевременность обеспечения производственного процесса необходимой документацией, отсутствие случаев травматизма на производстве, контроль за выполнением мероприятий по технике безопасности, отсутствие случаев хищения материальных ценностей с предприятия, соблюдение пропускного режима и правил внутреннего распорядка.

Кроме того, рекомендуются снижающие показатели в оценке трудового вклада, которые также влияют на размер премии. Снижающие показатели, их количественная оценка в баллах представлены в таблице. Применение снижающих показателей позволит снизить проявление абсентизма (равнодушия), а также повысить ответственность сотрудников за свою работу.

Таблица

Понижающие показатели трудового вклада работника

Показатель	Понижение премиальной выплаты, %	Примечание
Отказы клиенту по вине работника	50—100	За один случай
Несоблюдение инструкций и положений	100	За один случай
Несоблюдение чистоты и порядка на рабочем месте и закрепленном участке	10—20	За один случай
Задержка ввода оборудования в эксплуатацию	10	За отработанный месяц
Нарушение трудовой и производственной дисциплины	20—50	За отработанный месяц
Самовольный уход с рабочего места, опоздание на работу	20—50	За отработанный месяц
Прогул	100	За один случай
Появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии	50	За один случай
Нарушение правил общественного порядка	40—50	За один случай
Невыполнение оперативной и технологической дисциплины	50	За один случай

В мотивационной программе можно также применить и другие системы оплаты труда:

— *индивидуальные специальные вознаграждения в качестве признания ценности того или иного работника*. Во-первых, это могут быть специальные премии, выплачиваемые сотрудникам за владение навыками, остро необходимыми компании в настоящий момент. Во-вторых, это могут быть премии за лояльность компании, которые получают сотрудники, проработавшие на предприятии определенное время. Такие премии могут выплачиваться и специалистам, уход которых отнюдь не желателен для предприятия;

— *программы разделения прибыли*. При такой схеме сотрудники получают определенный процент прибыли компании. С одной стороны, эта программа может применяться как индивидуальное вознаграждение, и в таком случае при хорошем выполнении своей работы сотрудник получает заранее оговоренный процент прибыли. С другой стороны, предприятие может установить схему разделения прибыли для всех сотрудников (или отдельно взятого подразделения). В таком случае это не способ вознаграждения за отличную

работу, а механизм психологического объединения работников предприятия;

— *акции и опционы на их покупку*. При такой схеме формально сотрудник никаких выплат в форме «живых» денег не получает. Вместо этого совет директоров компании принимает решение о безвозмездном предоставлении сотруднику в собственность определенного количества акций оговоренного размера.

Плюсы этих систем оплаты труда заключаются в тесной связи вознаграждения, которое получает сотрудник, с эффективностью его деятельности, которая приносит дивиденды сотруднику и предприятию. Работник получает возможность заработать больше денег при условии хорошей работы, а также ориентиры для оценки своей эффективности. Предприятие же получает мотивированных сотрудников⁴.

При формировании мотивационной программы необходимо учитывать, что отдельные группы персонала, должности и работники играют разную по значимости роль в производственно-коммерческой деятельности предприятия. Это означает, что решения по индивидуальной мотивации работников должны отличаться друг от друга в зависимости от того, какое значение для предприятия имеет их труд. Подчеркнем, что это не относится к системе оплаты труда, которая должна быть единой для всего персонала: имеются в виду некоторые дополнительные стимулы (материальные и моральные), учитывающие особенности определенной работы и личности. В первую очередь необходимо разработать специальные стимулы для ведущих руководителей предприятия — лиц, занимающих высокое положение в управленческой иерархии. Понятие «высокое положение» конкретизируется в условиях каждого предприятия, и число высших руководителей может колебаться от 2—3 до 15—20 чел.

Необходимость дополнительной мотивации руководителей должна определяться особенностями их труда, среди которых следует назвать:

- высший уровень ответственности;
- непосредственное и сильное влияние действий руководителя на конечный результат работы предприятия: решение высшего руководства в области выбора ассортимента и номенклатуры продукции фирмы на рынке ресурсов и

товаров, финансовой стратегии и тактики фактически во многом формируют доход и прибыль предприятия;

— основные условия труда руководителя, которые объективно не являются тяжелыми и вредными, однако характеризуются чрезвычайно высокой интенсивностью труда;

— осознанный риск действий руководителя, природа которого заключается в том, что чем выше потенциальная эффективность принимаемого решения, тем больше возможность получения прямо противоположных результатов: в рыночной экономике высокая прибыль всегда уравновешивается возможностью высоких убытков;

— выполнение функций представительства — контактов с внешней средой предприятия;

— особое требование к личным качествам руководителя, к которым относятся предприимчивость, инициатива, творческий подход к разработке управленческих решений, коммуникабельность, педагогические способности, позволяющие руководителю, с одной стороны, в ходе управления повышать квалификацию своих подчиненных, с другой — сочетать административные требования с разъяснением сути и важности принимаемых решений их исполнителям;

— возможность злоупотребления руководителем своим служебным положением. Чем выше уровень руководителя, тем больше свободой принятия решений он пользуется и тем больше у него возможности извлечь из них личной выгоды в ущерб интересам предприятия.

Следующим шагом в рамках формирования мотивационной программы может стать разработка на предприятии «Декларации прав работника». Она гарантирует каждому работнику полную реализацию культурных, социальных и других прав, а также даст гарантию получить дополнительное вознаграждение за активное участие в производственной деятельности предприятия. Примерное содержание «Декларации прав работника» может выглядеть следующим образом.

Каждому работнику гарантированы: культурные и социальные права, право на свободный выбор профессии и вид занятости, охрану труда, справедливое вознаграждение, ограничение рабочего времени, отпуск, образование.

Поощряются: инициатива работников, направленная на рост доходов предприятия от всех видов деятельности, а также разработку новых методов и технологических про-

цессов и их внедрение; формирование имиджа предприятия через СМИ; экономию ресурсов и сокращение затрат на производство продукции; совмещение профессий, овладение смежными профессиями; повышение квалификации и рост профессиональных знаний и умений; участие во всех формах обучения и подготовки рабочих кадров; деловые качества работника, необходимые для оптимального выполнения им своих функциональных обязанностей (дисциплинированность, самостоятельность, пунктуальность, исполнительность, трудолюбие, коммуникабельность, настойчивость, целеустремленность, предприимчивость); нравственные качества работника, необходимые для работы в коллективе и выполнения своих функциональных обязанностей (отзывчивость, доброжелательность, внимательность, способность воспринимать критику).

Запрещается: разглашать сведения, составляющие коммерческую и служебную тайну; применять к рабочим и служащим методы физического или грубого психологического воздействия; в любом виде злоупотреблять финансовыми или материальными ценностями предприятия в личных или корыстных целях; нарушать правила внутреннего распорядка.

Внедрение на предприятии предложенной «Декларации прав работника» значительно повысит информированность сотрудников, четко сформирует алгоритмы поведения работников в зависимости от выполнения тех или иных условий, обозначенных в этом документе. По нашему мнению, подобная декларация является существенным и эффективным инструментом нематериального стимулирования сотрудников предприятия.

Нематериальное вознаграждение сейчас становится все более актуальным. Особенно важны при решении творческих задач положительные физические и психические ощущения исполнителя при качественном выполнении задания. Их возмещается на мотивацию деятельности значительно увеличивается, когда заметно положительное отношение со стороны коллег, руководства, внешнего окружения предприятия⁵. В этом контексте руководителю важно осуществить следующие мероприятия: подведение итогов работы подразделений за короткие периоды времени и организацию обмена опытом между их коллективами; систематическое отслеживание соответствия карьерного роста каждого со-

трудника достигнутым результатам; привлечение самых опытных и наиболее активных членов коллектива к работе в рамках внутрифирменного образования и совершенствования подготовки персонала; обеспечение участия работников в разнообразных конкурсах, выставках, конференциях, круглых столах и других мероприятиях, проводимых вне предприятия; организацию коллективного решения сложных ситуационных задач, связанных с деятельностью предприятия, обеспечением должного уровня материального и морального вознаграждения лучших работников; обеспечение постоянного контроля за соблюдением норм авторского и других форм права своих сотрудников.

Эффективным методом социально-психологического воздействия также является предоставление работнику предприятия участие в группе, добившейся особенного успеха. Причастность человека к подобному коллективу, его достижениям всегда будет ориентировать работника на увеличение отдачи от дальнейшей работы. Таким образом, внедрение всего комплекса предложенных мер в рамках мотивационной программы в значительной степени позволит повысить эффективность системы управления социально-трудовыми отношениями и в итоге повлиять на результат производительности труда предприятия в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дятлов А.Н., Плотников М.В., Мутовин И.А. Общий менеджмент: концепции и комментарии: учебник. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 400 с.

² См.: Майкова С.Э., Окунев Д.В. Трудовая сфера промышленного предприятия и экономическая безопасность: источники угроз и их идентификация // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 9. С. 25—34.

³ Там же. С. 30.

⁴ См.: Майкова С.Э. Социальные детерминанты качества трудовой жизни работников промышленных предприятий региона // Регионология. 2009. № 1. С. 192—204.

⁵ См.: Человеческий капитал: теория и практика управления в социально-экономических системах: моногр. / под общ. ред. Р.М. Нижегородцева и С.Д. Резника. М.; Пенза, 2008. 394 с.

Поступила 16.03.11.

Р. Р. ГОРЧАКОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СОВРЕМЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

Ключевые слова: имидж, внутренний имидж, внешний имидж, процесс построения имиджа, структура имиджа

Key words: image, internal image, external image, image creation process, image structure

На эффективность работы организаций оказывают влияние множество факторов, среди которых, на наш взгляд, наибольшую роль играет имидж. В связи с этим проблема формирования имиджа весьма актуальна и своевременна. Имидж должны формировать как организации, так и руководители. В настоящее время менеджеру важно уделять внимание своему имиджу в силу ряда обстоятельств: во-первых, правильно сформированный имидж позволит руководителю быть успешным в делах; во-вторых, правильно построенный имидж помогает менеджеру улучшить отношения с персоналом (если это требуется), общественностью; в-третьих, имидж первого лица организации — один из ключевых факторов формирования корпоративного имиджа.

От того, насколько удачен имидж руководителя, во многом зависит и то, как организацию будут воспринимать сотрудники, СМИ, инвесторы и другие заинтересованные лица.

В литературе существует множество подходов к определению понятия «имидж», с которым большинство из нас встречались не раз. Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет его как представление о чьем-нибудь внутреннем облике, образе¹. А. Ю. Панасюк считает, что имидж (от англ. image — «образ», «изображение») — это мнение о менеджере. У людей формируется образ человека, возникший вследствие прямого их контакта с ним или полученной об этом человеке информации от других людей².

ГОРЧАКОВА Рената Рафаэлевна, аспирант кафедры менеджмента Мордовского государственного университета.

По мнению О. В. Лысиковой и Н. П. Лысиковой, имидж — это определенный образ, который личность, его «Я» представляет окружающим; своего рода форма самопрезентации, при которой подчеркиваются сильные стороны и скрываются недостатки³. И. Сохина считает, что имидж (подражание) — это какая-то картинка или «рисунок» внешности, созданный под определенную задачу⁴. По мнению С. Ф. Алиповой, имидж — это публичное «Я» человека, это то, чем и кем кажется человек в своем окружении, это символическое преломление его «Я» в сознании окружающих⁵. Л. Стил считает, что имидж — специально формируемый образ, который психологически и эмоционально воздействует на окружающих. Он позволяет достичь определенного эффекта в общении с другими людьми, помогает окружающим создать определенное впечатление о менеджере⁶.

На наш взгляд, имидж — это образ, который формирует и развивает руководитель. Он должен соответствовать нормам, ценностям и требованиям, предъявляемым к менеджеру. Структура имиджа руководителя представлена на рис. 1, из которого видно, что имидж руководителя включает различные компоненты. Кроме того, этот перечень может быть продолжен.

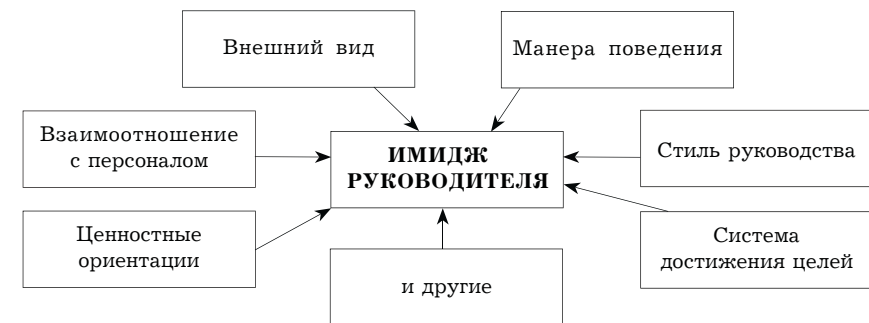

Рис. 1. Структура имиджа руководителя

Важно, чтобы руководитель умел ставить четкие цели, тогда менеджер будет понимать, что он хочет.

Важно также иметь план достижения целей. Тогда он будет четко знать, что он должен делать. Следует выделить персональные (характер, речевые и физические особенности

и др.), а также социальные (здесь необходимо учитывать не только занимаемую должность, но и происхождение, личное состояние и др.) характеристики. Важной составляющей имиджа руководителя является система построения взаимоотношений с персоналом, включающая в себя приемы и методы, которые менеджер использует при воздействии на персонал. Этими составляющими перечень имиджа руководителя не ограничивается и может быть продолжен.

Имидж руководителя можно разделить на «внутренний» и «внешний». «Внутренний» имидж характеризуется восприятием руководителя в глазах персонала организации, «внешний» — восприятием руководителя внешней средой (общество, СМИ и др.). Иногда «внутренний» имидж руководителя отличается от «внешнего». Многие качества руководителя известны только сотрудникам. Если организация небольшая, то в ней можно легко создать «внутренний» имидж путем непосредственного взаимодействия с членами коллектива. Труднее это сделать, если организация крупная. Обычно, если фирма большая, то руководитель не имеет возможности общаться со всеми сотрудниками. Как показывает практика, руководитель общается лишь с менеджерами, которые и помогают ему формировать имидж в низших звеньях. Следует отметить, что «внутренний» имидж оказывает прямое воздействие на формирование «внешнего». Например, сотрудники организации могут высказать свое мнение о руководителе СМИ коллегам и знакомым⁷.

Для того чтобы правильно построить свой имидж, руководитель должен владеть инструментами и методами его формирования (самооценка, матрица Эйзенхауэра, принцип Парето, карточка ежедневного учета времени А. Гастева, инструменты планирования рабочего дня). При этом не существует универсального инструмента построения имиджа. Ни один из них не может охватить все аспекты его формирования. Поэтому современные руководители должны изучать и использовать множество методов. Они индивидуальны и зависят от предпочтения менеджера⁸.

Процесс построения и развития имиджа представлен на рис. 2. На входе имеет место первоначальный имидж, на выходе — усовершенствованный. На процесс формирования имиджа оказывать влияние могут руководитель, руководитель + специалисты по созданию имиджа, руководи-

тель + специалисты по созданию имиджа + персонал. Идеальной схемой представляется руководитель + специалисты по созданию имиджа + персонал, потому что сам менеджер может знать не все нюансы построения и развития имиджа, в этом ему могут помочь специалисты. Кроме того, важно чтобы к этому процессу привлекался персонал.

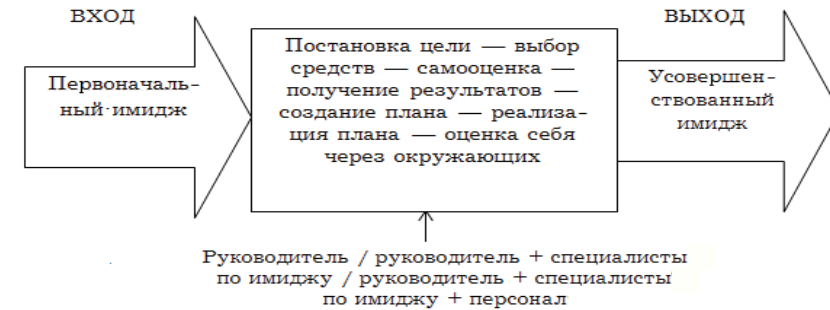

Рис. 2. Схема процесса построения и развития имиджа

Для определения ответственности исполнения и контроля предлагается функциональная матрица процесса формирования имиджа (рис. 3).

Функция	Ответственный	Исполнитель	Контроль
Постановка целей	Р*	Р	Р
Оценка существующего положения	Р / Р+С**	Р / Р+С	Р
Создание плана	Р / Р+С	Р / Р+С	Р / Р+С
Исполнение плана	Р	Р / Р+С	Р / Р+С
Оценка сформулированного имиджа	Р / Р+С	Р / Р+С / Р+С+П***	Р / Р+С

*Р — руководитель, **С — специалист, ***П — персонал.

Рис. 3. Функциональная матрица формирования имиджа

Для создания благоприятного имиджа руководителю важно иметь хорошие отношения с персоналом. Проблема взаимоотношений руководителей и подчиненных является актуальной для современной науки и практики. В центре внимания находятся вопросы эффективности управления, стиля руководства, авторитета руководителя, оптимизации социально-психологического климата в коллективе и т. д.⁹ В создании благоприятного климата в коллективе большую

роль играет руководитель: очень многое зависит от его умения и желания создать хорошую трудовую атмосферу. Прямые человеческие связи между руководителем и подчиненным сплачивают коллектив, повышают готовность сотрудников работать¹⁰.

Руководитель должен стараться сплотить свой коллектив. Существенно способствует этому совместные праздники (корпоративы), дни здоровья, на которых работники демонстрируют свои спортивные предпочтения. Это в итоге ведет к повышению слаженности работы персонала, ответственности сотрудников и взаимопомощи в процессе труда. Важны также индивидуальные беседы руководителя с подчиненными. Прежде всего менеджер должен готовиться к беседе, уделяя внимание особенностям будущего собеседника. Важно, чтобы руководитель уважительно относился ко всем членам коллектива, внимательно рассматривал их предложения. Руководитель может не соглашаться с мнением коллектива, но он должен это делать аргументированно. Мы предлагаем модель формирования имиджа современного руководителя (рис. 4).

- 1 — вход — первоначальный имидж; 2 — дерево целей;
 3 — систематизированные данные о существующем имидже;
 4 — план для создания; 5 — измененный имидж;
 6 — выход — сформулированный имидж; 7 — если наблюдается несоответствие с целями возвращение на вход и повторение этапов

Рис. 4. Модель формирования имиджа современного руководителя

Таким образом, имидж играет важную роль для менеджера. Каждый руководитель должен заботиться о своем имидже, использовать различные методы и инструменты его построения. Это поможет менеджеру наладить процесс эффективной работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., допол. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. С. 245.

² См.: Ушакова Н.В., Стрижова А.Ф. Имеджеология: учеб. пособие. М.: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2009. С. 5.

³ См.: Лысикова О.В., Лысикова Н.П. Имиджеология и публик рилейшинз в социокультурной сфере. М.: Флинта: МПСИ, 2006. С. 5.

⁴ См.: Женский клуб. URL: <http://www.womenclub.ru/style/661.htm> (дата обращения: 14.10.2010).

⁵ Алипова С.Ф. Имидж и образ лидера: воздействующее поведение // Бизнес-образование. 2008. № 2. С. 77.

⁶ См.: Стил Л. 365 имиджей на каждый день. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. С. 7.

⁷ См.: Деревлева М., Ульянова М. Формирование имиджа руководителя. URL: <http://www.uprav.biz/materials/lich/view/4449.html?next=1> (дата обращения: 15.04.2011).

⁸ См.: Халан И.С. Управление временем / пер. с англ. СПб.: «Издательство „Диля“», 2006. 96 с.

⁹ См.: <http://website-seo.ru/05800101152.html> (дата обращения: 15.04.2011).

¹⁰ См.: Конспект экономиста homo-economikus. URL: <http://konspekts.ru/category/delovoj-etiket/page/4> (дата обращения: 15.04.2011).

Поступила 17.05.11.

В. П. БУКИН,
Ю. В. МАНАННИКОВА,
О. П. МОРОЗОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ ПРОВИНЦИИ

Ключевые слова: социальный институт, семья, молодежь, демографическая ситуация, трансформация института семьи, семейное положение молодежи, репродуктивные планы, демографическая политика, демографический кризис, социальная помощь

Key words: social institution, family, youth, demographic situation, family institution transformation, youth marital status, reproductive plans, demographic policy, demographic crisis, social assistance

Практика показывает, что для человеческого общества жизненно важно упорядочить, регламентировать и закрепить некоторые социально значимые отношения. Основным элементом регулирования этих отношений являются социальные институты. Социальные институты — это относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества¹.

Деятельность социального института определяется, во-первых, набором специфических социальных норм и предписаний, регулирующих соответствующие типы поведения; во-вторых, интеграцией его в социально-политическую, идеологическую и ценностную структуры общества, что позволяет узаконить формально-правовую основу деятельности того или иного института, осуществлять социальный контроль над институциональными типами действий; в-третьих, на-

БУКИН Василий Петрович, профессор кафедры государственного управления и социологии региона, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, доктор социологических наук.

МАНАННИКОВА Юлия Владимировна, доцент кафедры коммуникационного менеджмента Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук.

МОРОЗОВА Ольга Павловна, аспирант кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета.

личием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное выполнение нормативных предписаний и осуществление социального контроля.

Социальные институты дают возможность членам общества удовлетворять свои потребности, стабилизируют социальные отношения. Социология интересуется в первую очередь деятельностью главных социальных институтов, связанных с реализацией основополагающих потребностей общества, — семьи, образования, экономики, государства и права, культуры и др.

В процессе общественного развития особое место отводится институтам социализации. Это устойчивые типы социальной практики по передаче социальных норм, культурных ценностей и способов поведения индивидов для обеспечения их интеграции в общество. Деятельность этих институтов определяется устоявшейся в обществе совокупностью правил трансляции социального опыта от поколения к поколению².

В семье человек проводит большую часть своей жизни, осваивает первоначально и закрепляет в последующем социально одобряемые личностные черты, обретает социальные роли и соответствующие им модели поведения. Социализационная функция семьи предполагает научение детей регуляции инстинктов, включение их в многообразные социальные связи, передачу социальных норм и культурных ценностей, моделей поведения, а также поддержание процесса социализации взрослых, контролирование его хода и результатов, содействие повышению притязаний индивидов в социальном продвижении и культурном росте, обеспечение поддержки в ситуациях кризисов социализации.

В период социальных катаклизмов, которые переживает Россия, вопрос о том, что происходит с институтом семьи, стал одним из наиболее актуальных. Это связано с тем, что любое общество, рассматривая семью как одну из главных жизненных опор, особенно обеспокоено возможностью ее, если не разрушения, то деформаций, которые могли бы привести к непредсказуемым последствиям в будущем. В то же время широко распространено мнение о том, что в период кризисов большое значение имеет семья. Она играет роль буфера между индивидом и социальными переменами.

Затрагивая проблемы современной семьи, нельзя не учитывать неблагоприятные демографические тенденции

(депопуляция). Такое положение не является российской особенностью. Специфично в России то, что депопуляция детерминируется обоими компонентами воспроизводства населения — рождаемостью и смертностью. Другими словами, она происходит под двойным давлением, и именно это отличает Россию от западноевропейских стран.

Демографическая ситуация — одна из злободневных социально-экономических проблем современности. Она в разных регионах имеет свои особенности. С начала 90-х гг. XX в. демографическое развитие Пензенской области вступило в период острейшего кризиса, охватившего все основные демографические процессы. Пензенская область, как и Россия в целом, переживает репродуктивный кризис: во всех районах региона смертность населения превысила рождаемость, в 2009 г. число умерших по области превысило число родившихся в два раза.

Определяя основные причины низкого уровня рождаемости в России, а также в Пензенской области, многие специалисты связывают их с трансформацией института семьи и брака. Это проявляется в основном в том, что современный тип рождаемости характеризуется относительной устойчивостью идеального числа детей в семье (двое детей разного пола) и динамично развивающейся практикой контроля за сроком появления их на свет с помощью искусственного прерывания беременности и эффективных средств контрацепции (планирование семьи). В семьях планы по отношению к рождению детей корректируются в зависимости от индивидуальных склонностей и жизненных обстоятельств. Индивидуально-семейный контроль над рождаемостью сопровождается свободным выбором партнера, срока заключения и расторжения брака.

В 2008 г. при поддержке Министерства образования Пензенской области нами было проведено социологическое исследование эффективности реализации государственной семейной и демографической политики в условиях региона. Объектом исследования стало население Пензенской области, предметом — отношение населения этого региона к институту семьи и программам реализации семейной и демографической политики в условиях региона. Объем выборки ставил 2 тыс. чел. в возрасте до 40 лет. Здесь мы акцентируем свое внимание на мнении молодежи в возрасте до 30 лет (1 200 чел.).

Анализ результатов исследования показывает, что чуть менее половины опрошенных (43,6 %) считает «полноценной» семью, состоящую из супругов с детьми, около трети (27,5 %) отмечает, что семья должна включать три поколения родственников: детей, супругов и их родителей. Остальные смысловые позиции представлены незначительным количеством голосов, т. е. вопреки материальным и финансовым трудностям в сознании провинциальной молодежи наметилась тенденция нарушения устоявшихся традиций и более явного отделения молодых семей от родителей.

В данном контексте довольно актуален вопрос по поводу наиболее оптимального возраста для вступления в брак.

Ответы демонстрируют смещение наиболее оптимальных возрастных границ для вступления в брак с 18—22 лет (считалось нормой 5—10 лет назад) к 23—26 годам (60 %), также наметилась тенденция в пользу более старшего возраста — 27—30 лет (20 %). Полученные результаты косвенно свидетельствуют о стремлении молодежи региона упрочить свои социально-экономические позиции, т. е. получить профессиональное образование, устроиться на постоянную работу и только потом создавать семью.

Опрошенные не очень стремятся к созданию официально зарегистрированной семьи. Из них 22 % связывают это с рождением детей, а 53 % считают регистрацию брака обязательной в любом случае. Однако из вступающих в официальный брак 67 % не смогли объяснить причины этого важного и ответственного поступка. Видимо, для этой части опрошенных мотивами для вступления в официальный брак послужили «слепое» следование советам старших, стремление «быть не хуже других» либо легкомыслие. Что касается остальных респондентов (33 %), то более половины из них (18 %) считает, что без официального брака не может быть полноценной семьи; 8 % совершили этот поступок, чтобы обеспечить себе уверенность в будущем. Другие позиции представлены довольно незначительным количеством голосов. Следует отметить, что бывший до недавнего времени довольно строгий запрет на добрачные половые связи совершенно изжил себя в глазах молодежи: узаконить свое право на сексуальные отношения с супругом пожелали 2 % опрошенных. Аналогичная ситуация складывается и с внебрачным рождением детей: только 2 % респондентов

вступили в законный брак, чтобы у будущего ребенка официально были оба родителя.

Любопытно, что менее 1 % респондентов вступило в брак для смены фамилии, а в позиции «другое» (2 %) в качестве веских причин отмечены «обычаи и традиции», «получение гражданства», «увеличение материальных ценностей», «отсрочка от армии», «желание быть вместе» и «шокировать всех», но нет ни слова о любви.

Вышеуказанное подтверждает предположение о том, что институт брака и семьи изживает себя в традиционном, привычном для старших членов общества, понимании. В переходный период развития российского общества (регионального социума) этот институт подвергся существенной деградации, уступив место чему-то неопределенному, до конца не сформировавшемуся и усугубив демографический кризис.

В качестве основных проблем, осложняющих жизнь семей репродуктивного возраста, были выделены материальные трудности (50 %), нехватка жилплощади (35 %), конфликты в семье (33 %). Кроме того, значительная часть семей репродуктивного возраста нуждается в материальной помощи со стороны государственных и общественных организаций (42 %), а также в предоставлении рабочих мест (24 %). Лишь 35 % опрошенных ответили, что не нуждаются в помощи органов власти.

Оказалось, что на момент опроса родителями являлись чуть менее половины респондентов (47 %). Этой части опрошенных был задан уточняющий вопрос по поводу числа детей в их семьях, на который получены следующие ответы. Более половины опрошенных, имеющих детей (57 %), — это родители одного ребенка, 37 % воспитывают двух детей, а позиции трех и более детей отмечены незначительным числом респондентов.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о снижении показателей репродуктивных установок молодых семей. Однако возникает ряд вопросов о перспективных тенденциях и возможных причинах, лежащих в основе сложившейся ситуации.

Важную роль здесь играют жизненные обстоятельства, с которыми сталкивается молодежь. Молодые семьи ограничивают свои планы относительно деторождения, учитывая материальные проблемы и другие трудности. С поправкой

на жизненные обстоятельства показатель репродуктивных планов респондентов все-таки имеет положительную тенденцию. Ограничиться воспитанием одного ребенка в семье стремятся 33 % опрошенных, 52 % планируют рождение двух детей. Нельзя не отметить и то, что лишь 1 % респондентов вообще не собирается иметь детей.

Таким образом, при отсутствии материальных трудностей, проблем с жильем, работой и т. д. семьи репродуктивного возраста готовы внести значительно более весомый вклад в процесс воспроизводства населения и разрешение демографической проблемы.

Следует отметить, что только половина респондентов оказалась осведомлена о демографическом кризисе в Пензенской области. Этой части опрошенных был задан уточняющий вопрос об основных причинах, с которыми связана эта ситуация. К таковым были отнесены низкий уровень жизни и доходов населения (41 %), отсутствие жилья (16 %). Остальные смысловые позиции представлены небольшим количеством голосов. Основные надежды в разрешении демографического кризиса на территории региона молодежь возлагает на административные лица и властные структуры: губернатор области (84 %), местные органы власти (77 %), региональное правительство (74 %).

Очевидно, что для решения демографического кризиса в регионе необходим плодотворный диалог органов государственной власти и населения. В связи с этим настораживает тот факт, что реальную помощь после обращения в органы исполнительной власти получил только каждый двадцатый респондент; в четыре раза большее число опрошенных (каждый пятый) никакой помощи не получил; каждый третий вообще не обращался за помощью, так как испытывает недоверие к органам власти.

Около половины опрошенных (46 %) полагает, что на первоочередную социальную помощь могут претендовать все семьи репродуктивного возраста независимо от числа детей. В качестве конкретных видов социальной поддержки были названы материальная поддержка и финансирование (31 %), обеспечение доступным жильем (25 %), повышение заработной платы (8 %). Некоторые виды социальной поддержки осуществляются на территории Пензенской области в рамках реализации приоритетных национальных проектов.

В связи с этим был выявлен уровень информированности респондентов по данной проблеме.

Половина опрошенных знакома с приоритетными национальными проектами «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье», однако полной информацией владеют немногие. Особый интерес представляет позиция опрошенных относительно участия в реализации этих проектов. Многие респонденты не являются участниками приоритетных национальных проектов и не планируют в них участвовать. Более половины опрошенных позитивно оценивает эффект от их реализации в регионе, более трети не ощущают никакого влияния.

При выяснении мнения молодого поколения о целевых программах Пензенской области было выявлено то, что наиболее известными являются «Дом для молодой семьи в Пензенской области» на 2001—2006 годы (58,5 %), «Жилье для многодетных семей» на 2004—2007 годы (45,8 %), «Социальное развитие села» до 2010 года (44,5 %) и др. К сожалению, довольно небольшая доля респондентов владеет полной информацией по поводу указанных целевых программ, а около половины опрошенных вообще ничего об этом не знает. Таким образом, в условиях социально-экономического и демографического кризиса российского общества институт семьи подвергается существенной трансформации. Особенно отчетливо об этом свидетельствует анализ взглядов и репродуктивных планов молодежи провинции, в сознании которой изначально более сильны традиции и установки предыдущих поколений. Выявлена тенденция существенного дистанцирования молодых семей от родителей. Официальная регистрация брака уже не является обязательным показателем полноценной семьи. Строгий запрет на добрачные половые связи и внебрачное рождение детей изжил себя в сознании молодежи. Решившиеся вступить в брак относятся к нему, однако, довольно легкомысленно и часто не могут объяснить причины этого поступка.

Важнейшими факторами, обуславливающими трансформацию института семьи в представлениях провинциальной молодежи, являются материальные трудности, нехватка жилплощади и рабочих мест. Эта ситуация, усугубляемая отсутствием поддержки со стороны государственных и общественных организаций, провоцирует конфликты в

молодых семьях, повышение возраста вступления в брак и рождения детей, снижение показателей репродуктивных планов и разводы.

Реализация на территории Пензенской области приоритетных национальных проектов («Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье») и целевых программ («Дом для молодой семьи в Пензенской области» на 2001—2006 годы, «Жилье для многодетных семей» на 2004—2007 годы, «Социальное развитие села» до 2010 года) несколько смягчают деградацию института семьи, однако на современном этапе этих мер отнюдь не достаточно.

Очевидно, что практические рекомендации повышения эффективности государственной семейной и демографической политики, помимо решения указанных выше проблем, должны быть связаны с грамотной постановкой пиар-деятельности и развитием социальной рекламы. Учет вышеперечисленных аспектов будет способствовать оптимизации демографической ситуации и укреплению института семьи на территории Пензенской области. В связи с этим необходима выработка эффективной государственной политики по отношению к молодежи в целом и молодой семьи в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1999. С. 158.

² См.: Социология молодежи: энцикл. слов. М., 2008. С. 157.

Поступила 10.11.10.

У. А. ВИННИК

РЕГИОНАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ

Ключевые слова: рекламные инновации, инновационные технологии в рекламе, инновационные формы рекламы, нетрадиционные рекламные носители, ambient media

Key words: advertisement innovations, innovative technologies in advertisement, innovative advertisement forms, non-traditional advertisement structures, ambient media

Существует необходимость принципиального изменения взгляда на рекламу. Ее традиционные формы стали настолько привычны, что перестали обращать на себя внимание публики. Открыто заявлять об этой проблеме рекламисты начали в конце 90-х гг. XX в. Однако необходимость привлечь к себе внимание оригинальным способом и выделиться среди конкурентов возникла у предпринимателей намного раньше.

Нестандартные рекламные находки появились в конце XVIII — начале XIX в. В это время в Англии утверждаются наиболее либеральные законы по отношению к СМИ, в результате чего они занимают приоритетные позиции в развитии рекламы. На улицах английских городов встречаются люди-«сэндвичи» и конные рекламные процессии, начинается раскрашивание тротуаров рекламными текстами и рисунками, распространяются всевозможные рекламные вкладыши и открытки, а также появляется реклама в ресторанных меню, театральных программках, пригласительных билетах и др.

В Германии начинают использовать так называемые «приманки премиальной торговли»¹ — лотереи и специальные предложения. Например, редакция газеты «Мюнхенский информационный листок» в каждый выпуск включала десять экземпляров с надписью: «Имеющий этот листок бесплатно получает кружку пива». Владельцы лавок и мастерских

¹ ВИННИК Ульяна Анатольевна, преподаватель кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета.

придумывали специальные акции: «Молодая дама, которой эта обувь придется по ноге, получит ее в подарок». В витрине зоомагазина можно было увидеть живого львенка, а в витрине текстильного — вышивающую молодую девушку.

В Америке изобретательностью характеризовалась газетная реклама. Чтобы выделить свое объявление, рекламодатели использовали «шрифтовые трюки». Рекламная фраза повторялась на одной странице большое количество раз, чтобы запомниться читателю. Из отдельных букв и слов сооружались разнообразные фигуры, крупно выделялись цифры, обозначающие адресный номер рекламируемого предприятия.

Особенно любопытной в этой стране была деятельность Ф. Т. Барнума. Он предлагал помещать рекламные призывы в концертных залах, на обратной стороне театральных билетов, салфетках и скатертях ресторанов; организовывал неординарные рекламные акции и запомнился своими вагончиками, обклеенными рекламными текстами и запряженными цирковыми слонами. Иногда реклама в США доходила до абсурда, например, надпись на надмогильной плите на одном из кладбищ в Нью-Йорке гласила: «Здесь похоронен мистер Х... Он застрелился револьвером системы кольт, убивающим наповал. Лучшее оружие для этой цели».

Рекламная сфера активно развивалась в XX в. Она трансформировалась в разветвленную инфраструктуру с множеством различных рекламных носителей. К XXI в. она подошла с потребностью поиска новых, перспективных каналов распространения информации о товарах и услугах, реализуемых и предлагаемых предприятиями, организациями, фирмами.

Известно, что любая, даже очень хорошая, реклама со временем начинает раздражать аудиторию. В данном случае речь идет о двух аспектах. Это идеи рекламы, требующие постоянного обновления, и способы, с помощью которых реклама распространяется. Усложняют ситуацию всевозможные законодательные ограничения для рекламодателей и производителей определенных групп товаров и постоянное удорожание традиционных средств рекламы. В итоге остается все меньше возможностей позиционировать и продвигать тот или иной бренд с помощью традиционных каналов. И только нестандартные рекламные носители позволяют получить высокое качество контакта.

По стоимости контакта новые медиа значительно уступают телевидению. Однако если взять средний ценовой срез по рынку, то цена контакта при использовании новых медиа будет несколько выше, чем в наружной рекламе, и сопоставима с рекламой в прессе. Несмотря на это, сегодня в России нетрадиционные способы рекламы пока используются «по остаточному принципу», т. е. только в том случае, если проведение обычной кампании не исчерпывает рекламного бюджета. Инициаторами применения нестандартных рекламных решений обычно выступают агентства, пытающиеся таким образом решить либо сложную маркетинговую задачу, достать узкую целевую аудиторию, либо проблему небольшого рекламного бюджета.

У подобного размещения множество преимуществ. Они продолжительное время удерживают внимание, сглаживают негативный эффект от рекламы в традиционных СМИ, имеют направление на конкретного потребителя, причем часто не только воздействуют на него, но и взаимодействуют с ним. Помимо того, проведение рекламных мероприятий с использованием нестандартных рекламных технологий всегда сопровождается бесплатным пиаром в СМИ и распространением сведений по каналам межличностной коммуникации в обширной аудитории, например, с помощью слухов. Причем вовсе не важно, будет это белый или черный пиар.

Среди многообразия новых форм рекламной продукции правомерно разделять нетрадиционные рекламные носители и ambient media. Новые, еще не успевшие войти в привычку, а также созданные специально для размещения рекламы, они именуется нетрадиционными рекламными носителями. Это подвесные поручни в общественном транспорте, рекламные конструкции в лифте и др. Ambient media (от англ. ambient — «окружающий») построены на принципе интеграции рекламного сообщения в городское пространство. Иными словами, это носители, встроенные в окружающую среду, а не созданные специально для размещения рекламы. С ними мы встречаемся, когда видим рекламу на лавочках, урнах, тротуарах города.

Это разделение достаточно условно, часто сложно провести грань между ними. Однако важно знать, что ambient media всегда работают «тонко», появляются благодаря конкретной рекламной идее или уникальному торговому предложению

и подбираются индивидуально. Нетрадиционные рекламные носители в свою очередь могут эксплуатировать уже готовую рекламную идею.

Часто в России и за рубежом традиционные рекламные носители используются нетрадиционным способом. На билбордах размещаются объемные конструкции и макеты рекламируемых товаров, они оригинально освещаются. Печатная реклама и реклама в печатных СМИ сопровождается образцами продукции, визитками, открытками. Можно даже встретить рекламу с запахом (ароматизированные страницы) и с проявляющимся изображением (при изменении температуры под воздействием тепла руки).

У нетрадиционных рекламных технологий есть недостатки. Во-первых, это отсутствие мониторинга и достаточных данных по нестандартным медиа. Во-вторых, отсутствие стандарта ценообразования в случае использования того или иного носителя, изготовления продукции, организации мероприятий и др. В-третьих, нет законодательства, в результате чего в России к нетрадиционным рекламным носителям и объектам ambient media применяются те же требования, что и к рекламе других видов. Узконаправленность нестандартных медиа одновременно является их достоинством и недостатком. С одной стороны, это позволяет воздействовать на целевую аудиторию, до которой сложно добраться с помощью стандартных рекламных носителей, с другой — даже потенциальное количество контактов с рекламным обращением бывает небольшим. Поэтому для массового товара они чаще всего используются как вспомогательные, а для узких товаров и услуг могут быть в качестве основных.

Активный рост рынка нетрадиционных рекламных технологий наблюдается исключительно в мегаполисах. Сегмент регионального рекламного рынка увеличивается пока исключительно за счет традиционных каналов рекламы (радио, телевидение, наружная реклама и пр.). Они достаточно дешевы, и консервативные предприниматели не ищут ничего нового, часто работают в ущерб качеству рекламной продукции и организации рекламной кампании.

В последнее время в России региональная реклама становится все более важным каналом продвижения товаров и услуг столичных и местных организаций, так как рекламные

блоки национальных СМИ либо уже заполнены, либо близки к полному заполнению, что нельзя сказать о региональных.

Покупателей в мегаполисах сложно удивить, поэтому в крупных городах используются все элементы продвижения продукции: мерчандайзинг и стимулирование сбыта, событийный маркетинг и корпоративные мероприятия, промоакции, нетрадиционные рекламные носители, интерактивные рекламные технологии и др. Действуя на потребителя по-разному, эти способы являются в той или иной мере эффективными и поднимают уровень продаж. Региональные потребители и местные поставщики пока с опаской воспринимают нововведения. Из всего многообразия нестандартных рекламных коммуникаций у локальных сетей и местных поставщиков пользуются популярностью только промоакции, мерчандайзинг и стимулирование сбыта. Причиной этого является убежденность предпринимателей в том, что единственно эффективный инструмент продвижения товара — его цена.

Сегодня соотношение используемых методов продвижения продукции в российских регионах меняется в сторону увеличения доли мерчандайзинга и стимулирования сбыта в местах продаж, что закономерно. Чувствуя конкуренцию со стороны федеральных брендов и осознавая меняющееся отношение покупателей к новым торговым маркам, локальные производители продукции начинают использовать пока еще новые для себя методы продвижения. Мотивирующим фактором является любопытство изначально консервативно настроенных потребителей, которое становится все более заметным. Кроме того, у них постепенно завоевывают доверие незнакомые, но ярко и удобно представленные товары.

Таким образом, в регионах формируется новая культура рынка рекламы. Но это еще не говорит о комплексном инновационном подходе к рекламе, так как прочие нетрадиционные инструменты рекламы здесь используются лишь как экспериментальные. Особенность восприятия инновационных рекламных технологий в регионах России объясняется специфическим мышлением местных предпринимателей. Отсутствие местных брендов обуславливает то, что самыми действенными каналами продвижения в локальных сетях оказываются инструменты, не направленные на повышение узнаваемости марки, а на так или иначе привязанные к

цене (скидки на продукцию, промоакции). Другие способы продвижения, такие как нетрадиционные рекламные носители и интерактивные рекламные технологии в местах продаж, направленные на повышение узнаваемости бренда, пока не пользуются популярностью. В результате того, что от 30 до 70 % продукции, представленной в локальных сетях, поставляется местными производителями, которые не считают необходимым вкладывать средства в развитие торговой марки, имиджевые инструменты оказываются менее действенными.

В России нетрадиционные рекламные носители встречались уже в советское время. Их называли «мелкими печатными средствами косвенной рекламы»². Почтовые марки, товарные чеки, закладки для книг, обертки для конфет, картонные вкладыши в коробки конфет, которые трансформируются в игрушку, спичечные этикетки, этикетки для катушек ниток, пакеты для грамзаписей и т. д. — все это пропагандировало товарный знак или советскую власть. Сегодня традиционные рекламные носители теряют эффективность и не всегда оправдывают ожидания заказчиков такой рекламы. В свою очередь использование альтернативных носителей может привести к положительным результатам.

Можно выделить основные причины, тормозящие переход региональных рынков рекламы от традиционных форм к нетрадиционным. Во-первых, это отсутствие в достаточном количестве современных оборудованных торговых площадей. Региональный потребитель привык покупать товары местных производителей, полагая, что они дешевле и более высокого качества. По этим причинам в регионах популярны рынки. Именно они составляют основную конкуренцию фирменным и универсальным магазинам. Однако только последние предоставляют больше возможностей для использования нетрадиционных рекламных технологий. Во-вторых, покупательская способность населения в регионах ниже, чем в крупных городах, незапланированные и импульсивные покупки совершаются реже. Рекламодатели не хотят рисковать, поэтому они не рассматривают инновационные варианты размещения рекламы. В-третьих, сильны предрассудки и предубеждения предпринимателей. У местных поставщиков отсутствуют свои бренды, они не готовы вкладывать средства в разработку и продвижение собственных торговых

марок. Региональные предприниматели рассчитывают, что товар все равно будут покупать. Такая позиция поставщика крайне опасна и в будущем грозит обернуться потерей своей доли рынка.

Совокупность этих причин приводит к тому, что нестандартные формы рекламы в регионах России встречаются крайне редко. Если кто-либо из рекламных агентств и осмелится взять на себя инициативу и предложит рынку новый носитель для массового использования, то он все равно не будет достаточно востребован. Поэтому в Республике Мордовия, например, часто встречаются пустующие нетрадиционные форматы: подвесные поручни в общественном транспорте, специальные конструкции для печатной рекламы, расположенные при входе в подъезды жилых домов, рекламные поверхности остановочных комплексов.

Несмотря на все тормозящие факторы, ситуация в республике постепенно меняется в лучшую сторону. На региональном рынке представлено большое количество федеральных и местных компаний. Конкуренция ужесточается, компании хотят выделиться, привлечь к себе внимание, добиться увеличения продаж, а также появляются предприниматели, готовые платить за уникальность.

Экономия рекламного бюджета при высокой эффективности рекламного носителя — главный принцип использования инноваций в рекламе. На данный момент этот сегмент рекламной индустрии представлен мало, но за ним будущее. Для того чтобы удовлетворять постоянно меняющийся спрос и соответствовать требованиям конкурентной среды, предприниматель рано или поздно начнет переключаться на новые каналы рекламного воздействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ученова В.В., Старых Н.В. История рекламы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «журналистика», «реклама», «связи с общественностью». 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 245.

² См.: Искусство рекламы: теория и практика современной рекламы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. С. 85.

Поступила 02.11.10.

Н. В. НИКИШОВА **ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА**

Ключевые слова: демографическая функция, правовая информация, правовая установка, правовая ориентация, демографическое законодательство

Key words: demographic function, legal information, legal orientation, demographic legislation

Правовое воздействие на общественные отношения осуществляется в трех формах: информационной, ориентационной и правового регулирования. В соответствии с этими формами также выделяют три формы реализации демографической функции права: информационную, ориентационную и правовое регулирование. Существование различных форм реализации позволяет более четко проводить различие между собственно юридическим (правовое регулирование) и неюридическим воздействием демографической функции права (информационное и ориентационное).

Информационная форма реализации демографической функции права состоит в том, чтобы сообщить адресатам требования государства, относящиеся к поведению людей, для регулирования демографических процессов в обществе. Источники, из которых граждане получают информацию, могут быть самыми различными: СМИ, юрисконсульты, адвокаты, другие лица юридической профессии, руководители различных уровней, друзья, знакомые, родственники, юридическая литература и др.

Центральной категорией, характеризующей информационное воздействие права, является правовая информация. По мнению Ю. В. Кудрявцева, правовая информация — это информация, исходящая от государства в форме правовых предписаний, норм права и адресованная разным субъектам¹. Под правовой информацией в широком смысле слова следует понимать не только информацию, содержащуюся в правовых нормах, но и те сведения, носителями которых являются генеральные идеи справедливости, свободы, гума-

НИКИШОВА Наталья Валерьевна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российского университета кооперации (Саранский филиал).

низма, равенства, различные правовые акты (интерпретационные, реализации прав и обязанностей), правовое сознание (общественное, групповое, индивидуальное).

В основе информационного правового воздействия должна лежать качественная правовая информация, включающая качество направляемой информации, качество ее передачи и восприятия. Качественным может быть признан закон, который характеризуется научной обоснованностью его содержания и формы. Качество закона следует рассматривать как совокупность социальных и юридических свойств, отражающих правовой характер (сущность) закона, т. е. социальную адекватность его установлений, совершенство их юридической формы и способность при соответствующих условиях обеспечить правомерный характер деятельности граждан и организаций.

Качественная правовая информация должна быть надлежащим образом доведена до субъектов права. В этом смысле можно говорить о качестве передачи правовой информации, которая характеризуется тремя требованиями. Во-первых, правовая информация должна быть доступной. Каждый субъект права должен иметь возможность беспрепятственно получать в самый короткий срок полную информацию по всем интересующим его юридическим вопросам. В этих целях необходимо обеспечить выпуск достаточного количества юридической литературы: справочников, нормативно-правовых актов и т. д. Во-вторых, правовая информация должна быть достоверной. Это означает, что в процессе передачи субъектам права должен быть доведен тот смысл правовой нормы, который в него вложил законодатель. В-третьих, правовая информация должна быть доведена до субъекта своевременно. Это требование заключается в том, что вступить в действие норма права должна только тогда, когда все субъекты имели возможность ознакомиться с правовыми предписаниями.

Кроме качества направляемой правовой информации и ее передачи (доведения до субъектов права), особое значение имеет качество восприятия, поскольку от того, как субъектом будет воспринята информация, зависит эффективность информационного правового воздействия. Восприятие правовой информации можно рассматривать как процесс приема и преобразования правовой информации, обеспечивающий

субъекту право на выяснение смысла правовых предписаний и следование им в своем поведении.

Правовая информированность как форма реализации демографической функции имеет огромное значение, особенно в те периоды, когда идет интенсивное обновление законодательства. Поэтому граждане объективно нуждаются в получении правовой информации о действующем законодательстве, об изменениях, дополнениях, вносимых в него, о новых законах и т. д.

Центральными категориями, характеризующими ориентационную форму реализации демографической функции права, являются «правовая установка» и «правовая ориентация». В настоящее время насчитывается несколько десятков дефиниций установки. На наш взгляд, одним из наиболее удачных определений социальной установки личности является определение, сформулированное В. С. Комаровским. Он полагает, что социальную установку следует рассматривать как «сложившуюся готовность индивида к определенной форме реагирования на социальные объекты: предрасположенность индивида, побуждающая его действовать в отношении этих объектов определенным образом скорее, чем каким-либо иным. Это устойчивый, внутренне последовательный „синдром“ реакций, определенная линия в реакциях индивида по отношению к тому социальному объекту (объектам), с которым связана установка»².

Содержание понятия установки часто пересекается с понятием ориентации. Г. Л. Смирнов отмечает, что «система установок — система усвоенных индивидом знаний складывается в ценностные ориентации личности как конкретные отношения личности к ценностям жизни»³. Аналогичную позицию занимают В. Н. Кудрявцев⁴ и В. В. Водзинская⁵. Кратко ее суть можно выразить формулой: совокупность установок образует ориентацию субъекта. Следовательно, совокупность фиксированных правовых установок (предрасположенностей) образует правовую ориентацию личности.

Ориентационное правовое воздействие складывается из совокупности правовых установок и представляет собой двуединый процесс, с одной стороны, формирования установок, с другой — влияния установок на правовое поведение граждан. Ориентационное воздействие мы экстраполируем на формирование демографических идеалов, отвечающих интересам

демографического развития страны. В области рождаемости это формирование идеалов среднедетной семьи (двое-трое детей); в области снижения смертности — воспитание основ самосохранительного поведения, от которого в значительной мере зависит и сохранение, и улучшение здоровья людей; в области семейно-брачных отношений — укрепление семьи как одной из основных жизненных ценностей человека, пропаганда значимости материнства и отцовства в стране; в области миграции — разъяснение необходимости и важности освоения новых территорий.

«Демографическое воспитание» населения может вестись по-разному. Одним из важнейших его элементов является воспитание в семье, где во многом формируется система жизненных ценностей подрастающего поколения. Поэтому «демографическая грамотность» — один из существенных элементов воспитания родителей и других членов семьи. Другое направление — использование СМИ (радио, печать, телевидение) для пропаганды определенного типа демографического поведения. Демографическая пропаганда — важный фактор формирования благоприятного общественного климата в решении вопросов, связанных с рождением и воспитанием детей. Она может и должна раскрыть социальную значимость ценностей, связанных с семьей детьми, а также повысить престиж материнства и отцовства, показав, что дети нужны не только родителям, но и обществу. Следовательно, печать, радио, телевидение, искусство должны подчинить свою работу претворению в жизнь целей и задач демографической функции права.

Таким образом, на рождаемость, браки, разводы и миграцию демографическая функция права воздействует не прямо, а через формирование соответствующего мнения о желаемых стандартах демографического поведения, например, о желаемом числе детей в семье. Сопоставление каждой семьей различных материальных и духовных потребностей и возможностей их удовлетворения ведет к формированию того или иного типа демографического поведения.

Важной формой реализации демографической функции права является правовое регулирование. К нему относятся главным образом издание законов и других нормативных актов. Такими актами, направленными на поощрение или ограничение рождаемости являются, например, законы и постановления, запрещающие или, наоборот, разрешающие

аборты, пропаганду, производство и продажу средств ограничения рождаемости, а также понижающие или повышающие минимально допустимый законом возраст регистрации брака, ограничивающие или поощряющие миграцию в тех или иных регионах страны. Что касается России, то здесь нормативные акты направлены на повышение уровня рождаемости, например, Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ⁶, который устанавливает механизм материальной поддержки семьи.

Правовое регулирование может дать результат лишь в комплексе с другими формами реализации демографической функции права. Реализация демографической функции права в рамках этой формы включает в себя три основные стадии: организационная, в которую входят определение дееспособности граждан и компетенции органов государств, установление их правового статуса; трансформационная, наступающая после совершения субъектом права юридически значимых действий (бездействий) и операций, имеющих определенные правовые последствия; корреляционная, устанавливающая конкретные правовые связи между субъектами права через их субъективные права и юридические обязанности (конкретные правоотношения).

Демографическая функция права должна быть нацелена на создание оптимального типа воспроизводства населения в масштабах всего государства в целом. Следовательно, она в значительной мере направлена на будущие поколения, и об ее устойчивых результатах можно судить не сразу, а когда достаточно четко проявятся закономерности нового демографического поведения граждан. Правовое регулирование демографических процессов должно быть долгосрочным, рассчитанным на длительный период, что предполагает наличие стабильного демографического законодательства.

Под демографическим законодательством понимается совокупность правовых актов, прямо или косвенно воздействующих на демографические процессы. Демографическое законодательство, как правило, далеко не всегда является прямым регулятором названного процесса и не всегда может ориентироваться на достижение немедленных результатов.

Круг регулируемых правом вопросов, так или иначе воздействующих на демографическое поведение граждан, очень широк. Регулятивное воздействие на эту сферу отношений обеспечивается всей системой правовых норм. На рожда-

емость существенное влияние оказывают нормы семейного права, в том числе нормы, устанавливающие минимальный брачный возраст; законодательство об охране труда и здоровья женщин, особенно законодательство, дающее дополнительные права и льготы беременным женщинам и женщинам, имеющим грудных детей; законодательство о социальном обеспечении материнства и детства; жилищное законодательство и другие законы. На продолжительность жизни большое влияние оказывают конституционные права граждан на охрану здоровья; труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца; охрану здоровья и медицинскую помощь; благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии; возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическими правонарушениями.

Международно-правовые акты также содержат немало положений, воздействующих на демографические процессы. К таким актам следует отнести Всеобщую декларацию прав человека, пакты об экономических и социальных правах человека, другие международные документы, принятые за последнее время⁷. Таким образом, демографическое законодательство — органичная часть разных отраслей законодательства, регулирующих различные виды общественных отношений, в той или иной мере связанных с демографическими процессами.

Основной формой организации деятельности региональных органов государственной власти по выполнению мероприятий и проектов развития Республики Мордовия, например, являются республиканские целевые программы. В 2010 г. Мордовия принимала участие в реализации 20 федеральных целевых программ, в том числе в таких программах, как «Социальная поддержка инвалидов на 2006—2010 годы», «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006—2015 годы», «Дети России» на 2007—2010 г., «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями на 2007—2011 годы», «Развитие образования на 2006—2010 годы», «Жилище» на 2002—2010 годы, «Социальное развитие села до 2012 года» и др.⁸

Реализация федеральных целевых программ является важным инструментом социально-экономической политики

государства, что способствует комплексному решению важнейших социально-экономических проблем. Для воплощения в жизнь целевых программ в республике были проведены мероприятия в области образования, здравоохранения, культуры, коммунального хозяйства, формирования рынка жилья, жилищного строительства и развития транспортной инфраструктуры, охраны окружающей среды, а также мероприятия технологического профиля и инновационные проекты.

Многие программы были рассчитаны до 2010 г., но для дальнейшего повышения уровня и качества жизни населения на законодательном уровне страны было принято решение о продлении их действия. В первую очередь это относится к целевым программам «Жилище», «Социальное развитие села», «Предупреждение и борьба с социально значимыми заболеваниями», «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» и т. д.

В 2008 г. в республике стартовала Республиканская программа по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия на 2008—2012 гг. Основанием для ее разработки стало Постановление Правительства РМ от 24 марта 2008 г. № 99. Основная цель программы — создание благоприятных условий для естественного расширенного воспроизводства населения Республики Мордовия на основе обобщения накопленного опыта и осмысления новых задач демографической политики.

Реализация программы позволит создать условия для повышения рождаемости, укрепления института семьи, обеспечения адресной социальной поддержки семье, имеющей детей; для жизнедеятельности семьи, обеспечения возможности рождения, содержания и воспитания нескольких детей путем повышения материального благосостояния, качества и уровня жизни семей; для содействия занятости женщин, имеющих малолетних детей; для укрепления здоровья населения, в том числе репродуктивного, и увеличения продолжительности жизни населения и т. д. Кроме того, программа позволит разработать меры, способствующие укреплению духовно-нравственных основ семьи⁹.

В то же время предпринимаемые меры по улучшению демографической ситуации в Мордовии пока не дали по-

ложительных результатов. И хотя в 2009 г. был отмечен рост рождаемости на 479 детей, а коэффициент рождаемости по сравнению с 2007 г. увеличился с 9,1 до 9,8 на 1 тыс. чел. населения, однако это самый низкий коэффициент рождаемости в ПФО (наиболее высокий он в Республике Башкортостан — 13,7). В республике высокий коэффициент смертности — 15,7 на 1 тыс. чел. населения (наиболее высокий он в Нижегородской области — 17,5, самый низкий в Республике Татарстан — 12,8). Смертность превышает рождаемость в 1,6 раза, тогда как в Республике Башкортостан — в 1,1 раза. Численность постоянного населения в Мордовии продолжает уменьшаться. Необходимо также отметить несвоевременное и недостаточное финансирование мероприятий программы по улучшению демографической ситуации в республике на 2008—2012 гг., которая реализуется за счет средств республиканского бюджета. Реализуемая демографическая политика республики и страны в целом говорит о том, что вопрос правового регулирования демографических процессов на сегодня остается актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1981. С. 18.

² Комаровский В.С. Некоторые проблемы измерения социальных установок // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 24.

³ Смирнов Г.Л. Правовая установка и социальная активность личности. М.: Юрид. лит., 1986. С. 12.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. С. 89.

⁵ См.: Водзинская В.В. Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании // Философские науки. 1968. № 2. С. 51.

⁶ См.: Рос. газ. 1999. 23 июля.

⁷ См.: Корбут Л.В., Поленина С.В. Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей: сб. универсальных и региональных междунар. документов. М.: НЦ «Гарант», 1997. С. 16.

⁸ См.: Целевые программы, реализуемые в Республике Мордовия. URL: http://rmeconomics.emordovia.ru/aboutMordovia/obshiesved/celev_prog.php (дата обращения: 22.03.2011).

⁹ См.: Постановление Правительства РМ «О республиканской программе по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия на 2008—2012 годы» от 24 марта 2008 г. № 99. URL: http://mordovia.news-city.info/docs/sistems/dok_iegfki/index.htm (дата обращения: 26.03.2011).

Поступила 10.05.11.

Л. А. ВАСИЛЬЕВА

МЕДИА: ОТРАЖЕНИЕ РЕТРАНСЛЯЦИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Ключевые слова: миф, символ, криминальный герой, героическая символика, демократический герой, героизация, деперсонафикация

Key words: myth, symbol, criminal hero, heroic symbolism, democratic hero, heroisation, depersonification

Разрыв между властью и обществом является предпосылкой для усиления мифической доминанты, предлагая различные варианты символического бытия. Миф трансформируется в символ жизни, необходимость которого очевидна. Он обуславливает систему ценностных ориентаций, предписывает правила социального поведения. В связи с этим особое значение приобретает исследование СМИ, ретрансляторов современной символической политики.

Мифосимволика всегда опиралась на традиции, историческую память народа. Так, главной темой пролетарских СМИ была фигура героя. Героический персонаж олицетворял собой идеалы новой жизни, советского героизма, ценности нового социума. Со временем акценты с пропаганды подвигов героев Гражданской войны постепенно смещаются на героев труда. Под них «подгонялись» новые моральные ценности. Высочайшая энергетика и напряженность мифа о герое (пролетарском, советском) позволяла органично вписывать его в любые формы. На первый план выходила символика героического поведения, схема которой — презрение к трудностям и смерти. В соответствии с ними формировалась тематическая направленность прессы: рассказы о людях из низов, простого народа, их символизация. Начало подобной тематической закрытости 20—30-х гг. продолжалось вплоть

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна, профессор кафедры международного туризма Дальневосточного государственного университета, кандидат исторических наук (г. Владивосток).

до конца 80-х гг. Героев было не так уж и много: Паша Ангелина, Никита Изотов, Дуся и Маруся Виноградовы, Никита Карацупа, Полина Осипенко, Валерий Чкалов, Валентина Хеттагурова, Валентина Гризодубова, Мария Демченко, Алексей Стаханов и др. При этом герои в амбивалентных текстах выражали мощь, силу, волю, железное упорство. Если предшествующие символы власти (скипетр и держава) были выполнены из драгоценных металлов, то символами мощи и силы тоталитаризма стали индустриальные материалы и техника.

Пролетарский герой, как правило, рождался в семье скромного достатка, с ранней юности о нем рассказывают как об обладателе нечеловеческой силы и усердия в труде; говорят о его быстром завоевании славы или приходе к власти, его битвах с силами зла и их разгроме, его гибели из-за предательства или в результате героического принесения себя в жертву. Подобная модель имела определенное значение для человека, стремящегося раскрыть и утвердить свою индивидуальность для общества, нуждающегося в установлении своего коллективного «лица». «Первоначальная слабость героя уравнивается появлением сильных покровителей, опекающих героя и облегчающих ему решение сверхчеловеческих задач, с которыми невозможно справиться без их помощи. Так, например, среди древнегреческих героев у Тезея богом-покровителем был бог моря Посейдон, у Персея — Афина, Ахиллеса наставлял и обучал мудрый кентавр Хирон»¹.

Военная журналистика, зная меру и границу и показывая героическое, очищала человека, приобщала его к сопереживанию. Экстремальную ситуацию можно рассматривать как точку, где происходит распад времени; героическая жертва сближает временные точки, так как событие, подвиг происходят ради будущего. «Моментальная жертвенность — это героизация, жертвенность, растянутая на жизнь поколения, героизируется уже в вербальном плане, более в идеологическом, чем в реальном»².

Тоталитарная героическая символика экстремальной ситуации посредством СМИ перестраивала модель человеческого поведения. Символы и архетипы, ритуалы, направленные на формирование новой модели человеческого поведения, кодифицировали мысли людей, укрепляли мораль, предлагали

определенные правила поведения и санкционировали обряды, рационализировали и оправдывали жесткие социальные установки. Мифологическая логика достигала своих целей как бы ненароком, окольными путями, с помощью материалов, к этому специально не предназначенных, способом бриколажа, оттенка, рикошета в человеческое сознание. Возвращение к правремени усиливало героизацию определенных личностей, не меняя общей символической оценки, только по-иному высвечивая те или иные эпизоды войны. Массовый героизм военных лет — закономерный ответ на риторику побед, а идеологическая система полностью базировалась на функции героя. Герой был личностью яркой, незаурядной, к повторению его подвига должны были стремиться все члены общества. Герой отдавал свою жизнь, проливал кровь, а пролитая кровь — символ жертвоприношения³. Символическая действительность интерпретировала события на порядок выше реальности, создатели текстов позволяли значительную долю домыслов, ассоциаций, символов. Подобные укрупненные архетипы могут быть оправданы и принимаемы только в условиях экстремального периода.

Если в тоталитарном мифе советская действительность опиралась на символизацию «Октябрь 1917 года» (прошлая точка) и лозунг «Вперед, к победе коммунизма!» (будущая точка), то после 60-х гг. и по настоящее время таких опор для символических интерпретаций не существует. Наоборот, сакральная формула «Сталин — Ленин» разрушена, мифосоставляющие советской идеологии, ее несущие опоры рухнули. Столь необходимые для общества оракульные начала были переложены целиком на плечи политиков (Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев), пророков, но несколько упрощенного качества, а затем — на плечи лидеров новой формации (М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин). Техника конструирования мифов выглядит зависимой более от политического развития, чем от универсальных схем. В данный момент политического развития общества делается возможным усиление влечения людей к обрядовой политической символике, политическим прогнозам, заключающим важную для социума информацию. Есть устойчивое основание для конструирования и поддержания жизнеспособности политических мифологем в политическом процессе. Мифологическое пространство постсоветского периода в целом отвечало основным архе-

типическим образам коллективного бессознательного, определяющего традиционное мировоззрение. «Новый бог демократической религии» позволял себе все. Как герой новой мифологии, он покидает ее в канун нового тысячелетия. Его прощальное слово «дорогим россиянам», перекликающееся со словами Сталина, сказанными в июле 1941 г., «братья и сестры», — образец слова «отца нации», любящего свой народ, сопереживающего ему, верящего в будущее России.

Сознательная деятельность деструктивных сил к концу 1990-х гг. привела страну к криминализации экономической жизни, «черной» приватизации, беспрецедентному разрушению промышленного и аграрного производства, резкому социальному расслоению населения на сверхбогатых и сверхбедных, ослаблению государственной власти, утрате прежних позиций великой державы. В деятельности СМИ этого периода прослеживаются два основных направления: ретрансляция образов новых политических и криминальных героев. Криминальная тема широко, ярко, многообразно и охотно ретранслировалась медийными каналами. К процессу возвышения и героизации криминала были подключены лучшие режиссеры, актеры, журналисты, писатели.

Криминальный герой — это и авторитетный предприниматель, и вор в законе. Авторитетный предприниматель с первых шагов перестройки был активно задействован в бизнесе, так как организованную преступность надо финансировать, иначе она перестанет существовать. Заработанные в легальном бизнесе деньги шли на денежную «подпитку» преступных сообществ. Под криминальным контролем авторитетных предпринимателей находится более 2 тыс. объектов экономики, часть из которых — бюджетообразующие и градообразующие предприятия. Криминальные герои привносили в бизнес-сообщество криминальные нормы поведения, рейдерство, заказные убийства, похищения детей, предпринимателей и другие жестокие преступления. Они сливались с террористическими и экстремистскими организациями. Их деятельность мешает развитию цивилизованных рыночных отношений и отталкивает зарубежных инвесторов.

Другая разновидность криминального героя, также широко ретранслируемая СМИ, — вор в законе. Историки российской криминалистики датируют появление воров в законе в начале 30-х гг., когда жесткими репрессиями была

подавлена активность политических, организованных преступных формирований. Воров в законе связывал особый кодекс поведения. Это полное неприятие общественных норм и правил, например, отрицание законных семейных отношений, постоянных связей с женщинами, полный запрет на сотрудничество с государственными и судебно-следственными органами в расследовании преступлений. По данным правоохранительных органов, подтвержденный статус вора в законе сегодня имеют около 200 чел., и это число в последние годы относительно стабильно. Еще несколько сотен причисляют себя к «законникам», но при этом не имеют реального влияния в уголовной среде. Основная функция воров в законе — координация преступной деятельности, распределение прибыли от нее, разрешение спорных вопросов, а также помощь преступникам, находящимся в местах лишения свободы.

Изменения в социально-экономической жизни страны повлияли и на эту категорию. Экономический и правовой уровни этой касты значительно выросли, они достаточно грамотно и активно используют пробелы в законодательстве, имеют коррумпированные связи в правоохранительной системе, пользуются услугами высокооплачиваемых адвокатов. Фигура вора в законе оказывает значительное влияние на молодое поколение: посредством СМИ она внедрялась и внедряется в сознание молодежи. Медийные каналы еще совсем недавно не замечали убийств представителей правоохранительных органов, зато репортажи с пышных похорон криминальных авторитетов занимали первые полосы печатных изданий, ими начинались новостные выпуски телевизионных новостей.

Еще один символ новой формации — криминальный чиновник. Увлечение управленческими функциями, вседозволенность разрушили его харизму, превратили его в недоступное божество, которое посредством взяток, «откатов» влияет на политические процессы и «срачивается» с криминальным миром. Чиновничья коррупция — самый латентный вид преступности, именно это дает им основание чувствовать себя свободно и безнаказанно в совершении преступлений.

Рост преступности, тесная связь криминала с властными структурами, героизация криминала СМИ особенно отчетливо просматриваются на примере Дальнего Востока, например, Приморского края, лидирующего в этом направ-

лении. Л. Е. Бляхер объясняет это следующими причинами. В советские годы Дальний Восток был своеобразным регионом «про запас», регионом «на будущее». Он, скорее всего, олицетворял геополитические амбиции, нежели воплощал их. Его армии даже не хватало на защиту восточных границ. Экономическая эффективность региона в хозяйстве страны была сомнительной. Как показывают расчеты экономистов, даже в благополучные 70—80-е гг. XX в. регион тратил почти на 26 % больше, чем производил. Транспортные и энергетические тарифы делали любую произведенную продукцию «золотой».

Перестройка и последовавший за ней развал страны изменили ситуацию радикально. Регион вновь стал «невидимым», стал ненужным стране. Это вело к уменьшению ресурсных потоков, а 8 млн жителей Дальнего Востока были брошены на произвол судьбы. В этих условиях выработалась стратегия выживания: приграничная торговля, рыба, лес, челночный бизнес, импорт подержанных японских автомобилей кормили регион. Приграничное взаимодействие ощущалось вполне легитимным, хотя не всегда легальным деянием. К концу 90-х гг. на Дальнем Востоке сложилась устойчивая торговля древесиной, речными и морскими биоресурсами; появился теневой оборот продукции горно-обогатительных комбинатов и приисков. В этот раз население региона выжило. Люди разного социального статуса «кинулись» в новые сферы деятельности⁴. Именно в этот период криминальные «крыши», а потом госструктуры, приватизировавшие силовой ресурс, взяли на себя «производство порядка», вполне успешно структурировавшего местное сообщество и обслуживавшего его деятельность. Эти сферы были серыми, или теневыми. Но другие в тот момент были невозможны. В них оказалось задействовано экономически активное население, именно оно кормило всех, в том числе и тех, кто не был связан с теневым экспортом, ведь именно там оказался платежеспособный спрос на образование, науку, искусство и строительство. Показательно, что в 1990-х гг. в регионе начался образовательный бум, создавались частные вузы, почти в два раза увеличилось число студентов. В этот период в крупнейших городах региона создавалось невидимое из Москвы, но достаточно эффективное экономическое пространство, плотно интегрированное в экономику АТР.

Лидеры теневой экономики сделали ее основой легальной экономической жизни региона. Интеграция Дальнего Востока в глобальную экономику после кризиса 1998 г. и последующего укрупнения хозяйствующих субъектов стала постепенно приобретать институциональные очертания.

Очередные радикальные изменения в регионе были связаны с увеличением цен на энергоносители и построением вертикали власти. Дальневосточники на деятельность власти относительно сворачивания автомобильного и челночного бизнеса ответили митингами и забастовками. Силовое преследование нарушителей, теневиков не было особенно активным, так как силовики были местными и понимали ситуацию. Постепенно давление из центра набирало обороты. Для федерального центра было важно, чтобы теневое общество, теневая экономика и «понятия» не заменили официальную власть. Однако разрушив серые схемы, государство не предложило ничего нового, кроме карательных мер по отношению к криминалу и некоторым коррупционным чиновникам.

В этот же период медийные каналы Приморского края широко транслировали и внедряли в сознание людей образ нового демократического героя. Его фигура была стержневым элементом политического процесса демократического общества. Идеализированному герою приписывались качества, которые отмечались как положительные в установленном им культе, обряде инициаций. Например, администрацию Владивостока с середины 2004 г. по март 2007 г. официально возглавлял лидер ОПГ, ранее судимый, но амнистированный. Позже он снова был судим за должностные преступления в статусе мэра приморской столицы. Парадокс ситуации заключался в том, что часть каналов принадлежала представителям коррупционно-криминальных структур. Так было положено начало информационным войнам, которые привели к разрушению системы краевых СМИ. Нездоровая экономическая и общественно-политическая обстановка в крае способствовала оттоку граждан.

В сентябре 2008 г. Президент РФ Д. А. Медведев своим указом упразднил УБОП, преобразовав их в центры госзащиты и борьбы с экстремизмом. Но преступлений экстремистского характера в стране совершается примерно в сто раз (!) меньше, чем преступлений, относимых к ОПГ и

ОПС (организованным преступным группам и сообществам). Это примерно 60—70 против 6—7 тыс. в год. Но реформы требовали жертв, и УБОП ими стали.

Существуют ли варианты для решения дальневосточной проблемы? Местные виды хозяйственной активности на Дальнем Востоке перекрыты, поэтому вариантов для устойчивого развития немного. Один из них — ориентация экономики региона на Москву, которая требует фундаментальных сдвигов в финансировании, улучшении авиа- и железнодорожного транспорта. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо создание для региона особых правовых условий. Кроме того, требуется обеспечение возможности выхода региона на АТР. Эти меры позволят стабилизировать экономическую обстановку на Дальнем Востоке и покончить с коррупционно-криминальными структурами.

Таким образом, доминированию криминальной проблематики, ее внедрению в психологию широких слоев российского общества с соответствующими имиджевыми составляющими (татуировка, тюремный жаргон и шансон, наркотики) способствовали медийные каналы. Некоторая часть криминальных героев в регионе добилась того, что попала во властные структуры и реализовала себя в них. Образ криминального героя стал ключевым в СМИ, литературе, культуре. Его, бандита, любили, ему подражали, им мечтали стать. Подобная героизация породила деперсонификацию, универсализацию мышления, тотализацию личности. Эти качества способствуют не столько реализации определенной идеологической программы, сколько захвату власти и установлению тотального контроля над массами. Беспокойство в отношении криминальной власти вызывает не только их особая жестокость, но и то, что за их политикой стоит совершенно новое и беспрецедентное понимание власти.

В Приморском крае только несколько изданий каким-то образом противостоят натиску криминально-чиновничьих структур. Это газеты «Арсеньевские вести», «Дальневосточные ведомости», «Народное вече», «Тихоокеанский комсомолец».

Новейшая история России показывает, что в сознании граждан прочно укоренились понятия «лучше быть авантюристом, чем тружеником», «богатство проще не заработать, а украсть». Последние годы щедрны на «преступления века».

Криминал ставит рекорды в ограблениях банков, нападениях на инкассаторов. Широко транслируемая медийными каналами криминальная «романтика» перевесила веру в закон. Для того чтобы изменить эту ситуацию, остановить криминал, коррупцию и разрушение государства, целесообразно на основе отечественного и зарубежного опыта осуществить структурную реформу экономики с учетом специфических особенностей регионов.

Благоприятную среду для действий криминала создает коррупция, поразившая российские государственные структуры. Об этом неоднократно говорили Президент РФ Д. А. Медведев и премьер В. В. Путин. Преступник платежеспособен, он может получить гражданство или регистрацию, купить любой документ, а также взрывчатку и оружие, получить доступ, куда и к чему угодно, откупиться в случае какого-то правонарушения. Мздоимство и кровопролитие, коррупция и терроризм идут рука об руку.

Правоохранительные органы и спецслужбы необходимо переориентировать с подавления политического недовольства, охраны крупной частной собственности и жизни ее владельцев на выполнение задач по обеспечению безопасности граждан и государства, борьбе с терроризмом, организованной преступностью и опасными преступниками. Эти и другие решительные действия, должны быть предприняты не только против криминала, но и против условий, его порождающих. Они крайне важны для восстановления доверия к государству, нормализации жизни в России, возвращения от разрушительных «либеральных» реформ к здравому смыслу, модернизации страны на социальной основе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юнг К.Г. Человек и его символы. СПб., 1997. С. 109.

² Почепцов Г. Тоталитарный человек. Киев: Глобус, 1994. С. 78.

³ См.: Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REEL book, 1994. С. 274.

⁴ См.: Бляхер Л.Е., Васильева Л.А. Дальний Восток России в режиме консервации: между «глобальной экономикой» и «государственной опекой» // Полития. 2009. № 2. С. 60—71; Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С. 28—39.

Поступила 11.08.11.

М. В. АВЕРЬЯНОВА **ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ СТРАХОВОГО
РЫНКА РЕГИОНА**

Ключевые слова: страхование, страховой рынок, страховые премии, плотность страхования, глубина страхового рынка

Key words: insurance, insurance market, insurance bonuses, insurance density, insurance market depth

Важная роль страхового рынка в создании условий устойчивого функционирования региональной экономики предопределяет повышенное внимание к территориальным аспектам его развития. Основой страхового бизнеса является человек и его потребность в страховой защите, причем эта потребность тесно связана с региональными особенностями его проживания. Поэтому без эффективной системы регионального страхования не может быть и российского страхования в целом.

Особенностью российской экономики является исключительно сильная региональная асимметрия, проявляющаяся в диспропорциях развития различных территорий. Необходимо отметить, что региональные вопросы страхования в России практически не исследованы. Более распространены исследования региональных процессов в сфере государственных и муниципальных финансов, банковской деятельности, налоговой и экономической политики. Вместе с тем их изучение является необходимым по ряду причин. Во-первых, по мере развития национального рынка повышается экономическая самостоятельность регионов. Становится иной их роль в экономическом развитии страны, меняется соотношение темпов развития, а также формируется финансовая система, где важную роль должно играть страхование. Во-вторых, в силу естественных различий (природно-климатические условия, половозрастной состав населения, культура и традиции, соотношение городского и сельского населения и т. д.) в каждом регионе формируется своя структура страховых рисков и, соответственно, видов страхования¹. В-третьих,

АВЕРЬЯНОВА Марина Викторовна, аспирант кафедры налогов и налогообложения Мордовского государственного университета.

страховые рынки регионов различаются в зависимости от экономического развития регионов. В промышленно развитых районах более актуальны такие отрасли страхования, как имущественное страхование ответственности. В то же время в регионах, которые отмечены реструктуризацией отраслей, закрываются предприятия, происходит спад производства, особенно актуально страхование финансовых рисков. В-четвертых, страховые организации региона аккумулируют значительные средства, которые при соответствующем регулировании со стороны местных органов власти могут быть инвестированы в экономику региона, а не за его пределами.

Несмотря на то что страховой рынок — это весьма динамично развивающаяся система, в Российской Федерации региональная составляющая не относится к эффективным финансовым инструментам². Прежде всего это связано со значительным отставанием страхования в регионах, отсутствием правовых, экономических, социальных, институциональных и других предпосылок к активному росту страховой деятельности.

Следует отметить, что рынок страховых услуг большинства субъектов РФ существенно отличается от страхового рынка столицы и городов — мегаполисов России. Если в последних можно реально ощутить результаты конкуренции между страховщиками, то в субъектах РФ большую долю страхового рынка, как правило, занимают две-три компании. По данным Федеральной службы страхового надзора на территории Республики Мордовия на 1 января 2011 г. действуют 46 филиалов иногородних страховых организаций. При этом отсутствуют региональные страховые организации, зарегистрированные в качестве самостоятельных юридических лиц³.

Современное состояние страхового рынка Мордовии можно оценить по показателям собранной страховой премии (табл. 1)⁴. Анализируя данные таблицы, можно сказать, что рынок страхования региона до начала кризисных явлений в экономике имел стабильные темпы роста. В частности, с 2006 по 2008 г. объем рынка увеличился в полтора раза, а темп прироста составил 57,7 %, или 464 469 тыс. руб.

Мировой финансовый кризис привел в 2009 г. к сокращению совокупного объема рынка страхования на 1,8 % и составил (без учета премии по обязательному медицинско-

му страхованию) 1 247 951 тыс. руб. Однако уже в 2010 г. страховой рынок характеризуют положительные тенденции, за исключением страхования ОСАГО, где темп роста имеет отрицательное значение. По итогам 2010 г. страховые компании, осуществляющие свою деятельность на территории республики, собрали 1 338 714 тыс. руб. по прямому страхованию (без ОМС), что на 7,27 %, или на 100 986 тыс. руб., больше, чем за предыдущий год.

Крупнейшими сегментами регионального страхового рынка Мордовии по-прежнему остаются имущественное страхование (кроме страхования ответственности — 63,6 % премий); страхование гражданской ответственности владельцев автотранспортных средств (18,2 %); личное страхование, за исключением страхования жизни (12,3 %).

Таким образом, анализ динамики показателей страховых премий в целом и по отдельным видам страхования показывает положительные тенденции. Однако уменьшается число страховщиков на региональном рынке страховых услуг (в 2006 г. — 62 страховщика, в 2010 г. — 46). С другой стороны, нельзя забывать о том, что на страховом рынке Мордовии отсутствуют региональные страховые организации.

Наиболее популярными страховыми компаниями по оказанию страховых услуг в республике являются филиал ООО «Росгосстрах» в Республике Мордовия (50,2 % собранных премий в 2010 г.), «УралСиб» (8,8 %), СГ «Ренессанс страхование» (4,2 %), ООО «Росгосстрах-Жизнь» (3,5 %), ООО «Альфастрахование» (3,4 %)⁵. Следует отметить, что региональный рынок страховых услуг сильно монополизирован. На долю пяти компаний приходится более 70 % совокупных страховых платежей.

Наша оценка общего уровня развития страхования в Мордовии основывается на международной и российской практике оценки страховой сферы. Для расчетов взят объем премий только по рыночным видам страхования (РВС) (личное, имущественное, ОСАГО). В процессе анализа используем показатели⁶ глубины страхового рынка или уровня проникновения страхования (отношение собранной страховой премии по рыночным видам страхования к ВРП), плотности страхования (величина страховой премии, собранной по рыночным видам страхования, в расчете на душу населения).

Таблица 1
Динамика показателей объема страховых премий по видам страхования на страховом рынке Республики Мордовия, кроме ОМС

Вид страхования	2006 г.		2007 г.		2008 г.		2009 г.		2010 г.						
	Сумма, тыс. руб.	Уд. вес, %	Темп роста, %	Сумма, тыс. руб.	Уд. вес, %	Темп роста, %	Сумма, тыс. руб.	Уд. вес, %	Темп роста, %	Сумма, тыс. руб.	Уд. вес, %				
Страхование жизни	43239	5,36	0,00	62142	6,33	143,27	51335	4,04	82,61	49105	3,94	95,66	49255	3,68	100,31
Личное страхование	79775	9,9	0,00	119485	12,18	149,78	155492	12,24	130,14	132558	10,62	85,25	142579	10,65	107,56
Имущественное страхование	493789	61,23	0,00	590914	60,23	119,67	810423	63,77	137,154	746566	59,83	92,12	823570	61,52	110,31
Страхование ответственности	9823	1,22	0,00	8658	0,88	88,14	21366	1,68	246,78	25214	2,02	118,01	30933	2,31	122,68
Личное страхование пассажиров, военнослужащих	1262	0,15	0,00	1234	0,13	97,78	1319	0,1	106,89	1182	0,09	89,61	6863	0,51	580,62
ОСАГО	178533	22,14	0,00	198654	20,25	111,27	230935	18,17	116,25	293326	23,51	127,02	285514	21,33	97,33
Итого	806421	100	0,00	981087	100	121,66	1270870	100	129,54	1247951	100	98,21	1338714	100	107,27

В табл. 2 приведены данные по глубине и плотности страхования по Республике Мордовия. Последнее отношение в определенной степени отражает степень зрелости страхового рынка⁷.

Таблица 2

Динамика показателей глубины страхового рынка и плотности страхования в Республике Мордовия

Год	Отношение страховых премий по РВС к ВВП (ВРП), %		Отношение страховых премий по РВС к численности населения, тыс. руб.		Отношение страховых премий по РВС к совокупному объему страховых премий, %	
	РМ	РФ	РМ	РФ	РМ	РФ
2006	1,30	1,37	0,88	2,581	73,31	61,22
2007	1,18	1,29	1,07	3,026	46,16	56,36
2008	1,27	1,22	1,42	3,542	42,01	53,17
2009	1,26	1,20	1,41	3,272	43,26	47,51
2010	1,31	1,12	1,51	3,571	42,48	48,00

Согласно расчетам, Мордовия является регионом с низким уровнем развития страхового рынка. Об этом свидетельствует невысокий показатель отношения премий по рыночным видам страхования к ВРП. При этом и размер премий на душу населения остается в 1,5 раза ниже, чем в среднем по России. Доля премий по РВС (42,5 %) в совокупных премиях свидетельствует о ненасыщенности рынка в данных видах услуг и о том, что формирование рынка происходит преимущественно за счет обязательных видов страхования.

Необходимо выделить ряд основных факторов, влияющих на развитие страхового рынка региона: низкий платежеспособный спрос населения и организаций РМ на страховые услуги; недостаточный опыт в использовании страховых услуг; низкую страховую культуру населения; неразвитую инфраструктуру страхового рынка; отсутствие региональных страховщиков на рынке страховых услуг РМ.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить положительные и отрицательные аспекты в развитии регионального страхового рынка. Кроме того, негативной особенностью регионального страхового рынка является высокая степень его монополизации при отсутствии местных страховых организаций. Поэтому крайне острой остается проблема инвестирования страховых резервов и собственных средств

страховщиков в экономику региона. Филиалы крупных российских страховых компаний, как правило, осуществляют только сбор страховых премий на территории региона, которые почти полностью «уходят» в свои основные регионы⁸.

Кроме того, действующая система налогообложения страховых организаций создает экономическую несправедливость в распределении средств между федеральным центром и регионами. Это обусловлено тем, что уплата налога на прибыль в настоящее время осуществляется по месту расположения головной организации, а основная часть страховых взносов собирается именно в региональных филиалах.

В связи с этим развитие регионального рынка страховых услуг невозможно без увеличения благосостояния населения региона; расширения ассортимента страховых услуг, представленных на региональном страховом рынке; развития форм реализации страховых услуг на региональном потребительском рынке; совершенствования механизма налогообложения страховых организаций; создания региональных страховых компаний.

Реализация вышеперечисленного комплекса мероприятий позволит перейти на более качественный уровень развития регионального страхового рынка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Косолапова К.В. Развитие и регулирование регионального потребительского рынка страховых услуг // Финансы и кредит. 2008. № 5. С. 20.

² См.: Марчук А.П. Тенденции развития страхового рынка в современной России // Страховое дело. 2009. № 1. С. 16.

³ См.: Официальный сайт Федеральной службы страхового надзора. URL: <http://www.fssn.ru> (дата обращения: 25.03.2011).

⁴ Там же.

⁵ См.: Анализ страхового рынка. URL: <http://ins-info.ru> (дата обращения: 20.03.2011).

⁶ Там же.

⁷ См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 26.03.2011).

⁸ См.: Прокопьева Е.Л. Основные тенденции развития страхового рынка и факторы, влияющие на него // Страховое дело. 2010. № 7. С. 10—15.

Поступила 11.04.11.

В. И. ДОБРЫНИНА, А. С. ЛЯХОВЕЦ
**СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩНОЕ
 СТРОИТЕЛЬСТВО И ЕГО
 ОСОБЕННОСТИ В МОСКВЕ
 И ПОДМОСКОВЬЕ**

Ключевые слова: малоквартирные постройки, индустриальное многоэтажное строительство, экономкласс, реальные депривации

Key words: low-rise buildings, high-rise construction, economy class, real deprivations

Анализ процессов современности выявляет очевидную тенденцию нарастания темпов и форм урбанизационных процессов по странам и континентам. Согласно официальным данным ООН, опубликованным в 2010 г., половина всего населения Земли живет в городах, численность городского населения в мире постоянно увеличивается, особенно за счет увеличения численности населения мегаполисов и крупных городских агломераций. Для них характерно увеличение численности внутренних и внешних мигрантов в населении крупных городов; усиление девиантного и делинквентного поведения горожан; обострение социальных различий внутри населения городов, которое проявляется в районах расселения самых богатых и самых бедных горожан; возникновение и развитие конфликтов между разными группами горожан.

Увеличение численности населения мегаполисов является социальным индикатором, показывающим сравнительно невысокий уровень материального достатка большинства населения стран, а потому и тяготение внутренних мигрантов к большим городам, где проще найти, если не работу, то какие-то другие формы заработка, обеспечивающие мигранта и его семью. Неизбежным атрибутом мегаполисов становятся кварталы трущоб — прибежище только что прибывших в город мигрантов. Это места, где криминал рекрутирует но-

ДОБРЫНИНА Валентина Ивановна, профессор кафедры гуманитарных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук.

ЛЯХОВЕЦ Анна Семеновна, доцент кафедры социальной работы Российского государственного социального университета, кандидат социологических наук.

вичков, мотивируя их последующее поведение реализацией мечты о богатой и безбедной жизни, чаще всего завершающейся тюрьмой или смертью от случайной пули.

Современная Европа отличается от стран Азии, Африки и Латинской Америки отсутствием мегаполисов, население которых составляют десятки миллионов жителей.

Традиционный для России экстенсивный путь развития себя полностью исчерпал. Возникает новая структура экономики, основанная на институте частной собственности и предпринимательской деятельности, которая должна будет доказать свою эффективность в процессе перехода к модели интенсивного развития экономики. Это предполагает переориентацию бюджетных средств и государственных обязательств на социальную поддержку возрастных групп населения, обеспечивающих модернизацию традиционной производственной инфраструктуры.

Существенно значимой проблемой большинства городов России, в том числе и малых городов Подмосковья, является их обветшавшее жилищно-коммунальное хозяйство, находящееся в основном ниже всякой критики, не говоря об удовлетворении потребностей и интересов граждан в жилье, отвечающем представлениям об уровне современного комфортабельного жилья. Принудительная приватизация городского, ведомственного и муниципального жилья, осуществленная в свое время многими горожанами, гарантий по улучшению жилищных условий не дает, но плата за жилье в приватизированных квартирах, как и расценки за коммунальные услуги, ежегодно увеличивается.

Наиболее бурными темпами жилищное строительство стало развиваться в Москве, которая потрясла страну ценами за квадратный метр. Происходивший в Москве и Подмосковье бум городского строительства обеспечил массовую застройку резервных и пригородных территорий и существенно обогатил ряд строительных компаний. Однако этот бум не сопровождался адекватным развитием городской инфраструктуры, а нередко в рамках «точечной» застройки приводил к существенному ухудшению экологической и санитарно-гигиенической обстановки жилых кварталов и территорий. В погоне за прибылью застройщики «забывали» об отсутствии в новых жилых массивах дорог, канализации, централизованного электро- и газоснабжения, т. е. всего

того, без чего нельзя считать жилье в новом доме соответствующим современным представлениям о комфорте и высокой экологической культуре.

В настоящее время на рынке жилищного строительства Московской области происходит стремительное увеличение объема предложений новостроек, особенно на юго-западе и востоке области, в 30-километровой зоне от МКАД. Инвестиционный процесс в столице заторможен, и Московская область стала своего рода инвестиционной отдушиной для многих строительных компаний и домостроительных комбинатов. Третьим заинтересованным лицом становятся крупные землевладельцы, современные подмосковные ленд-лорды, которые вместе со строителями начинают застройку бывших совхозных полей жилыми массивами экономкласса, что существенно расширило круг потенциальных покупателей жилья в нижнем ценовом секторе, ориентированном на однокомнатные и небольшие двухкомнатные квартиры с отделкой¹.

Специалисты по проблемам жилья не руководствуются мифологемами и сенсациями, преподносимыми СМИ. Они знают, что на долю проектов, связанных со сносом и комплексной реконструкцией жилых кварталов в Москве, приходилось всего около 10 % оборота стройкомплекса, а остальной и поистине гигантский объем работ выполнялся на свободных площадках и пресловутых «точечных» застройках, где, как правило, возводились дома отнюдь не экономкласса.

Новый мэр Москвы предлагает существенно изменить порядок получения москвичами новой жилплощади при сносе их домов, что существенно изменит положение на рынке жилья в Москве. Ни для кого не секрет, что многим москвичам, не относящимся к новым русским и преуспевающим иногородним жителям, будет предложено переехать в Московскую область или купить необходимые им дополнительные метры за свой счет, частично — за счет бюджетных субсидий или льготных ипотек. По мнению специалистов, эти мероприятия негативно отразятся на инвестициях в московском строительстве и обострят дефицит малогабаритного жилья экономкласса, что, как положено в рыночном обществе, скажется на росте цен на рынке новостроек².

Массовое строительство в Подмосковье делает привлекательным покупку нового жилья в Подмосковье людям с московской пропиской. Сам по себе этот шаг-переезд в лучшие жилищные условия в какой-либо малый город Московской области в условиях неразвитой социальной инфраструктуры не так прост и легко решаем, как кажется специалистам, лоббирующим индустриальное жилищное строительство.

Существующая в Московской области социальная инфраструктура, как и в большинстве других областей, работает на пределе возможностей, и создание огромных новых жилых массивов потребует (от области или от Москвы) больших вложений в детские сады, школы, поликлиники, культурные и спортивные сооружения. Московской области необходимы не только хорошие дороги, но и грамотные развязки транспортных узлов и эстакады, выезды на МКАД и главные общероссийские автомагистрали, расположенные по всей Московской области.

Исторический опыт России показывает, как благие намерения проектировщиков и архитекторов под гнетом удешевления строительства становились недостижимыми социальными утопиями, борьбой с «излишествами» и в угоду темпам ввода новостроек в эксплуатацию. Жители современной Москвы в полной мере ощутили, что деятельность строительных компаний, их прибыли и интересы на протяжении многих лет интересовали старые московские власти существенно больше, чем интересы жителей столицы. Доказывают это проводимые по инициативе московских властей мощные интервенции на жилищный рынок столицы, особенно после того, как была отменена прописка, а жителем столицы мог стать любой материально обеспеченный человек.

В начале перестройки это обуславливает мощное индустриальное строительство многоэтажных домов на окраинах Москвы, где покупали квартиры достаточно обеспеченные иногородние граждане, а не москвичи. Следует отметить, что эта категория жителей столицы была счастлива, став москвичами, и большая часть из них пополнила ряды множества новых организаций и учреждений и достаточно успешно реализовала становление рынка и новых, преимущественно коммерциализированных, общественных отношений во всех сферах столичной жизни.

Не менее значимой по своим социокультурным последствиям была кампания точечной застройки обжитых московских кварталов. Туда, а не на окраины Москвы, въезжали преимущественно те горожане, которые представляли российское чиновничество, численность которого все увеличивалась, а коррупционные связи крепчали. Одновременно с этим началось выселение москвичей из центра города под лозунгом расселения коммунальных квартир. Старый Арбат и Остоженка, Тверская и Бульварное кольцо стали местом проживания богатых, т. е. тех, кто в состоянии заплатить 50—100 и более тыс. евро за квадратный метр квартиры общей площадью свыше 180 м²!

Сегодня в Москве есть примерно 50 тыс. новых невостребованных квартир. Они, с одной стороны, недоступны по цене рядовым москвичам, желающим улучшить свои жилищные условия, с другой — непривлекательны для более «солидных» клиентов. Для более состоятельных горожан осуществляется не только планирование замкнутых кварталов, но уже реализуется строительство частных камерных жилых кварталов в Москве («Алые паруса», «Садовые кварталы», «Золотые ключи» и пр.). Такое строительство ориентировано даже не на бизнес-класс, а на людей с более высокими доходами³.

Вместе с тем Москва, хотя и является городом, в котором живет больше всего миллиардеров в мире, но в своем большинстве состоит из миллионов жителей среднего достатка. Вот для этих москвичей, которые не в состоянии не только купить квартиру в новостройке, но и обременить себя ипотекой, и затеяли городские и областные власти индустриальное многоэтажное строительство в Подмосковье. Иными словами, для многих небогатых москвичей даже квартиры экономкласса недоступны, и родной город не гарантирует им безбедную жизнь.

Неоднократно «озвученный» переезд (пока еще по желанию московских жителей) в областные центры ЦФО (Тверь, Ярославль, Рязань) проблемы не решает. Плата за коммунальные услуги и жилплощадь в этих городах выше, чем в неприватизированных квартирах в Москве, не говоря уж обо всех трудностях и немалых расходах в связи с переездом.

Большое число одиноких москвичей старшего возраста не дает покоя многим, и назойливая реклама постоянно

напоминает им, что можно заранее отдать свою квартиру городу, и вот тут-то начнется замечательная новая жизнь одинокого старика! На деле, попадая в новые районы и дома, старшие поколения оказываются «вырванными» из привычного социокультурного окружения, что не способствует росту их жизненной активности и укреплению здоровья.

Нельзя не отметить и созданных по инициативе прежнего руководства столицы коттеджных поселков для многодетных семей, которые, по мысли Ю. М. Лужкова, должны были сдаваться семьям на некоторое время, пока дети не подрастут, что вызвало бурю негодования. В целом жилищное строительство в Москве оказалось очень прибыльным делом. Однако, рано или поздно, под влиянием удовлетворенного спроса или отсутствия необходимых средств, а также вмешательства нового мэра жилищное строительство в Москве почти прекращено, а специалисты по кредитной активности на жилищном рынке в Москве отмечают, что при нынешнем соотношении процентных ставок по ипотеке покупка жилья с привлечением кредита является недоступной для большинства населения, следовательно, спрос на ипотеку останется низким. Естественно, ипотека востребована лишь в нижнем ценовом сегменте рынка. Чаще всего это квартира площадью 52—54 м² в панельном доме стоимостью 6,1 млн руб. (при сумме кредита 3,29 млн руб.). Другими словами, усиленно пропагандируемая СМИ ипотечное кредитование стоит на месте, а арендаторов жилья в Москве становится все больше, несмотря на то что Москва заняла второе место среди мировых столиц по уровню арендной платы за жилье.

В малых городах Подмосковья до перестройки никогда не было широкого жилищного строительства, и его начало ознаменовалось многочисленными уголовными делами и процессами обманутых вкладчиков, которые были весьма характерны для Московской области в последнее десятилетие. Однако жилищное строительство в Московской области осуществляется разными силами и способами. Например, значительное число жителей подмосковных индивидуальных домов за эти годы обновило свои жилища: был сделан ремонт, появилась современная сантехника и пр. Это касается в первую очередь жилищ экономкласса, к которому относится большинство жителей Московской области.

Однако некоторые наиболее предприимчивые граждане на своих участках построили трехэтажные многоквартирные дома с малогабаритными квартирами по привлекательной цене (1—2 млн руб. за малогабаритку в ближайшем Подмосковье). Один из таких домов, рассчитанный на 55 малогабаритных квартир, был недавно снесен по решению суда г. Одинцово в связи с тем, что он был построен на земле с видом разрешенного использования «под индивидуальное жилищное строительство». За последние 2—3 года в Подмосковье было продано от 3 до 5 тыс. подобных квартир в завершённых малогабаритных проектах, аналогичных снесённому в Одинцово. Характерно, что такой формат строительства и эта форма недвижимости в течение ряда лет активно развивались и процветали.

Санкции со стороны местных властей в отношении таких домов, на наш взгляд, вызваны обострением конкуренции в жилищном строительстве. Местные власти расчищают земельные площади под индустриальную застройку типовых многоэтажных домов, которые, хотя морально устарели, но приносят неплохой доход. Появление частных малоэтажных, но многоквартирных домов серьезно озатило губернатора области Б. В. Громова. Была создана комиссия по самострою, которой поручено разобраться с фактами незаконного строительства. Специалисты журнала «Эксперт» отмечают, что «снос незаконно построенных многоквартирных домов в Подмосковье создает опасный прецедент и отвлекает от фундаментальных проблем, позволяющих чиновникам и застройщикам уродовать наши города»⁴. Оппоненты указывают на то, что строительство таких домов является нарушением нового Градостроительного кодекса, который позволяет собственникам земли, выделенной под индивидуальное жилое строительство, строить на них дома до трех этажей площадью не более 1,5 тыс. м², но не многоквартирные, а индивидуальные.

Однако у большинства подмосковных городов и сел никогда не было утвержденной градостроительной документации, утвержденных директив по этажности, плотности застройки и другим позициям. Созданные в 2010 г. региональные нормативы градостроительного проектирования существенно ограничивали аппетиты инвесторов, однако волевым решением губернатора области главные нормативные параметры

последующего жилищного строительства в подмосковных городах, определенные совместными усилиями ряда НИИ и организаций Московской области, были сняты, и осталось всего два вида разрешенного пользования — мало- и многоэтажное строительство, которые можно трактовать как угодно.

Это делается с целью обеспечить в подмосковных городах высококачественную индустриальную многоэтажную застройку на землях сельских поселений, бывших колхозных полях и пашнях. Для этого близлежащие деревни включают в состав городов, увеличивая тем самым их площади, и осуществляют другие, не менее значимые, манипуляции с дорогой подмосковной землей.

Расселение на землях Подмосковья десятков и сотен тысяч москвичей, относящихся к экономклассу, поставит перед местными властями множество новых проблем, связанных с видимым противостоянием или реальной депривацией населения на данной территории. Кроме того, это потребует существенной перепланировки всех сфер жизни подмосковных городов, которые в связи с мощным жилищным строительством потеряют свою индивидуальность и трансформируются в одну из многочисленных, а потому обезличенных частей современного беспланомерно разросшегося мегаполиса Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ступин И. Девелоперы наступают на Подмосковье // Эксперт. 2011. № 7. С. 24—25.

² Занимайте очередь! // Там же. № 8. С. 88.

³ Ступин И. Девелоперы наступают на Подмосковье. С. 24—26.

⁴ Эксперт. 2011. № 10. С. 3.

Поступила 04.04.11.

К. Ю. ЛАШМАНКИНА

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИСТСКОГО КОМПЛЕКСА

Ключевые слова: экономика, модернизация, регион, рынок туристских услуг, туристская фирма, конкуренция

Key words: economics, modernisation, region, tourist services market, tourist company, competition

В соответствии с избранным государством инновационным путем развития¹ модернизация является движущей силой на средне- и долгосрочную перспективу. Это касается всех сфер деятельности, в том числе развития сферы услуг. По данным Всемирной туристской организации (ВТО), на долю туристских услуг приходится около 10 % мирового валового продукта². В Республике Мордовия эта доля существенно ниже: она составляет лишь 1,6 % ВРП³.

Проведенное исследование рынка туристских услуг в Мордовии выявило ряд существенных барьеров для развития рынка туристских услуг в регионе, тормозящих его модернизацию (таблица).

В соответствии с выявленными барьерами приоритетные направления модернизации рынка туристских услуг в регионе включают:

— модернизацию инфраструктуры туристской сферы (гостиничный и ресторанный бизнес, торговля и общественное питание, транспорт и т. д.). Для этого необходима полная инвентаризация всех туристских объектов, а также достоверная информация о современном состоянии туристской инфраструктуры. Это предполагает разработку и содержание электронного кадастра туристских территорий, этнокультурных и спортивно-массовых объектов, а также других объектов туристской инфраструктуры;

ЛАШМАНКИНА Ксения Юрьевна, аспирант кафедры экономики и логики Мордовского государственного университета.

— внедрение инноваций в сфере туристских услуг. Важным элементом модернизации рынка туристских услуг в регионе является его инновационный потенциал, определяющий уровень значимости для социально-экономического развития регионального туризма.

Таблица

Барьеры для развития рынка туристских услуг,
тормозящие его модернизацию

Наименование	Содержание
Инфраструктурные	Отсутствие гостиниц международного уровня; недостаточное развитие ресторанно-гостиничного бизнеса, современных форматов торговли и общественного питания, индустрии «свободного времени»; проблемы транспортной инфраструктуры
Информационные	Отсутствие необходимой информации о туристских и экскурсионных маршрутах, достопримечательностях, объектах туристско-экскурсионного показа и развлечениях, средствах размещения и др.
Инвестиционные	Проблемы, связанные с землеотведением и покупкой объектов недвижимости
Инновационные	Отсутствие мотивации для внедрения новых технологий в туристско-экскурсионную деятельность
Маркетинговые	Отсутствие официального интернет-сайта по туризму, страницы РМ в расширенном интернет-портале Федерального агентства по туризму
Кадровые	Недостаток квалифицированных кадров, особенно в сфере туристско-экскурсионного обслуживания и ресторанно-гостиничного бизнеса
Сервисные (экскурсионный и туристский сервис)	Отсутствие системы контроля за качеством проведения экскурсий; ликвидация системы аттестации и аккредитации экскурсоводов; недостаточное количество мест для прогулок туристов и экскурсантов, отвечающих требованиям качества и комфортности

Критериями оценки инновационного потенциала программно-целевого управления туризмом могут быть создание и ввод в действие новых объектов, производств индустрии туризма на базе прогрессивных технологий; проведение комплексных исследований по повышению эффективности деятельности туристских предприятий на основе современных информационных технологий, автоматизированных систем управления различного назначения; разработка и внедрение в производство технологических процессов, обеспечивающих

развитие малоотходных способов производства; комплексное использование сырья, материалов и улучшение качества продукции; снижение энергопотребления на основе использования нетрадиционных источников; создание и внедрение методов и средств, обеспечивающих рациональное использование природных ресурсов, охрану окружающей среды от загрязнений; выпуск ранее созданных прогрессивных туристских продуктов; разработка маршрутов и внедрение технологических процессов в масштабах, необходимых для достижения целей программы; опытно-промышленная отработка принципиально новых видов техники и технологических процессов, не имеющих аналогов.

В развитии туристской сферы региона существенное место начинает занимать предпринимательская инициатива. Под предпринимательством в сфере туризма понимается деятельность, направленная на развитие инициативы по созданию объектов и мероприятий туристской привлекательности. Формы осуществления предпринимательской деятельности могут быть различными, в том числе индивидуальное частное предпринимательство, создание обществ, привлечение финансово-промышленных групп, холдингов и компаний, в соответствии с масштабом, направлением и сферой реализации программных мероприятий. Предпринимательство в туристской сфере включает множество направлений, среди которых можно выделить создание туристских предприятий (турагентства и туроператоры), экскурсионное обслуживание, гостиничный бизнес, ресторанный бизнес, сферу досуга и развлечений, транспортное обеспечение туристских потоков, изготовление и продажа сувениров, организацию спортивных мероприятий, оказание лечебно-оздоровительных услуг и т. д.

По масштабам инвестиционных и трудовых затрат, направлениям развития инвестиционной инициативы субъекты предпринимательства в туризме можно объединить в следующие группы:

— местное население и частные предприниматели, занятые при постоянном туристском потоке продажей сувениров собственного производства, блюд собственного приготовления и продуктов питания из своего огорода и приусадебного хозяйства;

— предприятия, инвестирующие средства на создание баз отдыха, предприятий питания высокого уровня (кафе,

рестораны), местных санаторно-курортных учреждений, трансфера туристов, анимационные услуги (водные, конные, велосипедные и другие маршруты, концерты, представления, спортивные соревнования и т. д.);

— крупные предприятия сферы туризма с привлечением сильных финансово-промышленных групп, созданием структур по кооперации усилий различных предприятий, органов государственной и муниципальной власти.

Экономическая эффективность в сфере туристских услуг означает получение выигрыша (экономического эффекта) от организации туризма и туристского обслуживания населения региона, производственно-обслуживающей деятельности туристской фирмы. В условиях значительного сокращения занятости в реальном секторе экономики следует обратить внимание на использование местных ресурсов, которые могут обеспечить долговременные и рентабельные формы экономической деятельности.

Современный опыт создания инновационных структур показывает, что наиболее эффективной формой туристского менеджмента является проектная структура. С учетом этого в муниципальных программах развития туризма создаются проектные группы из представителей наиболее заинтересованных и компетентных в этой области физических и юридических лиц, некоммерческих организаций, государственных и муниципальных органов власти на временной основе для разработки, внедрения и реализации проекта. Главное достоинство бизнес-планирования заключается в том, что правильно составленный бизнес-план (инвестиционный проект) показывает перспективу развития туристской деятельности;

— *внедрение передовых информационных технологий в сферу туристского бизнеса* (организация регионального туристского информационного центра и интернет-портала, а также подготовка и издание переработанного каталога «Республика Мордовия. Туризм и отдых» на русском и английском языках);

— *разработку маркетинговой стратегии по формированию регионального туристского продукта* по двум направлениям: сохранение, укрепление, развитие и совершенствование существующего республиканского туристского предложения; формирование нового туристского продукта,

учитывающего мировой и внутренний туристский спрос и конкурентные преимущества туристского потенциала республики.

Обеспечение маркетинговой стратегии продвижения республиканского турпродукта на внутреннем и международном туристских рынках планируется осуществлять путем разработки и реализации рекламно-информационных и имиджевых мероприятий по популяризации внутреннего и въездного туризма, издания каталогов, буклетов, путеводителей и иной печатной продукции, включая участие в российских специализированных изданиях.

Особое значение имеет решение вопросов применения современных информационных технологий с использованием возможностей Республиканского туристского информационного центра, его филиалов и информационных бюро. Важна государственная поддержка в участии и проведении туристских выставок, ярмарок, фестивалей, презентаций, организации ознакомительных туров по республике для представителей российских и зарубежных СМИ; во взаимодействии с представительствами Мордовии в регионах России, ближнего и дальнего зарубежья, а также заграничными представительствами и посольскими клубами Российской Федерации;

— *модернизацию кадрового потенциала* (подготовка квалифицированных кадров в сфере туризма, особенно в сфере туристско-экскурсионного сервиса и ресторанно-гостиничного бизнеса). Подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов туристской индустрии обеспечиваются через создание системы непрерывного образования в республике по всем специальностям туристской индустрии на базе отраслевого образовательного стандарта, основанного на взаимодействии предприятий сферы туризма и профильных учебных заведений с использованием возможностей государственного заказа на подготовку специалистов по наиболее значимым и перспективным направлениям туристской деятельности;

— *модернизацию туристского и экскурсионного обслуживания* (возрождение и развитие системы аттестации и аккредитации экскурсоводов и других работников туристской сферы, обучение их иностранным языкам; организация системы контроля качества в сфере туристских услуг и ресторанно-гостиничного бизнеса и др.);

— *развитие конкуренции на рынке туристских услуг в регионе*. Исследование деятельности туристских фирм в РМ показало отсутствие реальной конкуренции: доля ООО МЦО «Юнион» на рынке туристских услуг составляет около 65 %, на долю туристического агентства ООО «Робинзон-Тур» приходится около 25 %, общая доля для остальных 12 агентств составляет около 10 %.

Таким образом, приоритетными направлениями модернизации регионального рынка туристского комплекса являются развитие специализированной инфраструктуры (гостиничных комплексов, объектов сферы развлечений, общественного питания и т. д.), общей инфраструктуры (усиление транспортной доступности новых зон отдыха и рекреации, продвижение предложений мордовских санаториев и баз отдыха на макрорегиональном рынке туристских услуг), офисной и выставочной недвижимости, общественного питания и сферы сервиса городов (локальных центров туризма), где расположены объекты культурно-исторического наследия; создание благоприятных условий для развития предпринимательства в сфере туристских услуг; организация современного туристского сервиса и форм его функционирования; привлечение инвесторов для строительства объектов особых туристско-рекреационных зон; распространение информации о Республике Мордовия как о привлекательном туристском регионе в Интернете; содействие повышению конкурентоспособности туристских услуг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горина А.П., Земскова Е.С. Инновационный путь экономического развития как эндогенный фактор восстановления глобальной экономики в посткризисный период // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2010. № 1. С. 364—367.

² См.: Гаврильчак И.П. Туризм как определяющий фактор модернизации экономики и стабилизации социальной обстановки в России. СПб., 2001. 261 с.

³ См.: Стратегия социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 года. Саранск, 2008. 100 с.

Поступила 06.09.11.

Н. Н. ГОВРЯКОВА

С. А. РЖАНОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Ключевые слова: финно-угорские народы, процессы демографического развития, депопуляция, ассимиляционные процессы, национальные языки
Key words: Finno-Ugric peoples, demographic development processes, depopulation, assimilation processes, national languages

Развитие финно-угорских народов является неразрывной частью эволюции цивилизации на протяжении нескольких столетий. По территории проживания они выходят далеко за границы России. Новейшие данные свидетельствуют, что носители финно-угорских языков живут на территории Европы уже почти 10 тысячелетий. По-видимому, в Восточной и Центральной Европе до так называемого «Великого переселения народов» звучала преимущественно финно-угорская речь.

Особый интерес вызывают процессы демографического развития финно-угорских народов в постсоциалистический

ГОВРЯКОВА Наталья Николаевна, доцент кафедры экономической теории Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

РЖАНОВА Светлана Александровна, профессор кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета, доктор культурологии.

период, когда в России происходили радикальные изменения в социально-экономической жизни. Финно-угорские народы по-своему стали вписываться в рыночные механизмы развития. Финны продолжили развивать постиндустриальное общество. Венгры, как и российские финно-угры, осваивали мудрости капиталистического рынка.

Последние 20 лет стали «обвальными» для демографической динамики российского народа, в том числе и для финно-угорских. Существенное снижение естественного воспроизводства населения России обусловило развитие двух неблагоприятных тенденций, связанных со снижением рождаемости и увеличением смертности. Эти тенденции в значительной степени характерны для финно-угорских народов. Именно это обстоятельство стало основанием для создания вокруг финно-угорских народов «политической шумихи» об их вымирании, ущемлении их экономических и политических интересов.

Финно-угорские (уральские) народы в России считаются национальным меньшинством, или малым национальным меньшинством. Их общее число в 1989 г. составляло 3 122 900 чел., в 2008 г. — 2 695 300 чел. В 1959 г. число представителей финно-угорских (и самодийских) народов составляло 2,5 % от общего числа населения РФ, в 2008 г. — только 1,9 %. Реформы и пересмотр границ региональных администраций без учета нужд национальных меньшинств все больше затрудняли их участие в политических процессах, развитие их языков и культуры.

Финно-угорские и самодийские народы в России сегодня живут в основном под управлением региональных правительств, предоставляющих им некоторую степень автономности. Более многочисленные группы (мордва, удмурты, мари, коми и карелы) живут в республиках, в то время как менее многочисленные (манси, ханты, ненцы) — в автономных округах. Остальные в лучшем случае имеют некое местное самоуправление, например, в местных сельских советах. За исключением коми-пермяков, все финно-угорские и самодийские народы являются национальным меньшинством на той территории (республика и автономный округ), на которой они проживают и которая названа их именем. В 20—30-е гг. XX в. мари, коми и удмурты были на своих территориях большинством.

Таблица

**Процент коренных жителей по отношению к общему числу населения
в их республиках или автономных округах**

Коренные жители	1926 г.	1989 г.	2008 г.
Карелы	—	10,0	9,2
Мордва (эрзя и мокша)	40,0	32,5	31,9
Мари	51,8	43,3	42,9
Коми	86,6	23,3	25,2
Удмурты	59,0	30,9	29,3
Ханты и манси	—	2,0	1,4
Ненцы (в Ненецком автономном округе)	—	11,9	10,0

Демографические потери финно-угорских народов имели место в течение XX в., но особенно катастрофические потери произошли за последние 10—15 лет. Финно-угорская группа уменьшилась на 480,3 тыс. чел., что составляет 17,7 % от их численности в 2002 г. Это связано со значительным уменьшением мордвы на 229,6 тыс. чел., удмуртов — на 78,1 тыс. чел., коми и коми-пермяков — на 64,4 тыс. чел., марийцев — на 39,7 тыс. чел. и карелов — на 31,7 тыс. чел. На эти народы приходится 92,3 % общих потерь от их численности. Лишь у манси, саамов и хантов шло увеличение численности, при этом у манси и саамов оно было в течение всего XX в.¹

Социально-экономические изменения рубежа XX—XXI вв. наиболее болезненно сказались на сельском населении страны. Разрушение экономической основы жизнедеятельности и социальной инфраструктуры села радикально изменило демографическое поведение сельских жителей. Социально-экономический и политический кризис обусловил беспрецедентный характер снижения рождаемости. Депопуляцию ускорило значительное увеличение смертности. Во всех финно-угорских регионах уровень смертности на селе заметно выше, чем в городе (при достаточно близких значениях общего уровня рождаемости). С 2004 г. естественная убыль, превышающая среднероссийскую, произошла у сельского населения Карелии, Мордовии, Марий Эл, Коми и Коми-Пермяцкого автономного округа.

Демографической проблемой финно-угорских народов является и существенная половая диспропорция. Перепись 2002 г. наибольшие показатели половой диспропорции выявила у карел и коми, но в целом удельный вес женщин старше трудоспособного возраста у всех народов в два

раза больше, чем мужчин. Ужасающие размеры приняло соотношение полов у сельских ижорцев: на 1 тыс. мужчин приходится 3 545 женщин. Столь неблагоприятная картина соотношения полов объясняется сверхсмертностью среди мужчин, в том числе трудоспособного возраста, о чем свидетельствует низкий удельный вес мужского населения, дожившего до возраста старше трудоспособного. В 2002 г. в Республике Коми доля лиц старше трудоспособного возраста у женщин составляла 24,8 %, а у мужчин — 11,7 %; у карел — 38,6 и 18,8 %; коми-пермяков — 26,9 и 12,7 %; мордвы — 35,6 и 18,7 %; удмуртов — 26,4 и 12,9 %; марийцев — 20,9 и 10,3 % соответственно.

Анализируя демографическую статистику финно-угорского мира в целом в постсоветский период, нельзя не отметить, что только Финляндия увеличила свою численность на 209 тыс. чел. Венгрия, Эстония и Россия потеряли население на 487, 248 и 387 тыс. чел. соответственно. Совместные потери этих стран составили 1 млн 122 тыс. чел. Для Венгрии эти потери составляют 4,9 % ее населения в 2003 г., Эстонии — 18,7 %, России — 6,0 %. Таким образом, списав все демографические проблемы финно-угорских народов, проживающих в России, на политические факторы отнюдь не корректно, поскольку в Венгрии и Эстонии дела обстоят еще хуже.

Одной из составляющих депопуляции является снижение рождаемости. Оно прогнозировалось в России еще в 1970-е гг. как следствие перехода к малодетной семье. Для простого замещения поколений требуется не менее 2,15—2,17 детей на одну женщину, но под влиянием социально-экономического и политического кризиса в 90-х гг. XX в. темпы снижения рождаемости приняли беспрецедентный характер. В 1999 г. общий показатель рождаемости (количество рождений на одну женщину старше 15 лет) оказался крайне низким — 1,16 рождений. В 2000—2004 гг. наблюдался небольшой рост рождаемости, но с 2005 г. он снова начал снижаться. Результативность государственных поощрительных мер по рождению второго ребенка (материнский капитал) можно будет оценить позднее.

Анализ основных причин неблагоприятной ситуации демографического развития финно-угорского народа в период социально-экономических преобразований российской

экономики показывает, что только за счет отрицательной естественной убыли населения финно-угорские народы не могли понести столь значительные потери. В связи с этим необходимо рассмотреть ряд дополнительных демографических процессов, например, результативность этнической миграции и ассимиляционные процессы. Однако выявление доли «ассимиляционных» потерь в сокращении численности финно-угорских народов осложняется тем, что в стране за последние годы нет достоверной статистики о естественном движении населения в этническом разрезе. На федеральном уровне естественное движение фиксируется в основном лишь по наиболее многочисленным статусным народам, причем по регионам их преимущественного проживания.

Учитывая эти сведения, нельзя сделать общие заключения, поскольку доля в составе населения своих республик у большинства финно-угорских народов довольно незначительна. В определенной мере условным становится сопоставление этнических показателей, согласно материалам текущей статистики и переписей. До 1997 г. статистика основывалась в основном на паспортных данных, а при переписи этническая принадлежность учитывается по самоопределению. В ходе переписи населения в октябре 2002 г. было обеспечено положение Конституции РФ в части свободного самоопределения национальной принадлежности. В соответствии со ст. 26 Конституции РФ национальность записывалась со слов опрашиваемых. Национальную принадлежность детей определяли родители. Поэтому можно предположить, что часть населения финно-угорских народов отнесла себя к другой этнической группе по причинам конъюнктурного характера. Кроме того, были отмечены две тенденции: увеличение количества семей, где оба супруга относились к разной национальности, и уменьшение доли семей, где супруги были одной и той же национальности. Это тоже могло послужить причиной «относительного» уменьшения финно-угорских народов.

Давление на сглаживание этнических различий является одним из неизбежных факторов современного многонационального общества.

Российская Федерация корректирует региональную государственную политику. Согласно официальной формулировке, реформа является экономически-административной

необходимостью. Более важной целью реформы РФ, на наш взгляд, является лингвистически-этническая гомогенизация страны. «Фольклоризация» коренных жителей начинает заменять лингвистические и культурные права. Республики и автономные округа стали, с одной стороны, органичными частями этнического самосознания финно-угорских народов, с другой — этнически объединяющими факторами. Поэтому так важно их сохранить, ведь главной духовной ценностью любого народа является его язык.

О возможности сохранения национальных языков финно-угорских народов говорится довольно много. Существует немало проектов, касающихся этого вопроса. Как следствие, окрепли национально-культурные движения в субъектах РФ, развиваются международные связи. Состоялось пять всемирных конгрессов и четыре всероссийских съезда финно-угорских народов. Действуют международные и всероссийские молодежные организации, научные, творческие союзы и объединения. Активно развивается издательская деятельность, в том числе периодика; транслируются телевизионные и радиопередачи на национальных языках финно-угров.

Для федеральных и большинства региональных СМИ газеты, журналы, Интернет, радио и телевидение являются бизнес-проектами, а для национальных СМИ на первом месте стоят культурно-просветительские задачи. Сегодня только национальные газеты и журналы пропагандируют национальные языки, воспитывают национальных литераторов, художников, композиторов. Региональная пресса играет консолидирующую роль национальных СМИ. Это способствует расширению информационного пространства. Благодаря этому финно-угорские народы получили возможность лучше знать свою историю, культуру, язык, шире стали научные, культурные контакты. Учредителями национальных изданий России в большинстве случаев являются органы государственной власти и местного самоуправления. Такая позиция является частью государственной национальной политики страны.

Демографические проблемы России актуализируют проблему не просто сохранения населения, но и своей территории, являющейся привлекательной для этносов, проживающих на территории других государств. Физическое сокращение численности финно-угорских этносов лишит

население значительной части территории, в большинстве своем (исключение составляют некоторые территории мордвы и мари) несвойственных для проживания других народностей. Территория Крайнего Севера и приравненная к ней таежная зона требуют населения, имеющего генетический опыт адаптации к особенностям климата. Неадаптированное население, работая в таких зонах, преждевременно теряет трудоспособность и, самое печальное, способность к воспроизводству здорового потомства. Для адаптации требуется, как минимум, двенадцать поколений². Непростительной трагедией самого ценного человеческого ресурса были бы попытки заселения неблагоприятных территорий перемещенным населением, в то время как пустеют территории центральной части России, более пригодные для жизни.

Возможно, для корпораций, добывающих природные ресурсы на территориях проживания угро-финских этносов, отсутствие местного населения значительно облегчило бы им жизнь и уменьшило расходы. Однако следует разделять интересы корпораций и российского государства. Они могут совпадать лишь частично и только в краткосрочной перспективе. Сегодня государство нуждается в нефтедолларах, но завтра оно будет нуждаться в законопослушных и работоспособных гражданах. Государство на то и создано, чтобы согласовывать интересы и требования различных социальных групп.

Многонациональное общество и его прошлое — объективная реальность. Прошлое выступает в качестве духовного, культурного, социального и экономического наследия, оставленного предками. Оно заставляет считаться с собой, подтверждая очевидную истину, что существует объективная потребность людей и общества опираться на свои традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фаузер В.В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Финно-угорский проект / отв. ред. А.К. Конюхов. Сыктывкар, 2009. С. 33—48.

² См.: Юшкова-Борисова Ю. Финно-угры убивают себя // Финно-угорская газета. 2008. № 1. 16 янв.

Поступила 18.05.11.

Э. В. ПЕРСИЯНОВА

ЕВРЕИ ОРЕНБУРЖЬЯ: ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: оренбургские евреи, этнокультурное развитие, антисемитизм, национальное самосознание, синагога, этнокультурный компонент

Key words: Orenburg Jewish people, ethno-cultural development, anti-semitism, national identity, synagogue, ethno-cultural component

В постсоветские годы активизировались процессы национального самосознания и этнической самоидентификации. Несмотря на то что в российских паспортах больше нет пункта «национальность», а в анкетах — так называемой «пятой графы», многие россияне стремятся позиционировать себя представителями той или иной этнической группы. Это явление особенно характерно для полиэтничных регионов России. Одним из таких субъектов РФ является приграничная Оренбургская область, своеобразие которой заключается не только в полиэтничном составе населения, но и в поликонфессиональности и культурном многообразии.

Согласно данным переписи населения 2002 г., в регионе проживают представители 119 национальностей. Федеральной регистрационной службой по Оренбургской области зарегистрированы 95 областных, городских, районных национальных общественных организаций. В регионе осуществляют деятельность 359 религиозных организаций и 365 культовых учреждений (церквей, мечетей, синагог, костелов, молебных домов). Организовано изучение родного языка, так как в Оренбургской области работают 168 образовательных учреждений с этнокультурным компонентом. Кроме того, издаются 5 национальных газет¹. В клубной сфере региона работает около 400 национальных творческих коллективов (без учета русских)².

ПЕРСИЯНОВА Эвелина Валерьевна, главный специалист Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области.

Нельзя не отметить, что в оренбургском социуме в настоящее время проявлен особый интерес к этнической истории и духовной культуре различных национальных групп, населяющих Оренбургскую область. Вызвано ли это политикой, проводимой в Оренбуржье в области межнациональных отношений, или жизненной необходимостью, сказать трудно. Но факт остается фактом. В регионе ежегодно проводятся конференции, семинары, круглые столы по национальной тематике, публикуется большое количество исследований.

Расматриваемая нами тема приобретает особое звучание в связи с 200-летием появления еврейского населения в Оренбургском крае.

Ни для кого не секрет, что в царской России существовала черта оседлости, а еврейство являлось особой категорией граждан, наделенной общими для всех обязанностями и в то же время существенно ущемленной в правах. Так, «Систематический сборник действующих законов о евреях» гласит: «Евреям дозволяется постоянное жительство в губерниях: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, кроме губернского города Киева, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, кроме городов Севастополя и Ялты, Херсонской, кроме города Николаева, и Черниговской»³. Как видно, названные губернии являются южными окраинами империи. Справедливости ради стоит отметить, что некоторые категории евреев пользовались правом проживать вне черты оседлости во внутренних губерниях России. К этим категориям относились евреи, имеющие диплом о присуждении им ученой степени и окончании высших учебных заведений; жены и вдовы лиц с высшим образованием; купцы и члены их семейств; коммерции или мануфактур советники; личные дворяне; отставные нижние чины и их потомство. Кроме того, были выделены категории евреев, которые имели право жительства вне черты при условии занятия своим ремеслом, нахождения в учебных заведениях и состояния на службе. Это были раввины и ученые евреи; учащиеся в высших и средних учебных заведениях; изучающие фармацию, фельдшерское, повивальное и зубоврачебное искусство; аптекарские помощники, зубные врачи, фельдшеры и повивальные бабки, а также отставные артисты; нижние чины, закройщики и портные при полках;

ремесленники и их ученики; приказчики и домашняя прислуга купцов первой гильдии и лиц, имеющих дипломы о присуждении им ученой степени.

Эти положения приобретают особый смысл, когда мы говорим об истории евреев Оренбуржья. Согласно данным И. И. Кагана, первые евреи появились на территории Оренбургской губернии в декабре 1806 г., т. е. 200 лет назад⁴. В данном случае речь идет о шести ссыльных евреях, высланных в эту губернию под надзор полиции из Санкт-Петербурга. В «Справочной книжке Оренбургской губернии на 1868 год» содержится информация о результатах однодневной переписи населения, проведенной в городах и уездах Оренбургской губернии с февраля 1865 г. (Миасский уезд) по январь 1867 г. (г. Орск)⁵.

За 60 лет число евреев в Оренбургской губернии значительно увеличилось. В третьей четверти XIX в. евреи составляли 0,8 % от общего населения Оренбуржья.

Более подробные данные содержит «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года». Согласно ей, все население Оренбургской губернии составляло 1 600 145 чел. Число лиц «еврейской народности» определялось по принадлежности к иудейскому вероисповеданию и составляло 1 995 чел. обоего пола (или 0,1 % всего населения). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что абсолютная численность еврейского населения в Оренбургской губернии постепенно увеличивалась, тогда как доленое (или процентное) соотношение уменьшалось. Интересен тот факт, что еврейский в качестве родного языка назвали только 1 844 чел.

По роду занятий оренбургские евреи были представлены почти во всех видах деятельности того периода (производственной, торговой, интеллектуальной и др.). Непромысловыми занятиями были заняты 180 мужчин и 79 женщин, в добывающей промышленности работало 15 и 7 чел. соответственно. Достаточно много евреев работало в обрабатывающей промышленности (402 мужчины и 372 женщины). В торговле работали 646 чел. обоего пола. Были евреи представлены и в железнодорожной отрасли, водных и сухопутных путях передвижения и средствах сообщения (59 чел.). Прочие занятия (прислуга, поденщики) были у 84 чел.⁶

Однако наиболее распространенными сферами деятельности евреев были ремесленничество и торговля. Это имело неоднозначную оценку современников. На экономической почве возникали противоречия, конфликты, о чем, в частности, свидетельствует весьма интересный документ из фондов Оренбургского областного государственного архива, датированный 18 февраля 1892 г. Это прошение ремесленников и мастеровых, проживавших в г. Оренбурге, в Оренбургскую городскую думу. Суть прошения заключалась в том, что ремесленники ходатайствовали о проведении в городе переписи евреев и выдворении тех из них, кто не имеет паспортов и ремесленных свидетельств. Это ходатайство аргументировалось тем, что «евреи в течение нескольких лет захватили в свои руки торговлю и промышленность, наложив на нас, ремесленников, тяжелый гнет зависимости от них, доводящей нас до разорения... мы начали чувствовать недостаток в работе и заказах, с году на год дела наши начали падать»⁷. Простение подписали 32 ремесленника-христианина (двое, предположительно, были немцами), работавшие часовыми мастерами, портными, шапочниками, сапожниками и др.

Мы предприняли попытку анализа ситуации с целью понять, почему было сделано это заявление. Для этого нами была сделана выборка по числу задействованных людей в некоторых группах занятий среди «великорусов» и евреев в г. Оренбурге⁸. Результаты анализа показали, что ни о каком «захвате торговли и промышленности» евреями говорить не приходится. Великорусы в каждой «профессиональной нише» занимали от 60 до 80 %. Здесь, скорее всего, налицо экономическая подоплека и попытка устранения конкурентов с использованием гражданского неравенства. О подобных явлениях писал Н. Лесков⁹.

Возвращаясь к переписи 1897 г., следует отметить, что обращает на себя внимание большая процент грамотных оренбургских евреев — 69,44 % мужчин (самый высокий среди мужчин всех национальностей) и 55,3 % женщин. В целом процент грамотных евреев составил 62,8 %. Выше показатели были только у поляков (63,4 %), тогда как в целом грамотное население, определенное переписью в 326 995 чел., составляло лишь 20,4 % от общей численности в губернии. Такой контраст, вероятно, можно объяснить тем, что ев-

реи для Оренбуржья были пришлым населением, а жить во внутренних губерниях могли лишь некоторые категории евреев, имеющие определенный образовательный уровень.

Не менее интересным предметом для исследования является религиозная жизнь евреев Оренбургской губернии. Архивные документы свидетельствуют о том, что во второй половине XIX в. в Оренбурге были две синагоги (или два молитвенных дома). Здесь могут быть некоторые разночтения, так как в переписке Оренбургской городской управы и Губернского еврейского духовного хозяйственного управления встречаются оба определения. Интересен тот факт, что синагог было две, а раввин — один. С 1888 по 1892 г. это был мещанин Моисей Бергер, с 1892 по 1894 г. — врач Яков Соломонов, в 1894 г. временно обязанности раввина исполнял мещанин Авраам Бреслин. С 1895 г. дела еврейской общины, а также метрические книги о родившихся, умерших, вступивших и расторгнувших брак евреях вел раввин Бернштейн, а в 1898 г. казенным раввином был утвержден Исаак Шапиро¹⁰.

В последние годы в российском обществе все ярче проявляется нетерпимость к представителям ряда этнических общностей, наблюдается рост национализма, этнического экстремизма, особенно в молодежной среде. Налицо проявление разных ксенофобий: исламофобии, русофобии, мигрантофобии. Это новые «болезни» общества, однако есть в обществе и «болезнь» более давняя — юдофобия, или антисемитизм.

Антисемитизм (точнее, антииудаизм) был одним из направлений государственной политики царской России, особенно в конце XIX — начале XX в. После Октябрьской революции 1917 г. антисемитизм был объявлен вне закона, но имел актуальность на бытовом уровне. Оренбургские периодические издания начала XX в. рассказывали о реальной угрозе еврейских погромов. По мнению С. В. Джунджузова, архивные материалы не оставляют сомнений в том, что лишь участие либерально настроенного оренбургского губернатора Ф. Я. Барабаша позволило предотвратить нагнетание обстановки и последующее кровопролитие. Но общая практика еврейских погромов показала, что они производились при полном равнодушии, а порой и открытом участии призванных отвечать за порядок чинов полиции, а также солдат и казаков воинских частей местных гарнизонов¹¹.

В первые годы советской власти также наблюдались факты проявления антисемитизма. В фондах «Центра документации новейшей истории» Оренбургской области находятся дела, свидетельствующие о проявлениях антисемитизма, с которых гриф «Совершенно секретно» был снят совсем недавно. В частности, доклад начальника Оренбургского окружного отдела ОГПУ содержит информацию о проявлениях антисемитизма во всех общественных слоях: среди рабочих местной промышленности, безработных, служащих, учащейся молодежи. Приведем лишь некоторые цитаты из этого дела: «Как эта жидовня умеет кругом устроиться!»; «У власти стоят евреи, и революцию выдумали евреи. Если бы русские не были дураками, революции не было бы. Евреев нужно не только не допускать к власти, их нужно перебить»¹².

Не обошла стороной Оренбуржье и так называемое «Дело врачей». В архивных делах мы читаем: «Врач-невропатолог Гринберг рассказал медсестре Афониной, что 15 января врач-хирург, аспирант мединститута т. Суриков, мне сказал: „Бедные евреи, что с вами теперь будет?!“»; «Агитатору Лубовской (еврейке по национальности) отдельные работницы шелкокомбината при беседе высказывали свое возмущение к банде убийц, говорили и о недоверии ко всем представителям еврейской нации, а также требовали от органов МГБ улучшить свою работу и провести тщательное расследование повсеместно, чтоб и на периферии не осталось сообщников преступной банды». Отмечается и то, что «разговоры с предложением о выселении евреев из жизненно важных областей имеют место и на ряде других предприятий, учреждений, в учебных заведениях города». А чего стоят заголовки газет, например, «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей»¹³!

Сегодня, несмотря на то что антисемитизм осуждается демократической общественностью, с трибуны и телеэкранов звучат слова о толерантности, борьбе с ксенофобией и этническим экстремизмом, в России по-прежнему оскверняются синагоги и еврейские могилы. Например, 20 апреля 2006 г., в последний день Песаха (по иронии судьбы он совпал с днем рождения А. Гитлера), было совершено хулиганское нападение на оренбургскую синагогу¹⁴.

В нарушение требований ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» «вполне приличные», на первый

взгляд, газеты и интернет-сайты пестрят антисемитскими «агитками». В частности, в 2007 г. после публикаций антисемитской направленности редакции газеты «За Веру, Царя и Отечество!» (г. Бузулук) Поволжским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия вынесено письменное предупреждение «о недопустимости распространения через средства массовой информации экстремистских материалов и осуществления ими экстремистской деятельности».

По данным Аналитического центра Ю. Левады, 13 % опрошенных россиян отрицательно относятся к евреям¹⁵. В Оренбуржье отношение к евреям значительно толерантнее. Лишь 5 % опрошенных ощущают неприязнь к представителям этой этнической общности¹⁶.

Данные переписи населения 2002 г. свидетельствуют о том, что за межпереписной период численность еврейского населения в Оренбуржье сократилась наполовину. Сегодня эта этническая группа насчитывает чуть более 2 млн чел., что составляет 0,09 % от общего населения области. В течение многих лет в регионе реализуется «Программа региональной национальной политики», в рамках которой проводятся мероприятия, способствующие сохранению этноконфессионального согласия в регионе, гармонизации межнациональных отношений, сохранению и развитию культур народов Оренбуржья.

Процессы возрождения национального самосознания в постсоветский период затронули и еврейское общество. Сегодня в Оренбурге и городах области зарегистрированы и работают 7 общественных еврейских организаций, есть синагога и молельный дом, школа и детский сад «Ор-Авнер», библиотека. Городской национально-культурной автономией проводится большая работа по сохранению национальной идентичности еврейского населения. Изучается этническая история и духовная культура народа. Обществом при поддержке органов исполнительной власти проведены две научно-практические конференции «Евреи в Оренбургском крае» и «Евреи Оренбуржья: история и современность». Изданы сборники материалов с одноименными названиями.

В 1997 г. вышел в свет первый номер еврейской газеты «Ахим», что стало большим событием в жизни оренбургской еврейской общины. В течение пяти лет каждый

месяц «Ахим» выходила в качестве вкладыша в областные газеты «Оренбургское время» и «Оренбургская сударыня». Каждый номер читатели ждали с нетерпением, а затем с большим интересом обсуждали прочитанное. В настоящее время еврейской общественностью предпринимаются меры по возобновлению издания газеты «Ахим».

Проблемы этнокультурного образования и воспитания весьма успешно решаются в школе «Ор-Авнер». Эта школа с еврейским этнокультурным компонентом была открыта в 2000 г. В 2002/2003 учебном году школа получила государственную лицензию, а в 2004/2005 учебном году, по результатам работы государственной аттестационной комиссии, школой была получена государственная аккредитация, утвержден ее статус — НОУ СОШ «Ор-Авнер». Сегодня это образовательный комплекс «школа + детский сад», в котором трудятся 36 педагогов, обучаются 80 школьников и 40 воспитанников детского сада. В образовательной концепции школы обозначено приоритетное направление «интеграция этнокультурного компонента в образовательный процесс, формирование этнокультурных ценностей учащихся в условиях диалога культур».

Интересен опыт школы по преподаванию некоторых спецкурсов. Например, история еврейского народа не выводится как отдельная дисциплина, а интегрируется в другие предметы и реализуется в совместной работе учителей и учеников над исследовательскими проектами, такими как «История евреев Оренбургского края», «Моя родословная», «Вклад евреев в мировую математику» и др. Кроме познавательной, учебно-исследовательской, в школе организована и досуговая деятельность, в ходе которой дети приобщаются к традициям вместе с родителями и представителями старших поколений.

Таким образом, можно констатировать, что евреи Оренбуржья гармонично вписаны в социум и имеют все возможности для сохранения своей этнической культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Региональная этнокультурная политика, межэтнические и этноконфессиональные отношения в Оренбуржье: ежегод. доклад, 2005 г. Оренбург: Издат. центр ОГАУ. С. 4, 10, 17.

² См.: Текущий архив ГУК «ОМЦНТ», 2006 г.

³ Систематический сборник действующих законов о евреях / сост. А.М. Роговин. СПб., 1913. С. 1, 41, 43—44, 50, 52—53, 55, 58—59, 61—62, 80—81.

⁴ См.: Каган И.И. Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX — начале XX в. (по документам государственного архива Оренбургской области). Оренбург: Тип. УВД Оренбург. области, 1996. С. 8.

⁵ См.: Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год.

⁶ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб.: Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1904. С. X—XI, XIII, XX.

⁷ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 194. Л. 1—3.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. С. 108—109, 112, 119.

⁹ Лесков Н. Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу. М.: Книга, 1990. 32 с.

¹⁰ ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 179. Л. 2, 3, 40, 44, 47, 48, 51, 52, 105.

¹¹ Джунджузов С.В. Противодействие угрозе еврейских погромов в Оренбурге в период первой российской революции // Евреи в Оренбургском крае. Оренбург: Печатный дом «ДИМУР», 1998. С. 46.

¹² ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 219. Л. 57—59.

¹³ Там же. Ф. 371. Оп. 17. Д. 286. Л. 8, 32.

¹⁴ На синагогу напали наследники Гитлера? // МК в Оренбуржье. 2006. 3—10 мая.

¹⁵ См.: Мукомель В. «Проблемы миграции в современной России»: доклад Московского бюро по правам человека. Подготовлен в рамках проекта «Общественная кампания противодействия расизму, ксенофобии, антисемитизму и этнической дискриминации в многонациональной РФ».

¹⁶ См.: Аналитический отчет «Состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в Оренбургской области», 2010 г.

Поступила 20.04.11.

Л. Ф. АЙЗЯТОВА

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ: СУЩНОСТЬ И ДИНАМИКА

Ключевые слова: социум, модернизация, индустриализация, регион, реформа, развитие, конфликт, политика, идеология

Key words: socium, modernisation, industrialisation, region, reform, development, conflict, policy, ideology

В определениях понятия «модернизация» обращает на себя внимание многовариантность. Оно не только по-разному трактуется в литературе, но и иногда по-разному используется в работах даже одного автора. На первых порах это понятие включало, как правило, только один аспект. В основном говорилось о модернизации экономической и (или) социальной сферы, т. е. о тех областях жизни, в которых отставание России от развитых стран Запада было особенно заметным. Однако по мере накопления теоретического опыта оно обретало большую глубину и значимость, охватывая различные аспекты теории и практики.

П. Штомпка выделяет три его значения. Согласно его мнению, в первом, общем смысле, модернизация — это синоним всех прогрессивных социальных изменений, когда общество движется вперед. В этом смысле выход из пещер и строительство первых укрытий — столь же явный пример модернизации, как и приход автомобилей на смену лошадиным повозкам, компьютеров — на смену пишущим машинкам. Однако он считает, что применительно к теории модернизации ближе две интерпретации: в первом смысле понятие «модернизация» тождественно понятию «современность» и означает комплекс социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных

АЙЗЯТОВА Лиана Фяритовна, соискатель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Российского университета кооперации (Саранский филиал).

трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX—XX вв. Сюда включаются процессы индустриализации, урбанизации, рационализации, бюрократизации, демократизации, доминирующего влияния капитализма, распространения индивидуализма и мотивации успеха, утверждения разума, науки и т. д. Модернизация в этом смысле означает достижение современности, процесс превращения традиционного, или дотехнологического общества, по мере его трансформации, в общество, для которого характерны машинная технология, рациональные и секулярные отношения, а также высоко дифференцированные социальные структуры¹. Классические работы по модернизации в этом контексте принадлежат О. Конту, Г. Спенсеру, К. Марксу, М. Веберу, Э. Дюркгейму и Ф. Теннису.

Во втором смысле термин «модернизация» относится к отсталым или слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, сосуществующие с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества. Другими словами, в таком случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. В самом общем виде модернизация характеризуется как общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми.

Анализ существующих сегодня теоретико-методологических подходов к феномену модернизации позволяет определить это понятие как коренное изменение общественных отношений, означающее институциональную перестройку жизни социума и фундаментальное изменение логики его развития. Модернизация предполагает появление и развитие передовых технологий и инновационных политических, культурных, социальных механизмов. Модернизационный переход очень редко спокоен и равномерен; он оказывает воздействие на все социальные институты и всех членов общества. Таким образом, понятием «модернизация» определяют множество одновременных изменений на различных уровнях. Модернизация сопровождается расширяющейся дифференциацией экономической, организационной, политической и культурной сферы.

Можно выделить ряд критериев модернизации в различных отраслях общественной жизни. Например, в социальной сфере базовой социальной единицей во все большей степени становится индивид, а не группа. Кроме того, происходят дифференциация (передача отдельных функций, ранее принадлежавших семье, специализированным социальным институтам); формализация (подход к социальным институтам, действующим на основе абстрактных и универсальных законов и правил, предполагающих доминирующую позицию науки и экспертов); разделение сфер частной и общественной жизни; ослабление родственных уз; рост профессиональной специализации и формального образования, улучшение качества жизни. В демографическом плане налицо снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни и численности городского населения, сокращение сельского населения. Экономическая сфера отмечена технологическим развитием, основанным на использовании научного (рационального) знания; появлением вторичного (индустрия, торговля) и третичного (услуги) секторов хозяйства; углублением общественного и технического разделения труда; развитием рынков товаров, денег и труда, обеспечением устойчивого экономического роста. Политическая жизнь характеризуется образованием централизованных государств; разделением властей; ростом политической активности масс; формированием, развитием и распространением современных институтов и практик, а также современной политической структуры. Опыт модернизирующихся стран показал, что институты и практики могут соответствовать современным западным моделям и отличаться от них. Таким образом, под современными политическими институтами следует понимать не слепок с политических институтов стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям и вызовам современности.

В духовной области происходят изменения в ценностных ориентациях социальных групп, возникает необходимость освоения новых ценностей, соответствующих современным реалиям, а также имеют место секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие

средств распространения информации, приобщение крупных групп населения к достижениям культуры.

Культура — один из важных моментов в изучении процессов модернизации. Она пронизывает все аспекты общественной жизни. В процессе модернизации не менее важной является замена устаревших культурных привычек и обычаев новыми и продуктивными системами культурных ценностей. А. П. Манченко предлагает понятие «культуророшок» — стремительный и глубокий процесс изменений экономических, социальных, политических и мировоззренческих структур и отношений, в ходе которого большинство утвердившихся ранее ценностей, концепций, норм поведения и направлений мысли неожиданно становятся устаревшими и ненужными².

Одной из широко исследуемых проблем модернизации является конфликт ценностей. Признается, что многие ценности западной культуры не подходят и потому не уживаются в некоторых культурных средах. Индивидуализм в некоторых случаях признается чисто западным продуктом. В связи с этим представляет интерес изучение западными учеными проблемы «современной личности».

Влияние на человека процессов современности формируют в нем также личностные установки, качества, ценности, привычки, которые являются предпосылками для эффективного функционирования современного общества. Некоторые авторы пытались выделить «личностный синдром», «современный менталитет» (Р. Белла) или модель «современного человека» (А. Инкелес). Классическое исследование по этому вопросу было проведено в 1970-х гг. под эгидой Гарвардского проекта по социальным и культурным аспектам развития. Сравнительное изучение Аргентины, Чили, Индии, Израиля, Нигерии и Пакистана позволило построить аналитическую модель современной личности. Был выявлен ряд качеств: открытость экспериментам, инновациям и изменениям; готовность к плюрализму мнений и его одобрению; ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое; экономия времени и пунктуальность; уверенность в способности организовать жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия; планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и личной жизни; вера в регулируемость и предсказуемость социальной жизни (экономические законы, торговые правила, правительственная

политика), позволяющая рассчитывать действия; чувство справедливости распределения, т. е. вера в то, что вознаграждение не зависит от случая, а по возможности соответствует мастерству и личному вкладу; высокая ценность формального образования и обучения; уважение достоинства других, включая тех, у кого более низкий статус или меньше власти³. «Для теоретиков модернизации, — пишет В. О. Рукавишников, — „человек современный (modern man)“ — это по сути дела не кто иной, как представитель западной культуры — независимо мыслящий и социально, и политически активный индивидуалист, самостоятельно добывающийся успеха в жизни („self-made man“) и признающий право других действовать подобным же образом, соревнуясь с ними за место на вершине дохода и власти»⁴.

Особо остро стоит вопрос о российской модернизации, ее специфических чертах, повлиявших на характер, пределы и содержание модернизационных процессов. Среди характеристик российской модернизации выделяются ее волнообразный характер, наложение антимодернизационных тенденций на процессы модернизации. Следует отметить и существенное западное влияние на модернизационные изменения российского социума, которое часто носит негативный характер, проявляющийся в стремлении некоторых реформаторов к насаждению в России чужеродных институтов и ценностей. Вместе с тем одно из основных противоречий модернизации России состоит в том, что последовательно усваиваемые элементы современного общества не складываются в систему, а адаптируются к монополю-корпоративной государственно-патерналистской системе. Возможность же плавного, эволюционного преобразования последней в современное общество до сих пор проблематична.

Следует подчеркнуть, что пути развития России и западных стран существенно отличались. На Западе модернизация осуществлялась естественно, на внутренней основе, как результат имманентного развития. Россия, осуществляя модернизацию, тоже опиралась преимущественно на внутренние ресурсы. Однако стимулы для российской модернизации исходили извне («вызовы» со стороны более развитого окружения). Россия зачастую использовала опыт других стран, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. Российские модернизации (первая четверть

XVIII в., 60—70-е гг. XIX в., советская эпоха и настоящее время) не были такими же комплексными, как на Западе. Это естественное следствие форсированной модернизации различных компонентов социальной системы в России с целью достижения паритета с более развитыми странами по ряду параметров, особенно военно-технологических⁵. При этом модернизация была коренной ломкой всего социального и культурного уклада, а также процессом, потрясшим все основы жизни.

Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места протекания: геополитического положения региона, его исторического наследия, уровня социально-экономического, политического и культурного развития, национального менталитета и т. д. Это весьма значимо для России, которая всегда характеризовалась существенной вариацией исторической динамики составляющих ее регионов и социокультурных ниш. Неравномерность регионального развития воплощает один из фундаментальных пространственных эффектов, связанных с осуществлением политики модернизации. Концентрация и деконцентрация (дисперсия) производства во многом являются следствием модернизационных стратегий, нацеленных на достижение максимального социально-экономического эффекта в ограниченных масштабах. Есть мнение, что революционные по своему значению технологические и научные инновации могут иметь зримые и достаточно быстрые экономические результаты лишь в небольших по размерам странах или вообще в масштабе отдельных городских агломераций. В связи с этим степень незавершенности модернизации, характерная для российского общества начала XXI в., весьма неодинакова у разных его частей, ибо неодинаковым было преобразующее воздействие на них индустриализации, урбанизации, демографической или культурной революций и многих других инновационных процессов.

Закономерность неравномерности в развитии различных регионов проявляет себя в развитии любой страны, чья экономика является открытой мирохозяйственным тенденциям и подчинена фундаментальным основам рыночной эволюции. Разумеется, модернизация вносит в эту модель развития существенные коррективы и видоизменяет траектории

экономико-технологических и пространственных процессов. Возникает вопрос «В какой степени за возникновение неравномерности регионального развития и связанных с ней противоречий ответственна политика модернизации?». Даже предварительный анализ показывает, что в России, крупнейшей стране с огромной вариацией исторической динамики составляющих ее территорий и социокультурных «ниш», ритмы субпроцессов модернизации (экономических, социальных, культурных и др.) не совпадали даже в пределах отдельных регионов. Модернизация была неравномерной, в разной степени охватывала своим воздействием экономические и социальные сегменты общества, территориальные единицы. Обычно это приводило к серьезным противоречиям и конфликтам между отраслями производства, социальными слоями, территориальными сообществами и накладывало отпечаток на характер модернизации и на ее темпы⁶.

Территориальные импликации политики модернизации, служившей инструментом ускоренного преодоления экономической, социальной и культурной отсталости страны, носили в российской истории неравномерный, «маятниковый» характер. Как правило, расширение участия государства в реализации политики территориального размещения производительных сил могло происходить в основном за счет ослабления роли рыночных регуляторов развития экономики, нарушения базовых соотношений между затратами и результатами. В долговременной исторической перспективе необходимая мера рассеяния индустриального потенциала создавала предпосылки расширения общего территориального базиса развития общества, но краткосрочные эффекты такой политики заметно страдали отсутствием экономической рациональности, усиливая механизмы блокирования технологического и социального прогресса. В условиях советского этапа отечественной модернизации все новые и новые районы стали втягиваться в переход к промышленно-городскому обществу. Однако если исходные уровни развития и скорости движения у них были разными, то к межрегиональным или межэтническим различиям, существовавшим всегда, добавились новые, связанные с разной степенью продвинуто-сти по пути модернизации. К середине — второй половине 80-х гг. XX в. результаты всех главных модернизационных «революций» (экономической, городской, демографической,

культурной, политической) в СССР оказались весьма разноразноуровневыми, что не в последнюю очередь повлияло на возникновение коллапса советской системы в 1990—1991 гг.

Говоря о модернизации 1990—2000 гг., следует сказать о крайней неоднозначности ее оценки современными исследователями. Так, по мнению А. И. Колганова, «новая модернизация России не смогла состояться, потому что при проведении так называемых радикальных рыночных реформ не только не ставилась такая цель, но и были обеспечены все необходимые условия, чтобы никакой модернизационный проект не осуществился»⁷. По мнению А. С. Ахиезера, процессы социокультурной модернизации рубежа XX—XXI вв. в РФ в целом имели позитивную направленность, однако оказались осложнены цивилизационной спецификой России, произошедшим «конфликтом ценностей», что, в частности, вызвало замедление темпов российской модернизации, однако не прекратило ее. Сегодня, как считает А. С. Ахиезер, сложилась ситуация, когда на смену дискредитировавшего себя способа модернизации страны приходят новые концепции, например, концепция защиты, сохранения, возрождения и поддержки социокультурного разнообразия, различных укладов, форм жизни, деятельности, социальных отношений, обеспечения им свободы существования и функционирования⁸.

Вместе с тем анализ общественной и культурной ситуации показывает, что реально существующее культурное разнообразие противоречиво, неустойчиво, его элементы склонны обращаться один против другого, чему способствуют противоречивость господствующего типа личности и слабость интеграционного механизма в обществе, включая формы и методы взаимосвязи культурного разнообразия, социально-культурных укладов, субкультур, а также отсутствие развитых товарно-денежных отношений. Это порождает определенную опасность хаоса, роста социальной напряженности и делает необходимой разработку пути к новой модернизированной культуре, новому консенсусу общества⁹.

В эпоху позднего модерна и возможного перехода к постмодерну, как представляется, именно перед Россией прежде всего наиболее остро встает проблема изменения типа, динамики социального развития, поскольку впервые в ее истории богатейшие человеческие и природные ресурсы близки к исчерпанию, а продолжение развития по прежней

траектории чревато угрозой надлома и распада российской цивилизации, утратой ее самостоятельного положения в мире, поглощением ее либо Востоком, либо Западом. К сожалению, современные российские реформаторы и их оппоненты, как правило, предпочитают не задумываться над проблемой изменения самого типа и самой парадигмы развития государства и общества, что обрекает российский социум на продолжение стихийного движения по прежним путям разрушительного, малопродуктивного чередования модернизации и антимодернизации, неподготовленных либеральных реформ и антилиберальных контрреформ, ослабления государственной власти и ее ужесточения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Штопка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 414 с.

² См.: Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000. С. 10.

³ См.: Рукавишников В.О. Социологические аспекты модернизации России и других посткоммунистических обществ // Социс. 1995. № 1. С. 33—34.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ См.: Опыт российских модернизаций XVIII—XX века. М.: Наука, 2000. С. 6.

⁶ Там же. С. 118—119.

⁷ См.: Колганов А. Три модернизации в России и наше время // «Золотой Лев». № 69—70 — издание русской консервативной мысли. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 17.04.2011).

⁸ См.: Ахиезер А.С. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С. 34.

⁹ Там же. С. 37.

Поступила 17.06.11.

Т. С. ШИКИНА

ДИНАМИКА ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА

Ключевые слова: общественные потребности, социальный институт, общество, диалог, институциализация

Key words: public needs, social institution, society, dialogue, institutionalisation

Всеобщность происходящих в различных регионах мира трансформаций обусловила формирование и развитие институциализации диалога. Появление социальных институтов, способных надежно, устойчиво и профессионально удовлетворять разнообразные потребности индивидов и социальных групп, эффективно регулировать их поведение в условиях новой социальной реальности, является маркером современной эпохи.

Социальные институты всегда сопутствуют упорядоченности общественной жизни, так как любой из них характеризуется наличием социально детерминированной цели своего существования и деятельности, а также конкретными функциями, обеспечивающими реализацию его целевого назначения. С. Липсет считал, что именно социальные институты обеспечивают гарантии устойчивости, постоянства отношений между людьми, выстраивая устойчивую структуру разнообразных форм коллективной жизни. Без социальных институтов не было бы удовлетворения важнейших социальных потребностей, гарантирования организованного процесса коллективной деятельности¹.

Диалог входит в число признанных средств познания и преодоления социокультурных противоречий. Как духовный феномен он рассматривался в науке и философии со времен античности. В Новое время идея диалога модифицировалась в теорию общественного договора, ставшую аксиомой

ШИКИНА Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

европейской политической мысли и социальной философии. Основные положения, разработанные М. М. Бахтиным и В. С. Библером, углубили, расширили, уточнили ее и возвели на уровень социальной философии. Дальнейшее развитие идея диалога получила в работах А. С. Ахиезера, который рассматривал необходимость трансформации диалога в процесс диалогизации, в самоизменяющийся диалог в единстве формирования новых смыслов и отношений, их перехода друг в друга. Диалог у А. С. Ахиезера приобретает сложный исторический процесс, характеризующийся ростом значимости диалога, его организационных форм в истории общества. Этот диалог очень сложен, так как каждый его новый виток изменяет условия, предпосылки его следующего витка. Социально-философская концепция Ахиезера указывает на жизненную важность напряженной ориентации на способности человека к диалогизации. Развитие этих способностей требует соответствующих социальных институтов, осознания всеми и каждым того, что формирование ответственной и квалифицированной личности есть условие, средство выживаемости общества, единственный путь предотвращения опасности внутренних катастроф. В связи с этим проблема институционализации диалога является исключительно актуальной и составляет важный объект социально-философского исследования.

История институтов диалога уходит в глубокое прошлое. Так, в Древней Руси роль институтов, основными функциями которых были удовлетворение сословных интересов и потребностей, а также охрана существующего социального порядка, играли народные собрания — вече, которые представляли собой «традиционалистскую форму организованного диалога» и которые «можно условно назвать вечевыми институтами»². Элементы диалогизма проявлялись и в других областях жизни древнерусского общества: в существовании понятия о равном значении духовной и светской власти, в характерном для россиян «двоеверии» — диалоге ценностей христианства и язычества, а также постоянном диалоге родового и сословного принципов в праве Древней Руси. Хотя, безусловно, диалогизация общества на этой стадии общественного развития носила бессознательный характер и происходила стихийно.

В Средние века в ответ на возрастающую потребность в интеграции политически и экономически раздробленного общества в качестве социального института начинает функционировать церковь, организационно воплотившая религию в качестве формы общественного сознания. Однако церковь повернула вектор общественного развития в сторону монологизации, оттеснив диалог в малые группы и наделив его отрицательной коннотацией, например, в случае с преследованием ведьм, которые якобы вступали в сговор (диалог) с дьяволом. Таким образом, отсутствовал диалоговый механизм, «фильтрующий односторонние опасные решения и необходимый для обеспечения общего согласия...»³.

Становление капиталистического общества привело к развитию целостной системы социальных институтов, обеспечивающих функционирование разных сфер общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), а также появлению институтов науки, образования, искусства и т. д. Институциональный подход в изучении социальных явлений связан с развитием структурно-функциональной методологии, основоположниками которой считаются А. Р. Рэдклифф-Браун и Т. Парсонс.

А. Р. Рэдклифф-Браун применил системный подход к так называемым «примитивным обществам». Рассматривая общество как живой организм в действии, он считал, что исследование его структуры неотделимо от исследования его функций, т. е. от анализа того, как работают составные части системы по отношению друг к другу и целому. Так, анализируя антропологический труд «Античный город» Фюстеля де Куланжа (в нем историк рассматривал общества Древней Греции и Древнего Рима и пытался «продемонстрировать, как и религии, и социальные структуры изменялись в ходе истории вместе и во взаимосвязи»⁴), А. Р. Рэдклифф-Браун приходит к выводу о том, что «мы не можем <...> понять социальные, юридические и политические институты древних обществ, не принимая во внимание их религии. Но в равной мере справедливо и то, что мы не можем понять религию общества, не анализируя ее соотношение с другими институтами»⁵. Таким образом, ученый излагает свои структурные представления об обществе как совокупности социальных институтов, призванных выполнять необходимые и существенные социальные и культурные функции.

Т. Парсонс реализует структурно-функциональный подход к понятию «социальный институт» посредством рассмотрения общества в качестве системы функционально взаимосвязанных переменных. Теоретическую схему Т. Парсонса объединяет и организует проблема социального порядка. Это относится и к теоретико-действенному аспекту его взглядов: «Наиболее общее и фундаментальное свойство системы — взаимозависимость ее частей или переменных... Взаимозависимость есть порядок во взаимоотношениях между компонентами, которые входят в систему»⁶.

Можно говорить о существовании двух источников изменения социальных систем (институтов) — эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) факторов⁷. Среди экзогенных факторов Т. Парсонс особое внимание уделял факторам географической и религиозной среды, биологической наследственности и т. д. Эндогенные изменения социальных институтов происходят в основном из-за того, что определенный институт перестает эффективно обслуживать цели и интересы тех или иных социальных групп и коллективов. В современном мире развитие социальных институтов может происходить двумя путями: посредством развития и совершенствования уже сложившихся социальных институтов и появления новых социальных институтов.

Первый путь — развитие и совершенствование уже сложившихся социальных институтов — также может проходить по-разному: за счет внутренней дифференциации, специализации связей, функций, учреждений, а также за счет перерегулирования социального института. В данном случае основные участники институализированных социальных связей стремятся кардинально изменить принципы регуляции, не уничтожая при этом сам институт, так как потребность в нем сохраняется. Например, сейчас в новой социально-экономической ситуации по-иному идет процесс формирования брачно-семейных отношений, заключения и прекращения браков, появления детей в семье; меняются и критерии брачно-семейного выбора. В сфере образования также происходят значительные перемены: возникают частные учебные заведения, идет их лицензирование, уже набрали силу новые типы образовательных центров — лицеи, гимназии, колледжи. Школы находятся теперь в ведении органов местного самоуправления. Вводятся новые дисци-

плины и учебники. Предметы перемещаются, соединяются с другими, а иногда и вовсе исчезают из учебного плана. Апробируются многочисленные нетрадиционные методики преподавания (особенно это касается изучения иностранных языков).

Учитывая вышесказанное, социальный институт представляет собой исторически сложившуюся устойчивую форму организации совместной деятельности людей, которая в то же время может подвергаться различным изменениям в ходе развития общества. Однако структура общества постоянно обогащается новыми социальными институтами, которые появляются на основе новых социальных отношений, норм и ценностей. Заслуга Т. Парсонса состоит и в том, что он ввел в научный оборот понятие «институализация», получившее дальнейшую разработку в теориях общества П. Блау, Р. Дарендорфа, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана, П. Штомпки и др.

Так, П. Бергер и Т. Лукман рассматривают институализацию как процесс создания институциональных структур, осуществляемый в несколько этапов: хабиитуализации, типизации, легитимации. В целом взаимосвязь между создаваемым человеком социальным миром и влиянием последнего на дальнейшее существование человека авторы представляют в виде взаимозависимости выделяемых ими «трех диалектических моментов социальной реальности»: экстернализации, объективации, интернализации в процессе социализации. Человек в ходе экстернализации упорядочивает мир вокруг себя, в том числе и социальные взаимодействия, тем самым конструируя особенности общественного устройства. Затем, объективируя социальные связи и процессы, человек придает обществу характер объективности. Наконец, усваивая в процессе социализации институциональные структуры окружающего его социального мира, человек подвергается такому мощному давлению со стороны общества, что каждый индивид во многом становится «социальным продуктом»⁸.

По словам П. Бергера и Т. Лукмана, «передача смысла института основана на социальном признании этого института в качестве „перманентного“ решения „перманентной“ проблемы данной общности»⁹, а чтобы индивиды (потенциальные участники институализированных действий) успешно воспринимали этот смысл, институциональные значения должны

быть максимально упрощены и представлять в форме «стереотипов», что гарантирует их запоминаемость. В этом, на наш взгляд, состоит ценность этого подхода к рассмотрению процесса институционализации, который в современной науке получил дальнейшее обобщение и определил институционализацию как исторический процесс возникновения, закрепления и изменения социальной реальности.

Динамику этого процесса составляют ряд стадий становления и закрепления институциональной структуры общества: объективация, генерализация и интеграция. Объективация предполагает возникновение и стабилизацию ценностно-нормативного комплекса, обеспечивающего функционирование системы социального взаимодействия. Генерализация означает выведение ценностно-нормативного комплекса за пределы контекста непосредственного взаимодействия. Именно на этой стадии постепенно оформляется институциональная структура общественных подсистем, выкристаллизовываются ценностно-нормативные основания общественного консенсуса (институты). Интеграция означает формирование социальной рефлексии об изменениях в институциональных основаниях общества¹⁰. Следовательно, институционализация — процесс, возникающий тогда, когда определенная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяются ресурсы.

В регионах современного мира отчетливо наблюдается тенденция институционализации диалога. В эпоху глобализации диалог становится одним из наиболее употребляемых понятий. Слово «диалог» встречается в названии межконфессиональных, международных и интернет-конференций, например, «Диалог религий» (Мадрид, 16—18 июля 2008 г.), «Диалог культур в условиях глобализации» (Баку, 15—16 июня 2009 г.), «Диалог этнокультурных миров в евразийском историческом процессе» (Оренбург, 12—27 мая 2010 г.); в названии форумов и проектов, например, «Диалог цивилизаций и гармоничный мир» (Пекин, 11—13 июня 2010 г.), «Диалог религий и культур — путь к согласию» (Санкт-Петербург, 2007—2010 гг.); в выступлениях современных политиков, политологов, журналистов и т. д. Диалог почти всегда употребляется в контексте толерантности, образования, гармонизации, цивилизации, культуры. Он стал

условием борьбы с международным терроризмом, построения гражданского общества (диалог власти и общества), защиты духовных и культурных ценностей человечества. Проблема обращения к диалогу является кардинальной для любого региона и связана с переходом человека к существованию в ситуации неопределенности и стремлением найти пути ее преодоления.

Показателен пример открытого диалога между властью и обществом в Республике Мордовия, постоянно происходящего по различным каналам. В последние годы стремительно увеличивается количество некоммерческих организаций (ветеранских, женских, молодежных), а их деятельность становится все более практико-ориентированной. Особенно активно развивается молодежное движение, возрождаются стройотряды, появляются волонтерские объединения. Глава республики не раз подчеркивал, что руководство Мордовии заинтересовано в формировании конструктивной оппозиции. В регионе активно действует Консультативный совет при Главе РМ, куда входят люди, занимавшие высокие посты в парламенте республики в 70—80-е гг., представители ветеранских организаций. Активно формируются, переходят в новое диалоговое качество другие институты гражданского общества. В 2000 г. была создана Общественная палата при Главе РМ. Проработав около 10 лет, она стала качественно новым институтом гражданского общества — Общественной палатой Республики Мордовия. В настоящее время она регулярно проводит заседания по наиболее актуальным, а порой и острым проблемам, волнующим граждан, и становится одной из основных площадок конструктивного диалога государственной власти и общества.

Поэтому можно говорить, что благодаря развитию регионов, информатизации различных сфер жизни личности, формированию диалога между властными структурами и обществом сформировалась объективная потребность в создании института диалога, призванного разрешать конфликты на всех уровнях общественной жизни; выявлять, осознавать и организовывать «разное»; сохранять и передавать традиции; воспитывать этническую толерантность; содействовать налаживанию отношений представителей различных социальных, этнических и профессиональных групп. М. Э. Рябова отмечает, что «смысл... диалога ре-

лизуется напряженным стремлением людей к преодолению несоответствий в собственной деятельности, противоречий, угрожающей ей бедами, опасностями»¹¹.

Таким образом, проблема динамики институционализации диалога имеет значение для всего мирового пространства. Становление института диалога только начинается. На его пути лежит много преград, коренящихся в историческом и социокультурном прошлом социума и объективных авторитарных устремлений власти. Логичен вывод о том, что их преодоление становится важной задачей на ближайшую перспективу развития общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Lipset S.M. Social Structure and Social Change // Approaches to the Study of Social Structure. N. Y.: The Free Press, 1975. P. 172—209.

² См.: Ахиезер А.С., Шуровский М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 67.

³ Там же. С. 68.

⁴ См.: Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Вост. лит-ра, 2001. С. 189.

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Parsons T., Shils E. Toward a general theory of N. Y., 1951. P. 107.

⁷ См.: Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 469—470.

⁸ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 89—112.

⁹ Там же. С. 116.

¹⁰ Иванов Д.В. Социология. М.: Высшее образование, 2005. С. 225.

¹¹ Рябова М.Э. Иноязычие как фактор развития личности: методология разработки социально-философской концепции. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. С. 76.

Поступила 26.01.11.

В. И. ЦЫГАНКОВА

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ КРЕСТЬЯН СПАСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Ключевые слова: низкоплодородные земли, малоземелье, кустарно-ремесленные промыслы, география, мордва-мокша, лесная зона, сырье, лесорубы, пильщики, плотники, бондари, тележники, санники, экипажники, изделия, базар

Key words: low-fertile soils, shortage of arable land, handicrafts, geography, Mordva-Moksha, forest zone, raw materials, woodcutters, sawyers, carpenters, hoopers, wainwrights, sledgers, carriage drivers, goods, bazaar

После реформы 1861 г. крестьяне, имеющие неплодородные участки земли, не могли существовать за счет земледелия. Это в полной мере касалось и Спасского уезда Тамбовской губернии. Малоземелье, низкоплодородные земли, низкая продуктивность сельского хозяйства, периодические повторяющаяся засуха, приводящая к снижению урожая, были стимулом для широкого распространения кустарно-ремесленных промыслов, которые часто становились источником доходов крестьянской семьи¹. Промыслы, являясь сложным комплексом материальных начал, «отражают особенности формирования и развития хозяйственной жизни уезда, складывавшиеся под воздействием природных, социальных и экономических факторов»².

Особенности природно-климатических, естественно-географических условий ландшафтной зоны наложили отпечаток на развитие промыслов в нерусских селениях Спасского уезда Тамбовской губернии. Они заключались в географическом расположении территории в лесной зоне, определявшей развитие деревянных промыслов. Спасский уезд был богат

ЦЫГАНКОВА Вера Ивановна, старший преподаватель кафедры социальной работы, психологии и социального права филиала Российского государственного социального университета г. Москвы (г. Дедовск).

лесами, которые составляли 47,2 % территории и давали кустарю основное сырье³.

В местах, где был материал для промыслов, мордовское население редко занималось отхожими кустарными промыслами. Так, В. А. Ауновский отмечает, что в отличие от русских мордва «весьма редко отыскивает промыслы на чужой стороне. Напротив, в своем любимом селении, в свободное от земледельческих работ время, занимается она плотничеством, распилкой леса, приготовлением различных лесных изделий, охотой и с большим умением разводит пчельники»⁴. В Спасском уезде люди занимались многими видами кустарных промыслов, значительная часть которых приходилась на обработку дерева. По числу кустарей в лесной зоне первенствовали лесорубный, плотницкий, бондарный, рогожный, колесно-экипажный и другие промыслы, основой которых был лес, переработка древесины.

Подворная перепись 1882 г. отмечает, что из зарегистрированных 15 936 крестьянских семей Спасского уезда занимались промыслами 9 440, т. е. дополнительный к земледелию промысел заявлен у 59 % крестьянских хозяйств уезда⁵. Это является наглядным свидетельством развития крестьянских промыслов в уезде.

Анализ видов промысловой деятельности и числа работников, задействованных в неземледельческих занятиях и связанных с лесом (плотницкий промысел, пила леса, его торговцы), показал, что этой деятельностью занимались 4 208 крестьянских дворов, или 45 % от всех дворов Спасского уезда, ведущих какую-либо промысловую деятельность. Столь преобладающее количество лесных промыслов объясняется тем, что в Спасском уезде более 100 тыс. дес. общей площади составляли лесные угодья⁶.

Лесорубный промысел имел большое значение, только в семи волостях Спасского уезда (Анаевской, Боково-Майданской, Виндреевской, Кирилловской, Сядемской, Зарубкинской и Ачадовской), по преимуществу населенных мордвой. Крестьяне Анаевской, Боково-Майданской волостей работали в местных казенных лесах, из которых лесоматериалы доставлялись на Котельнинскую пристань р. Мокша. Некоторые лесорубы этих волостей нанимались работать в лесных дачах соседнего Шацкого уезда.

Торговцы лесом нанимали рабочих по неделям и на содержание работника давали не более 1 руб. 20 коп. Тяжелая работа по пилаке дров оценивалась весьма низко. За кубическую сажень обычно платили от 40 до 60 коп. при собственном продовольствии рабочих. Поэтому, работая за пределами своих деревень, лесорубы запасались домашними продуктами: хлебом, пшеном, картофелем, мясом. Когда кончались домашние запасы, то продовольствие приобреталось на месте работ у нанимателей, поэтому чистый заработок был сравнительно мал. Выработкой леса и дров занимались преимущественно самые бедные крестьяне. Те, у кого были лошади в хозяйстве и работники, занимались вывозкой заготовленных материалов на пристань, к месту назначения. Вывоз кубической сажени дров на 6—8 подводах на расстояние в 15 верст стоил не дороже 4 руб. 50 коп.

Лесные промыслы были важной статьей дохода для крестьян Виндреевской волости, не имевших пахотной земли. Проживая в казенных лесах, виндреевские крестьяне брали на вырубку «делянки», для чего объединялись, как это принято в плотницкой среде, в артели, «товарищества» от 2 до 10 чел. в каждом. Заготавливаемые ими лесные материалы, будучи переработанными в срубы для изб, доски и мелкий тес, сбывались на месте.

В Зарубкинской, Ачадовской, Кирилловской и Сядемской волостях заготавливаемый лес шел на строевой материал и дрова, а также на переработку сырого материала в разные изделия. Здешние цены мало отличались от вышеназванных, и, к примеру, полная выработка кубической сажени дров с распилкой на трехчетвертные поленья расколкой и укладкой по тем временам оценивалась от 1 руб. до 1 руб. 70 коп. Труд лесорубов был тяжелым занятием. Приходилось работать вдали от дома, жить в зимнее время в землянках, скудно питаться.

Другим не менее значимым для крестьян был плотницкий промысел, которым, по подворной переписи в Спасском уезде, занимались 830 крестьянских семейств. По сравнению с соседним Темниковским уездом, тоже изобилующим лесами, в Спасском этот промысел был более распространенным. В Темниковском уезде, в котором крестьянских дворов было на 2 тыс. больше, чем в Спасском, плотницкий промысел отмечен лишь в 625 дворах⁷. Плотницкий промысел имеет

тесную связь с выработкой строевого материала в местных лесах, потому что большинство плотников делают срубы для изб на местах лесных заготовок. Но часть плотников Спасского уезда работала и за его пределами.

В развитии этого промысла также имелись свои особенности. Например, плотницкий промысел не всегда совпадал с местами развития лесорубного промысла. Так, в Спасско-Городской волости «число лесорубов было незначительно, тогда как плотников было больше, чем в какой-либо другой волости уезда. В этой волости плотницкий промысел был распространен в селе Дерабкино, в котором было около 150 плотников, занимающихся промыслом, главным образом в Пензенской и Саратовской губерниях, куда они уходили с Масленицы или с Пасхи артелями по 15—20 человек, там подыскивали себе работы и многие не возвращались домой ранее 15-го ноября»⁸. Ввиду выгоды плотницкого отхожего промысла крестьяне предпочитали его полевым работам на своих небольших наделах. Остававшиеся дома члены плотницких семей справлялись с полевыми работами без них. Заметно выделялись числом плотников селения Мордовский Пимбур и Кажлотка, в которых несколько десятков крестьян плотничали в свободное от полевых работ время. Вслед за Спасско-Городской волостью по развитию плотницкого промысла следовала Ачадовская, в которой особенно много плотников было в с. Булдыгине. Здесь плотницкий промысел совпадал с лесорубным. Плотники готовили срубы для изб из вырабатываемого в соседних лесах строевого материала.

Что касается Хиловской волости, то здесь бывшие помещичьи крестьяне лесными промыслами не занимались, однако «в с. Хилкове и в дер. Ивановке плотников было более 100 человек. Некоторые из местных крестьян занимались подрядами на плотнические работы и нанимали плотников на месячный заработок от 4 до 10 руб. (при готовых харчах)»⁹. Другие плотники ходили на работу артелями (4—10 чел.) без подрядчиков. Плотницкий промысел в этой волости в основном практиковался в свободное от полевых работ время. Отмечено, что никто из местных крестьян плотницкими работами с весны до зимы не занимался. Отлучки из хозяйства для этого были кратковременными.

Таким образом, к указанным волостям и селениям принадлежит более половины крестьянских дворов Спасского

уезда, в которых отмечен плотницкий промысел. В основном лесорубный и плотницкий промыслы были развиты в селах лесной зоны, преимущественно населенных мордвой-мокшей. Остальная часть дворов с таким промыслом распределялась на 13 волостей, и в каждой из них число плотников было незначительным.

Другим промыслом в Спасском уезде была пилка леса. Наибольшее число пильщиков было в таких селениях, как Пичкиряевский Майдан (Боково-Майданская волость), Каргал (Зарубкинская), Малышево, Чотово и Вяржелей (Малышевская) и Липлейка (Спасско-Городская). В этих селениях переписью «определено почти 2/3 всего числа дворов с промыслом пилки леса в уезде. Крестьяне села Пичкиряевский Майдан занимались пилкою леса по найму от лесопромышленников в 30 верстах от своего местожительства на Котельнинской пристани р. Мокши в Елатомском уезде»¹⁰. На эту пристань доставлялся лес из северо-западной части Спасского уезда, где находилась Боково-Майданская волость. Пильщики работали в основном зимой, некоторые из больших семейств частью пилили и летом. Производилась пилка леса на тес 8—9 аршин длины в 3/4 вершка толщины, плата полагалась с каждого «прохода» (разреза) в 8—9 коп. В названных селениях Малышевской и Зарубкинской волостей пильщики тоже пилили лес на тес у лесоторговцев, некоторые уходили осенью на отхожий промысел за 100 верст от места жительства и занимались пилкой с сентября по январь. При отхожем промысле пильщики работали на хозяйских харчах и могли неплохо заработать. Каждая артель имела устоявшиеся связи и излюбленные места работы. Так, мордовские пильщики д. Липлейки считали выгодным для себя трудиться в г. Спасске, где платили больше.

Производство разного рода деревянных изделий требовало много рабочих рук в сельском населении Спасского уезда. Первое место по развитию такого крестьянского промысла принадлежало населенной мордвой Ачадовской волости. Важным и доходным промыслом считалась выделка телег и саней, столь необходимых в крестьянском хозяйстве.

Почти все тележники Спасского уезда относились в основном к селениям трех волостей, населенных мордвой-мокшей: Жуковке, Мордовской Поляне и Тарханской Потье Ачадовской волости; Авдалову и Журавкину Боково-Май-

данской волости; Шафторке и Новой Салтыковской волости. К тем же селеньям относились и все санники. Обыкновенно тележники занимались и изготовлением саней. По этой причине санников подворной переписью отмечено мало, хотя в действительности их было гораздо больше. Поэтому производство телег и саней мы будем рассматривать как один промысел. Говоря об истории возникновения промысла, следует отметить, что он известен издавна.

В основном выделялись обыкновенные крестьянские телеги и возовые сани, пользующиеся большим спросом у крестьян, частью — городские. Это было домашнее производство без больших мастерских. Мастера обходились без наемных работников. Лесные материалы для производства тележники закупали у лесоторговцев в своей местности. На разные части телег и саней употреблялось дерево разных пород: дуб (на оси и полозья), береза (на подушки и дроги), вяз, ильм (вязки, обряда), осина (внутренняя обшивка). При изготовлении саней использовался обычный плотницкий инструмент: топор, рубанок, долото, коловорот, булава, скобель. Телеги и сани пользовались большим спросом и быстро распродавались на базаре в г. Спасске, частью развозились в города Козлов, Тамбов и торговые села Рассказово и Беково.

В организации тележного и санного промыслов следует отметить исключительно рациональную организацию рабочего времени крестьянами. Промысловики работали быстро. Хороший мастер мог изготовить трое простых саней за два дня, городские сани — за 5—6 дней, телегу — за 4 дня. Сани готовились зимой, затем — между яровым посевом и сенокосом, осенью — после уборки хлебов до половины октября. У некоторых мастеров производство не прерывалось круглый год.

В Ачадовской волости, кроме тележников и санников в мордовских селениях Тарханская Потьма и Крюковка, были экипажники, которые назывались карстниками, тарантасниками и занимались выделкой вчерне, т. е. деревянных остовов, карет, пролетов, тарантасов, дрожек, линеек. Изделия эти изготавливались штучно, по заказам или на вольную продажу торговцам. Экипажники в отличие от тележников и санников работали в приспособленных помещениях (в особых чистых избах) и имели инструменты стоимостью

в несколько десятков рублей. Особенностью этого промысла было то, что железной оковки и окончательной отделки экипажей крестьяне не делали, а выделяли только деревянные части из березы, осины, дуба, липы, покупая эти материалы у местных лесоторговцев. Цена на изделия была различной. Все зависело от фасона, рисунка экипажа, определяемого заказчиком.

Изготовление карет было трудоемким и дорогим делом. На одну карету «уходило материалов на 15 руб. Да и времени на выделку одного экипажа затрачивалось около двух месяцев. Соответственно, и цены были высокими. Так, тарантасы разного фасона стоили вчерне от 15 до 50 руб., дроги беговые — 10 руб., с крыльями — 20 руб., пролетки — 30 руб.»¹¹. При частном заказе мастер получал лишь небольшой задаток в сумме 5—10 руб. за карету. В случае, если экипажи изготавливались не по заказу, то вывозились на продажу в города Спасск, Козлов, Тамбов, сбывались купцам или городским каретникам.

В Спасском уезде существовали и другие промыслы, связанные с лесом, переработкой древесины. Это колесники, оглобельщики, сошны мастера, бондари, столяры, спичечники, лопатники. Изготавливалась деревянная посуда, велась выработка мочала, лыка, а также было налажено производство кулей. Следует обратить внимание на то, что наряду с указанными имелись промысловые специалисты, которые не были связаны с лесом: шерстобиты-валяльщики, кожевники, овчинники, рукавичники, сапожники, портные и шапочники, шорники, каменщики, кровельщики, маляры, печники и др. Производством металлических изделий занимались котельщики, кузнецы, слесари, серебряники. Перечень промысловых занятий был значителен, и каждый мог найти приложение своим силам. Но это уже тема другого исследования.

Таким образом, в Спасском уезде доминирующее положение среди других промыслов занимала работа, связанная с лесом и выделкой древесины. В связи с тем, что основная часть лесов располагалась в зоне проживания мордовского населения, главным промысловым занятием мордвы-мокши была переработка древесины (лесорубы, пильщики, плотники, бондари, колесники, тележники, санники, экипажники и др.). Занятия лесными промыслами были скорее свой-

ственны мордве-мокше. Спектр неземледельческих занятий русского населения был шире и распространялся на все другие промыслы в уезде. Малоземелье, низкоплодородные земли, повторяющаяся засуха, невысокая продуктивность сельского хозяйства были большим стимулом для широкого распространения кустарных промыслов, которые постепенно становились основным источником существования крестьян. Земледелие «не давало необходимых средств для содержания крестьянских семей. Поэтому более половины из них вынуждены были заниматься разнообразными промыслами»¹².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лузгин А.С. Промыслы Мордовии. Саранск: Мордов. кн. из-во, 1993. С. 13.

² Там же.

³ Там же. С. 16.

⁴ Ауновский В.А. Иностранческие населенные места Симбирской губернии. Симбирский сборник. Т. II. Симбирск, 1870. Отд. II. С. 154.

⁵ См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Том пятый. Спасский уезд. Издание Тамбовского губернского земства. Тамбов: Губернская земская типография, 1883. С. 81.

⁶ Там же. С. 82—83.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 85—86.

⁹ Там же. С. 86.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии ... С. 89—90.

¹² История Мордовской АССР: в 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1979. Т. 1. С. 198.

Поступила 31.05.11.

Т. В. АКСЕНОВА, Е. А. КИРИЛЛОВА **ЖИЛИЩЕ В ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Ключевые слова: жилище, этнобытовая культура, обычаи, обряды, этнос, хозяйственные постройки, дом, русская печь

Key words: dwelling, ethnic everyday culture, habits, rites, ethnos, household outbuildings, house, Russian stove

Жилище является одним из составных компонентов материальной культуры любого этноса. Его формирование и развитие происходило под воздействием физико-географических, экономических, демографических и исторических факторов, оказывающих существенное влияние на процесс функционирования этнобытовой культуры народов. Традиционное жилище представляет собой достаточно сложный комплекс взаимосвязанных элементов: жилой дом, хозяйственные постройки и земельный участок, на котором они расположены. По такой схеме до сих пор возводятся в сельской местности индивидуальные жилые дома. Они строятся на основе предшествующего опыта, строительных навыков и национально-бытовых традиций¹. В современном сельском жилище русского населения Республики Мордовия ярко проявляются черты бытового уклада многих предшествующих поколений.

Выбор места жилища в прошлом определялся не только практическими соображениями (близость воды и открытость или защищенность пространства), но и представлениями об особой благоприятности для человека этого места. Выбор места для дома, как и материала для строительства, сопровождался многими обрядами, приметами и гаданиями, некоторые из которых сохраняются и в XXI в. Именно они в немалой степени определяли благоприятное «счастливое» место.

АКСЕНОВА Татьяна Викторовна, научный сотрудник отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат исторических наук.

КИРИЛЛОВА Елена Александровна, соискатель отдела археологии и этнографии НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Выбор места будущего строительства сопровождался особыми приметами: предпочтительнее было место старого жилья, в котором жизнь текла спокойно и размеренно. У русских не рекомендовалось строить дом на перекрестке дорог, так как дорога — это символ переменчивости и изменений. Не строили дома на месте построек, сожженных молнией. В Торбеевском районе это было связано с поверьями о пророке Илье, который поражал нечистую силу и место, ею облюбованное². Для выбора площадки для строительства прибегали к гаданиям. Например, жители с. Александровка Лямбирского района на намеченном месте оставляли на всю ночь куски хлеба или зерно. Если к утру еда исчезала или ее становилось меньше, то это означало, что место нечистое, строить здесь нельзя³.

Заготовка материала для строительства дома также определялась особыми поверьями. Так, практически нигде в Мордовии не строили дома из осины, которая считалась нечистым деревом⁴, для постройки дома использовали сосну, липу, березу. Дуб в основном применяли для нижних венцов и подоконников. Следует отметить, что наиболее богатые лесные массивы были в Zubovo-Полянском, Темниковском и Теньгушевском районах, где для возведения жилых построек использовались хвойные и лиственные породы. В южных и центральных районах исследуемой территории преобладали постройки из чернолесья — мелкой липы, ольхи⁵.

Строительством домов занимались плотники, которых нанимали за определенную плату. Сам хозяин, если он не был плотником, рубил лишь мелкие хозяйственные постройки. Плотники были в каждой деревне, но много их приходило и со стороны. Согласно подворной переписи 1913 г., в д. Ушлейка Инсарского уезда (ныне Инсарского района) насчитывалось 15 плотников, а в с. Камакужа — 6, в д. Хитровка Инсарского района (ныне Старошайговского района) — 3⁶.

Профессиональные плотники существовали и в конце XX в. Жители с. Селищи Краснослободского района нанимали плотников из с. Козловка Атюрьевского района. В Теньгушевском районе в с. Барашево дома строили приезжие плотники из Тюмени, Красноярска. Возведение дома также сопровождалось соблюдением различных обрядов. Повсеместно под углы первого венца клали монеты, зерно

или шерсть для богатства и счастья в новом доме. Например, в с. Маколово Чамзинского района под передний угол нижнего венца сруба клали медные пятаки⁷, в пос. Барашево Теньгушевского района — овечью шерсть, «чтобы скотина велась»⁸. Считалось, что это должно обеспечить новым жильцам дома безбедную жизнь и удачу в делах.

Особые обряды существовали при укладке матицы — поперечного верхнего бревна, которое служило опорой для потолочных плах. Матица, или матка, — важная часть постройки. Чтобы она была прочной, надежно держала потолок и несла благополучие семье, над ней совершали особый обряд. Он назывался «матичное угощение» и описан в литературе⁹. В Ковылкинском районе Мордовии известен обряд обсеваания матицы: при ее закладке плотники обязательно бросали на нее горсть зерна, после чего выставлялось угощение¹⁰. В Zubovo-Полянском районе при закладке матицы пили «стропильные»¹¹. Обряды, в которых использовалась матица, сохранялись и после завершения строительства дома. В Старошайговском районе в с. Новая Федоровка во время сватовства сваха садилась под матицу, здесь же причесывали невесту, перед тем как она покинет родной дом¹². В Ковылкинском районе, отправляясь в дальнюю дорогу, прикасались рукой к матице, чтобы путь был счастливым¹³. В с. Лопатино Торбеевского района под матицей вешали зуб от старой бороны для предохранения дома от клопов, блох и тараканов¹⁴, в с. Луныга Ардатовского района — пучки шерсти коровы или лошади для благополучия дома¹⁵, в с. Колопино Краснослободского района — лекарственные травы¹⁶. В матице крепилось железное кольцо, к которому подвешивалась детская колыбель, — люлька или зыбка¹⁷. Строительные обряды делали дом «жилищем», т. е. наполняли его определенным семантическим значением. Кроме того, строительные обряды — это домостроение пространства, т. е. «одомашнивание», «очеловечивание»¹⁸.

У русских, живших в Мордовии, сохранились обряды, связанные с переездом в новый дом. Отмечается, что для переезда был важен конкретный день. Например, в с. Енгальчево Дубенского района в субботу и понедельник, как правило, в новый дом не вселялись. Считалось, что эти дни являются несчастными для переезда¹⁹. Обряды, связанные с переездом в новый дом, разнообразны. Обяза-

тельно служили молебен, впускали кошку и петуха, этим животным русские и мордва приписывали очистительные и охранительные функции. Однако у русских в с. Воеводское Кочкуровского района считалось, что «кошку пустят — домовой тихо живет, а петуха — домовой шуметь будет, так как петух громко кричит»²⁰. Перед переездом в последний день в печи варили кашу, кормили ею кошку, оставшуюся часть брали с собой для обеда в новом доме. В Торбеевском районе подметали пол, часть мусора также брали с собой²¹. Обязательно приглашали с собой домового. «Хозяюшка-господин! Пойдем в новый дом, на богатый двор, на житие-бытие, на богатство», — так звали с собой домового жители с. Слободские Дубровки Краснослободского района²². При переходе в новый дом жители с. Красино Дубенского района говорили: «Домовой, домовой, приди, охраняй мое жилище»²³. В Старошайговском районе приглашали домового следующими словами: «Батюшка-домовой! Пойдем с нами в новый дом, на новое место, новое жилье обживать, новый дом оберегать»²⁴.

Одной из устойчивых черт жилища является его внутренняя планировка: размещение печи, переднего угла, назначение и использование каждой части дома. Каждый угол дома выполнял определенные функции. Значительную часть жилого помещения занимала русская печь. Обычно ее ставили справа от входа, в одном из задних углов избы или, наоборот, у входа, причем устье печи было повернуто к боковой стене или входной двери²⁵. Функции русской печи многочисленны. Она обогревала жилище, в ней готовили еду, пекли хлеб, на печи спали в холодное время; горячие кирпичи были незаменимым средством при лечении простудных заболеваний; в подпечке в сильные морозы держали кур и маленьких поросят²⁶. Кроме того, в печи парились. Такая печь сохранилась в с. Воеводское Кочкуровского района²⁷. С печью было связано множество обрядов жизненного цикла. В Дубенском районе во время сватовства сваха, придя к родителям невесты, шла к печи и прикладывала к ней руки, чтобы переговоры о сватовстве закончились успешно²⁸. У русских Кочкуровского и Рузаевского районов сохранился обычай знакомить молодую с печкой²⁹. В Торбеевском районе существовал обычай, согласно которому, когда молодых привозили из церкви, их

клали на печку с песнями и шутками³⁰. В Дубенском районе в с. Петровка знахарки клали уголек в воду, шептали молитву и этой водой лечили заболевших³¹.

У русских повсеместно известен обряд «перепекания»: слабого ребенка на хлебной лопате засовывали в отверстие печи, как бы допекая его³². В д. Шимаревка Торбеевского района, чтобы предохранить новорожденного ребенка от сглаза, брали из печи уголек и, выйдя на перекресток, перебрасывали его через себя³³. С печным углем и сейчас связан обычай предохранения от сглаза. Информаторы Краснослободского района рассказывают, что до сих пор маленьким детям угольком натирают подошвы и локотки, чтобы предохранить младенцев от дурного глаза³⁴.

По диагонали от печи находился главный угол дома, так называемый «передний угол, или красный». Здесь висели иконы (образа): человек, входя в избу, сразу смотрел в красный угол, кланялся и крестился. К иконам относились бережно, их хранили в семье, передавали по наследству, ими благословляли на брак, дальнюю дорогу, любое большое и трудное дело. С этим углом были связаны все жизненные вехи: рождение, свадьба и смерть человека. В красном углу молились, собирались за столом на семейную трапезу, на почетное место сажали уважаемого гостя, головой к иконам клали покойника. Под божницу ставили первый и последний сноп как залог будущего урожая. Красный угол использовали и во время гаданий. В с. Резоватово Ичалковского района девушки, подметая пол от порога к красному углу, загадывали на женихов и приговаривали: «Гоню в свою избу женихов с чужих дворов»³⁵.

В глубокой древности окружающий мир представлял для людей враждебное пространство. Мир семьи — пространство, наполненное теплотой, добром, поддержкой. Поэтому именно с порогом, границей между мирами, было связано много поверий, примет, обрядовых действий. Так, при входе в чужой дом нужно было обязательно встать у порога и прочесть краткую молитву, т. е. попросить защиты у Бога. Русские крестьяне говорили: «Вот Бог, а вот порог»³⁶. В Старошайговском районе до сих пор запрещается здороваться через порог, разговаривать друг с другом, передавать через порог деньги³⁷. Информаторы называют и обряды жизненного цикла, связанные с порогом. В родиль-

ном ритуале обрядовые действия у порога рассматривались как приобщение новорожденного к дому. В Кочкуровском районе отмечен обычай класть ребенка на порог³⁸. Также считалось, что если пуповину захоронить под порогом, то человека всегда будет тянуть в родной дом, а связь его с матерью будет неразрывной. В Старошайговском районе пуповину закапывали в подпол, завернув в тряпочку³⁹. Эти обрядовые действия сегодня не сохранились, так как роды проходят в больнице.

В свадебном обряде с порогом также связаны определенные действия. Так, во многих селах Мордовии существовал обычай, по которому жених и те, кто приехал за невестой в день венчания, должны были перешагнуть через порог ее дома, не наступая на него ногами⁴⁰. Порог в данном случае воспринимался в качестве границы, через которую надо перескочить, чтобы навсегда увезти девушку из дома. В погребальном обряде гроб с покойником при выносе из избы три раза ударяли о порог, что всеми воспринималось как прощание умершего с домом⁴¹.

В настоящее время традиционное жилище русских Мордовии претерпело значительные изменения, которые выражаются в определенной унификации внешнего облика и внутренней планировки, что связано с использованием новых строительных материалов, повышением комфортности (менее трудоемкая и более удобная система отопления, система водоснабжения, а в ряде случаев — водоотведения). Меблировка сельского жилища также изменилась и в настоящее время приближается к городской. Однако, как показывают исследования, традиционные представления о жилище продолжают бытовать и сохраняются в определенных обрядах, направленных на сохранение благополучия каждой семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Вавилин В.Ф. Традиции и новации в современном сельском жилище МССР // Вестн. Мордов. ун-та. Саранск, 1991. № 4. С. 28.

² Полевой материал авторов (далее — ПМА): Шляхтин Иван Васильевич, 1933 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2006 г.

³ ПМА: Переплетчиков Александр Николаевич, 1934 года рождения, д. Александровка Лямбирского района, запись 2007 г.

⁴ ПМА: Чижев Александр Сергеевич, 1934 года рождения, с. Резоватово Ичалковского района, запись 2006 г.

⁵ См.: Лузгин А.С. Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX — начале XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск, 2001. С. 62.

⁶ См.: Подворная перепись крестьянского хозяйства. Пенза, 1913. Вып. 5. С. 92—140.

⁷ ПМА: Горбунова Клавдия Михайловна, 1925 года рождения, с. Маково Чамзинского района, запись 2008 г.

⁸ ПМА: Машутин Иван Алексеевич, 1928 года рождения, пос. Барашево Теньгушевского района, запись 2008 г.

⁹ См.: Лаврентьева Л.С., Смирнов Ю.И. Культура русского народа. Обычай, обряды, занятия, фольклор. СПб., 2005. С. 48.

¹⁰ ПМА: Аниченкова Мария Серафимовна, 1928 года рождения, с. Токмово Ковылкинского района, запись 2006 г.

¹¹ ПМА: Фомин Афанасий Никифорович, 1938 года рождения, с. Прушанка Потьма Zubovo-Полянского района, запись 2007 г.

¹² И.-1686. Мордовский этнографический вопросник: полевые материалы этносоциологической экспедиции, проводимой ИЭ АН СССР и МНИИЯЛИЭ при Совете министров МАССР. 1973 г. Старошайговский район.

¹³ ПМА: Аниченкова Мария Серафимовна ...

¹⁴ ПМА: Аникеев Дмитрий Владимирович, 1935 года рождения, с. Лопатино Торбеевского района, запись 2006 г.

¹⁵ ПМА: Еникеева Анастасия Николаевна, 1922 года рождения, с. Луньга Ардатовского района, запись 2007 г.

¹⁶ ПМА: Авдеева Татьяна Николаевна, 1956 года рождения, с. Колопино Краснослободского района, запись 2007 г.

¹⁷ ПМА: Лукина Антонина Алексеевна, 1915 года рождения, с. Заречное Краснослободского района, запись 2006 г.

¹⁸ См.: Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 1983. С. 45—46.

¹⁹ ПМА: Ганаева Мария Николаевна, 1945 года рождения, с. Енгальчево Дубенского района, запись 2006 г.

²⁰ ПМА.: Ерочкина Людмила Ильинична, 1954 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2008 г.

²¹ ПМА: Машутина Валентина Васильевна, 1930 года рождения, д. Кочеевка Теньгушевского района, запись 2008 г.

²² ПМА: Жадобина Мария Ивановна, 1933 года рождения, с. Слободские Дубровки Краснослободского района, запись 2006 г.

²³ ПМА.: Жалмина Нина Николаевна, 1936 года рождения, с. Красиное Дубенского района, запись 2008 г.

²⁴ ПМА: Пронина Елена Николаевна, 1915 года рождения, с. Новая Федоровка Старошайговского района, запись 2006 г.

²⁵ См.: Лаврентьева Л.С., Смирнов Ю.И. Культура русского народа ... С. 69.

²⁶ ПМА: Рыжов Иван Васильевич, 1920 года рождения, д. Константиновка Ромодановского района, запись 2008 г.; Аниченкова Мария Серафимовна ...

²⁷ ПМА: Прудскова Римма Васильевна, 1956 года рождения, с. Воеводское Кочкуровского района, запись 2008 г.

²⁸ ПМА: Кузенькова Александра Тимофеевна, 1932 года рождения, с. Петровка Дубенского района, запись 2008 г.

²⁹ ПМА.: Ерочкина Людмила Ильинична ... ; Таурина Лидия Ивановна, 1936 года рождения, с. Арх-Галицино Рузаевского района, запись 2008 г.

³⁰ ПМА: Прокина Мария Ивановна, 1933 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2007 г.

³¹ ПМА: Кузенькова Александра Тимофеевна ...

³² См.: Бузин В.С. Этнография русских: учеб. пособие. СПб., 2007. С. 302.

³³ ПМА: Бардина Анна Гавриловна, 1935 года рождения, д. Шимаревка Торбеевского района, запись 2006 г.

³⁴ ПМА: Пшеничникова Мария Ивановна, 1939 года рождения, с. Сивинь Краснослободского района, запись 2006 г.

³⁵ ПМА: Першина Пелагея Григорьевна, 1915 года рождения, с. Резоватово Ичалковского района, запись 2006 г.

³⁶ ПМА: Прокина Мария Ивановна ...

³⁷ ПМА: Рожкова Елена Федоровна, 1928 года рождения, с. Новая Федоровка Старошайговского района, запись 2006 г.

³⁸ ПМА: Рябова Анастасия Ивановна, 1934 года рождения, пос. Заречный Кочкуровского района, запись 2008 г.

³⁹ И.-1686. Мордовский этнографический вопросник ...

⁴⁰ ПМА: Юртанова Мария Яковлевна, 1913 года рождения, с. Тургенево Ардатовского района, запись 2008 г.; Щенникова Анастасия Илларионовна, 1933 года рождения, с. Горки Большеигнатовского района, запись 2008 г.

⁴¹ ПМА: Шумкина Светлана Григорьевна, 1941 года рождения, пос. Жуково Zubovo-Полянского района, запись 2006 г.

Поступила 17.05.11.

В. М. ПРИВАЛОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО РИТУАЛА В МАТЕРИАЛЕ ОРНАМЕНТА

Ключевые слова: орнаментальная культура как знаково-символический ритуал

Key words: ornament culture as a sign-orientated and symbolic ritual

Через ритуал, т. е. транслирование культурного содержания в жизнедеятельность, происходит расширение социального сознания индивида и насыщение его активным социальным знанием. В связи с такой традицией следует привести цитату М. М. Маковского: «Знаковость в своей наиболее элементарной форме может быть определена как нарушение естественного (привычного) порядка вещей: природа сама по себе есть нечто безразличное. Ритуал нарушает это первоначальное безразличие, становясь семантической „точкой“, которая, генерируя из себя новые значения, наполняет бытие смыслом. С того момента, как человек начал совершать ритуал, моделируя „естественные явления“, он перестал быть „естественным“, начал свое существование в историческом „инобытии“. В конечном счете, именно ритуалу суждено было стать почвой, на которой зародились и (или) совершались по преимуществу такие процессы, как онтологизация, персонализация, субъективация, семиотизация, историзация. <...> Прорыв в знаковое пространство предполагает движение от природы к культуре, от „естественного“ к „искусственному“. Но ведь и сознание, по сути дела, означает искусственный разрыв в безразлично-правильной циркуляции природы...»¹.

Орнаментальные сообщения в культурах становятся метками той или иной социальной общности или отличий,

ПРИВАЛОВА Вера Михайловна, старший научный сотрудник Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, кандидат психологических наук (г. Самара).

и в результате орнамент выполняет метакоммуникационную функцию в социуме². В современной информационной цивилизации возникает проблема наследования человеком огромного общекультурного и этнокультурного материала. Выявляя комплекс орнаментальной атрибуции, мы приближаемся к формулированию основных составляющих его воздействия на сознание через «символы человека»³. Согласованность социально-когнитивных и сенсорных характеристик жизненного пространства человека позволяет выявить на материале орнаментальной культуры основные формы регуляторов (стимуляторов) воздействия (перцепты — коды)⁴ на сознание человека. Нейробиологический аспект культурного системного ритуала и продукта «Орнамент» опирается на закономерности биоритмической организации мозга⁵ человека при жизнеобеспечивающих процессах, где выявлены нервные механизмы восприятия символических образов. Работа мозга имеет в своем основании основополагающие принципы — в сочетании гибких, изменяющихся структур функционирования и жестких, устойчивых⁶.

Изображения орнаментов при их восприятии, оценке и понимании как едином процессе перцепции стимулируют психические процессы. Закономерности ритмической организации и формообразования в орнаментальных сообщениях обусловлены сенсорно-биологическими, нейропсихическими закономерностями и кодами, носителем которых является человек. Продукты деятельности человека в культуре созданы человеком и представляют собой проекцию сознания и бессознательной активности человека в самоосуществлении через творчество и деятельность. В целом культурно-исторический контекст содержит универсальность символического кода орнаменталистики, соответствующей культуры, который является социально-психологическим регулятором, поскольку играет роль социального перцепта в культуре. Деятельность человека в изобразительном искусстве при обработке материалов в разное время имела свой технологический уровень и способ для выражения антропийного содержания в продуктах художественного и изобразительного труда (творчества). Культурный ритуал соотносим сегодня с экологической функцией самой культуры в картине мира человека, а принципиальное присутствие орнаментально организованного культурного субстрата интегрирует культуру как семиосферу.

Орнамент как традиционный носитель «ритуальной схемы» служит в ритуально-религиозных практиках, широко и активно олицетворяет формы религиозных ритмов (первобытное язычество, христианство (православие, католицизм), ислам, буддизм, иудаизм и др.), имея своеобразие знакового, символического и в целом стилевого воплощения. Культурно-исторические, этнографические и археологические материалы Востока и Запада, книжная культура в целом, фольклорное, наивное народное искусство в процессах взаимодействия и межкультурной коммуникации наполнены орнаментами как символическими формами в сознательной деятельности человека. Таким образом, в культуре и религии орнаментальная ритмизация символов является визуальным носителем и хранилищем традиций при проведении конкретных ритуалов, а также инициаций молодых поколений в конкретные культурно-исторические формы развития таких традиций.

Источниковедческое исследование отечественной и зарубежной литературы, а также декоративного и декоративно-прикладного искусства выявляет сегодня характер орнаментальной культуры — в основном декорирующий (украшающий). Орнамент рассматривается как носитель художественного стиля, например, первобытного стиля, геометрического, античного, средневекового и т. д. Стиль орнамента складывается из множества реальных показателей. Одним из таких является характер ритмов в орнаментальном сообщении, а также тип взаимоотношения и сочетания форм в динамике визуальной репрезентации сообщения через орнамент. Основная форма предмета при оформлении орнаментом преобразуется и функционально обогащается, так как через орнамент можно сообщить о предназначении вещи, ее культурно-семантической истории, а также другие психологически значимые для человека, в том числе гендерные отличия одной вещи от другой. Трансформация в орнаментальных формах, анималистических (животных), антропийных (человекоподобных) сюжетов, ритмически оживающих в орнаментах путем чередования в ритме изображений, создает реальную зрительную иллюзию жизненного пульса биологической природы человека в социальной ипостаси жизнедеятельности. Ритмы «орнаментального пульса» представляют собой проекцию самосознания человека в момент художественного способа освоения мира, а затем

ритуализацию сознания, т. е. инициацию в социальные значения символов, которые обобщены в орнаменте как знания о мире. Художественные трансформации как символический «танец» ритмически «оживляет» те необходимые для человеческого сознания антропии (обереги), которые в традиции сложились для жизненных специальных практик, а затем уже были переданы традицией как элемент стиля и носитель определенной социально-коммуникативной системы, а затем и в этнической традиции — как символ этнической общности или различности.

Таким образом, орнамент как системный социальный перцепт представляет (репрезентирует) на заявленном в художественном стиле уровне то, что ему присуще как знаково-символическому ритуалу в основе своей и по мере развития в традиции. Широта функциональности орнамента, выявленная в ходе нашего исследования, такова: эстетическая, коммуникативная, арттерапевтическая, самовыражения, познавательная, исследовательская, воспитательная, научения, передачи опыта и знаний, подражания природе, интерпретации природы, моделирования жизненной реальности, этнической самопрезентации, проектирования картины мира, оздоровительной практики, магическая, ритуальная, культурная, этническая. Все это дополняет и отчасти объясняет орнаментальный принцип самопроекции человечества в плане изученного, осознанного и еще не осознанного и не имеющего языка объяснения феномена культуры, искусства и жизнедеятельности — орнамента⁷.

Орнамент одновременно выражает все формы символической активности сознания, которые есть символы, присущие человеку и человечеству. Самоорганизация культурного сознания через знаки и символы культуры в ритуалах, которые имеют культурно-исторический контекст, антропейна и сохраняет «ген гуманизма» в человеке. Орнамент как знаково-символический ритуал имеет очень древнее происхождение, однако по-прежнему существует, транслируется из весьма отдаленных исторических глубин, соединяя человечество в семиосфере.

Материал научно-теоретического и прикладного характера содержится во многих разделах орнаменталистики в истории культуры, искусствоведении, культурологии, святоотеческой и религиозной литературе, архитектуре, дизайне, декора-

тивно-прикладном и книжном искусстве. В настоящее время появились новые области изучения орнамента как знаковой системы в математике, семантике, информатике и других областях человеческой деятельности, изучающих феномен человеческого сознания и деятельности в культурно-историческом контексте, где сохраняется проекция сознания в орнаментальных формах культурного ритуала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 29, 148—153.

² См.: Привалова В.М. Орнаментальная культура. Аналитический обзор символов и знаков геометрического орнамента в антропологической картине мира // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12. № 3. С. 255—263; Её же. Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте) // Там же. № 5. С. 277—283.

³ См.: Эмблемы и символы / вступ. ст. и ком. А.Е. Махова. М., 1995; Этнознаковые функции культуры. М., 1991; Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997; Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 42—43; Яновский М.И. О средствах психологического воздействия искусства на человека // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 84—92.

⁴ См.: Выготский Л.С. Собр. соч. Т. 1—6. М., 1982. Т. 3. С. 116—117.

⁵ См.: Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики / под ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайн / пер. с англ. М., 1995. С. 101—122; Блум Ф., Лайзерсон А., Хофстедтер Л. Мозг, разум, поведение. М., 1988; Салзмен Ф. Временная среда и биологические ритмы. Л., 1981; Угрюмов М.В. Механизмы нейроэндокринной регуляции. М., 1999. С. 193; Узоры симметрии. М., 1980; Сингуров А.Ю. Резонансы взаимодействия в природе // Синергетика и методы науки. СПб., 1998; Федер Е. Фракталы / пер. с англ. М., 1991; Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. Доп. изд. М., 2007. С. 89—93.

⁶ См.: Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни ...

⁷ См.: Привалова В.М. Орнамент. Штрихи психологического портрета: учеб.-метод. пособие. Самара, 2005; Её же. Восприятие, оценка и понимание орнамента различными возрастными группами учащихся: дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006; Её же. Орнамент. Восприятие, оценка и понимание. Знаковый текст и контекст: моногр. Самара, 2007.

Поступила 13.01.11.

АННОТАЦИИ

Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии.

И. З. Гаррафиев. Роль инновационного человеческого капитала в процессах регионализации и глобализации.

В статье предложено рассматривать понятие «регион» в качестве коллективного социального субъекта, обладающего инновационным человеческим капиталом; развитие последнего выступает одним из факторов, способствующих успеху региона в глобальной конкуренции.

В. А. Литвинов. Дуалистический и кооперативный федерализм.

В статье дана краткая характеристика дуалистической и кооперативной моделей федерализма, их положительные и отрицательные характеристики. Представлены разные точки зрения на эти модели федерализма.

И. Н. Минеева. Соотношение федерализма и регионализма в культурной государственной политике постсоветского периода.

Анализируется специфика государственной культурной политики в постсоветский период, ее уровни и направления рассмотрены сквозь призму возникновения новых и изменения старых культурных институтов, форм и практик. Особое внимание уделено проблеме соотношения федерализма и регионализма в культурной государственной политике.

С. М. Вдовин, Н. Д. Гуськова, Е. А. Неретина. Концептуальные подходы к устойчивому развитию социально-экономических систем.

В статье дан анализ научных взглядов на развитие социально-экономических систем; установлены причины, с одной стороны, обострившие проблему их устойчивости с позиции соблюдения сбалансированности экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения, с другой — сохранения окружающей среды.

М. Н. Казакова. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России.

В статье рассматриваются проблемы формирования стратегии региональной безопасности России в контексте обеспечения общенациональной безопасности государства. Рассматриваются основные подходы к пониманию феномена региональной безопасности с учетом специфики политико-территориальной организации России. Предлагается структура формирования системы безопасности российских регионов в виде комплекса экономических, экологических, правовых, геополитических и иных условий.

Е. А. Чернов. Ресурсный потенциал региональных групп интересов: основные тенденции формирования и использования.

В статье показано, что ресурсный потенциал региональных групп интересов позволяет фиксировать позиции акторов в политическом пространстве и прогнозировать их динамику. Анализируются различные виды политических ресурсов, находящихся в распоряжении региональных групп интересов. Представлены основные модели поведения акторов, обусловленные наличием тех или иных видов и объемов ресурсов.

А. Н. Силин, В. А. Юдашкин. Инновационные технологии социально-экономической интеграции Тюменской области как фактор повышения уровня и качества жизни населения.

В статье рассматриваются некоторые проблемы социально-экономической интеграции северных и южных районов Тюменской области в интересах повышения уровня и качества жизни населения, связанные со спецификой

области как субъекта РФ, в состав которого входят Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Е. Г. Карпова. Управление инновациями с применением теории игр. Определены инструменты управления инновациями с применением математического аппарата теории игр в условиях ужесточения конкуренции.

А. Л. Салагаев, С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева. Общественное мнение о перспективах и возможностях инновационного развития Республики Татарстан.

В статье дан анализ результатов опроса жителей Республики Татарстан, посвященного проблемам и перспективам инновационного развития республики.

И. В. Петров. Сравнение стратегий вывода из кризиса моногородов государственного значения (на примере автоградов Поволжья Тольятти и Набережные Челны).

В статье рассматриваются пути выхода из кризиса таких центров автомобильной промышленности России, как Тольятти и Набережные Челны, которые являются моноориентированными городами. Дан сравнительный анализ стратегических планов развития этих моногородов.

А. В. Пузаков. Специфика механизма финансирования деволюционных регионов Великобритании: формула Барнетта.

В статье исследуется механизм, используемый министерством финансов Великобритании для автоматического регулирования объемов финансирования общественно-государственных расходов Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, при изменении объемов финансирования государственного сектора экономики Англии, Англии и Уэльса либо всей территории Великобритании, получивший название «формула Барнетта». Указываются основные причины критики формулы и перспективы ее дальнейшего использования.

С. А. Щанкин, А. Ф. Кузнецов. Экономические институты формирования инновационной системы России.

Рассматривается процесс формирования инновационной системы России, дается характеристика двум инфраструктурным центрам: иннограду «Сколково» и технопарку «Мордовия». Основной целью становления технопарковых структур, по мнению авторов, является развитие инновационной системы страны.

С. В. Булярский, А. О. Сеницын. Промышленные кластеры в Ульяновской области.

В статье показано, что промышленные кластеры являются ключевыми элементами инновационной инфраструктуры Ульяновской области, нацеленными на коммерциализацию технологий инновационных предприятий области. Проведение кластерной политики помогает преодолеть недостаток, связанный с замедлением трансфера инновационных технологий на территории этого региона. На примере авиационного кластера показано преимущество кластерной политики.

О. В. Смоланова. Индикативный анализ бюджетно-налоговой безопасности муниципальных образований региона.

В статье раскрывается содержание бюджетно-налоговой безопасности муниципальных образований. Для оценки уровня бюджетно-налоговой безопасности муниципальных образований предложена система индикаторов, анализ динамики которых позволит охарактеризовать существующее положение местных бюджетов. На примере Республики Мордовия произведена типологизация муниципальных образований по уровню бюджетно-налоговой безопасности.

И. Б. Юленкова. Методология формирования системы финансового обеспечения развития предпринимательства в условиях перехода к экономике инноваций.

В статье рассматривается методология формирования системы финансового обеспечения развития предпринимательства, дана характеристика субъектов малого предпринимательства в сфере науки и научного обслуживания в Республике Мордовия.

Е. В. Заварцева. Оценка контекстуальных переменных системы управления проектами промышленных предприятий региона.

В статье приведена сводная оценка базовых контекстуальных переменных, оказывающих влияние на постановку и функционирование системы управления проектами промышленной организации. Выделены ключевые элементы контекста управления проектами, проанализированы условия реализации проектов в Республике Мордовия.

Н. А. Дубровина, А. П. Радченко. Механизмы управления технологическим потенциалом предприятий машиностроения.

Статья посвящена поиску структурно-динамических резервов комплексного развития предприятий машиностроения. Представляется, что основным фактором обеспечения высокого качества выпускаемой продукции и ее конкурентоспособности для машиностроения является повышение уровня инновационно-технологического потенциала. Его развитие предполагает четкую концепцию механизмов управления, в том числе по функциональному признаку с позиции системного подхода на различных уровнях управления предприятиями.

О. И. Аверина, А. А. Амелькина. Рейтинговая оценка хозяйствующих субъектов региона.

На основе экспертного заключения дана рейтинговая оценка хозяйствующих субъектов Республики Мордовия, представлена их группировка по финансовому состоянию.

А. С. Афанасьева. Проблемы развития отечественного АПК: региональный аспект.

Осуществлена попытка анализа проблем развития отечественного АПК в сопоставлении с развитием этой сферы в Республике Мордовия.

О. И. Еремина. Управление рисками в аграрном секторе региона.

В статье обосновывается необходимость развития страхования как инструмента управления рисками в сельском хозяйстве, анализируется развитие рынка агрострахования в Республике Мордовия, рассмотрен зарубежный опыт по управлению рисками в аграрном секторе.

С. В. Полутин, А. В. Седлецкий. Развитие инновационной структуры общества: региональный аспект.

В статье показана сущность и основные составляющие инновационной структуры общества. Выявлена роль социально-экономических институтов в установлении правил поведения субъектов инновационных процессов. Дан анализ экономико-институциональной, мотивационной, образовательной, организационно-управленческой и геополитической составляющих инновационной структуры общества. Рассмотрены варианты выбора национальной инновационной системы.

В. Ю. Столбов, М. Б. Гитман, Н. У. Венковский, С. И. Пахомов. Критериальная модель оценки качества системы подготовки аспирантов с учетом сформированности их профессиональных компетенций.

На основе теории менеджмента качества (TQM) предлагается критериальная модель качества подготовки аспирантов: «возможности» и «результаты»

системы. Для оценки «возможностей» системы предлагается использовать стандартную критериальную модель, характеризующую качество обеспечения подготовки аспирантов (качество образовательных программ и инновационной образовательной среды вуза). Для оценки «результатов» предполагается использовать компетентностную модель, характеризующую качество подготовки каждого выпускника аспирантуры к профессиональной деятельности.

А. В. Осташков, Ю. Р. Канеева. Повышение результативности дополнительного профессионального образования государственных служащих региона.

В статье дана процессная модель мониторинга результативности программ подготовки государственных гражданских служащих; представлен механизм ее реализации, способствующий повышению результативности ее функционирования. Анализируются результаты апробации разработанной модели в Пензенской области, предлагаются мероприятия по повышению эффективности реализации программ ДПО государственных служащих.

Т. Н. Ключкова. Оценка преподавателями региональных академий непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих.

В статье на основе анализа данных социологических исследований анализируется проблемы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих. Показано, что непрерывная целевая профессионально-образовательная подготовка государственных и муниципальных служащих обеспечивает рост их профессионализма, повышение компетентности, адаптируемость к новым условиям, сочетание стратегического мышления и оперативности в выполнении своих функциональных обязанностей.

И. А. Потапова. Форма организации учебного процесса как фактор качества образования: региональный аспект.

На основе социологического опроса, проведенного Волго-Вятской академией государственной службы (г. Нижний Новгород), исследована организация учебного процесса на основе сравнения ее различных форм: семестровой, модульной и дистанционной.

И. Н. Крутова. Финансирование образования в странах финно-угорского региона: опыт Финляндии.

В статье дан анализ финансирования образования в Финляндии. Эта страна обладает богатым культурным наследием финно-угорского типа, что характерно и для финно-угорских республик России. Это обуславливает необходимость изучения опыта страны и его полную или частичную апробацию на республиканском уровне.

Е. В. Еремина. Региональная идентичность в контексте социологического анализа.

В статье анализируются основные теоретико-методологические подходы к исследованию региональной идентичности, обосновывается необходимость социологической разработки (в научно-теоретическом и прикладном аспектах) вопросов, связанных с формированием региональной идентичности современного российского общества.

Л. З. Фатхуллина. Проблемы и перспективы повышения качества жизни населения в сельской местности региона.

На основе социологического исследования, проведенного в Республике Татарстан, дан анализ качества жизни населения сельской местности по различным показателям. Проведен некоторый сравнительный анализ качества жизни селян и горожан, позволяющий говорить о том, что разрыв между ними увеличивается.

Д. В. Окунев. Мотивационная программа в системе формирования устойчивых социально-трудовых отношений в организациях региона.

В статье рассматриваются основные направления создания эффективной системы мотивации как одного из важнейших элементов социально-трудовых отношений организации. Обобщены результаты исследований в области применяемой системы оплаты труда в организациях региона с позиции стимулирования трудовой активности. Предложен алгоритм формирования мотивационной программы предприятия.

Р. Р. Горчакова. Формирование имиджа современного руководителя.
В статье рассматривается понятие имиджа, представлена структура имиджа руководителя, рассмотрены основные виды имиджа и процесс его формирования.

В. П. Букин, Ю. В. Мананникова, О. П. Морозова. Трансформация института семьи в представлениях молодежи провинции.

Раскрывается понятие «семья» в качестве социального института, дан анализ семейного положения провинциальной молодежи и ее репродуктивных планов, приводятся результаты исследования эффективности демографической политики в Пензенской области.

У. А. Винник. Региональная реклама: проблемы внедрения инноваций.
В статье анализируется рынок региональной рекламы (его слабые и сильные стороны), а также рассматриваются ключевые инновационные формы рекламы, предпосылки их возникновения, преимущества и возможные проблемы использования.

Н. В. Никишова. Формы реализации демографической функции права.
В статье рассматриваются основные формы реализации демографической функции права (информационное, ориентационное и правовое регулирование). Показано, как они действуют в Республике Мордовия.

Л. А. Васильева. Медиа: отражение ретрансляции криминальной символики на Дальнем Востоке.

В статье рассматриваются функции СМИ в процессе политической мифологизации, обращается внимание на то, что мифы трансформируются в символы жизни, обуславливают систему ценностных ориентаций, предписывают правила социального поведения. Особое место занимает исследование СМИ, мифологизирующих и героизирующих криминал.

М. В. Аверьянова. Проблемы и перспективы развития страхового рынка региона.

В статье рассматривается состояние регионального страхового рынка в Республике Мордовия, анализируются тенденции его дальнейшего развития. Выявлены лидеры страхового рынка региона. Проведен анализ основных показателей регионального страхового рынка, разработаны меры по его совершенствованию.

В. И. Добрынина, А. С. Ляховец. Современное жилищное строительство и его особенности в Москве и Подмосковье.

В статье показана специфика градостроительства в России и выявлены особенности современного жилищного строительства в Москве и Подмосковье, которое становится зоной особого внимания власти и индустриальных строительных компаний.

К. Ю. Лашманкина. Приоритетные направления модернизации регионального туристского комплекса.

Исследование рынка туристских услуг в Республике Мордовия выявило ряд существенных барьеров, стоящих на пути его развития и модер-

низации. В соответствии с ними обозначены приоритетные направления модернизации рынка туристских услуг в регионе, рассматривается модель формирования регионального туристского продукта, проводится анализ существующих туристских фирм в регионе.

Н. Н. Говрякова, С. А. Ржанова. Демографический контекст социально-экономического развития финно-угорских народов.

В статье анализируется процесс демографического развития финно-угорских народов, особое внимание уделено социально-экономическому аспекту их развития.

Э. В. Персиянова. Евреи Оренбуржья: история заселения, проблемы этнокультурного развития.

В статье дан анализ истории расселения евреев в Оренбургской области, рассмотрены проблемы их этнокультурной развития.

Л. Ф. Айзятова. Модернизационные процессы в российском региональном социуме: сущность и динамика.

Анализируется содержание понятия «модернизация», а также рассматриваются региональные модернизационные процессы, происходящие в условиях глобализации и играющие существенную роль в развитии современного общества.

Т. С. Шикина. Динамика институционализации диалога.

В статье рассмотрена проблема институционализации диалога, обусловленная изменившимися общественными потребностями, которые не находят адекватного отражения в структуре и функциях соответствующих социальных институтов. Сделан вывод о необходимости развития функционирования общественных (диалогических) институтов как основных факторов и условий существования и развития общества.

В. И. Цыганкова. Неземледельческие занятия крестьян Спасского уезда Тамбовской губернии в последней четверти XIX в.

Статья посвящена неземледельческим занятиям крестьян Тамбовской губернии Спасского уезда последней четверти XIX в. Анализируются экономические причины широкого обращения жителей уезда к промыслам. Рассматривается промысловая деятельность населения, связанная с переработкой древесины, представлена география промыслов, их характеристика.

Т. В. Аксенова, Е. А. Кириллова. Жилище в обрядовой жизни русского населения Республики Мордовия.

В статье делается попытка выявить связь жилища русских, проживающих в Мордовии, с обрядовой культурой этноса. На полевом материале дан анализ степени сохранности обрядов русского населения Мордовии, связанных с жильем и хозяйственными постройками.

В. М. Привалова. Реализация культурного ритуала в материале орнамента.

Анализируются социально-психологические роли орнаментальной культуры, используемые для решения антропологических задач. Статья раскрывает, каким образом в орнаментальных посланиях используются природные формы и принципы их развития. Обращается внимание на то, что культура транслируется в символах, которые ее пронизывают. Орнамент рассматривается как знаково-символический ритуал, в котором происходит посвящение физического человека в социального (культурного).

ANNOTATIONS
Alexander I. Sukharev and Development of Regionology.**I. Z. Garafiev. Role of Innovative Human Capital in the Processes of Regionalisation and Globalisation.**

In the article it is offered to consider the notion of «the region» as a collective social entity possessing innovative human capital. Its development is one of the factors promoting regional success in the global competition.

V. A. Litvinov. Dualistic and Co-operative Federalism.

A brief characteristic of the dualistic and co-operative models as well as their positive and negative features are given in the article. Different points of view on these federalism models are presented.

I. N. Mineeva. Relation of Federalism and Regionalism in the Post-Soviet Period Cultural State Policy.

The specificity of the state cultural policy in the post-Soviet period, its levels and trends are considered through the appearance of new and changes in cultural institutions, forms and practices. Special attention is paid to the problem of interrelation between federalism and regionalism in the state cultural policy.

S. M. Vdovin, N. D. Guskova, E. A. Neretina. Conceptual Approaches to Sustainable Development of Social and Economic Systems.

The analysis of scientific views on the development of social and economic systems is presented in the article. Reasons, on the one hand, aggravating the problem of their sustainability from the point of view of observing centeredness of economic growth and increase in the level and life quality of the population and, on the other hand, preserving the environment are ascertained.

M. N. Kazakova. Regional Security in the System of National Security in Russia.

Problems in the formation of the strategy for regional security in Russia in the contents of the provision national security of the state are considered in the article. Basic approaches to understanding of the phenomenon of regional security with the account of specificity of the political and territorial structure of Russia are considered. The structure for the formation of the system of Russian regions security in the shape of the complex of economic, ecological, legal, geo-political and other conditions is offered.

E. A. Chernov. Resource Potential of Regional Interest Groups: Main Tendencies in the Formation and Application.

In the article it is shown that the resource potential of regional interest groups allows determining the positions of actors in the political space and forecasting their dynamics. Different types of political resources at the disposal of the regional interest groups are analysed. Basic models for actors' behaviour conditioned by the availability of these or those resource types and volumes are presented.

A. N. Silin, V. A. Yudashkin. Innovative Technologies for Social and Cultural Integration in the Tyumen Region as Factor for Increase in Population Life Level and Quality.

Problems in social and economic integration of the northern and southern districts of the Tyumen Region in the interest of the population life level and quality increase connected with the specificity of the region as the Russian Federation constituent entity comprising of the Yugra and the Yamalo-Nenets Autonomous District are considered in the article.

E. G. Karpova. Innovations Management with Game Theory Application.

Instruments for innovations management with the application of non-mathematical instruments of game theory in the conditions of competition intensification are determined.

A. L. Salagaev, S. A. Sergeev, L. V. Luchsheva. Public Opinion on Perspectives and Possibilities of Innovative Development in the Republic of Tatarstan.

The analysis of the results of the inquiry of the Republic of Tatarstan residents devoted to the problems and perspectives for the innovative development of the republic is presented in the article.

I. V. Petrov. Comparison of Strategies for Mono-Grads of State Significance Recovery (by the Example of Togliatti and Naberezhnye Chelny — the Volga Region Autograds).

Ways for the recovery of such centres of Russian automobile industry as Togliatti and Naberezhnye Chelny which are mono-orientated cities are considered in the article. A comparative analysis of strategic plans for the development of these mono-grads is presented.

A. V. Puzakov. Specificity of the Mechanism of Funding the British Devolved Administrations: the Barnett Formula.

The mechanism applied by the Treasury of the United Kingdom for automatic regulation of amounts of financing public expenditures of Scotland, Wales and Northern Ireland while changing amounts of public sector of economy financing either in England and Wales or in the whole territory of Great Britain are under research in the article. This mechanism has been called «the Barnett formula». Main reasons for the formula criticism and perspectives for its further application are determined.

S. A. Shchankin, A. F. Kuznetsov. Economic Institutions for Innovative System Formation in Russia.

The process of the innovative system formation in Russia is considered. Characteristics of two infrastructural centres — innograd «Skolkovo» and technopark «Mordovia» — are given. In the authors' view, the development of the country innovative system is the main objective for technopark structures formation.

S. V. Bulyarsky, A. O. Sinitsyn. Industrial Clusters in the Ulyanovsk Region.

In the article it is emphasised that industrial clusters aimed at the technologies commercialisation of the regional innovative enterprises are key elements for innovative infrastructure in the Ulyanovsk Region. Cluster policy implementation helps to overcome the problem connected with the delay in innovative technologies transfer in the territory of this region. By the example of the aviation cluster the advantage of cluster policy is underlined.

O. V. Smolanova. Indicative Analysis of Budget and Tax Security of Regional Municipal Entities.

The contents of the budget and tax security of municipal entities are highlighted in the article. For estimation of the level of the budget and tax security of municipal entities a system of indices is offered. The analysis of the dynamics of these indices allows characterising the existing state of local budgets. By the example of the Republic of Mordovia the typology of municipal entities by the level of the budget and tax security has been made.

I. B. Yulenkova. Methodology for Formation of the System for Entrepreneurship Development Financial Provision in the Conditions of Transfer to the Economy of Innovations.

Methodology for the formation of the system for entrepreneurship development financial provision is considered in the article. Characteristics of small entrepreneurship entities in the sphere of science and scientific service in the Republic of Mordovia are presented.

E. V. Zavartseva. Evaluation of Contextual Variables of the System for Regional Industrial Enterprises Projects Management.

A consolidated evaluation of basic contextual variables influencing the formation and functioning of the system for project management of an industrial organisation is made in the article. Key elements in the project management contents are marked; conditions for projects implementation in the Republic of Mordovia are analysed.

N. A. Dubrovina, A. P. Radchenko. Mechanisms for Technological Potential Management at Mechanic Engineering Enterprises.

The article is devoted to the search of structural and dynamic resources for mechanic engineering enterprises complex development. It appears that increase in innovative and technological potential in mechanic engineering is the basic factor for provision of high quality product and its competitive ability. Its development presupposes a precise conception of management mechanisms including those by functional feature from the point of view of the system approach on the different levels of the enterprise management.

O. I. Averina, A. A. Amelkina. Rating Estimation of Regional Economic Entities.

On the basis of the expert advice rating estimation of economic entities of the Republic of Mordovia is made. Their typology by financial circumstances is presented.

A. S. Afanasyeva. Problems in Domestic Agri-Industrial Complex Development: Regional Aspect.

An attempt to analyse problems arising in the development of the domestic agri-industrial complex in the comparison with the development of this sphere in the Republic of Mordovia is made.

O. I. Eremina. Risks Management in Regional Agrarian Sector.

The necessity for the development of insurance as instrument for risks management in agriculture is substantiated in the article. The development of agro-insurance market in the Republic of Mordovia is analysed. Foreign experience of risks management in the agrarian sector is considered.

S. V. Polutin, A. V. Sedletsky. Development of the Society Innovative Structure: Regional Aspect.

The essence and main components of the society innovative structure are shown in the article. The role of social and economic institutions in establishment of the rules for innovative processes participants' behaviour is brought to light. The analysis of economic and institutional, motivational, educational, organisational and managerial and geopolitical components of the society innovative structure is presented. Variants for national innovative system choice are considered.

V. Yu. Stolbov, M. B. Gitman, N. U. Venskovsky, S. I. Pakhomov. Criterial Model for Evaluation of Quality of Post-Graduates Training System with the Account of Their Professional Competences Formation.

On the basis of the theory of total quality management (TQM) a criterial model for post-graduates training quality: «the possibilities» and «the results»

of the system is presented. It is offered to apply a standard criterial model characterising quality of post-graduates training provision (quality of educational programmes and innovative environment of the University) for the evaluation of «the possibilities». A competence model characterising quality of each post-graduate readiness for professional activity is supposed to be applied for the evaluation of «the results».

A. V. Ostashkov, Yu. R. Kaneeva. Increase in Effectiveness of Additional Professional Education of Regional State Officials.

A process model for monitoring effectiveness of state civil officials educational programmes is presented in the article; a mechanism for its implementation promoting increase in its effectiveness is offered. The results of the approbation of the model developed in the Penza Region are analysed; measures for increase in effectiveness of state officials additional professional education programmes implementation are offered.

T. N. Klochkova. Evaluation of Professional Education of State and Municipal Officials by Regional Continuous Professional Education Academies Teachers.

On the basis of the analysis of the data of sociological researches problems in continuous professional education of state and municipal officials are analysed in the article. It is demonstrated that continuous purpose professional and educational training of state and municipal officials provides growth in their professionalism, increase in their competence, adaptabilities to new conditions, combination of strategic thinking and efficiency in their functional duties fulfilment.

I. A. Potapova. Form of Training Process Organisation as Factor of Education Quality: Regional Aspect.

On the basis of a sociological research conducted by the Volga-Vyatka Academy of State Service (Nizhny Novgorod) organisation of training process on the basis of the comparison of its different forms: semester, module and distance has been analysed.

I. N. Krutova. Education Financing in the Finno-Ugric Countries: Experience of Finland.

The analysis of education financing in Finland is presented in the article. This country possesses a rich cultural heritage of the Finno-Ugric type that is also characteristic of the Finno-Ugric republics of Russia. This fact preconditions the necessity of studying the experience of that country and its full or partial approbation on the republican level.

E. V. Eremina. Regional Identity in the Context of Sociological Analysis.

Main theoretical and methodical approaches to the research of the regional identity are analysed in the article. The necessity in sociological development of issues connected with the formation of the regional identity of the modern Russian society is substantiated.

L. Z. Fatkhullina. Problems and Perspectives for Population Life Quality Increase in Regional Rural Area.

On the basis of a sociological research conducted in the Republic of Tatarstan the analysis of rural population life quality by different indices is presented. A comparative analysis of life quality of the countrymen and the townspeople has been made. The results demonstrate that the gap between them is broadening.

D. V. Okunev. Motivational Programme in the System for Formation of Sustainable Social and Labour Relations in Regional Organisations.

Main trends in efficient motivation system development as one of the most important elements of social and labour relations in an organisation

are considered in the article. The results of the researches in the sphere of the applied wage system in regional organisations from the point of view of labour activeness stimulations have been summarised. The scheme for enterprise motivational programme formation is offered.

R. R. Gorchakova. Formation of Modern Manager Image.

The notion of the image is considered in the article; the manager image structure is presented; main types of the image and the process of its formation are treated.

V. P. Bukin, Yu. V. Manannikova, O. P. Morozova. Family Institution Transformation in Provincial Youth Perception.

The notion of «the family» is treated as a social institution; the analysis of the family status of the provincial youth and their reproductive plans is made; the results of the research of demographic policy pursued in the Penza Region are presented.

U. A. Vinnik. Regional Advertisement: Problems of Innovations Implementation.

The market of regional advertisement (its weak and strong aspects) is analysed in the article. Key innovative advertisement forms, preconditions for their appearance, advantages and possible problems in its application are considered.

N. V. Nikishova. Forms of Demographic Function of the Right Enforcement.

Basic forms of the demographic function of the right enforcement (informative, orientational and legal regulation) are considered in the article. The way they are in action in the Republic of Mordovia is demonstrated.

L. A. Vasilyeva. Media: Reflection of Criminal Symbolism Retranslation in the Far East.

Functions of mass media in the process of political mythologisation are considered in the article. Attention is paid to the fact that myths are transformed into symbols of life; they precondition axiological orientations systems and determine rules for social behaviour. The research of mass media, mythologising and heroising the crime, occupies a special place.

M. V. Averyanova. Problems and Perspectives for Regional Insurance Market Development.

The present state of the regional insurance market in the Republic of Mordovia is treated in the article; tendencies for its further development are analysed. Regional insurance market leaders are marked. The analysis of basic indices of the regional insurance market has been carried out; measures for its modernisation have been developed.

V. I. Dobrynina, A. S. Lyakhovets. Modern Housing Construction and Its Peculiarities in Moscow and the Moscow Region.

Specificity of urban development in Russia and peculiarities of modern housing construction in Moscow and the Moscow Region becoming the object of special attention of state power and industrial construction companies are presented.

K. Yu. Lashmankina. Priority Trends in Regional Tourist Complex Modernisation.

The research of tourist services market of the Republic of Mordovia has brought to light a number of considerable barriers hampering its development and modernisation. In accordance with them priority trends in modernisation of the tourist services market in the region are determined. The model for the regional tourist product formation is considered. The analysis of tourist companies existing in the region is carried out.

N. N. Govryakova, S. A. Rzhanova. Demographic Context of Social and Economic Development of the Finno-Ugric Peoples.

The process of demographic development of the Finno-Ugric peoples is analysed in the article. Special attention is paid to the social and economic aspect of their development.

E. V. Persiyanova. Jewish People of the Orenburzhye: History of Settlement, Problems in Ethno-Cultural Development.

The analysis of the history of settlement of the Jewish people in the Orenburg Region is presented in the article; problems in their ethno-cultural development are considered.

L. F. Aizyatova. Modernisational Processes in the Russian Regional Socium: Essence and Dynamics.

The contents of the notion «modernisation» are analysed. Regional modernisational processes taking place in the conditions of modernisation and playing an essential part in the development of the modern society are considered.

T. S. Shikina. Dialogue Institutionalisation Dynamics.

The problem of the dialogue institutionalisation conditioned by the altered public needs having no adequate reflection in the structure and functions of the corresponding social institutions is considered in the article. The conclusion on the necessity of the development of functional public (dialogue) institutions as basic factors and conditions for the existence and the development of the society is made.

V. I. Tsygankova. Non-Agricultural Occupations of the Spass Uezd of the Tambov Province Peasants in the Last Quarter of the XIX Century.

The article is devoted to the non-agricultural occupations of the Spass Uezd of the Tambov Province peasants in the last quarter of the XIX century. Economic reasons for the broad address of the crafts by the population are analysed. The population craft activities connected with wood processing are treated. The geography of the crafts as well as their characteristics are presented.

T. V. Aksenova, E. A. Kirillova. Dwelling in the Ritual Life of the Russian Population in the Republic of Mordovia.

An attempt to determine the connection between the dwelling of the Russians residing in Mordovia and a ritual culture of the ethnos is made in the article. On the basis of the field data the analysis of the preservation degree of the rites of the Russian population of Mordovia connected with the dwelling and household outbuildings is presented.

V. M. Privalova. Cultural Ritual Realisation in the Ornament Material.

Social and psychological roles of the ornament culture applied for anthropological challenges satisfaction are analysed. The article explains how natural forms and principles of their development are applied in ornamental messages. The attention is concentrated upon the fact that the culture is transliterated through symbols penetrating it. The ornament is treated as a symbolic ritual in which the physical human being is sanctified in the social (the cultural) substance.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Требования к статьям, предоставляемым для публикации в научно-публицистическом журнале «Регионология»

1) Рецензируемый научно-публицистический журнал «Регионология» публикует результаты оригинальных научных исследований. Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Изложение материала должно быть ясным, без длинных введений и повторов, с разъяснением узкоспециальных терминов.

2) К статье должен быть приложен отзыв на статью от лица, имеющего ученую степень доктора экономических, философских, социологических, политических наук, а также доктора культурологии (в соответствии с тем научным направлением, по которому писалась статья), из организации, где выполнялась работа. Рецензирующий данную статью доктор наук не может быть ее автором (соавтором), однако может являться научным руководителем автора(ов).

3) Объем статьи не должен превышать 12 страниц, рецензии — 6 стр. Большой объем материалов допускается по решению редакционной коллегии журнала.

4) Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

5) Все материалы должны быть предоставлены в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть точной копией электронного варианта. В противном случае редакция журнала вправе отклонить публикацию статьи.

6) В первой строке указываются инициалы и фамилия автора(ов) (выравнивание по правому краю).

7) Во второй строке приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

8) В третьей строке указываются ключевые слова статьи (выравнивание по ширине). Каждое ключевое слово отделяется от другого точкой с запятой. Ключевые слова приводятся на русском языке.

9) В четвертой строке приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и учебное заведение / место работы, домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail (выравнивание по ширине). Если авторами статьи являются несколько человек, то информация дается о каждом авторе. Учебное заведение / место работы даются полным названием без каких-либо аббревиатур.

10) Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

11) Количество таблиц должно соответствовать объему предоставляемой информации. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, заголовки должны точно соответствовать содержанию графа. В статье на каждую таблицу должна быть обязательная ссылка. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

12) Формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation и вставлены в текст по формату абзаца. Формулы следует нумеровать. Если формула единственная, то в ее нумерации нет необходимости.

13) Количество рисунков (графиков, схем) должно соответствовать объему предоставляемой информации. Каждый рисунок должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

14) В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

15) После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная вручную. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и

место издания, конкретные страницы. В противном случае ссылка, а также текст, связанный с ней, будут удалены из статьи. Каждый источник следует напечатать с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

16) Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Интернет-сайт: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии).

Примеры¹:

14. Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

16. Валукин М.Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М.: ГИТИС, 2006. 251 с.

28. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования; под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

24. О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненец. авт. окр. от 19 мая 2006 г. № 721-ОЗ: принят Собр. депутатов Ненец. авт. окр. 12 мая 2006 г. // Няръяна вындер (Крас. тундровик) / Собр. депутатов Ненец. авт. окр. — 2006. — 24 мая.

Повторные библиографические ссылки

22. Новикова З.Т. История экономических учений. С. 187–192.

34. Бурмистрова Н.А. Производная функция ... С. 36.

77. Правовые основы российского государства. Ч. 1. С. 156–158.

4. Пат. 21974412 Рос. Федерация. С. 2.

¹ Даны примеры затекстовых библиографических ссылок, представленных в ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М.: Стандартинформ, 2008. С. 16–18. Информация взята с сайта Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (дата обращения: 28.01.2009).

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

¹ Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

45. Энциклопедия животных Кирилла и Мефодия. М.: Кирилл и Мефодий: New media generation, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Библиографические ссылки на архивные документы

42. Полторацкий С.Д. Материалы к «Словарю русских псевдонимов» // ОР РГБ. Ф. 223 (С.Д. Полторацкий). Картон 79. Ед. хр. 122; Картон 80. Ед. хр. 1–24; Картон 81. Ед. хр. 1–7.

17) После примечаний через одну строку приводится краткая аннотация статьи (8–10 строк) на русском языке (выравнивание по ширине).

18) К статье должна быть приложена черно-белая или цветная фотография автора без уголка и дефектов, размер 3 x 4 см. Если статья написана несколькими людьми, предоставляется фотография каждого автора. Электронное предоставление фотографии допускается в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки в графических редакторах. Электронная версия фотографии предоставляется отдельным от текста статьи файлом. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

19) Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать материалы, содержание которых не соответствует тематике журнала. Статьи, оформленные с существенными техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажирами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

20) Статьи редактируются и не возвращаются. По вопросам, касающимся отклонения статьи, редакция журнала дает обоснованный ответ в письменной и устной формах.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.09.11. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,57. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 1508.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.